
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295071 5

Иванъ Сергѣевичъ
АКСАКОВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПИСЬМА

къ М. Ѳ. Раевскому, къ А. Ѳ. Тютчевой, къ графинѣ А. Д. Блудовой, къ Н. И. Костомарову, къ Н. П. Гилярову-Платонову.

1858—86 г.г.

Со снимками съ писемъ Ивана и Константина Сергѣевича, Вѣры Сергѣевны Аксаковыхъ и матери ихъ Ольги Семеновны.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ
1896

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13 

Изданіе собранія писемъ Ивана Сергѣевича Аксакова предпринято было вдовою его, Анной Ѳедоровной (урожденной Тютчевой), вслѣдъ за окончаніемъ ею печатанія полнаго собранія статей его. Въ 1888 году вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ“ первые два тома первой части собранія писемъ. — Послѣ кончины Анны Ѳедоровны Аксаковой, послѣдовавшей 2-го августа 1889 года, остался приготовленный къ печати оригиналъ третьяго тома этой же первой части, которая по первоначальному плану Анны Ѳедоровны назначена была подъ переписку съ родными. Этотъ 3-й томъ первой части, печатавшійся подъ наблюденіемъ О. Г. Аксаковой, вышелъ въ концѣ 1892 г. съ помѣткой на заглавномъ листѣ: „третій и послѣдній томъ“, которымъ, какъ пояснено въ послѣсловіи (стр. 514), „исчерпывается вся семейная переписка Ивана Сергѣевича Аксакова“.

Принявъ въ даръ отъ Даріи Ѳедоровны Тютчевой, въ концѣ того же 1892 г., право литературной собственности на сочиненія и письма Ивана Сергѣевича Аксакова—Императорская Публичная Библіотека приняла и обязательство дальнѣйшаго изданія ихъ, по мѣрѣ того, какъ позволитъ это наличность денежныхъ средствъ на это предназначенныхъ, а также выручаемыхъ отъ продажи сочиненій Ивана Сергѣевича Аксакова.

Выполняя это обязательство, Императорская Публичная Библіотека выпускаетъ нынѣ въ свѣтъ въ 10-тую годовщину кончины Ивана Сергѣевича Аксакова († 27-го января 1886 года), новый томъ писемъ его и

начинаетъ этимъ томомъ вторую часть собранія его писемъ. Чтобы не нарушить общей нумераціи томомъ этого изданія—настоящій томъ помѣченъ „четвертымъ томомъ“.

Императорская Публичная Библіотека считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность Даріи Ѳедоровнѣ Тютчевой, профессору Ивану Васильевичу Помяловскому и князю Николаю Владиміровичу Шаховскому, предоставившимъ для настоящаго изданія имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи письма Ивана Сергѣевича Аксакова—а также Ольгѣ Григорьевнѣ Аксаковой, сообщившей выдержки изъ „Дневника“ Вѣры Сергѣевны и изъ отрывочныхъ замѣтокъ Любовь Сергѣевны Аксаковыхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
27-го января 1896 г.

ПИСЬМА
Ивана Сергѣевича
АКСАКОВА

ПИСЬМА

КЪ

о. М. Ѳ. РАЕВСКОМУ

1858—1877 гг.

1.

22 Іюня 1858 г. Москва.

Многоуважаемый Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Пользуюсь случаемъ напомнить вамъ о себѣ и о вашемъ обѣщаніи. Въ чемъ состояло обѣщаніе, я вамъ сейчасъ объясню, но сначала—пару словъ о посылаемомъ счетѣ. Вы доставили Алд. Ив. списокъ книгъ, вамъ нужныхъ. Кошелевъ, уѣзжая въ деревню, передалъ мнѣ, вмѣстѣ съ редакціей Р. Бесѣды, и ваше порученіе. Я его исполнилъ; изъ 26 «званій» недостаетъ только двухъ—именно: путешествія Григоровича (его вовсе нѣтъ) и комедіи: «Мужъ въ тискахъ». Книги отъ Базунова отправлены по почтѣ въ Канцелярію Намѣстника Ц. Польскаго—для пересылки къ вамъ въ Вѣну. Вотъ вамъ и подлинный счетъ Базунова.

Послѣ долгихъ хлопотъ удалось наконецъ мнѣ возвратить себѣ гражданскія права въ литературѣ, которыхъ я былъ лишенъ покойнымъ Императоромъ. Я получилъ дозволеніе и съ

Октября сего года начинаю издавать отъ своего имени еженедѣльную газету подъ названіемъ «Парусъ». Интересы славянскіе, само собою разумѣется, будутъ играть въ этой газетѣ важную роль. До сихъ поръ свѣдѣнія о славянахъ были передаваемы большею частью въ формѣ научной, въ видѣ ученыхъ изслѣдованій, и мало были доступны массѣ публики. Этотъ предметъ необходимо популяризировать, этому можетъ способствовать моя газета, но только въ такомъ случаѣ, если вы примите въ дѣлѣ живое непосредственное участіе. Мнѣ необходима еженедѣльная корреспонденція изъ славянскихъ странъ, такъ чтобъ въ одномъ № было письмо изъ Сербіи, въ другомъ—изъ Болгаріи, въ 3-мъ—изъ Богеміи, въ 4-мъ—изъ Далмаціи, въ 5-мъ—изъ Галиціи и т. д.

Только такимъ способомъ славянскій вопросъ пріобрѣтетъ популярность въ Россіи, сдѣлается вопросомъ близкимъ нашему купечеству и вообще грамотному простому люду. А я достовѣрно знаю, что у меня будутъ читатели въ Гостиныхъ Московскихъ рядахъ, въ лавкахъ и т. п. Теперь же цензура не стѣсняетъ насъ въ разсужденіяхъ о политикѣ, или, по крайней мѣрѣ, очень мало. Австрію ругать дозволяется, сколько угодно.—Нужно живыхъ, живыхъ, горячихъ писемъ, пусть будутъ они хоть и коротенькія. Можно писать ихъ и изъ Вѣны, помѣчая—то Бухарестомъ, то Бѣлградомъ и т. д.—Адресовать ихъ слѣдуетъ «въ Редакцію Русской Бесѣды» въ Москву, вотъ и весь адресъ, а внутри, на статьѣ, ставить: для «Паруса».—Могутъ, пожалуй, писать ихъ и по Чешски и по Сербски—у насъ есть переводчики.—Кстати, скажите—какъ пересылать вамъ еженедѣльную газету? И сколько экземпляровъ? Въ видѣ письма—неудобно и дорого.

Если бы посольство подписалось въ Вѣнскомъ Почтамтѣ, хоть бы на одинъ экземпляръ,—то Почтамтъ сообщилъ бы объ этомъ Московской Газетной Экспедиціи, и тогда, вмѣсто одного экземпляра, я посылалъ бы ихъ два или три, сколько нужно, въ одномъ пакетѣ. Вообще газетныя экспедиціи въ Россіи только тогда пересылаютъ русскія газеты за границу на газетномъ правѣ, а не какъ письма, когда на нихъ подписываются въ заграничныхъ почтамтахъ.

Контора «Русской Бесѣды» будетъ соединена съ конторою «Паруса» подъ моимъ общимъ управленіемъ. И потому досто-

уважаемый Михаилъ Өеодоровичъ, мой адресъ: Ив. Серг. Аксакову въ редакцію «Русской Бесѣды».

Письмо это не франкирую—извините, что ввожу васъ въ убытокъ. Но думаю, что нефранкированное письмо вѣрнѣе дойдетъ.

Преданный вамъ всей душой Ив. Аксаковъ.

2.

23 Августа 1858 г. Москва.

Драгоцѣннѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

На письмо ваше ко мнѣ и на письмо ваше же къ Ал. Ив. Кошелеву, я не отвѣчалъ раньше потому, что хотѣлъ написать вамъ, когда устроюсь съ конторой «Русской Бесѣды», «Сельскаго Благоустройства» и «Паруса». Я уже писалъ вамъ, что, по случаю назначенія Ал. Ив. Кошелева депутатомъ въ Рязани, редакція «Бесѣды» (но не оффиціально, и славянамъ, пожалуй, о томъ и объявлять нечего) перешла ко мнѣ [1]). «Бесѣда» будетъ издаваться съ 1859 года въ 6 книгахъ, а не въ 4-хъ; въ ней я предполагаю открыть особый Славянскій Отдѣлъ и съ большею системой повести дѣло. «Парусъ» поднимаю съ 1-го Января. Посылаю вамъ проектъ Славянской Конторы (дайте, если хотите, другое названіе). Прочтите его и сдѣлайте ваши замѣчанія. Разумѣется изъ этого проекта не все будетъ напечатано, и именно то, что идетъ послѣ знака A, не подлежитъ печатанію: это такъ, для насъ. Посылаю вамъ письма, которыя прошу раздать и разослать по принадлежности. Вы сами знаете, кого еще можно пригласить. Напишите мнѣ, какъ великъ нашъ фондъ и гдѣ онъ хранится, у кого? Если это васъ не затруднитъ, то на будущее время увѣдомляйте, пожалуйста, сколько за какую статью вами дано, ибо у насъ особое счетоводство по «Парусу» и особое по «Бесѣдѣ», слѣдовательно и необходимо намъ знать, помѣщая статьи то въ «Парусѣ», то въ «Бесѣдѣ», сколько какая статья стоитъ. Сколько же давать, предоставляется совершенно вашему усмотрѣнію: вы иногда вѣдь можете принять въ

[1]) «Сельское Благоустройство» остается за Ал. Ив., который, редактируя его въ Рязани, присылаетъ въ Москву въ контору для печатанія. Всѣ три конторы подъ моимъ управленіемъ.

соображеніе разныя домашнія обстоятельства автора: иному можно иногда дать и больше, иному и меньше. Всѣ эти господа могутъ писать на своихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и на нѣмецкомъ языкѣ; у насъ будутъ переводить. Также потрудитесь увѣдомить—кому именно вы раздаете «Бесѣду», чтобъ намъ не посылать ее вдвойнѣ. Я вошелъ въ сношенія съ Обществомъ Черноморскаго Пароходства; оно будетъ привозить всегда 10 экземпляровъ «Бесѣды» и «Паруса» въ Тріестъ, къ Андр. Яковл. Павлову, своему агенту, очень хорошему господину. Напишите пожалуйста—какъ лучше воспользоваться этимъ пунктомъ и этимъ агентомъ. Велите вашимъ знакомымъ изъ той стороны способнымъ быть корреспондентами «Русской Бесѣды»—отдавать свои письма Павлову, который будетъ мнѣ ихъ пересылать съ пароходами, черезъ Одессу. Также устраиваю непосредственныя сношенія съ Бѣлградомъ помимо Австріи, черезъ Галацъ. Объявленіе о Конторѣ, кажется, мнѣ достаточно застраховано отъ подозрѣній словами: «Для ученолитературныхъ сношеній», и другими, что контора отвѣчаетъ только на письма, не касающіяся политики. Разумѣется, это сказано только такъ, для Австріи.—Пожалуйста, завяжите сношенія «Русской Бесѣды» съ Венгріей. Кажется Мадьяры начинаютъ сознавать, что ихъ политическое бытіе тѣсно связано съ независимостью Славянскихъ племенъ; во всякомъ случаѣ эту мысль имъ надо внушать и мы ее постоянно будемъ проводить въ «Парусѣ» и въ «Бесѣдѣ». Я уже заказалъ «Обозрѣніе Венгерской литературы», но вы съ своей стороны заказывайте еще статей о Венгріи, описаніе ея, численное отношеніе Славянъ къ Мадьярамъ. Велите кому нибудь изъ венгерскихъ хорватовъ перевести статью В. А. Елагина (Мѣсто Венгровъ въ исторіи) въ 1-мъ томѣ Бесѣды 1858 года.—Само собою разумѣется, что за корреспонденцію надобно платить, а сколько—назначьте сами. Вамъ же, если вы согласны, мы будемъ платить 50 р. сер. за печатный листъ, т. е. какъ скоро коротенькія письма напечатанныя составятъ вмѣстѣ 1 листъ. Это у насъ высшая цѣна въ Россіи. Впрочемъ, ради Бога, не церемоньтесь, и скажите—сколько слѣдуетъ. Вамъ слѣдуетъ больше, ибо вы не мало своихъ собственныхъ денегъ кладете на Славянское дѣло. На счетъ корреспонденціи поступайте, какъ лучше: посылайте на имя Гильфердинга въ С.-Петербургъ съ курьерами, да вотъ

бѣда, что курьеры то рѣдки! Пусть Павловъ увѣдомляетъ васъ о каждомъ пароходѣ Общества, отходящемъ въ Одессу изъ Тріеста.—Если курьеры въ Вѣну ѣздятъ рѣдко, то въ Берлинъ довольно часто. Не можетъ ли вамъ новый Берлинскій священникъ устроить дѣло.—Теперь вышла на дняхъ «Русская Бесѣда» томъ 3-й;—ее, вмѣстѣ съ разными книгами, мы посылаемъ въ Варшаву, но скоро ли оттуда оказія къ вамъ! Это ужасно! Нѣтъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, нечего и думать о книжной торговлѣ. Предложеніе г. Лебена ни съ чѣмъ несообразно: платили ему 40%, да еще расходы пересылки на счетъ русскихъ. Что же останется! Да еще цензура и таможня [1]).—Я думаю устроить депо русскихъ книгъ у книгопродавца въ Тріестѣ. Тамъ есть, кажется, нѣкто Мюнстеръ. Мнѣ та выгода, что доставка туда будетъ производиться даромъ на пароходѣ,—мнѣ лишь придется заплатить за доставку въ Одессу, что дешевле, чѣмъ въ Варшаву. Да Тріестъ и портофранко къ тому же. А у васъ, чай, съ Тріестомъ сношенія частыя.

Сдѣлайте одолженіе, немедленно вышлите мнѣ для «Паруса» хоть начало корреспонденціи, письма изъ разныхъ мѣстъ, чтобъ было съ чѣмъ начать и пуститься въ путь, чтобъ сразу публика увидѣла, что мы держимъ свои обѣщанія. Потомъ старайтесь, чтобъ по каждому племени была обстоятельная корреспонденція, чтобы читатели дѣйствительно получали вѣрное и по возможности полное познаніе о каждомъ Славянскомъ племени.

И такъ вотъ вамъ resumé изъ моего письма:

1) Немедленно распорядиться корреспонденціей и немедленно начать мнѣ высылку ея для «Паруса» черезъ Гильфердинга, а также черезъ всѣ вѣрныя оказіи.

2) Немедленно сообщить мнѣ всѣ ваши замѣчанія на счетъ проекта Славянской конторы. При чемъ нужнымъ считаю вамъ сообщить, что этотъ проектъ я въ правѣ осуществить безъ всякаго особаго разрѣшенія Правительства, и что я объявленіе объ этой конторѣ, равно и объявленіе объ изданіи въ 1859 году «Бесѣды» и «Паруса» перевожу на всѣ славянскія нарѣчія и печатаю: на Чешскомъ 100 экз., на Сербскомъ 300 экз., на Болгарскомъ 100 или 50 экз., можетъ еще на Хорватскомъ нарѣчіи,

---

[1]) Изъ русскихъ книгопродавцевъ ни одинъ на это дѣло не пойдетъ; всѣ они у насъ дрянь.

на Польскомъ 300. Значительную всего сего массу пришлю къ вамъ, а вы разошлите.

3) Укажите мнѣ коммиссіонеровъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ, т. е. такихъ, на имя которыхъ бы я могъ высылать книги и газеты. Черезъ васъ только дѣйствовать—боюсь васъ компрометировать. Нѣтъ ли подставного лица? Напр. мы должны бы сказать — куда, къ кому жители извѣстныхъ славянскихъ мѣстностей должны обращаться за полученіемъ газетъ, журналовъ и книгъ. Какъ устроить банкирское дѣло? Съ вами и съ Павловымъ въ Тріестѣ это легко.

4) Выслать мнѣ свѣдѣнія о количествѣ и устройствѣ фонда «Р. Бесѣды». А. И. Кошелевъ пишетъ мнѣ, что онъ отправилъ вамъ письмо, уполномочивающее васъ производить расходы по моимъ требованіямъ.

5) Выслать свѣдѣніе — кому именно раздается «Бесѣда».

6) Заказать статьи: 1) обозрѣніе Славянской журналистики въ 1858 г., 2) обозрѣніе Славянскихъ литературъ въ 1858 г. 3) обозрѣніе Венгерской литературы и журналистики; 4) описаніе народнаго быта въ Чехіи и у Хорватовъ. На этотъ послѣдній предметъ обратите вниманіе Австрійскихъ Славянъ. — Въ письмахъ изъ Бѣлграда насъ благодарятъ за то, что мы заставили Сербовъ обратиться сознательно къ сущности славянскихъ началъ и вслѣдствіе сего Миличевичъ прислалъ намъ превосходную статейку о семейной общинѣ (задругѣ) у Сербовъ. Ваши славянскіе ученые въ Прагѣ — похожи на нѣмецкихъ гелертеровъ, все горожане. Покуда они будутъ рыться въ археологической пыли, народные обычаи, хранящіе сущность славянскую, будутъ все изчезать. Надо обратиться къ нимъ, изучать ихъ и поддерживать тѣ, которые важны. Напр. необходимы свѣдѣнія о внутреннемъ устройствѣ селъ и деревень въ Чехіи, Моравіи, у Хорватовъ и пр. Есть ли общинное управленіе, землевладѣніе, какъ переходитъ наслѣдство и пр. Словомъ, старайтесь Славянъ вашихъ изъ области ученоотвлеченной перевести на живую почву, заставьте ихъ изучать не только памятники древней Славянской письменности, а живой народъ, его обычаи, преданія и вѣрованія. Вотъ что важно. Вотъ темы для статей богатыя: 1) о состояніи сельскаго хозяйства и о способахъ воздѣлыванія земли у разныхъ Славянскихъ племенъ; 2) о современномъ положеніи крестьянскаго сословія въ Галиціи и

объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ (въ пользу крестьянъ должна быть писана, а не помѣщиковъ); 3) о народномъ бытѣ Чеховъ. Интересно знать—можетъ у нихъ сохранилось не мало Гусситскихъ обычаевъ и вѣрованій? 4) о народныхъ юридическихъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ: народный судъ, наслѣдство, и проч.; 5) объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ во всѣхъ Славянскихъ племенахъ. Насъ теперь этотъ вопросъ очень интересуетъ, какъ увидите изъ «Сельскаго Благоустройства.»—Если появится въ свѣтъ какая-нибудь повѣсть, романъ и т. п. Славянскій — замѣчательный, укажите намъ, чтобы мы могли перевесть и напечатать. Срезневскій мнѣ говорилъ съ восторгомъ о какомъ-то Славянскомъ ботаникѣ или зоологѣ. 6) Если у васъ подъ рукою есть люди, способные переводить на русскій языкъ съ славянскаго какого-либо, или Мадьярскаго нарѣчія, употребите ихъ въ дѣло. Мы платимъ за переводъ рубл. 15. сер. съ листа.

Это письмо я, чтобы не терять времени, пошлю къ вамъ немедленно, черезъ министерство. Что-же касается до писемъ ко всѣмъ этимъ господамъ, то, изготовивши, дамъ ихъ пересмотрѣть А. Ѳ. Гильфердингу, который теперь гоститъ у Хомякова подъ Тулой, но на дняхъ будетъ въ Москву, и потомъ пришлю ихъ къ вамъ незапечатанными, а вы поступите съ ними по вашему усмотрѣнію.—На дняхъ высылаю къ вамъ черезъ Варшаву—40 экз. «Бесѣды», книги, въ вашемъ спискѣ означенныя, еще разныя книжки, и 5 экземпляровъ моего «Изслѣдованія объ Украинскихъ ярмаркахъ»: одинъ вамъ, другой Ганкѣ, третій пошлите въ Бѣлградъ, а съ прочими поступите какъ лучше. Со Стригой— увы — дѣло идетъ плохо, несмотря на всѣ наши старанія. Великій Князь Константинъ Николаевичъ рѣшительно отказался его принять. Онъ скоро ѣдетъ за границу, т. е. Великій Князь... Директоръ театра объявилъ, что не можетъ принять оперу на сцену, что ее нужно перевести, росписать партитуры, процензуровать и проч. и что наша русская оперная труппа слишкомъ слаба для этой оперы. Къ тому же теперь время глухое, никого нѣтъ. Зимою, общество въ сборѣ, можно устроить концерты, напечатать въ газетахъ, словомъ такъ заставить говорить объ этой оперѣ, что правительство поневолѣ бы ее взяло, но Стригѣ трудно ждать, да и нечѣмъ жить. Вообще, такъ какъ славянами интересуются немногіе (авось либо «Парусъ», съ вашею по-

мощью, сдѣлать вопросъ Славянскій популярнымъ), то на долю этихъ немногихъ приходится много жертвовать на Славянъ. Вы себѣ представить не можете сколько въ настоящее время здѣсь Славянъ — пріѣхавшихъ за деньгами. А правительство не даетъ ни копѣйки! И купцы также ни копѣйки! Стрига проситъ за оперу 5,000 р. с. Трудно частнымъ лицамъ дать такую сумму особенно въ настоящее, критическое для помѣщиковъ время. Впрочемъ, авось либо удастся что нибудь чрезъ Императрицу. Прощайте, дорогой и любезный Михаилъ Өеодоровичъ. Будьте здоровы, и да пошлетъ вамъ Богъ нужныя силы для вашей полезной дѣятельности. Крѣпко васъ обнимаю и съ нетерпѣніемъ буду ждать письма отъ васъ. Пожалуйста присылайте скорѣй корреспонденцію. Помните, что здѣсь мы ничего не знаемъ и всякое свѣдѣніе намъ интересно. Сколько прикажете вамъ высылать «Паруса»? Экземпляровъ 50, или 75, или 100? Я съ своей стороны готовъ на все, только помогайте вы мнѣ. Преданный вамъ всею душою

Ив. Аксаковъ (NB. Я—Иванъ Сергѣевичъ, а не Тимоѳеевичъ; отца моего зовутъ Сергѣй Тимоѳеевичъ).

Мой адресъ: просто И. С. Аксакову — въ Москву, въ редакцію «Р. Бесѣды».

3.

9-го Сентября 1858 г. Москва.

Почтеннѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

Посылаю вамъ: во 1-хъ, 20 экземпляровъ циркулярнаго Болгарскаго письма, здѣсь у насъ напечатаннаго. Оно, какъ видите, написано въ примирительномъ духѣ, и, кажется, не можетъ никого компрометировать. 60 экземпляровъ уже отправились въ Болгарію съ оказіей, и не безъ толку; на дняхъ отправился туда Ал. В. Рачинскій, умный и прекрасный человѣкъ, посвятившій себя исключительно попеченіямъ о Болгаріи. Эти же 20 экземпляровъ посылаются вамъ для раздачи, по вашему усмотрѣнію; во 2-хъ, письма: къ о. Войтковскому, къ Ганкѣ. Еще написаны мною разныя пригласительныя письма къ разнымъ консуламъ, которыя разошлются прямо изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не бойтесь — они никого компроме-

тировать не могутъ; политика въ нихъ устранена. Къ сожалѣнію, не могу вамъ послать теперь объявленія о Славянской Конторѣ: оно значительно исправлено, переведено на Сербскій, Чешскій, Болгарскій и Польскій языки и теперь на этихъ языкахъ печатается. Когда будетъ готово, пришлю вамъ достаточное количество экземпляровъ, вы скажете: эка, вздумалъ заводить контору, когда сношенія не устроены, и проч. А я скажу: лиха бѣда начать. Надо начать, а тамъ кой какъ и обработается, и пойдетъ дѣло. Авось, попробуемъ. Хочу устроить вѣрныя сношенія, минуя Австрію, чрезъ Галацъ; устраиваю агентство въ Тріестѣ. Подалъ прошеніе о дозволеніи получать Славянскія изданія на имя «Р. Бесѣды» и «Паруса» — безъ цензуры и таможенныхъ проволочекъ. А покуда — вы, драгоцѣннѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ, остаетесь единственнымъ центромъ. Вы имъ и должны остаться въ смыслѣ нравственномъ. Если же всѣ сношенія будутъ производиться черезъ васъ, то мы можемъ скоро повредить вамъ, чего Боже сохрани! Посылаю вамъ также въ рукописи циркулярное письмо къ славянскимъ ученымъ и литераторамъ, написанное мною по русски и переведенное на Сербскій, Чешскій (А. О. Гильфердингомъ) и Польскій языки. Оно теперь печатается и потомъ я вамъ пришлю на всѣхъ языкахъ экземпляровъ хоть по 200.

На дняхъ выйдетъ 8 книжка «Сельскаго Благоустройства», и тогда отправится къ вамъ громадная посылка на Варшаву— «Р. Бесѣды» 3 книги—40 экз. и «Сельскаго Благоустройства» 2 экз.; сверхъ того—книги, требуемыя вами по списку, — еще нѣкоторыя лишнія книги, у меня имѣющіяся, два экземпляра моихъ описаній «Ярмарокъ» одинъ Вамъ, другой Ганкѣ. Другого вамъ средства нѣтъ, какъ присылать въ Варшаву пѣвчаго за книгами.

Я къ вамъ писалъ недавно весьма пространно о своихъ предположеніяхъ, но отвѣта еще не получалъ.

Прота Сербскій, кажется, очень доволенъ своимъ посѣщеніемъ; о Стригѣ хлопочемъ. Опунчъ также теперь здѣсь, но попалъ въ самое неблагопріятное время. Погода гнусная, лѣто кончилось, а зимній сезонъ не начался. Москва совершенно пуста пустехонька. И это вы знайте всегда, что лѣтомъ путешественники общества не увидятъ. Теперь еще общество не съѣхалось. Впрочемъ — нынѣшнюю зиму также будетъ пусто въ

Москвѣ по случаю эманципаціи: дворяне въ своихъ губерніяхъ. Нашъ кругъ совсѣмъ разстроился: Кошелевъ — депутатомъ и проводитъ зиму въ Рязани; Самаринъ — депутатомъ въ Самарѣ, Кн. Черкасскій — депутатомъ въ Тулѣ; Елагинъ (Н. А.) также въ Тулѣ; Бартеневъ за границей. Ѳ. В. Чижовъ совсѣмъ поглощенъ заботами по своему журналу «Вѣстнику Промышленности». Хомяковъ только въ декабрѣ пріѣдетъ въ Москву.

Цензура стала свободнѣе.

Прощайте, обнимаю васъ отъ всей души и жду, жду — не дождусь отвѣтовъ, статей, замѣчаній и проч. и проч. и проч. Будьте здоровы.

Преданный вамъ Ив. Аксаковъ.

4.

14 Сентября, 1858 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Алекс. Ѳеодоровичъ (Гильфердингъ), составляющій Обозрѣніе судебъ прошлыхъ и настоящихъ Славянскихъ племенъ для «Р. Бесѣды» (онъ вамъ подробно писалъ объ этомъ), сообщилъ мнѣ ваше письмо къ нему, гдѣ между прочимъ вы пишите о Черникѣ. Сдѣлайте милость заплатите за эту книгу сколько нужно изъ фонда «Бесѣды», и вообще, какія понадобятся для этой работы книги и карты Александру Ѳедоровичу Гильфердингу, по указанію его покупайте и высылайте на счетъ «Бесѣды». Жду отъ васъ подробнаго отвѣта на свои письма.

Г. д-ру Клупу потрудитесь уплатить 7 талеровъ, которые онъ считаетъ за нами въ долгу—по статьѣ его напечатанной прежде въ «Р. Бесѣдѣ». Прочія его статьи появятся у насъ въ 1 и во 2-й книгѣ «Р. Бесѣды» 1859 года. Раньше нельзя было. Теперь печатается 4-ая книга. Онъ проситъ также денегъ впередъ. Такъ какъ его статей ненапечатанныхъ у насъ теперь листовъ на 6, то Вы и можете дать ему впередъ по вашему усмотрѣнію. Самъ теперь ему не пишу, потому что некогда.

Прощайте покуда, почтеннѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ. До слѣдующаго раза.

Преданный вамъ Ив. Аксаковъ.

5.

9 Октября, 1858 г. Москва.

Я рѣшительно смущаюсь тѣмъ, что не получаю отъ Васъ отвѣта, почтеннѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ. Пишу, пишу— нѣтъ отзыва! — Посылаю вамъ счетъ отъ Свѣшникова (книгопродавца) книгъ, отправленныхъ къ вамъ черезъ Варшаву, вмѣстѣ съ 30 экземплярами «Р. Бесѣды» и двумя «Сельскаго Благоустройства». Вы жалуетесь, что не получаете во время нашихъ изданій. Въ этомъ виноваты не мы. Мы всегда немедленно исполняемъ ваши порученія, но курьеры не могутъ съ собой тащить огромныхъ грузовъ. — Я просилъ васъ увѣдомить меня, какъ великъ остающійся у васъ фондъ «Р. Бесѣды». Мнѣ это знать необходимо, ибо расходовъ предстоитъ впереди очень много,—а о правѣ моемъ распоряжаться этимъ фондомъ вполнѣ безотчетно—вы уже знаете изъ писемъ Александра Ивановича. Я недавно узналъ въ почтамтѣ, или лучше сказать въ газетной экспедиціи, что есть способъ простѣйшій для полученія за границею нашихъ журналовъ и газетъ. Именно — слѣдуетъ подписываться въ Вѣнскомъ или Берлинскомъ почтамтѣ, которые, въ силу почтовыхъ конвенцій, состоятъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ Московскою и С.-Петербургскою газетными экспедиціями.—На этомъ основаніи можно подписываться во всѣхъ заграничныхъ почтамтахъ, съ указаніемъ только черезъ какой именно (Вѣнскій или Берлинскій почтамтъ) получать требуемое. — Мы вотъ 2-й годъ, не зная этого, посылаемъ 20 экземпляр. «Р. Бес.» въ Лейпцигъ, къ Вагнеру, чрезъ посредство московскаго книгопродавца Арльта: книги идутъ товаромъ, проходятъ сквозь таможенныя мытарства, и приходятъ къ Вагнеру черезъ годъ! Между тѣмъ, вчера въ книгахъ газетной экспедиціи я увидалъ, что одинъ баронъ, проживающій въ Берлинѣ, преспокойно получаетъ и «Р. Бесѣду» и другіе журналы и газеты, выписывая ихъ черезъ Берлинскій почтамтъ. Я пишу Вагнеру, что отмѣняю присылку книгъ, но объявляю у него подписку, и чтобы онъ за своихъ абонентовъ подписывался въ Дрезденскомъ почтамтѣ.

Прошу васъ на будущій годъ также сдѣлать. Именно изъ тѣхъ нашихъ денегъ, которыя имѣются у васъ, внести въ Вѣнскій или Берлинскій почтамтъ, сколько требуется, по числу экземпляровъ (цѣна «Р. Бесѣдѣ» на будущій годъ съ пересыл-

кой до нашей границы—10 р., отдѣльно отъ «Сельскаго Благоустройства», а вмѣстѣ съ «С. Благ.»—15 р.; «Сельскому Благ.» отдѣльно отъ Бесѣды—8 р.; цѣна «Парусу» съ пересылкой 7 р.).—Эти деньги, за исключеніемъ пересылочныхъ, непремѣнно доставятся намъ вполнѣ газетною экспедиціею: она иначе не требуетъ отъ насъ экземпляровъ, какъ представивъ деньги. Мы же съ своей стороны будемъ опять деньги эти, или такое же количество переводить вамъ въ Вѣну черезъ банкира. Укажите банкира. Такимъ образомъ—нашъ убытокъ будетъ заключаться въ платѣ за пересылку (въ Россію $1^1/_2$ р. съ экземпляра, до границы, не знаю—что тамъ, до русской границы) и въ томъ, что мы теряемъ отъ банкирскаго посредничества. Но мы и теперь, и здѣсь въ Россіи теряемъ $1^1/_2$ р. сер. съ экземпляра, пересылая по почтѣ всѣмъ даровымъ нашимъ подписчикамъ, или платя за пересылку съ конторой транспортовъ до Варшавы, или по желѣзной дорогѣ въ С.-Пбургъ.—Сообразите это. Можно и не всѣ непремѣнно получать черезъ почтамтъ; для нѣкоторыхъ можно оставить на прежнемъ основаніи. Тогда и для курьеровъ грузъ поубавится.

Что скажете вы про мои циркулярныя письма. Въ скоромъ времени вы получите письма на Чешскомъ и отчасти на Польскомъ языкахъ. Устройте намъ сношенія съ Галиціею.

А. Ѳ. Гильфердингъ писалъ уже вамъ о подпискѣ на газеты для нашей Славянской конторы. Достанетъ-ли у васъ денегъ? Какъ это скучно, что нельзя выписывать ихъ прямо черезъ почту. Я, впрочемъ, подалъ о томъ прошеніе Министру Нар. Просв., не знаю разрѣшитъ-ли. Покрайней мѣрѣ не устроить ли такъ, чтобы всѣ эти газеты посылать въ Берлинъ, для отсылки съ курьерами, ибо теперь въ Вѣну прямо рѣдко отправляются курьеры. Въ скоромъ же времени пришлю вамъ объявленія о «Парусѣ», о «Бесѣдѣ». Убѣдительно прошу васъ содѣйствовать нашему дѣлу, т. е. присылать статьи. Очень жалѣю, что ничего не могъ сдѣлать для Опунча, ни женить его, ни показать Москву въ выгодномъ свѣтѣ. Онъ пріѣхалъ въ самое глухое у насъ время. Москва пустехонька, погода скверная, я—имѣя на плечахъ три журнала, страшно занятъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ отвѣта. До новаго письма.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Мое имя Ив. Сергѣевичъ, а не Сергѣй Ивановичъ.

6.

9 Ноября 1858 г. Москва.

Любезный Михаилъ Өеодоровичъ.

Вотъ вамъ «нумерокъ», какъ выражаются здѣсь въ канцеляріяхъ: «отношеніе» Московской газетной экспедиціи въ Вѣнскій почтамтъ съ перенумераціей всѣхъ журналовъ и газетъ русскихъ (въ томъ числѣ «Бесѣды» и «Паруса») посланныхъ отъ 7 и 19 Ноября за № 17.168.

По этому нумеру справьтесь въ Почтамтѣ. Деньги, или кредитивъ вышлю въ скоромъ времени.

На счетъ газетъ Гильфердингъ вамъ вѣрно уже писалъ. Что прикажете дѣлать! Въ спискѣ иностранныхъ газетъ, которыя можно выписать черезъ наши почтамты, есть армянскія, но ни одной новогреческой, ни одной славянской.

Пожалуйста — корреспондентовъ. Какъ вамъ нравятся мои циркуляры?

До слѣдующаго письма, теперь же, страшно занятъ. Обнимаю Васъ по русски. Мы, Славяне, любимъ обниматься.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Семенъ Алекс. Смирновъ проситъ меня разрѣшить вамъ принимать подписку на его медицинскую газету и дѣлать другіе расходы изъ нашихъ денегъ. Очень можно, только съ тѣмъ, чтобъ давать знать мнѣ о каждомъ расходѣ, дабы эти деньги могъ я получать тотчасъ же отъ Смирнова.

Весь вашъ И. А.

7.

15 Ноября 1858 г. Москва.

Посылаю вамъ, драгоцѣнный Михаилъ Өеодоровичъ, вексель въ 500 р. сер. съ переводомъ отъ Московскаго банкира Ценкера на Гамбургъ. Говорятъ, тутъ всего меньше потери при теперешнемъ скверномъ курсѣ нашихъ денегъ и австрійскихъ. Вы же, для размѣна его, обратитесь къ дому Stametz et C° въ Вѣнѣ.

Пожалуйста пришлите разсчетъ. Онъ нуженъ для А. И. Кошелева.

Увѣдомьте меня немедленно сколько назначилъ Вѣнскій почтамтъ за пересылку «Бесѣды», «Сельскаго Благоустройства» и «Паруса»? Тогда я буду вносить, пожалуй, эти пересылочныя деньги здѣсь, а вамъ и всѣмъ, кому вы назначите, буду посылать даровые экземпляры. Но для этого нужно, чтобъ Вѣнскій почтамтъ увѣдомилъ Московскую газетную экспедицію, на отношеніе ея, сколько именно назначаетъ за пересылку.

Распорядитесь же пожалуйста. Обнимаю васъ. Что же статьи объ Венгріи?

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

8.

9 Декабря 1858 г. Москва.

Вы что-то давно мнѣ не пишите, любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ, и не отвѣчаете мнѣ—получили ли вы посланный Вамъ по почтѣ кредитивъ на 500 р. денегъ? ваше молчаніе меня безпокоитъ и потому, что здѣсь разнесся слухъ о какихъ-то арестахъ, произведенныхъ Австріею между Славянскими литераторами, и что будто этимъ арестамъ способствовало мое письмо—къ Славянамъ. Правда ли все это? Вы скажите имъ, что они могутъ посылать статьи безъ имени, чтобы можно было скрыть автора. Всѣ ваши письма и посылки получилъ. Въ это время, какъ нарочно, случился въ Москвѣ Алд. Ив. и мы разсматривали ваши счеты вмѣстѣ! Все очень аккуратно и не многосложно. Благодаримъ васъ очень. Буду отвѣчать вамъ аккуратно: 1) На счетъ корреспонденціи. Очень понимаю всю трудность этого, особенно для Австрійскихъ Славянъ, но нельзя ли имѣть изъ Бѣлграда, по поводу скупштины. Я писалъ туда многимъ, даже лично знакомымъ, но дѣйствія никакого не вижу. Одинъ Миличевичъ отвѣчалъ обѣщаніемъ прислать статей о свойствѣ Сербской общины.—Это обидно, особенно потому, что въ Русскій Вѣстникъ кто-то прислалъ письмо о предстоящей скупштинѣ изъ Бѣлграда прямо; онъ и помѣстилъ, тогда какъ журналъ этотъ совершенно равнодушенъ къ Славянскому дѣлу, и теперь, изъ подражанія иностраннымъ газетамъ, сталъ имъ интересоваться.—Если мнѣ нельзя будетъ вдругъ сначала помѣщать корреспонденцію въ «Парусѣ», потому что здѣсь у насъ

стали очень косо смотрѣть на данную мною Славянскому дѣлу гласность, то на первое время буду ихъ помѣщать въ «Бесѣдѣ». 2) На счетъ пересылки книгъ. Я буду ихъ пересылать черезъ Павлова, черезъ васъ и черезъ Вагнера въ Лейпцигѣ. Желательно было бы, чтобы деньги доставлялись впередъ. 3) До сихъ поръ изъ за границы было одно непосредственное сношеніе съ Славянской конторой, именно получилъ пакетъ (an die Slawische Kanzlei) изъ Лайбаха, отъ нѣкоего г. Поклюкара: прислалъ 2 книжонки, проситъ разобрать ихъ и написать о нихъ отзывъ въ «Бесѣдѣ». Знаете вы его? 4) Польскія объявленія, я думаю, вы уже получили? Хотѣлъ я очень напечатать для Хорватовъ латинскими буквами, но этому рѣшительно воспротивился А. О. Гильфердингъ, который вѣдь и переводилъ мое это сочиненіе на Сербскій и Чешскій языки. Въ нѣмецкихъ газетахъ (именно въ «Allgemeine Zeitung» въ Аугсбургѣ) было уже объявлено о Славянской конторѣ Вагнеромъ, по моему порученію. 5) Въ «Preiss-Verzeichniss» разныхъ иностранныхъ газетъ, полученномъ недавно въ здѣшней газетной экспедиціи изъ Вѣнской въ числѣ газетъ—значится «Бесѣда». Цѣна ей—съ пересылкой назначена 23 флорина съ чѣмъ то. Впрочемъ Московскій почтамтъ вновь запрашиваетъ у Вѣнскаго категорическій отвѣтъ, что собственно онъ возьметъ за пересылку въ Австрію «Русской Бесѣды» и «Паруса». По полученіи отвѣта, я буду вносить эту пересылочную сумму въ Московскій почтамтъ, и книги будутъ прямо отсылаться по почтѣ въ Вѣну, такъ что вамъ не нужно будетъ ни подписываться, ни вносить подписной цѣны. 6) Поѣздки вамъ, по дѣлу Славянскому необходимыя, на нашъ счетъ—вполнѣ разрѣшаются. Не мѣшало бы съѣздить въ Венгрію, въ Галицію и Краковъ. У насъ о Галиціи мало свѣдѣній. Хотѣлось бы мнѣ щегольнуть предъ читателями обозрѣніемъ Мадьярской литературы и журналистики и денегъ далъ (50 р.) Кватернику да надулъ, ничего не шлетъ. 7) Я ужъ и не знаю, какъ поправить ошибку на счетъ цѣны за печатный листъ. Одно вамъ скажу: въ «Бесѣдѣ» всѣ эти Славянскія извѣстія печатаются мелкимъ, весьма убористымъ шрифтомъ, а листъ «Паруса» равняется $1^1/_2$ листамъ «Бесѣды», такъ что на дѣлѣ оно выходитъ намъ сходно. 8) Статью Шембера получилъ. Возникло подозрѣніе—не была ли она уже напечатана въ Часописи Чешскаго Музея.

И дѣйствительно она была напечатана, только теперь является въ гораздо распространенномъ видѣ. Статья со временемъ можетъ быть напечатана въ «Бесѣдѣ» (для «Паруса» она не годится, суха): но тутъ листа не выйдетъ. Для поощренія, и чтобъ былъ корреспондентомъ за Моравію, можно ему дать рублей 20 впередъ. Да чтобъ они поменьше смотрѣли нѣмецкими гелертерами. Неужели между ними нѣтъ живого человѣка? 9) Повѣсти Моравскія получилъ. Постараюсь воспользоваться. 10) 10 рублей въ мѣсяцъ на мелочные расходы разрѣшаются, равно какъ и наемъ писцовъ, вообще всѣ расходы ваши по нашимъ дѣламъ—имѣете производить изъ нашего фонда, чтобы порученія наши—не стоили вамъ ни копѣйки. Мы этого требуемъ. 11) 30 экземпляровъ будутъ вамъ доставляться и впредь. Распорядитесь ими по усмотрѣнію. Можно давать нѣкоторымъ, даже и не дающимъ статей. 12) Сколько посылать вамъ «Паруса»: а) по почтѣ—(по полученіи отвѣта изъ Вѣнскаго почтамта), б) съ оказіями—за разъ по нѣскольку №№? 13) Недостающія у васъ книги пришлю съ первой оказіей. Кажется все. Пожелайте мнѣ попутнаго вѣтра—для «Паруса». Его что-то мало—съ Сѣвера. Прощайте, обнимаю васъ крѣпко. Будьте здоровы и пишите.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

9.

6 Апрѣля 1859 г. Понедѣльникъ Страстной недѣли. Москва.

Драгоцѣнный Михаилъ Өеодоровичъ.

Это печатное объявленіе болѣе или менѣе объяснитъ вамъ мое молчаніе. Столько было передрягъ и грустныхъ обстоятельствъ, что удивляюсь, какъ я не махнулъ рукою на все и не уѣхалъ куда нибудь подальше. «Парусъ» запрещенъ. Всѣ интересныя и курьезныя подробности этого дѣла непремѣнно сообщу вамъ съ оказіей. Вамъ будутъ теперь дѣлать предложенія изъ С.-Петербурга, ибо правительство хочетъ, чтобы Славянскій органъ находился въ С.-Петербургѣ, подъ его контролемъ, т. е. поставить его въ зависимость отъ колебаній правительственной политики и разъединить интересъ Славянской народности съ интересомъ Русской народности. Но пожалуйста

ничьей литературной дѣятельности въ пользу «Бесѣды» не останавливайте: у насъ остается «Бесѣда». Прошу васъ заплатить Г. Миличевичу въ Бѣлградѣ—рублей 40 за двѣ его статейки, помѣщенныя въ Смѣси. Статья Радолюбца о церковной музыкѣ, а также и статья о Сербскихъ пѣсняхъ, положенныхъ на музыку, явятся въ 3 книгѣ «Бесѣды». Если имѣете какія либо спошенія съ Петковичемъ, то заплатите ему 50 руб. сер. за его статью «Исторія православной общины въ Рагузѣ»: она печатается въ 3 книгѣ «Бесѣды». Словомъ пусть пишутъ статьи по прежнему: я найду имъ мѣсто или въ «Бесѣдѣ», или издамъ «Славянскій Сборникъ». Относительно петербургскихъ предложеній помните: Timeo Danaos et dona ferentes.

У насъ въ Москвѣ возобновилось Общество Любителей Россійской Словесности. Предсѣдателемъ Хомяковъ. Посылаю вамъ три письма его къ Вуку, Ганкѣ и Шафарику, выбраннымъ въ почетные члены.

Не сердитесь, что пишу по почтѣ. Съ оказіей, которая будетъ на дняхъ, напишу больше, и отдамъ подробный отчетъ во всемъ. Но продолжайте писать и присылать статьи мнѣ.—Я удивляюсь, отчего вы не получили 4 книги «Бесѣды». И 4-ая кн. «Бесѣды» за 1858 г. и 1-ая и 2 книги за нынѣшній годъ отправлены въ Варшаву на имя дипломатической канцеляріи. Съ послѣднимъ транспортомъ я отправилъ вамъ оттиски статьи Клуна, и много, много книгъ и «Дух. Бесѣду».

Письмо это нарочно посылаю нефранкированнымъ. Вѣрнѣе дойдетъ. А вы заплатите за него изъ нашихъ денегъ.

Весь вашъ И. А. [1]).

10.

13 Апрѣля 1859 г. Москва.

Христосъ воскресе, любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ. Я писалъ вамъ недавно по почтѣ. Теперь есть оказія прямо въ Вѣну, и я спѣшу ею воспользоваться, чтобы вывести васъ изъ недоумѣнія. Дѣло въ томъ, что вамъ многое будетъ непонятно. Вы уже отвыкли отъ Россіи, и вамъ трудно будетъ постичь

---

[1]) Воспроизводимъ въ приложеніи и упоминаемое въ началѣ этого письма объявленіе о прекращеніи «Паруса».

всю эту нелогичность, весь ералашъ современности Русской. Разскажу вамъ сначала исторію «Паруса». Когда извѣстные вамъ мои Славянскіе циркуляры были разосланы, и когда въ объявленіи о «Парусѣ», я возвѣстилъ объ открытіи въ «Парусѣ» Славянскаго Отдѣла, о сношеніяхъ, сдѣланныхъ мною съ Славянскими литераторами, о Славянской конторѣ, М-во Нар. Просвѣщенія вошло въ переписку съ Моск. Цензурнымъ Комитетомъ, нашло напечатаніе этихъ циркуляровъ противозаконнымъ, наконецъ кончилось тѣмъ, что запретило мнѣ Славянскую контору и Славянскій отдѣлъ. Я писалъ Гильфердингу, тотъ обратился къ Егору П. Ковалевскому, и М-во Ин. Дѣлъ, въ лицѣ Гильф. и Ковалевскаго—объявило мнѣ, что оно не думало мнѣ дѣлать помѣхи. Я рѣшился не обращать никакого вниманія на бумагу М-ва Просвѣщенія, зная, что Евграфъ Ковалевскій (М-ръ Н. Пр.)—кисель, допустившій въ свое министерство вмѣшательство жандармовъ, графа Панина, всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. И дѣйствительно—для русскихъ мнѣ не нужно было ни вывѣшивать вывѣску о Славянской конторѣ, ни объявлять о ней,—а для заграничныхъ Славянъ она продолжала-бы существовать de facto. Въ «Парусѣ» я предполагалъ обойти запрещеніе, не дѣлая никакой рубрики о Славянскомъ отдѣлѣ, помѣщая письма подъ заглавіемъ—«Письма изъ Турціи», «изъ Австріи» и т. д.—Такъ я и началъ. Первые два №№ «Паруса» произвели шумъ и гулъ страшный. Въ публикѣ сочувствіе было огромное, и нѣтъ сомнѣнія, что черезъ годъ Славянскій вопросъ сдѣлался-бы популярнымъ въ Россіи. Это было-бы очень важно, и только тогда сочувствіе къ Славянамъ было-бы дѣйствительно и принесло-бы плоды. Напр., теперь всѣ пожертвованія въ пользу Славянъ падаютъ на небольшой кружокъ Славянофиловъ; купцы, владѣющіе милліонами, не жертвуютъ ни копѣйки. Между тѣмъ моя газета возбудила участіе купцовъ, и это участіе выразилось-бы чѣмъ-нибудь положительнымъ, еслибъ не запретили «Паруса». Черезъ 2 номера «Парусъ» былъ запрещенъ. Вы не можете себѣ представить какъ вообще Петербургу ненавистна и подозрительна Москва, какое опасеніе и страхъ возбуждаетъ тамъ слово: народность. Ни одинъ Западникъ, ни одинъ русскій соціалистъ такъ не страшенъ правительству, какъ московскій славянофилъ, никто не подвергается такому гоненію, а между тѣмъ—такъ какъ Славянофилы

всѣ люди честные и пользующіеся невольнымъ уваженіемъ самыхъ враждебныхъ партій, то ихъ трудно преслѣдовать лично, и потому правительство въ особенности преслѣдуетъ нашу литературную дѣятельность. Какъ бы то ни было, но Тимашевъ, Долгорукій, Мухановъ, Панинъ и проч. и проч. всѣ вооружили Государя противъ «Паруса» и противъ меня. «Парусъ» запретили, но М-во Ин. Дѣлъ тотчасъ-же спохватилось, что запрещеніе «Паруса» въ то время, когда его воспретили въ Австріи и когда наша политика предписываетъ намъ дорожить сочувствіемъ славянъ,—весьма несвоевременно, что такой органъ славянской мысли, который былъ-бы центральнымъ славянскимъ органомъ, былъ-бы весьма полезенъ. Егоръ Ковалевскій доложилъ о томъ Императрицѣ; она—Государю; Государь—по обыкновенію объявилъ, что онъ всегда такъ думалъ и приказалъ Ковалевскому изыскать средства, чтобы съ запрещеніемъ «Паруса» не ослабить сочувствія славянъ къ Россіи и поддержать литературныя сношенія съ ними. Всего проще было-бы не запрещать «Паруса», или разрѣшить его вновь, но Государь никакъ на это не согласился, а велѣлъ Ковалевскому предложить кому-либо изъ московскихъ славянофиловъ, только не Аксакову, продолжать «Парусъ» подъ другимъ названіемъ. Вслѣдствіе этого, Егоръ Ковалевскій командировалъ въ Москву для переговоровъ Гильфердинга. Кошелевъ отказался, ибо онъ занятъ вопросомъ крестьянскимъ и не чувствуетъ въ себѣ редакторскаго призванія, прочіе никто не захотѣли (для этого вѣдь нужны и деньги, и рискъ, и силы); наконецъ Чижовъ согласился дать свое имя, т.-е. чтобы газета продолжалась издаваться на мой счетъ, моими средствами, трудами, и подъ моей редакціей, только подъ именемъ Чижова. Ковалевскій (который, впрочемъ, всегда лично противъ меня интриговалъ) написалъ къ Чижову слезное письмо: «спасите идею «Паруса»! Меня упросили—не публиковать о прекращеніи «Паруса», чтобы можно было новую газету начать съ тѣми-же подписчиками, т.-е. передать ихъ новой газетѣ, и т. д. Намъ обѣщали полную независимость. Вся эта переписка была съ вѣдома Государя. Ну, не комедія-ли это? Мѣсяца два тому назадъ «Парусу» запрещалось писать о Славянахъ, сдѣланы строгіе выговоры цензорамъ за пропускъ къ печати моихъ циркуляровъ,—я самовольно нарушилъ это запрещеніе, о которомъ уже и забыли, наконецъ запретили

самый «Парусъ», а тутъ пишутъ—«спасите идею «Паруса»! Правительство казалось-бы, одно, да министерства разныя, личности разныя, минуты разныя... прошу тутъ угодить.— Ну-съ, написалъ Чижовъ о своемъ согласіи и написалъ также, чтобы правительство не обманывалось, что газета будетъ Ивана Сергѣевича, а его только имя. Ковалевскій докладывалъ письмо Государю—онъ былъ очень радъ. Мы, по ихъ требованію, подали формальную просьбу и формальную программу, давъ новой газетѣ названіе «Парохода», какъ соотвѣтствующее названію «Паруса». Докладывали Государю, онъ былъ согласенъ, только приказалъ вмѣсто «Парохода» дать другое названіе и предложилъ названіе «Славянскаго Вѣстника». Между тѣмъ, разнесшіеся слухи о «Пароходѣ», возбудили вниманіе враждебныхъ намъ партій, да и самаго М-ра Ин. Дѣлъ, Горчакова, который не въ ладахъ съ Егоромъ Ковалевскимъ и которому было завидно, что все это дѣло устроивается между Государемъ и Ковалевскимъ, безъ участія его. Хотя по моему правилу человѣку съ независимыми убѣжденіями не слѣдуетъ вступать ни въ какія сдѣлки съ правительствомъ, однако-жъ ради Славянъ я согласился и на переговоры съ правительствомъ и даже на униженное положеніе быть издателемъ газеты подъ чужимъ именемъ. Тѣмъ не менѣе—Государю внушили, что дѣло о «Парусѣ» такой важности, что должно быть обсуждено въ Совѣтѣ Министровъ. Такъ и было сдѣлано. Въ Совѣтѣ Министровъ была сильная оппозиція, но Государь стоялъ крѣпко и отстоялъ, можетъ быть съ нѣкоторыми ограниченіями мнѣ неизвѣстными. Но на то время случись въ Петербургѣ этотъ нелѣпый, выжившій изъ ума старичишка—Кн. Горчаковъ, намѣстникъ Царства Польскаго. Онъ не былъ въ Совѣтѣ, но узнавъ въ чемъ дѣло, взбѣленился и подалъ Государю бумагу самаго безобразнаго содержанія. Онъ доказывалъ вредъ и безполезность газеты вродѣ «Паруса» или вообще въ духѣ Славянства. Именно—онъ пишетъ, что «возбуждать въ Полякахъ Славянское чувство, значитъ возбуждать въ нихъ чувство національности, и напоминать имъ былыя времена ихъ торжества надъ Россіею» (?? какова гиль!); «что въ Нѣмцахъ Славянскаго происхожденія, обитающихъ въ Австріи (т.-е. въ Чехахъ, Сербахъ и проч.) чувство народности давно заглохло, въ чемъ онъ, Горчаковъ, могъ убѣдиться лично во время пребы-

ванія своего въ Карлсбадѣ (каково?!!), и пробуждать въ нихъ это угаснувшее чувство, значитъ возмущать ихъ противъ порядка вещей, противъ правительства, и этотъ способъ дѣйствія можетъ компрометировать насъ въ глазахъ Австріи. Что-же касается Турецкихъ Славянъ, то въ нихъ, пишетъ Горчаковъ, дѣйствительно есть сочувствіе къ Россіи, но основанное не на единоплеменности или на единовѣріи, а на покровительствѣ Россіи, на ея благодѣяніяхъ и т. п. Государь приказалъ сдѣлать новое собраніе Совѣта и пригласить кн. Горчакова. Совѣтъ, составленный изъ людей, почти равныхъ по уму кн. М. Д. Горчакову, призналъ его мнѣнія большею частью справедливыми и поручилъ Евграфу Ковалевскому (М-ру Нар. Прос.) составить проектъ условій для редакціи будущей газеты, сообразно съ мыслями Кн. Горчакова. Ковалевскій состряпалъ условія. Государь назначилъ новое засѣданіе Совѣта Министровъ для разсмотрѣнія этихъ условій, и Совѣтъ положилъ разрѣшить новую газету, если редакція согласится принять эти условія. Прислали намъ эти условія. Они таковы, что честному человѣку согласиться на нихъ добровольно не было никакой возможности. Требовалось во 1-хъ, чтобъ «идея о правѣ самобытнаго развитія Славянскихъ народностей, да и никакихъ,—не имѣла мѣста въ газетѣ», т.-е. все то, чего Россія должна желать и добиваться! Послѣ этого я не могу сказать, что русскій долженъ быть русскимъ, Итальянецъ—Итальянцемъ и т. д.— Во 2-хъ, чтобъ «газета не имѣла ни малѣйшаго политическаго характера (вещь невозможная), а предоставлялось ей право заниматься сравнительной филологіей, исторіей и проч. и только на этомъ основаніи дозволялось получать Славянскія газеты, дозволенныя цензурою». (Какъ будто для этого нужно особое дозволеніе, коли вещь разрѣшена цензурою!). Въ 3-хъ—чтобъ въ объявленіи о новой газетѣ не упоминалось ни слова о «Парусѣ». (Вещь опять невозможная, ибо для того, чтобы новая газета имѣла успѣхъ и значеніе, нужно было-бы ее связать съ «Парусомъ» и наконецъ—оповѣстить подписчиковъ «Паруса», что они переводятся на новую газету). Разумѣется—мы отказались. Надо вамъ знать, что въ то же время стараніями Кн. Горчакова, дѣйствовавшаго подъ внушеніями разныхъ польскихъ аристократовъ, запрещена была въ П.-Бургѣ газета «Польское Слово», и редакторъ (Огрызко) посаженъ въ крѣ-

ность. Онъ былъ вскорѣ оттуда выпущенъ, но газета осталась запрещенною. Отказавшись—я напечаталъ тогда объявленіе о прекращеніи «Паруса» и возвратилъ деньги подписчикамъ. Во всемъ этомъ, я, разумѣется, потерпѣлъ большой убытокъ. Если-бъ я объявилъ раньше, то—безъ сомнѣнія—у меня бы расхватали всѣ остальные экземпляры «Паруса» и убытокъ былъ бы покрытъ, хотя отчасти. Въ первыя минуты, какъ пронесся слухъ о запрещеніи—предлагали книгопродавцамъ по 8 р. сер. за экземпляръ, но я на это не могъ соглашаться, ибо шли переговоры о новой газетѣ, имѣющей замѣнить «Парусъ».—Изъ всего этого, мой любезный Михаилъ Өеодоровичъ, вы видите, какая передряга была тутъ у насъ: до переписки-ли мнѣ было съ вами и Славянами! Притомъ я хотѣлъ выждать, чѣмъ кончится дѣло.—Недѣли съ 2 тому назадъ вдругъ получаю изъ Петербурга увѣдомленіе, что Егоръ Ковалевскій рѣшился предложить редакціи «С.-П.Бургск. Вѣдомостей» открыть у себя Славянскій Отдѣлъ, для помѣщенія въ немъ извѣстій о Славянахъ и статей. Редакція, не имѣющая никакихъ въ этомъ вопросѣ серьезныхъ убѣжденій, согласилась, Ковалевскій доложилъ Государю, тотъ одобрилъ, но велѣлъ внесть это обстоятельство въ Совѣтъ Министровъ (!!), который также далъ свое разрѣшеніе, хорошо зная, что Краевскій (издатель С.ПБургск. Вѣдомостей) покорный слуга правительства и готовъ на всякія условія. Мнѣ было предложено дѣлиться съ редакціей «СПБ. Вѣдомостей» славянскими газетами и передать ей какія-нибудь статьи, предназначенныя для «Паруса». Разумѣется, я отказалъ въ этомъ, предоставляя редакціи выписывать газеты на свой счетъ,—а статьямъ я найду мѣсто и въ «Бесѣдѣ». Я считаю открытіе этого Славянскаго отдѣла въ «С.ПБ. Вѣдом.» и безобразнымъ и вреднымъ. Безобразнымъ потому, что редакція «С.ПБ. Вѣдом.» принадлежитъ, какъ у насъ называется, къ западникамъ, постоянно глумится надъ славянофильствомъ и славянофилами, проповѣдуетъ презрѣніе къ русской народности и къ народности вообще, возстаетъ противъ нашихъ требованій самобытнаго развитія, наконецъ—въ дѣлѣ православныхъ убѣжденій совершенно индиферентна. Тогда какъ у насъ идея славянской народности коренится на идеѣ русской народности и вообще на принципѣ народности. Разумѣется—вся эта исторія ни въ чемъ не коснулась «Русской Бесѣды», гдѣ отдѣлъ Славянскій остается въ

прежней силѣ. Я счелъ нужнымъ изложить вамъ съ полною добросовѣстностью всѣ обстоятельства дѣла. Вамъ будутъ, безъ сомнѣнія дѣлаться всякія приглашенія и даже, вѣроятно, пошлютъ вамъ приказаніе устроить корреспондентовъ. Но во 1-хъ вопросъ—будутъ-ли еще платить деньги; во 2-хъ, вы сами знаете, что этотъ отдѣлъ въ «С.ПБургск. Вѣдомостяхъ» не есть выраженіе свободнаго, народнаго сочувствія, а явленіе оффиціальное, состоящее подъ контролемъ правительства и зависящее отъ колебаній правительственной политики (слѣдовательно отъ каждой новой глупости, которая взбредетъ въ голову Варшавскому Горчакову). Захотимъ мы сойтись съ Австріей—прощай тогда Славянскій отдѣлъ. Поэтому, прошу васъ убѣдительно, не прекращать вашей дѣятельности относительно «Бесѣды» и присылать намъ какъ большія статьи, такъ и малыя, которыя могутъ быть помѣщены въ Смѣси «Бесѣды». Такъ напр., двѣ статьи Миличевича изъ Бѣлграда о скупштинѣ, два письма Ваших изъ Вѣны, т.-е. письмо Радолюбца о «Церковной Сербской музыкѣ», и еще не знаю чье—о Станковичѣ—помѣщены мною въ «Бесѣдѣ». Статья Петковича о Православной общинѣ въ Рагузѣ также печатается. Заплатите Петковичу 40 р. сер. На счетъ платы скажу вамъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ лучше платить по 40 р. сер., какъ было сказано, но съ условіемъ: платить только за статьи напечатанныя, ибо плата производится съ печатнаго листа, а не за рукопись, которая можетъ быть и не удостоена къ печати. Печатая мелкимъ шрифтомъ въ Смѣси, мы не въ убыткѣ отъ такой платы. Ради Бога доставьте мнѣ какое-нибудь обозрѣніе Мадьярской журналистики и литературы. Очень нужно. Да—прислали-ли вы статью объ Уніи, или только пообѣщали? Я ее не получалъ еще. Развѣ Гильфердингъ задержалъ въ Петербургѣ? Пожалуйста увѣдомьте меня, получаете-ли Вы «Бесѣду» по почтѣ, или же нѣтъ? Вы ничего объ этомъ не пишите. Также не пишите, получали-ли вы «Парусъ», и какъ онъ вамъ понравился. Напишите объ этомъ обо всемъ.—Возвращаю вамъ статейку, присланную отъ Ганки «О рыболовствѣ въ Чехіи»: она намъ нейдетъ. Вообще надо желать, чтобы статьи были содержанія болѣе живого и, если можно, современнаго. Напр. о Кроаціи—ея конституціи попранной, ея жителяхъ, расположеніи ихъ умовъ, войскѣ, объ отношеніяхъ ихъ къ Итальянцамъ

или Мадьярамъ и проч. и проч. Статья, которую прислалъ Кукулевичъ о разныхъ документахъ, относящихся къ Венгерской исторіи—имѣетъ интересъ слишкомъ археологическій. Я ее не отсылаю назадъ, точно также какъ и Шембера—«Осадокъ Хорватовъ въ Моравіи»—потому, что приберегаю все это на черный день, какъ скоро почему-либо не будетъ Славянскихъ статей. Ужъ какъ мнѣ надоѣлъ Клунъ. Хочу съ нимъ въ этомъ году развязаться совсѣмъ. Онъ Австріецъ душою, и я долженъ былъ изъ него цѣлыя страницы подлости выкидывать!—Я хотѣлъ было, по случаю прекращенія «Паруса», написать къ Славянамъ циркуляръ, но раздумалъ. Гдѣ имъ понять, что въ Россіи двѣ Россіи—одна—казенная, правительственная, нѣмецко-петербургская, другая—Московская, независимая, народная, земская. Послѣдняя прочна и неизмѣнна въ своихъ сочувствіяхъ. Первая помогала Австрійцамъ въ 1849 г. и боится народныхъ возстаній. Я боялся только, чтобъ запрещеніе «Паруса» не заподозрило меня и вообще всѣхъ насъ въ ихъ глазахъ, и вообще не охладило ихъ рвенія къ «Бесѣдѣ». Но вы это имъ лучше меня объясните. Напишите Смоляру, объясните все дѣло. Онъ бомбардируетъ насъ предложеніями разнаго рода, то издавать Славянскій журналъ на Нѣмецкомъ языкѣ, то что-то другое. Прощайте, любезный Михаилъ Ѳеодоровичъ, пожалуйста на меня не сердитесь, и отвѣчайте мнѣ обстоятельно. Оставайтесь вѣрными «Бесѣдѣ».—Издателю «Церковной газеты» помогите, т.-е. дайте ему денегъ впередъ рублей хоть 150—впередъ за статьи. Да нельзя-ли чего изъ Галиціи и о Галиціи? Благодарите Утѣшиновича за книгу мы печатаемъ ея разборъ въ IV книгѣ. Онъ, какъ ни бьется, а всетаки не совсѣмъ со славянской точки смотритъ на Задругу: все хочется регламентировать, чего терпѣть не можетъ славянскій духъ. Благодарю за ноты. Какая имъ цѣна? Только тогда и могу дать отвѣтъ на вопросъ—не прислать-ли ихъ на комиссію. Что сталось съ Стригой? Чижовъ не собралъ ему остальныхъ 1500 р. сер.; да, по правдѣ сказать, будетъ съ него и 1500 р. сер. помощи. Спросите его—что дѣлать мнѣ съ оперой? Она у меня. Напомните Кватернику объ обѣщаніи его писать, и о 50 р. ему данныхъ. Прощайте, пишите.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

11.

8 Августа, 1859 г. Москва.

Почтеннѣйшій Михаилъ Θеодоровичъ.

Получилъ я, вмѣстѣ съ Славянскими газетами, два большихъ пакета на ваше имя; такъ они были велики и неудобопосылаемы по почтѣ, что я рѣшился ихъ распечатать.—Одинъ изъ нихъ—въ пудъ вѣсомъ и въ десятину пространства — заключалъ въ себѣ письмо Кукулевича-Сакцинскаго, которое и прилагаю. Другой—письмецо Кнорринга на имя Войтковскаго съ приложеніемъ двухъ нумеровъ «Сербскаго Дневника», 51 и 52, отъ 1 и 5 іюля. Такъ какъ при этомъ нѣтъ никакого письма къ вамъ, такъ какъ въ запискѣ Кнорринга объ этихъ газетахъ не упомянуто, такъ какъ въ присланныхъ мнѣ газетахъ, оба упомянутые номера находятся,—то и полагаю, что газеты эти вложены были такъ, для балласта, ибо письмо Кнорринга слишкомъ тоще.—Поэтому и не посылаю вамъ «Сербск. Дневника» брой 51 и брой 52. Если же эти брои вамъ нужны, то напишите.

Одинъ изъ подписчиковъ оффиціально относится въ редакцію «Р. Бесѣды» и проситъ выписать ему немедленно два экземпляра «Сербскихъ пѣсенъ съ музыкою». Такъ какъ въ «Бесѣдѣ» цѣна не объявлена, то онъ заплатитъ потомъ все, что будетъ стоитъ выписка.—Этотъ подписчикъ Князь Одоевскій. Сдѣлайте одолженіе—напишите въ Вѣну, прикажите немедленно выслать—не два, а три экземпляра на мое имя. Деньги вычтете изъ нашей суммы.

Когда вы ѣдете, почтеннѣйшій Михаилъ Θеодоровичъ? Отдали ли вы Княгинѣ Черкасской мое письмо?

Прощайте, будьте здоровы.

Васъ отъ души уважающій Ив. Аксаковъ.

Мой адресъ: Въ Редакцію «Р. Бесѣды».

12.

Октября 15. 1859 г. Москва.

Любезнѣйшій и многоуважаемый Михаилъ Өеодоровичъ!

Посылаю вамъ счетъ, надѣюсь, что онъ застанетъ васъ въ Петербургѣ. Прошу васъ по прибытіи въ Вѣну, выслать немедленно, если можно, экземпляра три Сербской Обѣдни, переложенной на ноты Станковичемъ. Можете себѣ представить, что вслѣдствіе статей вашихъ въ «Р. Бесѣдѣ»—я получилъ требованіе на высылку этихъ нотъ изъ «Сребросвинцоваго (!) завода»—чуть чуть не изъ Сибири. Вы ничего не пишите о результатѣ вашихъ свиданій съ Кошелевымъ.

Въ VI книгѣ «Бесѣды» напечатаю повѣсть Кукулевича-Сакцинскаго. V книга «Бесѣды» послана къ вамъ въ Вѣну чрезъ Варшаву, равно какъ и полный экземпляръ для Криницкаго. До свиданія. Добрый путь!

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

13.

4-го Декабря 1859 г.

Извѣстіе, которое я имѣю вамъ сообщить, поразило бы васъ какъ громомъ, если-бы вы къ нему не были уже подготовлены. Тѣмъ не менѣе оно сильно опечалитъ васъ и всѣхъ нашихъ Славянъ. Изъ прилагаемаго при семъ экземпляра заключительнаго слова, вы узнаете о прекращеніи «Русской Бесѣды». Какъ мнѣ тяжело писать вамъ объ этомъ, вы себѣ и представить не можете. Главная причина заключается не въ издержкахъ (хотя Кошелевъ и потерпѣлъ за всѣ 4 года тысячъ 40 сер. убытку), а въ томъ, что Главное Управленіе Цензуры не только воспретило мнѣ издавать газету «Думу» (что было необходимо для успѣха журнала), но воспретило даже мнѣ быть соредакторомъ Кошелева по «Русской Бесѣдѣ». Прекращеніе «Бесѣды» возбудило сожалѣніе даже враговъ; никто не можетъ отказать ей въ уваженіи. Въ теченіе года выйдетъ два, а можетъ быть, и три Сборника, гдѣ найдутъ себѣ мѣсто многія Славянскія статьи. Статей Славянскихъ, и очень разнообразныхъ по содержанію, столько, что онѣ однѣ могли бы составить

цѣлый сборникъ. Но такой сборникъ не имѣлъ бы никакого успѣха въ нашей недозрѣвшей отечественной публикѣ, и потому гораздо лучше перемѣшать ихъ съ другими интересными для публики статьями. Теперь я сильно занятъ ликвидаціей дѣлъ «Бесѣды». Покончивъ ее, я вамъ напишу еще и пришлю подробный счетъ, а между тѣмъ и вы, по полученіи сего, тотчасъ займитесь нужными соображеніями для очистки дѣла. Торопитесь, любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ, ибо послѣ 1 января меня, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Москвѣ не будетъ.

Черезъ годъ, я надѣюсь, я почти увѣренъ, что издательство и редакторство гласное и оффиціальное, мнѣ будетъ дозволено. Тогда возникнетъ новый органъ славянофильскій, можетъ быть подъ той же фирмой «Бесѣды». Въ теченіи года я намѣренъ подготовить себя къ редакторской дѣятельности, заняться коечѣмъ и подъучиться. Для этой цѣли я ѣду въ чужіе края; сначала поживу въ Германіи, потомъ мѣсяцевъ 5 посвящу на славянскія земли. Я хочу пріобрѣсть—не ученое, но живое знаніе славянскихъ нарѣчій. Безъ этого знанія редактору славянофильскаго журнала просто быть нельзя, и стыдно. Славянскія газеты пролежали нынѣшній годъ безъ пользы по одной этой причинѣ. Еще можно найти переводчиковъ, но найти сотрудниковъ въ редакціи съ знаніемъ славянскихъ языковъ — очень трудно. Гильфердингъ и Ламанскій живутъ въ Петербургѣ, — они заняты; и мнѣ приходилось письма и статьи посылать въ Казань для перевода, ибо туда уѣхалъ бывшій мой помощникъ Петровскій. Слѣдовательно я надѣюсь лѣтомъ видѣться съ вами въ Вѣнѣ, поживу въ Прагѣ, въ Загребѣ, въ Дубровникѣ, въ Бѣлградѣ и проч. Познакомлюсь лично съ литераторами, заведу корреспондентовъ, устрою сношенія и прочныя связи. Одобряете ли вы это мое намѣреніе?

Я послалъ вамъ на дняхъ черезъ Варшаву 6-ю книгу «Бесѣды», при ней 200 экземпляровъ «Заключительнаго Слова» и столько же объявленій объ изданіи въ Москвѣ «Православнаго Обозрѣнія». Журналъ этотъ будетъ не пошлый, не похожій на прочіе казенно-духовныя изданія. Онъ издается людьми образованными, умными и современными (но не въ худомъ смыслѣ этого слова), людьми, свободными отъ предразсудковъ касты и іерархіи, въ истинномъ строгомъ духѣ Православія, въ духѣ свободы и свѣта. Разумѣется онъ возбудитъ противъ себя архі-

ересевщину, но — чему вы можетъ быть удивитесь, — его принялъ подъ свою защиту Московскій Митрополитъ, вспомнившій свои молодые годы и уступившій настоятельнымъ требованіямъ современности. Въ немъ будутъ, вѣроятно, участвовать Хомяковъ, Безсоновъ и другіе наши. Давно бы пора! Редакція имѣетъ намѣреніе войти въ литературныя сношенія съ православными славянами. Я передалъ въ нее статью, присланную мнѣ изъ Бѣлграда, о св. Саввѣ, Зисича. Вы можете доставлять статьи въ этотъ журналъ тѣмъ же путемъ, чрезъ Александра Θеодоровича, и онъ будетъ отсылать Хомякову.

Казначичъ, живущій въ Дубровникѣ, авторъ одной статьи, помѣщенной нами въ «Бесѣдѣ», и другой, еще ненапечатанной, просилъ прислать ему «Бесѣду». Если у васъ есть лишніе за 1859 годъ, пошлите ему одинъ экземпляръ.

Авторы статей, отосланныхъ въ «Бесѣду», встревожатся объ участи своихъ статей. Прошу васъ оповѣстить всѣхъ, что статьи не пропадутъ и будутъ помѣщены рано или поздно, что они могутъ продолжать заготавливать статьи, и чтобы продолжали вѣровать въ наше знамя. Пусть устыдятся также, что изъ славянскихъ земель едва-ли и 5 человѣкъ было у насъ подписчиковъ, тогда какъ мы столько экземпляровъ посылаемъ имъ даромъ, а между тѣмъ такъ легко подписаться чрезъ посредство Вѣнскаго или Берлинскаго почтамта.

Прощайте. Книги ваши роздамъ на комиссію книгопродавцамъ, а росписки передамъ Смирнову. Разумѣется, если не все будетъ покончено къ сроку, то передамъ Кошелеву, но теперь прошу васъ немедленно отвѣчать мнѣ по почтѣ, не франкируя, по обыкновенному адресу: въ Москву, въ редакцію «Бесѣды».

Преданный вамъ Ив. Аксаковъ.

14.

Пятница, 15-го (27-го) Января 1860 г. Лейпцигъ.

Честь имѣю рекомендоваться, любезнѣйшій Михаилъ Θеодоровичъ! Вотъ гдѣ я! Посылаю вамъ, чрезъ посредство Вагнера, цѣлый тюкъ книгъ, который прошу сохранить до моего пріѣзда. Впрочемъ, вы можете его распечатать и разсмотрѣть и даже выдать гг. Миклошичу и Кузмани по экземпляру «Босніи» и по

экземпляру «Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ». Остальныя книги я развезу самъ. Ганкѣ послалъ прямо отсюда. Мой планъ таковъ: весною, въ началѣ мая, явиться къ вамъ, въ Вѣну и тамъ представить на ваше высочайшее благоусмотрѣніе планъ моего окружного путешествія по Славянамъ, на что я полагаю посвятить мѣсяца три или четыре. Мы съ Гильфердингомъ таковой планъ составили уже, но рѣшили, что все же лучше начать съ Вѣны, т. е. съ васъ. Вы дадите мнѣ нужные совѣты, указанія, наставленія и рекомендацію.

Въ 1859 г. «Бесѣда» была вся отправлена чрезъ Варшаву. Пишите пожалуйста, чтобъ вамъ ее выслали; тамъ должны находиться и 2-я и 5-я и 6-я книги; тамъ и «Парусъ» и «Библіографія» и пропасть другихъ книгъ.

«Бесѣда» будетъ продолжаться и въ 1860 г., но безъ предварительной подписки и безъ обязательной періодичности. Александръ Ивановичъ думаетъ выдать два или три сборника, въ которыхъ найдутъ себѣ мѣсто и статьи славянскія. Счетъ вашъ, присланный вами, я передалъ Кошелеву.

Думаю ѣхать въ Гейдельбергъ, но навѣрное не знаю, а потому адресуйте въ Лейпцигъ, poste-restante. Здѣсь я оставлю свой адресъ. Съѣзжу на дняхъ въ Дрезденъ. У меня есть намѣреніе издать здѣсь книгу подъ названіемъ «Russische Ideen»— т. е. сборникъ или выборку замѣчательнѣйшихъ статей изъ «Русской Бесѣды», «Сельскаго Благоустройства» и пр., такихъ, въ которыхъ бы ученый міръ Европейскій ознакомился съ оригинальной русскою мыслью, разработываемою, конечно, только Славянофилами. Нѣмцы говорятъ, что русскіе не выработали никакой идеи; вотъ и слѣдуетъ имъ показать, что наша идея далеко ихъ опередила, и что все, смутно сознаваемое Рилемъ, Фрёбелемъ и другими достойными нѣмцами, давно высказано и ясно сознано славянофилами и воплощено въ жизни русскаго народа. Ищу для сего переводчиковъ. Въ Дрезденѣ живетъ Павлова, извѣстная писательница, мнѣ хорошо знакомая. Хочу ее уговорить заняться переводомъ, хоть за деньги. Что вы на это скажете?

Покуда обнимаю васъ крѣпко.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Такъ-ли пишу адресъ?

15.

9-го Мая 1860 г. Вѣна.

Почтеннѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

Пишу вамъ потому, что не надѣюсь застать васъ утромъ. Вы вѣроятно пойдете смотрѣть открытіе памятника (мнѣ предлагали мѣсто на «трибуны» за 10 гульд., но я не согласился платить такъ дорого). Никакого письма съ деньгами я не нашелъ въ посольствѣ. Отъ кого вы слышали это? Дѣло въ томъ, что я точно жду отъ Кошелева письма съ деньгами. У Балабина былъ, но не засталъ его. Не можете ли Вы мнѣ указать какого-нибудь сербчика, который ходилъ бы ко мнѣ каждый день по утрамъ учить меня по сербски: т. е. говорить и читать вмѣстѣ какую-нибудь книгу (разумѣется за деньги). Да нѣтъ ли сербско-нѣмецкихъ «Разговоровъ»?

До свиданія. Вы кажется сказали, что завтра (во вторникъ), въ 6 часовъ вечера?

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

16.

Latour, близъ Веве. Швейцарія.
(23-го Сентября) 5-го Октября 1860 г.

Вотъ чай удивитесь вы, драгоцѣннѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ, не заставъ насъ по утру въ «Stadt-Frankfurt!» Мы и сами были удивлены не меньше вашего. Ложась спать, еще колебались куда ѣхать — въ Тироль, или Баденъ, или въ Швейцарію, и утромъ, проснувшись рано, рѣшили, что всего лучше ѣхать туда, куда посылали насъ первоначально, не мудря, т. е. въ Веве, а такъ какъ по расчету приходилось такъ, что оставшись здѣсь въ Вѣнѣ, мы не могли бы къ 20 сентября нашего стиля попасть въ Женеву (въ этотъ день должны мы были служить заупокойную обѣдню), то тотчасъ же собрались и въ 7 часовъ утра катили уже по желѣзной дорогѣ въ Мюнхенъ. Тамъ только переночевали и на другой день утра въ 5 часовъ отправились въ Фридрихсгофенъ, переплыли озеро, доѣхали до Биль-Нидау (Bienne), тамъ опять ночевали и 19-го были въ Женевѣ. 20-го (стараго стиля) послѣ обѣдни отправились на пароходѣ

въ Веве. Холодомъ, дождемъ и вѣтромъ встрѣтила насъ Швейцарія, такъ встрѣтила непривѣтно, что братъ колебался — ужъ не возвратиться ли вспять, тѣмъ болѣе, что виноградъ еще не зрѣлъ, да и нынѣшній годъ, когда и созрѣетъ, не будетъ вполнѣ доброкачественъ. Однакожъ докторъ, человѣкъ извѣстный своею добросовѣстностью, объявилъ, что этотъ сортъ винограда именно и годится для лѣченія, что можно и теперь находить спѣлый виноградъ, сколько его нужно для начала, что виноградъ съ каждымъ днемъ, все больше и больше спѣетъ. Это справедливо: окончательно поспѣетъ виноградъ къ 15 октября. Первые два дня хлопотали съ жилищемъ. Здѣсь обычай: se mettre en pension, но мы не нашли ни одного пансіона съ свободными комнатками и потому наняли въ деревнѣ Latour, подлѣ самаго Веве, почти что въ Веве, частную квартиру; обѣдать будемъ уходить въ пансіонъ; устроились прекрасно, удобно и даже дешевле, чѣмъ въ пансіонѣ. Теперь пусть только виноградъ дѣлаетъ свое дѣло, а мы съ своей стороны все сдѣлали. Русскихъ въ Веве и на всемъ пространствѣ отъ Веве до Монтре очень много, но знакомыхъ кажется нѣтъ. Хотя этотъ усиленный переѣздъ и былъ тяжелъ для брата, но кажется не сдѣлалъ ему никакого вреда.

Прошу васъ немедленно увѣдомить меня:

1. О баронѣ: возвратился ли онъ изъ своего путешествія, нашелъ ли что важное; когда ѣдетъ изъ Вѣны и куда именно?

2. Имѣете ли письмо изъ Бѣлграда отъ Митрополита? Что онъ приказалъ насчетъ денегъ?

3. Въ какомъ свѣтѣ обозначается Варшавская сходка? Что-нибудь о политикѣ.

Мы еще съ дороги телеграфировали Вѣнской Postdirection, чтобы они письма отправляли въ Веве, но писемъ до сихъ поръ нѣтъ. Будьте такъ добры, зайдите на почту (poste restante) и подтвердите, чтобы письма пересылали намъ исправно въ Vevey—Suisse, canton de Vaud. Если въ посольствѣ или у васъ имѣются письма на мое имя, то перешлите ихъ сюда. Прощайте. Обнимаю васъ, будьте здоровы. Кланяйтесь всѣмъ славянамъ. Братъ васъ обнимаетъ.

Ѣдетъ ли В. Петровъ въ Варшаву? Кланяйтесь Гагарину.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Приводимъ здѣсь кстати письмо Константина Сергѣевича Аксакова, относящееся къ этому же эпизоду неудачной поѣздки обоихъ братьевъ Аксаковыхъ въ Швейцарію:

Latour, близъ Веve, 27 Сентября 1860 г.

Почтеннѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

Человѣкъ поступаетъ по своему крайнему разумѣнію. Поэтому какъ скоро показалось, что самымъ разумнымъ ѣхать лечиться виноградомъ въ Швейцарію, то ужъ времени терять было нечего: мы съ братомъ собрались ранехонько, и уѣхали. Переѣздъ сдѣлали мы усиленный, но дѣло не въ томъ. Пріѣхавъ въ Швейцарію на самый Югъ ея, увидѣлъ я, что то, что казалось мнѣ разумнымъ, вышло на дѣлѣ же очень неразумно. Швейцарія, нынѣшній годъ, не годится ни для какого, думаю, лѣченія. Погода скверная, и я во многомъ обманулся и не нашелъ здѣсь того, что думалъ найти; но кто-жъ это зналъ? Теперь какъ я уже пріѣхалъ въ Веве, я это знаю; и вижу я, что лучше было-бы лѣчиться виноградомъ—не въ Меранѣ: тамъ уже виноградъ проходилъ—а въ Баденѣ, часъ ѣзды отъ Вѣны. Но и здѣсь погода могла перемѣниться, виноградъ, какъ говорятъ, для лѣченія годится—а слѣдовательно испробовать было должно; я началъ виноградное лѣченіе, но идетъ оно не совсѣмъ удачно. Погода сегодня тоже нехороша. Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ, напишите, по полученіи сего письма, немедленно: какова погода въ Вѣнѣ (въ Баденѣ вѣроятно такая же)?—Мнѣ кажется, сколько я могъ замѣтить въ мое пребываніе за границей—погода здѣсь нынѣшній годъ чѣмъ западнѣе, тѣмъ хуже. Если здѣсь все погода будетъ такая-же, то лучше ужъ въ Баденъ ѣхать. Здѣсь виноградъ еще далеко не весь поспѣлъ.—Такъ какъ намъ во всякомъ случаѣ придется проѣзжать черезъ Вѣну, то выходитъ только, что мы будемъ тамъ раньше.

Итакъ, почтеннѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ я надѣюсь, что вы будете такъ добры и извѣстите насъ немедленно, какова погода въ Вѣнѣ, какова была доселѣ и какова теперь.

Васъ глубоко уважающій и преданный
Константинъ Аксаковъ.

Поклонитесь отъ меня вашему уважаемому зятю и сообщите мнѣ его посланный адресъ навсякій случай[1]). Поклонитесь также нашему посланнику и кн. Гагарину, а также всѣмъ нашимъ добрымъ знакомымъ.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

---

[1]) Это писано подъ мою диктовку. На всякій случай—значитъ на случай зимы во Флоренціи. Сейчасъ прочелъ въ газетахъ рескриптъ Раичичу. Сербы-то наши, я думаю такъ и клюютъ. И. А.

17.

Вѣна, 6-го Ноября 1860 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Сейчасъ ѣдемъ! Константинъ Сергѣевичъ ѣдетъ со мной до Бреславля [1]).

По многимъ соображеніямъ мы нашли, что са́мое лучшее ему ѣхать вмѣстѣ со мною, а не оставаться здѣсь одному, въ тревожномъ состояніи ожиданія и безъ всякаго ухода при лихорадочныхъ пароксизмахъ. Одна мысль его удерживала долго: это желаніе поздравить васъ завтра съ именинами и онъ очень, очень жалѣетъ, что ему не удастся этого исполнить. Пожалуйста не сѣтуйте на насъ за это, дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ. Потомъ поздравимъ васъ, всей семьей. Обнимаемъ васъ крѣпко. Въ среду вечеромъ или въ четвергъ будемъ здѣсь.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

18.

Тріестъ, Четвергъ, 17-го Ноября 1860 г. вечеромъ.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ! Благодаря Богу и вашимъ добрымъ напутствованіямъ, доѣхали мы до Тріеста прекрасно. Вагоны отличные, а главное погода была необыкновенно тепла, и чѣмъ далѣе, тѣмъ теплѣе. Любовь Сергѣевна не только шубу, но и мантилью скинула, и даже Константинъ вынужденъ былъ оставить шубу и облечься въ свой армякъ. Дѣйствительно, дулъ г-нъ Широкко и долеталъ, я думаю, и до Вѣны. Всѣ красоты Зиммеринга нами видѣли въ полномъ блескѣ, удивленіямъ и восхищеніямъ не было конца. Мы не остановились въ Марбургѣ, а ѣхали всю ночь, и утромъ, въ середу, докатились до Тріеста, гдѣ удачно заняли прекрасныя комнаты съ видомъ на море, въ Hallstock 1-го этажа, стало не такъ высоко (однако ступеней 40). Я въ тотъ же день былъ у

---

[1]) Въ Бреславль они поѣхали на встрѣчу О. С. Аксаковой, не выдержавшей томительной разлуки съ больнымъ сыномъ и отправившейся за-границу съ дочерьми Вѣрой и Любовью Сергѣевными. Въ «Приложеніи» помѣщаются нѣкоторыя письма Ольги Семеновны и выдержки изъ дневниковъ и писемъ ея дочерей, дающія полное представленіе объ этомъ скорбномъ странствованіи семьи Аксаковыхъ въ чужихъ краяхъ.

Опунча, который послѣ того уже навѣстилъ насъ два раза и оказываетъ намъ всевозможныя услуги. Онъ съ большимъ радушіемъ взялся пересылать намъ письма и деньги и исполнять всѣ наши коммисіи изъ Занте, о которомъ онъ собралъ намъ разныя необходимыя свѣдѣнія. Всѣ они говорятъ въ пользу Занте. Консула нашего тамъ очень хвалятъ. Богатые и образованные греки, желая какъ можно меньше чувствовать англійское иго, живутъ преимуществено въ Занте. Послѣ завтра, т. е. въ субботу, въ 2 часа по полудни поплывемъ мы на пароходѣ Calcutta съ капитаномъ Лазаричемъ. Въ понедѣльникъ, въ полдень, пароходъ приходитъ въ Корфу, а въ 10 часовъ вечера того же дня, уже на другомъ, но также Ллойдовскомъ пароходѣ, отправимся мы въ Занте, куда, заходя въ разныя гавани, прибудемъ въ середу рано утромъ. Дай Богъ, чтобы «таласси» не очень качали.

Здѣсь удивительно тепло, градусовъ 15; я и вчера и нынче ходилъ даже безъ лѣтняго пальто! Воздухъ мягкій и вѣтеръ не сильный. Ллойдъ сбавляетъ, если ѣдетъ цѣлое семейство, по 20% съ цѣны мѣста; это хорошо, но не хорошо то, что плату принимаетъ онъ только сребромъ и златомъ, а не бумажками! Бумажки беретъ онъ только тогда, когда ѣдешь въ Австрійскія владѣнія. Вообще здѣсь въ Тріестѣ, несмотря на порто-франко, все, если не дороже, то ни на одинъ крейцеръ не дешевле Вѣнскаго, именно потому, что Тріестъ ведетъ заграничную торговлю и нуждается въ звонкой монетѣ, тогда какъ Вѣна производитъ больше торговлю внутреннюю. Здѣшніе лучшіе магазины, впрочемъ, не годятся даже въ лавчонки вѣнскія и сестры очень жалѣютъ, что не все нужное искупили въ Вѣнѣ, выбора больше. Вотъ можетъ быть по части сала и пшеницы, оно и дешевле.

Здоровье брата, слава Богу, не хуже, даже лучше въ томъ отношеніи, что съ отъѣздомъ изъ Вѣны лихорадки у него не было. На маменьку непріятно дѣйствуетъ Широкко (Сирокко?). Я вчера и нынче сопровождалъ сестеръ по магазинамъ и не могъ приняться за письма. Знаете что? Пошлите ка въ Петербургъ тотъ № Wanderer'а, въ которомъ говорится про тостъ Мирка. Разумѣется, Петковичъ имъ донесетъ объ этомъ, но это совсѣмъ не то, что читать объ этомъ въ газетахъ. Про денешу будутъ молчать, а тутъ уже нѣтъ мѣста шопоту, когда Мирко крикнулъ на весь Божій міръ и газеты, какъ эхо въ горахъ, тысячекратно

повторили его возгласъ. Здѣсь, въ Тріестинской газетѣ, я прочелъ, что французскій императоръ приказалъ своему посланнику въ Константинополѣ всячески entmuthigen (обезнадеживать) движеніе болгаръ, обратившихся къ посланнику съ просьбой о покровительствѣ Франціи и съ предложеніемъ Уніи,—именно потому, сказано, что Наполеонъ желаетъ сохранить теплыя и искреннія отношенія къ Россіи! Краска бросается въ лицо отъ стыда! Наполеонъ напоминаетъ болгарамъ о Россіи, отсылаетъ ихъ къ намъ, даритъ намъ ихъ!

Прощайте дорогой Михаилъ Θеодоровичъ. Богъ дастъ еще увидимся. Вы такъ согрѣли вашимъ привѣтомъ, вы и ваше доброе семейство, всѣхъ нашихъ, что это вѣчно будетъ жить въ ихъ сердечной памяти. Спасибо вамъ. Маменька и сестры посылаютъ вамъ и вашему семейству самые дружескіе поклоны и просятъ вашего благословенія, и мы съ братомъ также и сверхъ того обнимаемъ васъ крѣпко!

Отчего это ни Крииицкій ни Головацкій не зашли проститься. Кланяйтесь имъ обоимъ и ругните ихъ дружески.

Прощайте!

«Взыграло море, парусъ вѣетъ
И я въ челнокъ (т. е. пароходъ) бросаюсь мой!»

говорится въ какихъ то стихахъ.

Весь вашъ душою Ив. Аксаковъ.

19.

Тріестъ, 18 ноября 1860 г. пятница, наканунѣ отплытія на Занте.

Прилагаю, драгоцѣнный Михаилъ Θеодоровичъ, письмо В. П. Балабину. Отдайте его князю Гагарину, онъ найдетъ случай переслать. Только бы надо поскорѣе до возвращенія Балабина изъ Петербурга въ Вѣну. Прошу васъ также написать въ Бѣлградъ, что я съ своей стороны радѣю, сколько могу, о дѣлѣ, несмотря на отъѣздъ свой въ Занте. Поддерживайте ихъ въ надеждѣ. А мнѣ, какъ будете писать, пишите, что̀ узнаете о дѣлѣ, условнымъ языкомъ.

Опуичъ отъ «Посланія къ Сербамъ» пришелъ въ совершенный восторгъ; говоритъ, что послѣ Евангелія это первая книга.

Письмо Гутманcталю я не отдалъ во 1-хъ потому, что такія похвалы о себѣ незапечатанныя отдавать совѣстно; во 2-хъ потому, что съ Анною Петровною Зонтагъ мы давно знакомы, и съ сестрою ея и племянниками родными (Елагиными и покойными Кирѣевскими) просто дружны; въ 3-хъ потому, что были съ визитомъ у Анны Петровны и у ея дочери за день до полученія вашего письма. Но о письмѣ имъ сказали мы нынче и препоручили ихъ вниманію Кожевниковыхъ, которыхъ, къ удивленію моему, въ Тріестѣ до сихъ поръ не имѣется. Можетъ быть они и здѣсь, да не хотятъ насъ отыскать. Это впрочемъ не трудно, мы стоимъ въ Hôtel de la Ville.

Опуичу мы очень благодарны.

Сдѣлайте милость, всѣ издержки по полученію и отправленію писемъ къ намъ записывайте аккуратно, а при свиданіи сочтемся.

Дѣвушку наняли. Три рекомендательныхъ письма получили. Прощайте, любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ. Братъ, къ несчастію нынче опять почувствовалъ лихорадку: дай Богъ, чтобы поѣздка наша принесла ему излеченіе! Маменька очень безпокоится.

Крѣпчайше обнимаетъ васъ, весь вашъ

Ив. Аксаковъ.

20.

Занте, Villa Diamanti. Понедѣльникъ, 28-го ноября 1860.

Драгоцѣнный Михаилъ Ѳеодоровичъ! Я писалъ вамъ два письма изъ Тріеста, пишу вамъ теперь изъ Занте. Вотъ куда заѣхали! Въ Занте! въ древній Гомеровскій Закинѳъ! Всего трое сутокъ плаванія изъ Тріеста, а чувствуешь себя какъ-то очень очень далеко, точно за тридевять земель. Впрочемъ, надобно вамъ все разсказать исторически. Въ субботу (ноября 19-го), въ 12 часовъ, въ сопровожденіи Опуича и Кожевниковыхъ, перешли мы на пароходъ «Калькутта». Погода была отличная, вѣтеръ дулъ съ Юга, прелюбезный; пароходъ большой, сидитъ въ водѣ глубоко и твердо, и мы въ двое сутокъ доплыли до Корфу, почти не испытавъ качки. Всѣ были очень довольны плаваніемъ, даже брата оно очень оживило. Въ Корфу наши (въ томъ числѣ и матушка) выходили на берегъ только для

того, чтобы приложиться къ мощамъ св. Спиридонія. Я же отнесъ къ консулу и вице-консулу рекомендательныя письма и взялъ отъ нихъ письмо къ вице-консулу русскому въ Занте, г. Сандрини. Тутъ мы пересѣли на другой маленькій пароходъ «Elleno», и въ 9 часовъ вечера отправились дальше. Заходили въ разные острова, между прочимъ, въ Кефалонію, гдѣ я, съ сестрой, сходили на берегъ къ одному жителю, съ которымъ мы познакомились на пароходѣ. Ночью, со вторника на среду, была страшная буря, или лучше сказать, при теплой погодѣ сильнѣйшій вѣтеръ производившій отвратительную качку, которую, впрочемъ, всѣ мы, за исключеніемъ Вѣры Сергѣевны, вынесли благополучно. Константинъ Сергѣевичъ, съ 4 часовъ утра, выскочилъ на палубу и все время оставался тамъ на сильнѣйшемъ вѣтру, несмотря ни на какія увѣщанія. Наконецъ, часовъ въ 10 утра, въ среду, добрались мы до Занте. Такъ какъ тутъ было не такъ просто, какъ въ вашей Германіи, гдѣ человѣка прямо кто-то беретъ съ желѣзной дороги, привозитъ въ гостиницу и укладываетъ въ пучину пуха, и такъ какъ здѣсь объ европейскомъ комфортѣ и слыхомъ не слыхать, то оставивъ своихъ на пароходѣ, отправился я на берегъ къ консулу. Сандрини прелюбезный человѣкъ, очень важное здѣсь лицо, зантіотъ происхожденіемъ и преданный Россіи вполнѣ. Появленіе русскихъ въ Занте, разумѣется, здѣсь важное событіе. Сандрини скликнулъ сейчасъ всѣхъ своихъ родственниковъ; мы сыскали напередъ номера въ одной изъ трехъ сквернѣйшихъ гостиницъ, почистили ихъ, и наконецъ благополучно переправили всѣхъ на берегъ. Въ гостиницѣ оставались мы съ среды до воскресенья, отыскивая и осматривая разныя виллы загородныя, ибо въ самомъ городѣ жить скверно; по восточному обыкновенію — улицы узки, грязны и вонючи. Наконецъ, благодаря неутомимымъ хлопотамъ и стараніямъ грековъ радикальной партіи, изъ которыхъ многіе люди очень образованные и замѣчательно умные—нашли мы виллу, въ великолѣпномъ мѣстоположеніи, съ видомъ на море: приходящій въ ветхость palazzo какого-то Nobile Diamanti, т.-е palazzo съ итальянской вообще, и съ Зантовской точки зрѣнія въ особенности. Въ воскресенье перебрались въ эту виллу (поль-часа ѣзды отъ города) и теперь все еще устраиваемся: пришлось купить цѣлый кухонный снарядъ, мебель и проч. и проч., остальное

наняли въ гостинницѣ: и посуду, и бѣлье, и словомъ все, что требуется для обихода. Однимъ словомъ, житье здѣсь обходится дорого. Дешевы здѣсь одни апельсины. Ими хоть пруды пруди; дешевле пареной рѣпы! Островъ производитъ плоды, вино, коринку, все остальное, даже дрова, мясо—все привозится! Европейскій комфортъ здѣсь неизвѣстенъ вовсе. Прислуга дурная, и еслибъ не нѣмка славянскаго происхожденія, которую мы наняли въ Тріестѣ, благодаря рекомендаціи Опунча, мы бы пропали.

А между тѣмъ климатъ чудный! Вотъ уже и декабрь на дворѣ по нашему стилю—слѣдовательно и Никольскіе морозы, а здѣсь это лучшее время для растительности, ибо лѣтомъ все выжигается солнцемъ. Все кругомъ зелено. Мы окружены лимонными и апельсинными садами, оливами, миртами, кактусами, даже пальмами и лавромъ. Не только зимнее пальто, но и лѣтнее пришлось бросить, да и въ сюртукѣ жарко. Правда, теперь зима и перепадаютъ часто дожди, но какіе это дожди! Отъ нихъ воздухъ дѣлается только мягче и парнѣе. А въ комнатахъ хуже, чѣмъ на дворѣ, и только съ разными ухищреніями можемъ мы довести температуру до 13 и до 14 градусовъ иногда! Здѣсь, конечно, теплѣе, чѣмъ въ Ниццѣ и во Флоренціи, и вообще въ этомъ отношеніи трудно найти мѣсто лучше. Для насъ собственно затрудненіе заключается въ томъ, что мы не говоримъ по-гречески, ни по-итальянски. Нѣмецкаго языка не вѣдаетъ ни одна душа на островѣ, по-англійски также знаютъ немногіе; но образованные люди говорятъ по-французски.

Что сказать вамъ о братѣ? До сихъ поръ лучше нѣтъ. Началъ пить онъ ослиное молоко. Здѣсь, впрочемъ, есть хорошіе медики. Будемъ надѣяться, что съ Божьей помощью—молоко, теплый воздухъ, покой, уходъ матушки и сестеръ, нѣкоторыя вспомогательныя лѣкарства, отсутствіе раздражающихъ интересовъ, все это дастъ ему желанное исцѣленіе. Дай-то Богъ. Но мнѣ никакъ нельзя уѣхать отсюда и оставить своихъ, какъ бы ни желалъ я этого, какъ бы ни желало этого «Общество Пароходства»!

Замѣчательно и удивительно то, что на Востокѣ вездѣ партія радикальная и народная—есть въ то же время партія русская. Такъ и здѣсь, такъ и въ Сербіи. Партія, требующая при-

соединенія Іоническихъ Островов къ Греціи—есть въ то же время партія русская, въ томъ смыслѣ, что симпатія къ русскимъ есть ея непремѣнная принадлежность.

Что новаго? Здѣсь есть казино, въ которомъ получаются французскія газеты; консулъ получаетъ «Le Nord». Но все это приходитъ поздно, а вашихъ, австрійскихъ нѣтъ вовсе. Очень бы хотѣлось получать «Wanderer», и въ Тріестѣ я было вздумалъ подписаться на 1/4 года, но мнѣ сказали, что надо отложить до 1-го января.

Удивительно, какъ раздѣляетъ море! Далеко ли до Тріеста? Всего три дня, стало 4 дня до Вѣны, а кажется, будто Богъ знаетъ въ какомъ живемъ захолустьѣ! «За моремъ», говоритъ русскій человѣкъ, обозначая даль.

Прощайте, любезнѣйшій Михаилъ Ѳедоровичъ, будьте здоровы. Маменька, братья и сестры свидѣтельствуютъ вамъ и вашимъ искреннѣйшее почтеніе, посылаютъ дружескіе привѣты и поклоны! Я васъ крѣпко обнимаю. Пишите и сообщайте всѣ новости. Продаетъ ли Австрія Венецію, или нѣтъ? Пароходъ изъ Тріеста въ Занте идетъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Имѣйте это въ виду. Письма все-таки посылайте на имя Опупча. Если же случится посылать прямо къ намъ, то не иначе, какъ въ казенномъ пакетѣ, на имя консула русскаго, Monsieur de Sandrini. Прощайте.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Вино здѣсь отличное, настоящій портвейнъ.

Тутъ наступаетъ перерывъ въ перепискѣ И. С. Аксакова съ М. Ѳ. Раевскимъ, объясняемый быстрымъ ходомъ болѣзни Константина Сергѣевича по прибытіи семьи Аксаковыхъ на островъ Занте: въ ночь на 7-е Декабря его уже не стало. Убитая горемъ семья Аксаковыхъ тронулась въ обратный путь въ Россію, увозя съ собой останки Константина Сергѣевича!

Вечеромъ, 19-го Декабря Аксаковы были уже въ Вѣнѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и гдѣ въ семьѣ его Аксаковы нашли самый радушный пріемъ. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха Аксаковы выѣхали изъ Вѣны 22-го Декабря. Во второй день новаго 1861 года Аксаковы, проѣхавъ черезъ Петербургъ, добрались, наконецъ, до Москвы, куда гробъ съ останками Константина Сергѣевича прибылъ наканунѣ новаго года.

Въ «Приложеніи» помѣщены выдержки изъ рукописныхъ воспоминаній сестеръ Ивана Сергѣевича, въ которыхъ читатели найдутъ подробности о пребываніи семьи Аксаковыхъ на островѣ Занте, о послѣднихъ дняхъ и часахъ жизни Константина Сергѣевича, а также о тяжеломъ переѣздѣ съ острова Занте обратно до Вѣны. Эти рукописные матеріалы, восполняющіе перерывъ переписки Ивана Сергѣевича съ М. Ѳ. Раевскимъ, обязательно сообщены намъ Ольгой Григорьевной Аксаковой, племянницей Ивана Сергѣевича и дочерью брата его Григорія Сергѣевича.

21.

Москва, 9 января 1861 г.

Любезнѣйшій, дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Простите, что не тотчасъ по пріѣздѣ написалъ къ вамъ. Сами можете вообразить, сколько было хлопотъ,—да и теперь еще мы не устроились. Я послалъ вамъ изъ Сталюпенена телеграмму. Къ ней прибавлять особенно нечего. На границѣ прусской мы не встрѣтили ни малѣйшихъ препятствій, и австрійскій вагонъ съ гробомъ брата сопровождалъ насъ до Бреславля. Въ Бреславль мы пріѣхали въ полдень и отдыхали тамъ до 5 часовъ, въ прекрасномъ Wartsaal. Тутъ я перенесъ гробъ въ другой, прусскій вагонъ, который за 120 талеровъ, ѣхалъ и останавливался съ нами вплоть до самой границы. Въ 5 часовъ отправились мы изъ Бреславля черезъ Позенъ, прямо въ Крейцъ, куда и докатились часовъ въ 11 вечера того же дня, и гдѣ уже дожидались насъ, въ ново-открытой гостинницѣ, двѣ теплыя комнаты, о чемъ я заранѣе телеграфировалъ. Это было очень кстати, потому что стужа была сильная и шло все crescendo. На другой день, часа въ 3 послѣ обѣда (въ Воскресенье), продолжали мы путь свой и въ Понедѣльникъ утромъ были уже на русской границѣ. Тутъ встрѣтили насъ во-первыхъ русская зима съ 20-тью градусами мороза, съ сугробами снѣга и съ глубокими ухабами; во-вторыхъ позволеніе провести тѣло въ Россію; въ-третьихъ деньги; въ-четвертыхъ шестимѣстный, тяжелый, аляповатый возокъ съ кондукторомъ. У нѣмца почтосодержателя купилъ я сани за 40 талеровъ; хорошіе сани, въ которые уложилъ тщательно гробъ, снова покрывши его клеенкой. Такъ мы и поѣхали. Придирки, прижимки, холодъ, голодъ,

дороговизна непріятнымъ образомъ напомнили намъ, что мы въ отечествѣ, дорогомъ, миломъ, но угнетенномъ отечествѣ. Сестру Вѣру ухабы до такой степени расколотили и разстроили, что мы вынуждены были отдыхать по ночамъ на сквернѣйшихъ станціяхъ. Къ тому же морозы все усиливались. Въ Ковно, у почтмейстера я не нашелъ своей шубы, отправленной къ нему изъ Варшавы: шесть дней сроку слишкомъ скорый срокъ для доставки вещей изъ Варшавы въ Ковно! Въ Четвергъ утромъ пріѣхали мы въ Динабургъ. Князь Оболенскій, одинъ изъ директоровъ общества желѣзныхъ дорогъ, заранѣе далъ знать о нашемъ путешествіи и намъ безъ затрудненія дали (за 80 р. сер.) особый вагонъ для гроба. Но путешествіе это было ужасно. Дорога открыта для публики, но еще не устроена порядкомъ; ни станцій, ни буфетовъ хорошихъ нѣтъ. Вмѣсто 16 часовъ до Петербурга мы ѣхали почти 40! Страшнѣйшіе снѣга задерживали поѣздъ, и мы по 8 часовъ сидѣли въ полѣ! Вагоны (coupé) холодные, грѣлокъ нѣтъ, и при всемъ томъ на станціяхъ нигдѣ не хотѣли останавливаться долѣе 15 минутъ, да и то всего 2 раза останавливались. Вмѣсто 7 часовъ утра въ Пятницу мы пріѣхали въ Петербургъ въ Субботу, въ 4 часа утра. Несмотря на то, мы нашли на станціи многихъ нашихъ родственниковъ, изъ молодыхъ людей. Не желая, однако, разстраивать себя ночью свиданіемъ съ моими тетушками, матушка не захотѣла остановиться у нихъ и мы стали въ нумерахъ Серапина, у Обуховскаго моста, близко отъ желѣзной дороги. Въ тотъ же день утромъ мы навели всѣ нужныя справки. Да, я и забылъ сказать, что еще въ Лугѣ встрѣтилъ насъ братъ Григорій, пріѣхавшій изъ Самары. Свиданіе съ нимъ причинило сестрѣ Вѣрѣ обморокъ, тѣмъ болѣе, что оно было совершенно неожиданно: телеграмму его, посланную на станцію въ Псковъ, мы не получили.

Итакъ, въ Субботу же перевезли мы тѣло брата съ Варшавской желѣзной дороги на Московскую. За 150 р. сер. дали намъ особый вагонъ, и безъ особенныхъ затрудненій согласились отправить съ пассажирскимъ (не съ почтовымъ) поѣздомъ. Вы знаете, что ходятъ два поѣзда: одинъ въ 20 часовъ, другой, съ пассажирами 2 и 3 класса, въ 30 часовъ. Въ Субботу, въ 2 часа пополудни, братъ съ пассажирскимъ поѣздомъ отправился впередъ въ Москву, куда и прибылъ на другой день въ 8 часовъ вечера, а мы, въ самый Новый Годъ, въ Воскре-

сенье, съ почтовымъ поѣздомъ отправились въ Москву и пріѣхали туда въ 8 часовъ утра въ Понедѣльникъ.

Въ Петербургѣ мы успѣли видѣться съ Княжевичемъ, которому и поручили доставить вамъ 400 голл. червонцевъ. Но ни зятя вашего, ни сына видѣть не было времени. Мы посылали къ послѣднему въ корпусъ; оказалось, что онъ на Волковомъ кладбищѣ. Я передалъ гостинцы своему двоюродному брату, и онъ взялся лично передать ихъ вашему Өедѣ и познакомиться съ нимъ. Посудите сами, мы только сутки пробыли въ Петербургѣ.

Графиня Блудова выписала меня къ себѣ и сообщила о такомъ успѣхѣ Славянскаго дѣла, который и до сихъ поръ кажется мнѣ невѣроятнымъ. Вѣроятно, вы уже знаете всѣ подробности. Она, т. е. графиня, посвящена Балабинымъ во всѣ наши секреты. Вѣроятно, посланникъ уже въ Вѣнѣ и сообщилъ вамъ все, что было. Слава Богу, не совсѣмъ безполезно было тутъ и наше участіе. Мнѣ это вспомнить очень пріятно.

Со всѣхъ сторонъ встрѣтили мы доказательства искренней дружбы, уваженія и глубокаго сожалѣнія о рановременной кончинѣ брата, и это очень утѣшило маменьку.

Тѣло брата моего было встрѣчено въ Москвѣ моими сестрами, Чижовымъ и еще нѣкоторыми друзьями, и тотчасъ же, несмотря на поздній вечеръ, перевезено и поставлено въ приходскую церковь той маленькой квартиры около Тверской, которую занимали оставшіяся три мои сестры. На другой день утромъ, въ Понедѣльникъ, пріѣхали мы. Что тутъ было, при свиданіи съ родными и друзьями и передавать нечего: обмороки, истерическіе припадки и другія явленія, равно гибельныя для здоровья — и оказывающія свое дѣйствіе если не вдругъ, то впослѣдствіи. Дай Богъ, чтобы дѣйствіе было не слишкомъ сильно, но въ настоящую минуту, какъ я вамъ пишу, сестра Вѣра лежитъ больная отъ изнеможенія, отъ усталости. Впрочемъ опасности нѣтъ.

Въ Понедѣльникъ же служили панихиду, о которой заранѣе было, по нашему распоряженію, публиковано въ газетахъ, и на которую съѣхались всѣ лично и заочно знавшіе покойнаго. Церковь оставалась отворенной цѣлый день и была постоянно посѣщаема.

Между тѣмъ маменька объявила непремѣнное свое желаніе, чтобы гробъ брата былъ открытъ, чтобы отпѣваніе было повторено. Въ тотъ же Понедѣльникъ отправился я къ Филарету, потомъ подалъ записку генералъ-губернатору и къ величайшему удивленію моему и всѣхъ — казавшееся невозможнымъ исполнилось легко и скоро! Вотъ, что значитъ материнская энергія и настойчивость! Разрѣшено было открыть гробъ, тутъ же, среди Москвы, въ церкви и повторить отпѣваніе: вещь неслыханная! Все это мы успѣли обдѣлать въ самый день пріѣзда, въ Понедѣльникъ, а на другой день были похороны. Утромъ передъ похоронами вскрылъ я гробъ съ замираніемъ сердца: ну если бальзамированіе не выдержало? Оно вполнѣ выдержало, и братъ лежитъ въ гробу, какъ на другой день смерти. Я думалъ, сначала, что видъ умершаго разстроитъ маменьку и сестеръ. Напротивъ, это доставило имъ невыразимое утѣшеніе, особенно тѣмъ, которыя не были съ нимъ на Занте и такъ сказать не простились съ нимъ. Передъ открытымъ гробомъ совершена обѣдня, по славянски отпѣли надъ нимъ отпѣваніе и русскую, московскую землю положили ему въ гробъ. Завѣтныя мечты его исполнились!

Похоронили его въ Симоновомъ монастырѣ и опустили въ могилу рядомъ съ покойнымъ отцемъ. Несмотря на 25 град. мороза, несмотря на вьюгу, на непроѣздную дорогу, всѣ вѣрные друзья его проводили его до могилы.

Теперь, до 6-недѣльнаго срока, т. е. до 15 Января, служили заупокойныя обѣдни. Хотя мы и телеграфировали своимъ о томъ, чтобы они наняли домъ, но они нанять не рѣшились, тѣмъ болѣе, что въ это время года хорошія квартиры большею частью заняты. Такимъ образомъ мы тѣснимся теперь въ тѣхъ трехъ комнатахъ, въ которыхъ жили три мои сестры. Я цѣлый день съ утра до вечера ищу квартиру и даже не раскладывалъ своихъ чемодановъ, уложенныхъ еще въ Зантѣ. Тѣмъ не менѣе вотъ вамъ мой адресъ: въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Занденъ, на квартирѣ г. Томашевскаго.

По этому адресу прошу васъ распорядиться и посылкою моего большого ящика съ книгами. Вообразите, что у насъ такая зима, какой я и не запомню: морозы дошли до 32 градусовъ! Просто ужасъ! Потомъ вдругъ на нѣсколько часовъ стужа спала на 3 градуса, а теперь опять лѣзетъ въ гору. Я

послалъ отсюда Глѣбу Егоровичу деньги: 290 р. сер. по здѣшнему курсу, который выше петербургскаго. Какъ получу отъ него росписку, доставлю вамъ, а вы увѣдомьте, какъ скоро дойдутъ до васъ червонцы.

Въ самый день похоронъ вышла послѣдняя книжка «Бесѣды». Она начинается предсмертнымъ сочиненіемъ Хомякова и кончается извѣстіемъ о братѣ. Надгробный памятникъ имъ обоимъ.

Умеръ Ганка! Для Россіи это великая потеря. Онъ душою былъ православный и мы собираемся отслужить по немъ панихиду въ университетской церкви.

Я еще не осмотрѣлся, не очнулся. Жду писемъ отъ васъ. Что «Посланіе»? Печатается ли? Получили ли бумаги брата отъ Вагнера? Я все еще вижу во снѣ наше 3-хъ недѣльное странствованіе съ тѣломъ Константина. Какъ пусто въ Москвѣ! Какое одиночество! Невольно вспомнишь стихи Давыдова:

То былъ вѣкъ богатырей,
Но смѣшались шашки,
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки!

Маменка и сестры посылаютъ вамъ самый дружескій привѣтъ и цѣлуютъ вашихъ. Маменька еще нынче занималась выборомъ русскихъ книгъ для Людмилочки и непремѣнно пришлетъ вамъ свою фотографію. Для вашего сына сдѣлаемъ все, что возможно. Прощайте, дорогой другъ нашъ. Крѣпко васъ обнимаю. Теперь мы въ пристани—горя. Весь вашъ

Ив. Аксаковъ.

Маменька сама будетъ писать вамъ. Кланяйтесь Балабину, Гагарину и всѣмъ славянамъ. Давайте порученій, дайте случай вамъ быть полезнымъ.

Сколько газетъ расплодилось въ Москвѣ, и ни одной путной!

22.

28 Янв. ст. ст. 1861 г. Москва.

Да что-жъ это съ вами сдѣлалось, любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ? Ни слуху, ни духу! Вамъ нечего было дожидаться адреса нашего, адресъ извѣстный: или прямо въ Москву, или

чрезъ посольство и министерство. Впрочемъ, вотъ вамъ нашъ новый обстоятельный адресъ: въ Москву, на Малой Никитской, домъ Гусева, бывшій барона Корфа. Я думаю, вы уже получили деньги съ Балабинымъ. Отъ вашего зятя я также получилъ росписку. Тетушка моя, Анна Степановна Аксакова въ Петербургѣ пишетъ, что сынъ вашъ у нея обѣдалъ въ воскресенье, обѣщался придти и въ слѣдующее воскресенье, только не пришелъ, и она поручила одному его товарищу опять его звать. Для славянъ, т. е. для снабженія ихъ нужными книгами, я кое-что затѣваю: имѣйте терпѣніе. Также намѣреваюсь издавать газету и продолжать «Бесѣду», однимъ словомъ, посильно продолжать завѣщанное намъ нашими дорогими умершими дѣло. Читали ли вы статью о братѣ въ 90-мъ № «Колокола»?

Кланяйтесь Виктору Петровичу и князю. Скажите первому, что я получилъ его письмо, высоко цѣню его довѣріе и много, много ему благодаренъ. А князя попросите написать къ Погенполю и добиться толку, что стало съ французской брошюрой брата: если Погенполь не берется за напечатаніе, то пусть возвратитъ немедленно рукопись, которую потрудитесь тотчасъ же доставить ко мнѣ. По моимъ соображеніямъ, вы должны были получить нѣсколько писемъ на мое имя и даже посылокъ. Что же ничего не шлете? Э-эхъ!

Прошу васъ, внимательно слѣдя за событіями, составлять записки въ родѣ тѣхъ, какія вы мнѣ читали, но не посылая ихъ туда, куда посылали прежде, доставлять ко мнѣ, для напечатанія, можетъ быть въ моей газетѣ.

Маменька вамъ писала большое письмо, и сестры также. Фотографія уже готова и скоро пришлется.

Прощайте, любезный другъ. Крѣпко обнимаю васъ. Обнимите за меня нашихъ славянъ. Не худо бы вамъ спосылать Ивана Михайловича въ Варшаву за 2-й книгой «Русской Бесѣды». Тамъ есть рядъ статей, посвященныхъ памяти Хомякова.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Аннѣ Ѳеодоровнѣ и всей семьѣ вашей мой дружескій поклонъ.

А что же корректура? Что печатанье посланія? Всѣ ли пункты моей инструкціи исполнены?

23.

7 Февраля 1861 г.

Наконецъ нынче дошли ко мнѣ изъ Петербурга ваши посылки и ваше письмо, дорогой Михаилъ Өеодоровичъ. Письмо это писано было до пріѣзда въ Вѣну Виктора Петровича. Теперь обстоятельства перемѣнились, и всѣ говорятъ навѣрное, что Викторъ Петровичъ останется въ Вѣнѣ и не будетъ сидѣть въ Испаніи на балконѣ, за «чугунными перилами». Отвѣчаю вамъ по пунктамъ.

1) Вагнеръ увѣдомилъ и меня, что все готово. Такъ какъ нѣтъ другого способа добыть книги изъ Лейпцига, то я вполнѣ уполномочиваю васъ съѣздить на нашъ счетъ въ Лейпцигъ. Только желательно было бы, чтобъ это произошло поскорѣе, и поскорѣе присланы были бы сюда книги.

2) Вагнеръ добивается адреса Алексича. Если вамъ оный извѣстенъ, сообщите ему. Да скажите Алексичу, что прежде чѣмъ идти въ монахи, какъ онъ имѣетъ намѣреніе, слѣдуетъ расплатиться съ долгами.

3) Я послалъ въ Петербургъ для васъ посылку: картину масляными красками, писанную крестьяниномъ и принадлежавшую брату: видъ Москвы.

4) Увѣдомьте, какъ лучше теперь посылать вамъ книги и посылки: чрезъ Министерство или чрезъ Варшаву? У меня очень много накоплено и собрано книгъ для васъ и для славянъ.

5) Я недоволенъ полученнымъ мною французскимъ письмомъ М. Б. Путаютъ. Славянскій непрактицизмъ! Буду отвѣчать ему чрезъ Петербургъ, и прошу васъ прочесть мое письмо В. П.

6) Попросите князя Гагарина истребовать отъ Погенполя французское сочиненіе брата, если оно не напечатано. Да онъ же хотѣлъ прислать мнѣ копію съ фотографіи моего отца.

7) Вамъ фотографіи скоро будутъ присланы.

8) Статья Шпуна очень молода. Какіе еще дѣти эти славяне. Но спасибо ему.

9) Распорядились ли вы съ ящикомъ моимъ? Увѣдомьте.

10) Я буду издавать «Бесѣду», т. е. такой же періодическій сборникъ, но съ другимъ названіемъ, изъ уваженія къ памяти Хомякова и брата, съ которыми «Бесѣда» кончилась. Дѣло объ этомъ въ ходу. Можетъ и газета будетъ. Дайте срокъ.

11) Попросите Крыницкаго сдѣлать мнѣ вновь списокъ книгъ, ему нужныхъ.

12) Сынъ вашъ бываетъ въ Петербургѣ, между прочимъ, у моей тетушки Анны Степановны Аксаковой, обѣдалъ у нея.

13) Получили ли вы всѣ деньги, и какъ состоитъ разсчетъ?

14) Нашъ адресъ въ Москвѣ: на Малой Никитской, въ домѣ бывшемъ Корфа, нынѣ Гусева.

Я занятъ, между прочимъ, разборомъ и описью бумагъ брата. Рукописей ненапечатанныхъ, конченныхъ и неоконченныхъ, осталось очень много, и важныхъ. Но страшно тяжело чувствовать себя до такой степени одинокимъ! Я уже и потому взялся за изданіе журнала, чтобы создать хотя внѣшній центръ, связующій остальныхъ. Все же, пока живъ, и сколько разумѣю, останусь вѣрнымъ своему знамени и буду блюсти его чистоту. Этимъ самымъ я буду служить памяти дорогихъ мнѣ лицъ.

Впрочемъ, смерть Хомякова и брата произвела сильное впечатлѣніе, хотя и не эффектное, въ Россіи. Всѣ единогласно преклонились передъ ними съ уваженіемъ. Славянофильствованіе начинаетъ даже входить въ моду, — но примыкающіе къ нему внѣшнимъ образомъ, несутъ гиль страшную, не понимая, что это дѣло духа, началъ.

Маменька и сестры здоровы, т. е. не больны какою либо болѣзнью, но маменька страшно убита горемъ...

Прощайте. Крѣпко обнимаю васъ. Вамъ было писано, я думаю, писемъ до 5, а отъ васъ это только первое. Ой, не лѣнитесь!

Дружескій поклонъ всему вашему семейству. Буду писать еще чрезъ Петербургъ.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

24.

Воскресенье, 19-го Марта 1861 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Давно я вамъ не писалъ. Получивъ ваше письмецо изъ Варшавы, я поджидалъ отъ васъ скорой присылки Лейпцигскихъ брошюрокъ. Но ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Ради Бога, вы-

сылайте хоть по частямъ съ каждымъ курьеромъ: очень онѣ мнѣ здѣсь нужны. Всѣ ваши прежнія письма и посылки получилъ; ящикъ съ книгами также дошелъ благополучно. Какъ я вамъ благодаренъ за шубу (я еще, впрочемъ, не получилъ ее): я уже думалъ, что она пропала. Нынче отсылаю я къ Гильфердингу кипу книгъ для васъ, для славянъ, и для нашихъ друзей Крилицкаго и Головацкаго. Тутъ найдете вы полный экземпляръ «Православнаго Обозрѣнія» за прошлый годъ и два №№ нынѣшняго года. Также найдете вы экземпляровъ 6 брошюры изданной въ Кіевѣ: это очень важная, интересная вещь, объ отношеніяхъ Польши къ Червонной Руси; это какъ разъ кстати, по случаю современныхъ польскихъ притязаній на Галицію и на Западныя русскія провинціи. Отдайте ее въ Русску политичну часопись «Слово», если она издается. Я писалъ также къ издателю малороссійскаго журнала «Основа», чтобъ онъ выслалъ вамъ два-три экземпляра, хотя, впрочемъ, я лично нисколько не сочувствую его направленію.

Получаю я здѣсь «Ostdeutsche Post» и внимательно слѣжу за тѣмъ, что у васъ творится. Вотъ какою жизнью зажила Вѣна! Я хлопочу о газетѣ; но еще не имѣю разрѣшенія; мои узы, увы! еще не разрѣшены, хотя и у насъ совершилось освобожденіе крестьянъ. Кстати о послѣднемъ. Дѣло поистинѣ громадное, необъятное, великое и святое, но важно тутъ собственно произнесенное слово, уничтоженіе крѣпостнаго права, какъ права, и заявленіе принципа о нераздѣльности крестьянъ съ землею. Самый же манифестъ написанъ уродливо, на какомъ-то татарскомъ языкѣ; положеніе въ высшей степени запутано, многосложно. Ни крестьяне, ни помѣщики не удовлетворены. Крестьяне говорятъ: «тутъ что-нибудь не такъ: будетъ настоящая воля, а то—что это за воля: иди на барщину!» Впрочемъ, настоящіе результаты обозначатся весною, не раньше. Тогда обнаружится (по отношенію къ полевымъ работамъ), какъ понимаютъ крестьяне положеніе. Мудрый народъ нашъ принялъ извѣстіе серьезно и важно: онъ не вѣтренный, не взбалмошный, не легкомысленный западный народишка. Знайте, что несмотря на послѣдній день Масляницы, народъ пилъ и веселился въ сто разъ меньше, чѣмъ въ прошломъ году въ этотъ день, и откупщики въ страшномъ убыткѣ. Нигдѣ ни малѣйшаго безпорядка! Напротивъ, крестьяне были очень оскорблены

мѣрами предосторожности, противъ нихъ принятыми. За то мысль Погодина о постройкѣ церкви встрѣтила сильнѣйшее сочувствіе въ народѣ. Вотъ важное явленіе: это жадность къ грамотности, обнаруживаемая въ народѣ! Не напасутся школь! Прежде бывало и калачемъ не заманишь, а теперь отбоя нѣтъ. Народъ чувствуетъ, что приходитъ его очередь выступить на сцену и спѣшитъ вооружиться—грамотой.

Итакъ я хлопочу о газетѣ. Журнала и газету вмѣстѣ издавать не позволятъ; пришлось мнѣ изъ двухъ выбрать послѣднее, т.-е. газету, ибо для журнала нѣтъ никакихъ денежныхъ средствъ. Особенно теперь, когда денегъ нѣтъ ни у кого и имѣется въ виду переворотъ, отъ котораго (на первые года) убавится, по крайней мѣрѣ, половина дохода у помѣщиковъ, они не охотно подписываются на журналы, особенно на серьезное чтеніе. Если же мнѣ дозволятъ издавать, то мнѣ необходимы будутъ корреспонденты съ сеймовъ славянскихъ, вѣнскаго и венгерскаго.

Пусть посылаютъ по почтѣ, съ оказіей неудобно. Теперь же у васъ конституція и бояться нечего.

Я имѣю письма изъ Бѣлграда, но право не знаю, что отвѣчать. Того, чего они желаютъ, у меня нѣтъ и достать неоткуда, а совѣтовъ заочныхъ лучше и не давать: обстоятельства безпрестанно видоизмѣняются. Но я не совсѣмъ доволенъ письмами. Получилъ письмо отъ издателя «West und Ost», славянской газеты на нѣмецкомъ языкѣ. Что она, какъ идетъ? Я ему еще не отвѣчалъ. Хотѣлось бы знать, какъ она принята въ славянскомъ мірѣ. Пришлите мнѣ ее съ первой оказіей. Прощайте. Маменька и всѣ сестры вамъ и вашимъ дружески кланяются. Я же васъ крѣпко обнимаю. Буду писать вамъ чрезъ Гильфердинга на-дняхъ. Кланяйтесь всѣмъ.

Весь вашъ И. Аксаковъ.

Адресъ мой: на Малой Никитской, въ домѣ Гусева, бывшемъ Корфа.

25.

28-го Марта ст. ст. 1861 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ. Получилъ ваши посылки, т.-е. «Србски Лѣтописецъ» и «Gebetbuch». Отчасти уже роздалъ, отчасти раздамъ. Прекрасенъ вашъ переводъ. Филарету уже доставлено. Недавно я послалъ вамъ много книгъ; въ то число попали мои книги, которыя я вовсе не намѣренъ былъ посылать: три выпуска сказокъ собранія Афанасьева, но дѣлать нечего, пускай идутъ. На-дняхъ получите отъ меня 50 экземпляровъ стихотвореній Хомякова, изданныхъ подъ моимъ наблюденіемъ; возьмите экземпляръ себѣ, дайте Кузмани, Крипицкому, Головацкому, пошлите въ Прагу, въ Бѣлградъ (обществу, митрополиту, консулу, кн. Михаилу, Гручичу, Илличу, проф. Срѣтковичу, Любиму Ненадовичу, въ Читалиште, Бану, Матичу, Влайковичу, и экземпляровъ 10 митрополиту для раздачи кому сочтетъ приличнымъ); въ Фіуме Вас. Өед. Кожевникову, въ Рагузу Петковичу, графу Поцца, въ Загребъ—Шулцу Мажураничу, Кукулевичу, Мирко Боговичу, въ Прагу Смоляру, во всѣ Читалишта и Матицы, Балабину, Гагарину. Съ оказіей пришлю еще 50 экземпляровъ для раздачи. Одинъ экземпляръ пошлите въ Мюнхенъ—Herrn Bodenstedt, Karlsstrasse, 68. Это вы себѣ выпишите, кому что раздать. Часть можно будетъ пустить въ продажу не прибыли ради, а ради того, чтобъ досталось и тѣмъ, кто съ вами не знакомъ.

Еще вы получите отъ меня рукопись (брата), которую прошу немедленно переслать по почтѣ Вагнеру для напечатанія. Я пишу ему объ этомъ подробно. Васъ же прошу держать корректуру. Онъ будетъ вамъ высылать franco, а вы ему отсылайте unfrankirt. Да нельзя ли вамъ выдрессировать лейпцигскаго консула, чтобъ онъ пересылалъ офиціально книги изъ Лейпцига въ Вѣну.

Ваше послѣднее письмо, при коемъ посланъ Gebetbuch, шло съ курьеромъ и пришло ко мнѣ поздно. Очевидно, оно писано до поѣздки вашей въ Варшаву. Неужели вы забыли, что я прошу у васъ 200 экземпляровъ «Посланія къ сербамъ»? Ради Бога пришлите какъ можно скорѣе.

Это письмо идетъ по почтѣ, а потому не распространяюсь о политикѣ. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій объ Албанскомъ

берегѣ, о венгерскомъ и хорватскомъ сеймѣ. Кланяюсь всѣмъ, васъ обнимаю крѣпко. Аннѣ Ѳеодоровнѣ и дочерямъ вашимъ мой дружескій привѣтъ. Прощайте.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Мой адресъ: на Малой Никитской, домъ Гусева. На Ѳоминой недѣлѣ одинъ мой знакомый ѣдетъ въ Вѣну, и я пошлю съ нимъ много книгъ.

26.

5-го Мая 1861 г. Москва.

Христосъ Воскресе и Воистину воскресе, дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ. На-дняхъ получилъ я ваши письма съ приложеніемъ писемъ изъ Сербіи и съ 50 экз. «Посланія къ сербамъ». Благодарю васъ. Вы напрасно такъ горячо принимаете къ сердцу подарки, присланные матушкой; вспомните, что она принадлежитъ къ тому поколѣнію, которое теперь постепенно исчезаетъ, и котораго отличительной чертой было: хлѣбосольство, гостепріимство, дареніе. Матушка безъ этого быть не можетъ, и одариваетъ всегда всѣхъ, кого любитъ, а вовсе не изъ чувства благодарности. Въ минуты самаго отчаяннаго горя, ее выводила изъ бездны печали — забота о гостяхъ, о томъ, чтобы «однакоже хорошенько угостили гостей», въ чемъ она ни на кого, кромѣ себя, не полагается. Дарить—доставляетъ ей удовольствіе не меньшее, если не большее, чѣмъ тому, кто получаетъ даръ. Я писалъ на Святой большое письмо къ Ѳедѣ и жду отъ него отвѣта. Что-то онъ напишетъ?

Славяне и меня приводятъ въ отчаяніе, но пуще всего Сербія, т.-е. княжество. Поступокъ Михаила съ Россіей—просто глупый и грубый! Мы достигли блистательнѣйшихъ результатовъ, какихъ не могли надѣяться! Наше дѣло въ Сербіи было признано нашимъ правительствомъ, и, несмотря на страшное безденежье, на угрожающее банкротство, Государь назначилъ сербскому князю выдать въ заемъ, безъ срока и процентовъ, 300 т. дукатовъ, т.-е. 900 т. р. сер. Чего же больше! Деньги были отложены, готовы къ отсылкѣ, ожидали гонца за ними. Нѣсколько мѣсяцевъ ни письма, ни гонца отъ Михаила, ни выраженія благодарности. И вдругъ, посредствомъ телеграфи-

ческой депеши, отказъ подъ разными ничтожными предлогами. «Теперь дескать не время закупать оружіе». Поздно будетъ занимать, когда наступитъ время!—«Трудно объяснить скупштинѣ». Во 1-хъ можно и не объявлять, ибо заемъ безсрочный и безпроцентный; во 2-хъ скупштинѣ можно было бы объявить, что у Россіи занято столько-то на государственныя потребности, и скупштина одобрила бы единогласно, съ кликами восторга!—Для меня очевидно, что Михаила окружаетъ партія Швабская (не собственно нѣмцы, а Сербы изъ за Дуная), антидемократическая, не народная, не скупштинская, Наполеонистская, ищущая опоры во Франціи, хитрящая, имѣющая странную охоту faire de la politique! Эти люди, безъ сомнѣнія, гораздо умнѣе, зрѣлѣе, образованнѣе—людей партіи народной, но ими можно пользоваться только какъ орудіемъ, какъ напр. и Баномъ.—Въ Сербіи вся сила въ народѣ, и нашему консулу слѣдуетъ непремѣнно держаться народа и его представителей. Только это и можетъ дать намъ самимъ силу въ Сербіи, силу нашей политикѣ. Это единственный нашъ рычагъ, котораго, при всѣхъ усиліяхъ, не могутъ имѣть никакіе Наполеоны и Францы Іосифы. Какъ же скоро мы отъ этого рычага добровольно отказываемся, то мы становимся безсильны, безсильнѣе Наполеона и Франца Іосифа. Въ Сербіи и въ Турціи у насъ должна и можетъ быть своя политика, вовсе не похожая на обще Европейскую; въ обще-Европейской же политикѣ мы всегда будемъ слабѣе Франціи и Австріи.—Мнѣ сдается, что Влангали не сошелся съ партіей народной, партіей митрополита (оно и понятно: представители этой партіи отталкиваютъ своими не Европейскими формами). Но онъ можетъ быть увѣренъ, что несмотря на всю пріятность отношеній съ партіей антидемократической, въ ней живетъ ненависть къ Россіи. Кристичи и Христичи и Гарашанинъ съ компаніей не тянутъ къ намъ, тянутъ несравненно менѣе, чѣмъ какой-нибудь Янковичъ, ругающій Россію громко и во всеуслышаніе. Такъ онъ (Алексд. Егоровичъ) рекомендуетъ министерству будущую газету Поповича, а Поповичъ чуть-ли не тотъ самый, который писалъ въ Темесварской газетѣ подлѣйшія клеветы на Митрополита.

Денегъ у насъ нѣтъ ни полушки и взять неоткуда. Такъ и пишите Влангали и Бану. Я никогда денегъ имъ, сверхъ 3000 р., не обѣщалъ и всегда говорилъ и писалъ, что част-

ными средствами дѣло идти не можетъ. Частныя средства могли только пустить дѣло въ ходъ, дать ему толчокъ на столько, чтобы «увлечь правительство Сербское и Русское на путь положительнаго содѣйствія». Это и исполнено нами, русское правительство дало доказательство своей готовности, и вся вина лежитъ на Сербскомъ правительствѣ.—Потомъ въ употребленіи денегъ долженъ быть данъ подробный отчетъ Комитету. Кромѣ Бана, есть другіе члены, съ которыми Влангали можетъ посовѣтоваться.

Безумствуютъ славяне на западѣ и на востокѣ, безумствуемъ и мы. Что у насъ творится—такъ это только русскому постижимо. Можетъ быть вамъ кажется издали, что освобожденіе 23 милліоновъ крестьянъ внесло въ само правительство нѣкоторыя новыя стихіи разумности и свободы? Ничего не бывало. Положеніе съумѣли сочинить такое, что большая часть крестьянъ или въ возстаніи или отказываются работать и платить. Не мало пролито крови, но вѣдь такъ какъ мы свои (а съ своими что за счеты), то для чего же и церемониться? О пяти полячишкахъ крику и шуму много, о 70 убитыхъ крестьянокъ въ Казани и о 20 убитыхъ въ Пензѣ, о 9 заколотыхъ штыками въ Черниговѣ, о сотнѣ запоротыхъ въ другихъ губерніяхъ—нѣтъ и разговору!

Съ моей газетой прекурьезная исторія. По предварительномъ сношеніи съ министромъ Ковалевскимъ, я послалъ къ нему прямо просьбу о газетѣ, написавъ программу самую невинную (даже не прошу политическаго обозрѣнія, ибо это встрѣтило бы затрудненія), такую, которая по закону можетъ быть разрѣшена самимъ главнымъ управленіемъ цензуры и его предсѣдателемъ, т. е. министромъ, если не встрѣтитъ оппозиціи въ главномъ управленіи. Министръ доложилъ мою просьбу Государю. Государь повелѣлъ: запрещеніе «Паруса» не считать препятствіемъ къ дозволенію мнѣ газеты, а программу разсмотрѣть въ главномъ управленіи. Но въ главномъ управленіи—Мухановъ (товарищъ), Адлербергъ Александръ, Тимашевъ (это было за недѣлю до его увольненія) и Берте—возстали противъ Ковалевскаго, какъ онъ смѣлъ мимо ихъ испрашивать Высочайшее повелѣніе, какъ онъ смѣетъ стѣснять права членовъ, предлагая имъ къ обсужденію вопросъ о програмиѣ, а не объ лицѣ; они нашли Высочайшее повелѣніе неяснымъ и потребовали по-

ваго доклада Государю съ поясненіемъ ихъ возраженій. Дѣлать нечего, опять доложилъ Ковалевскій Государю и нашелъ его уже предувѣдомленнымъ. Государь объявилъ, что Ковалевскій его не понялъ и велѣлъ обсуждать дѣло во всѣхъ отношеніяхъ. Новое засѣданіе главнаго управленія.—Вопросъ былъ уже не о программѣ, а объ лицѣ, о томъ, исправился ли я послѣ «Паруса» или нѣтъ. Тимашевъ доказывалъ, что я неисправимъ, что онъ меня знаетъ лично и проч. Однимъ словомъ, 5 человѣкъ и министръ были за меня, вышепоименованные 4 господина противъ меня. Хотя большинство и не то, которое требуется закономъ, однакожъ все же большинство въ мою пользу. За разногласіемъ журналъ долженъ былъ докладываться опять Государю. Видно, у него времени много! Онъ продержалъ его сутки и возвратилъ съ повелѣніемъ внести это дѣло въ совѣтъ министровъ (подъ его предсѣдательствомъ)! Это было на Страстной. Совѣтъ на Страстной и на Святой не собирался; вѣроятно соберется на этой недѣлѣ. Что рѣшитъ—неизвѣстно; но судя по тому, какъ дѣло шло до сихъ поръ, мало шансовъ въ мою пользу. Не безуміе ли это? Добро бы не было цензуры! А цензура есть, и очень строгая. Каждый день самыя строгія предписанія!—Ковалевскій министръ шатается и падаетъ жертвою своего либерализма! Противъ него ополчились графъ Строгоновъ (этотъ лжелибералъ и лжепросвѣщенный человѣкъ), кн. Долгорукій и другіе великіе мужи, обвиняя его въ томъ, что онъ распустилъ литературу, распустилъ университеты, дозволилъ воскресныя школы, и проч.

У насъ письмо Омальскаго запрещено и наша журналистика въ бо́льшей зависимости находится отъ французскаго правительства нежели сами французскіе журналы! Не наградитъ ли насъ чѣмъ Его Величество Наполеонъ III за наше холопское усердіе?

Вчера читалъ я объявленное всѣмъ журналистамъ предписаніе, чтобы въ политическихъ обозрѣніяхъ ограничивались однимъ изложеніемъ фактовъ, не выражая ни сочувствія, ни порицанія, «не созидая теоріи», «не дѣлая выводовъ», и проч.

Ну не домъ ли сумасшедшихъ?

Я охотно готовъ былъ бы писать Ткалацу въ его газету, но согласитесь, что мнѣ ему писать? Славяне могутъ намъ разсказывать что у нихъ скверно и ожидать отъ насъ помощи.

Намъ же разсказывать имъ, какъ у насъ скверно, не приходится. А кромѣ сквернаго нечего и разсказывать! Освобожденіе крестьянъ? Но манифестъ хорошъ только какъ брешь въ крѣпостной стѣнѣ, или какъ бранцеръ. Другого жизненнаго примѣненія «Положеніе» имѣть не будетъ, ибо оно противорѣчитъ всѣмъ естественнымъ и законнымъ требованіямъ народа. И хотя и умные люди занимались этимъ дѣломъ, но они должны были сообразоваться не съ народными требованіями, а съ требованіями петербургскихъ умалишенныхъ. Крестьяне «Положеніемъ» болѣе недовольны, чѣмъ помѣщики. Вмѣсто того, чтобы развязать ихъ другъ съ другомъ окончательно, ихъ связали, поставивъ другъ къ другу въ самое фальшивое, враждебное положеніе. Крестьяне не работаютъ, ихъ энергическіе генералъ и флигель-адъютанты сѣкутъ, ссылаютъ, застрѣливаютъ, а у помѣщиковъ — дай Богъ, если хоть половина доходовъ соберется нынѣшнею зимою. Всего вѣроятнѣе, что и этого не будетъ. Денегъ нѣтъ, ни занять, ни заложить негдѣ.

Прощайте, обнимаю васъ. Если успѣю, то напишу многоуважаемому Виктору Петровичу и князю Гагарину и Влангали и Б-у, съ этой же оказіей. А вы, впрочемъ, покажите В. П. и Гагарину мое письмо. Мой дружескій поклонъ вашему семейству.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

А каковъ Францъ Іосифъ? Молодецъ. Начинаю любить Австрію: умна, умна, а меня здѣсь тошнитъ отъ тупоумія.

27.

Мая 10-го, 1861 г. Москва.

Я написалъ вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ, большое письмо, которое послалъ черезъ министерство. Не знаю, дошло ли оно до васъ. — Вслѣдъ затѣмъ получилъ письмо отъ Вагнера, который уже приступилъ къ печатанью. А теперь я съ просьбой. Прошу васъ, съ прилагаемымъ письмомъ, отправиться къ банкиру Euphrussi (онъ отличный малый, говоритъ по русски какъ вы, да я) — живетъ онъ въ домѣ Montenovo что близъ Freiungsplatz. Покажите ему это письмо. Я отдалъ ему въ Вѣнѣ 80 фунт. стерлинговъ чистымъ англійскимъ золо-

томъ, и просилъ переслать ихъ банкиру Споридп на о-вѣ Занте, подъ фирмою Averino et C° . Онъ уже знаетъ. Но Споридп мнѣ пишетъ, что до сихъ поръ не получилъ ни копѣйки. Пожурите Euphrussi и велите ему немедленно уплатить эту сумму, и меня «о послѣдующемъ увѣдомьте».

Разрѣшенія на газету еще не получалъ.

Вы бы меня очень одолжили, если бы отдали снять копію съ портрета брата, который, кажется мнѣ, есть у васъ, тому же вѣнскому фотографу, который снималъ вашъ портретъ. Закажите ему двѣ копіи того же размѣра, какъ и портретъ и дюжины двѣ маленькихъ карточекъ, въ родѣ визитныхъ. И все это пришлите мнѣ немедленно.

И за все это деньги отдамъ разомъ, равно какъ и за шубу и прочія издержки. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

28.

28-го Іюня 1861 г.

Драгоцѣнный Михаилъ Өеодоровичъ.

Это письмо отдастъ вамъ мой хорошій пріятель, Эммануилъ Александровичъ Мамоновъ, художникъ, отправляющійся съ своимъ семействомъ въ Италію, человѣкъ очень умный и образованный. — Съ нимъ посылаю я цѣлый пакетъ книгъ для Крипицкаго: въ томъ числѣ есть книги и для васъ. Всѣ письма ваши и присылки дошли до меня исправно: отъ всей души благодарю. Вспомните, что мы вамъ остаемся должны 60 руб. сер. (было 80 руб., но за исключеніемъ 20 руб., отосланныхъ вашей матушкѣ, отъ которой и письмо получилъ съ увѣдомленіемъ о дошедшихъ деньгахъ, остается 60 руб. сер.).

Крипицкій вамъ дастъ прочесть мое письмо. Изъ него вы узнаете кое-какія новости. Самъ же, нынче или завтра, пошлю письмо къ вамъ черезъ курьера, потому что съ Мамоновымъ письмо пройдетъ долго.

Мамоновъ человѣкъ хорошій, былъ пріятелемъ Хомякова, болѣе или менѣе славянофилъ (собственно онъ). Поэтому, не худо сдѣлаете, если позовете его къ себѣ вечеромъ на Крипицкаго, Головацкаго, и проч. и проч. Распорядитесь какъ нибудь,

съ свойственною вамъ ловкостью, насчетъ пересылки ко мнѣ 25 или болѣе экземпляровъ книги брата, напечатанной въ Лейпцигѣ.

Въ Петербургѣ состоялось, наконецъ, Высочайшее разрѣшеніе выписывать славянскія газеты по почтѣ, т. е. можно будетъ на нихъ подписываться въ газетныхъ экспедиціяхъ Петербурга и Одессы. Цензоромъ назначенъ Гильфердингъ въ Петербургѣ.

Всѣхъ обнимаю и всѣмъ кланяюсь.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

29.

15 Іюля 1861 г. Москва.

Драгоцѣнный Михаилъ Θеодоровичъ.

Давно собирался къ вамъ писать настоящимъ образомъ, т. е. не отрывочно, но многое мѣшало, а въ особенности страшные жары. У насъ просто африканское лѣто,—и это уже 2-й годъ. По метеорологическимъ наблюденіямъ, доставляемымъ сюда по телеграфу, въ Москвѣ жарче всѣхъ городовъ Европы, и одна температура съ Каиромъ. Цѣлый мѣсяцъ почти стояло 29 град. въ тѣни! За то и зимою болѣе мѣсяца было у насъ по 30 град. холода!—Мы же, по несчастью, должны были остаться нынѣшній годъ въ городѣ; хорошо, что есть еще у насъ небольшой садикъ при домѣ, съ террасой.

Буду отвѣчать вамъ по порядку.

1) Я рѣшительно не знаю, что дѣлать съ желаніями или съ просьбами Бана и Станковича. Московское наше общество въ такомъ печальномъ положеніи, что я не могу желать пріѣзда ни одного славянина. Общественной жизни нѣтъ ровно никакой. Журнальныя партіи разошлись еще болѣе и между собою не видятся. Нашъ (славянофильскій) кругъ совсѣмъ разстроился. Кошелевъ зиму, вѣроятно, проведетъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ назначенъ членомъ разныхъ коммиссій; жена его съ дочерью уѣхала за границу. Хомякова домъ не существуетъ. Свербѣевыхъ домъ потерпѣлъ страшныя несчастія и также почти не существуетъ. Самаринъ — членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ въ г. Самарѣ. Князь Черкасскій—мировымъ посредникомъ въ Тульской губерніи; Елагинъ также, и также въ Тульской губерніи. Нашъ домъ—домъ скорбный. Мы ведемъ жизнь

очень тихую и скромную; вечеровъ у насъ не бываетъ, да и звать-то некого. Конечно, заведенъ теперь и Благотворительный Комитетъ, и проч., но это все болѣе офиціальное дѣло, только и поддерживается офиціальными формами. При этихъ обстоятельствахъ я со страхомъ гляжу на предстоящій мнѣ трудъ изданія, который весь будетъ лежать на моихъ плечахъ. Гдѣ же тутъ няньчиться съ Баномъ, который умретъ со скуки въ Москвѣ. Денегъ нѣтъ ни у кого. Дороговизна такая, какой въ Европѣ нигдѣ нѣтъ (сѣно вѣрно будетъ по 1 р. сер. за пудъ). Банъ мечтаетъ о томъ, что будетъ писать трагедіи изъ русской исторіи и проситъ указать ему сюжетъ! Онъ мечтаетъ, что представивъ на русской сценѣ въ переводѣ одну изъ своихъ трагедій, онъ пріобрѣтетъ здѣсь успѣхъ громадный. Онъ не понимаетъ, что мы несравненно развитѣе славянъ въ литературномъ и художественномъ отношеніи; что его трагедіи—младенческій лепетъ, не имѣющій никакого художественнаго достоинства, который будетъ осмѣянъ публикой: «ну, батюшка, хороши ваши славяне, угостили», и пр., вотъ, что скажутъ. Въ Прагѣ другое дѣло. Достаточно продекламировать самому плохому актеру: «я славянинъ, и не хочу быть нѣмцемъ», и публика счастлива, въ восторгѣ. У насъ же публика къ славянскому вопросу совершенно равнодушна. Ну что онъ напишетъ драму изъ русской исторіи? Это будетъ страшнѣйшая галиматья, наборъ громкихъ фразъ, не больше. Мы сами только еще начинаемъ разумѣть нашу исторію. Всѣ славяне страшныя дѣти, а мы, русскіе, не дѣти. Мы только больные. И поэтому я не очень бы желалъ пріѣзда Бана сюда. Впрочемъ, думаю, что если онъ пріѣдетъ, то предпочтетъ Петербургъ Москвѣ. Въ Петербургѣ онъ можетъ пойти въ ходъ у Ковалевскаго, у Горчакова, у Игнатьева, и т. д. и т. д. Хорошій пріемъ у знатныхъ лицъ можетъ его примирить съ Россіей. Впрочемъ, останавливать его, не пускать въ Россію опять не слѣдуетъ. Только, чтобъ онъ не сулилъ себѣ золотыхъ горъ. Что касается до Станковича, то очень бы мнѣ хотѣлось помочь ему. Это дѣло другое; онъ нашъ православный. Церковная музыка составляетъ его главный интересъ и въ этомъ онъ встрѣтитъ сочувствіе здѣсь во многихъ, начиная съ Филарета. Здѣсь очень многіе занимаются отыскиваніемъ древняго типа церковной музыки, даже составлялось цѣлое общество. Врангели сообщаетъ мнѣ, что вы писали въ Синодъ. Я съ своей

стороны буду дѣйствовать всячески, чтобъ достигнуть желаемаго. Всему помѣхою деньги! Охъ, эти деньги! Вы представить себѣ не можете какое безденежье въ Россіи! Всѣ наши капиталисты чуть не обанкрутились. Кокоревъ чуть-чуть не разорился.

2) Вы просите книгъ для галичанъ. Да устройте же такъ, чтобы посылаемое доходило до васъ скоро и вѣрно. Отчего вы такъ поздно получили 2-й томъ «Бесѣды»? Вы были въ Варшавѣ сами: захватили ли вы все, что тамъ навалено для васъ? «Бесѣду» мы послали къ вамъ мѣсяца 4 тому назадъ. Я недавно отправилъ вамъ книги съ Мамоновымъ. На-дняхъ отправлю еще тюкъ. Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ пожертвовалъ для славянъ 30 экземпляровъ «Вѣстника Промышленности» за два года. Я вамъ постепенно переправлю экземпляровъ 20. Пошлите во всѣ матицы и читальницы. Также пришлю и «Вѣдомости Московскія», и еще много разныхъ книгъ. Теперь я ихъ всѣ отправлю въ азіатскій департаментъ. Главное затрудненіе въ отправкѣ.

3) Прилагаемыя письма прошу доставить по принадлежности.

4) Былъ у меня Троянскій. Малый добрый; онъ черезъ мѣсяцъ или два ѣдетъ назадъ въ Прагу. Съ нимъ пошлю къ вамъ еще книги. Я дѣлаю его своимъ корреспондентомъ и пишу съ нимъ къ Ригеру, прося его указать мнѣ корреспондентовъ. Прошу васъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, устроить такъ, чтобы съ Сентября мѣсяца начиная, я получалъ корреспонденціи (разумѣется, политическаго, общественнаго, а не чисто ученаго и археологическаго содержанія) изъ слѣдующихъ мѣстъ: 1) изъ Праги; 2) изъ Галиціи—отъ русиновъ; 3) изъ Пешта — отъ мадьяръ; 4) отъ словаковъ; 5) изъ Новаго Сада—Медаковичъ не годится ли? 6) изъ Аграма. Въ Бѣлградъ, въ Фіуме, въ Рагузу напишу самъ. Корреспонденціи должны быть жгучія: умѣрять ихъ жгучесть, указывать истинную средину будетъ уже мое дѣло въ выноскахъ и замѣчаніяхъ. Увидите Ригера, скажите и вы ему объ этомъ: ему должно быть пріятно, чтобъ его голосъ раздавался здѣсь въ Россіи. Разумѣется, кто не желаетъ, тѣхъ имена будутъ тщательно скрыты. Корреспонденціи могутъ быть посылаемы и по почтѣ, только чтобъ разборчиво были написаны. Какъ скоро корреспонденція составитъ 16 столбцевъ (въ газетѣ

моей три столбца, не очень высокихъ, какъ «Парусъ» [1]), то корреспондентъ получитъ отъ васъ 64 гульдена австрійскихъ, новаго достоинства. Однимъ словомъ — 4 гульдена столбецъ. Какъ вы думаете, не много ли? Дѣло въ томъ, что газетный столбецъ почти вдвое больше обыкновеннаго книжнаго столбца. Если выписокъ изъ газетъ и т. п. болѣе 10 строкъ, то съ 11-й строки начиная, онѣ будутъ вычитываться изъ счета. Напишите мнѣ немедленно, что вы объ этомъ думаете. Я не предполагаю печатать объявленіе о своей газетѣ на всѣхъ славянскихъ языкахъ, какъ о «Парусѣ». Слишкомъ убыточно, а главное—не хочется мнѣ дѣлать лишняго шума. Точно будто выстроишь колокольню и начнешь благовѣстить, а церковь, ради которой благовѣстъ, еще не готова! Изъ Чехіи, я думаю, возьмется быть корреспондентомъ, если не самъ Ригеръ, то кто нибудь изъ его приверженцевъ, подъ чужимъ именемъ. Сверхъ того Троянскій, а можетъ быть и Ровинскій, тамъ теперь пребывающій. Изъ Венгріи—молодой Ходжичь; можетъ быть, Викторинъ и, можетъ быть, достопочтенный Кузмани. Изъ Аграма... ужъ и не знаю кто. Напишите Кукулевичу, вмѣстѣ съ поклономъ отъ меня. Изъ Галиціи могли бы быть корреспондентами Криницкій, Головацкій. Добрянскій. Однимъ словомъ надобно, чтобъ корреспонденты были люди умные и горячіе народолюбцы.

5) Дѣла Славянскія, кажется, не въ авантажѣ обрѣтаются, по выраженію Петра 1-го. Если правительство устроится съ Венгріей, такъ оно и не худо, что Кроація не соединится съ Венгріей. Союзъ съ Венгріей хорошъ только, чтобы дѣйствовать за одно противъ Австріи. Впрочемъ Славянскій вопросъ сводится къ тому, что славянамъ нѣтъ спасенія ни матеріальнаго, ни духовнаго внѣ Россіи, а Россія сама находится внѣ себя и стоитъ скорѣе на пути къ погибели, чѣмъ на пути къ преуспѣянію. Когда Россія станетъ Русской, тогда вопросъ Славянскій рѣшится самъ собою.

«Московскія вѣдомости» изданіе казенное и Редакція не можетъ дѣлать никакихъ снисхожденій, но 30 гульденовъ можетъ пожертвовать нашъ Славянскій Благотворительный Комитетъ. И потому пусть Галичане подписываются,—вѣроятно уже на слѣ-

---

[1]) Впрочемъ, газета будетъ имѣть форматъ «Паруса», только вмѣсто 2-хъ столбцевъ—три столбца.

дующій годъ. Должно признаться, что «Московскія Вѣдомости» издаются крайне плохо нѣкіимъ Коршомъ. Совѣстно имъ и посылать ихъ.

Я вамъ передъ началомъ изданія вышлю вексель рублей на 300 сер.

Блудовы теперь здѣсь, въ Москвѣ. Прощайте, обнимаю васъ. Кланяюсь всему вашему семейству и всѣмъ Славянамъ.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Вашихъ денегъ у насъ считается 60 р. серебр.

Мнѣ не зачѣмъ издержки на поѣздку считать за вами, потому что я ѣздилъ въ Петербургъ и по собственнымъ дѣламъ.

30.

24 Іюля 1861 г. Москва.

Получилъ я ваши посылки и письма отъ 12 Іюля, и большое посланіе отъ Апостола Михаила. Также и письмо отъ Ѳеди, которому отвѣчаю. Я недавно писалъ къ вамъ, но пишу опять, и по почтѣ, потому что—съ курьерами Богъ знаетъ, когда дойдутъ къ вамъ мои письма и посылки.

Просьбу Словакской Матицы исполню: мы посылаемъ ей полный экз. «Русской Бесѣды», всѣ сочиненія брата и батюшки, и всѣ изданія «Общества Любителей Русской Словесности» (впрочемъ, очень немногочисленныя). Что касается до «Общ. Любителей Рус. Древн.», то совѣтовалъ бы вамъ или Кузмани написать о томъ Секретарю Общ.-ва, Бодянскому. Пусть Матица напишетъ также оффиціально Академіи и Географическому Обществу.

Хомякова стихотвореній посылаю вамъ 200 экз.: 150 для продажи (она продается здѣсь 75 коп., т. е. полтора гульдена N. O. W.) и 50 для раздачи достойнымъ. Кромѣ того на 50 р. сер. покупаю разныхъ книгъ собственно для Русскихъ Червонной Руси. — Все затрудненіе въ пересылкѣ. Теперь лѣто. Въ Петербургѣ всѣ живутъ на дачахъ. Оказій въ Петербургѣ лѣтомъ мало, посылать по почтѣ весьма неудобно, долго и хлопотливо. Посылать по желѣзной дорогѣ всего бы лучше, да неудобно прямо въ департаментъ.

О газетѣ я вамъ писалъ. Публикаціи еще въ ходъ не пускалъ.—Въ Петербургъ переселяться я никогда не думалъ, да и никогда бы, ни за какія блага въ мірѣ, на это не согласился. Пишите и пишите, устройте мнѣ корреспондентовъ. Какъ вамъ посылать деньги? Не лучше ли прямо нашими бумажками? Теперь это разрѣшено? Напишите.

Все, что вы пишите о Славянахъ и въ особенности о Галичанахъ, насъ радуетъ и живитъ. Прощайте, обнимаю васъ крѣпко. Всѣ наши вамъ кланяются. Былъ ли у васъ болгаринъ Поповичъ?

Вашъ Ив. Аксаковъ.

31.

5 Августа 1861 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Пишу вамъ нынче съ оказіей, съ г. Петровскимъ, Мемнономъ Петровичемъ, и посылаю вамъ книги. Но мнѣ не хотѣлось сдѣлать его вѣстникомъ нашего новаго семейнаго несчастія, и потому рѣшился предупредить васъ письмомъ по почтѣ: двое сутокъ тому назадъ схоронили мы сестру Ольгу Сергѣевну! Похороны брата Константина, по возвращеніи нашемъ въ Москву, были 3 Января. Ровно черезъ 7 мѣсяцевъ, 3 Августа—были у насъ новые похороны! Это уже слишкомъ. Я не говорю про себя,—а говорю про маменьку и сестеръ. Жалко смотрѣть на нихъ: онѣ уже не убиваются, а убиты, или какъ то пришиблены, задавлены,—и только и ждутъ новыхъ несчастій. Я право не знаю, какъ и быть. У меня не хватаетъ ни силъ, ни умѣнья облегчить и усладить имъ жизнь.

Сестра моя, скончавшаяся 31 Іюля, была очень нужнымъ членомъ семейства. Она моложе Вѣры Сергѣевны, но старше всѣхъ остальныхъ моихъ четырехъ сестеръ (въ томъ числѣ одна замужняя). Когда она достигла 19 лѣтняго возраста, она сдѣлалась жестоко больна, болѣзнь обратилась въ хроническую и продолжалась 18 лѣтъ слишкомъ. Чего она не вынесла: у нея начиналась и сухотка и чахотка и водяная, и антоновъ огонь на рукѣ, и все это было побѣждено силами ея организма и попеченіями и уходомъ семейства. Опасность въ ея болѣзни давно

миновалась, но она постоянно находилась на особенномъ больничномъ положенiи, имѣла свою комнату, служившую мѣстомъ домашняго внутренняго сборища семейнаго. Она была предана семьѣ съ самоотверженiемъ и могла замѣнить, отчасти и замѣняла мать для моихъ сестеръ. Потеря ея для моихъ сестеръ, кромѣ Вѣры Сергѣевны, чувствительнѣе еще потери Константина, ибо она была центромъ ихъ женскаго круга, была каждой другомъ, наставникомъ, совѣтникомъ. Долгiя страданiя умудрили ее, а отъ природы ей данъ характеръ рѣшительный, твердый, строгiй.—Въ нынѣшнемъ году она, казалось, совсѣмъ поправилась и вела себя, какъ здоровая. Но печень, потрясенная смертью отца и брата, раздражилась отъ ужасныхъ жаровъ. Къ этому присоединилась простуда, разстройство желудка, — и болѣзнь ея продолжалась только двѣ недѣли. Съ 1-го же дня болѣзни она объявила, что эта болѣзнь къ смерти, и шла на встрѣчу смерти съ такимъ мужествомъ и вѣрою, какъ мнѣ еще не случалось видѣть. Она два раза прiобщилась и соборовалась, со всѣми простилась, уговаривала не плакать и не противиться волѣ Божiей; она сохранила полное сознанiе до послѣдней минуты: не было ни бреду ни забытья.

Бѣдныя мои сестры, не выходятъ изъ траурныхъ одеждъ. Три года сряду смерти: 1859 г. — отецъ; 1860 г. — братъ, въ 1861 г.—сестра!—Маменька очень ослабла...

Тяжело. Болѣзнь и кончина сестры помѣшали мнѣ объявить о моей газетѣ, и хоть я не оставлю этого намѣренiя, но трудно, признаюсь, мнѣ теперь отдаваться газетѣ, когда на рукахъ моихъ вся семья, и все женщины! Обнимаю васъ.

Ив. Аксаковъ.

32.

6-го Августа 1861 г. Москва.

Любезнѣйшiй Михаилъ Өеодоровичъ.

Податель сего письма Мемнонъ Петровичъ Петровскiй, ученикъ Григоровича, предназначенный заступить его каөедру въ Казанскомъ Университетѣ. Онъ былъ моимъ помощникомъ по Славянскому отдѣлу «Паруса» и «Русской Бесѣды», и хорошо знакомъ съ славянскими нарѣчiями и литературами. Да и самъ

онъ человѣкъ прекрасный, хотя и смотритъ какимъ-то французомъ. Посылаю съ нимъ слѣдующія книги для Галичанъ.

1) Записки о Южной Руси, Кулиша, 2 части.

2) Повѣсти Марка Вовчка на Малоросс. нарѣчіи. Книжечка.

3) Старосвѣтскій бандуристъ, Н. Закревскаго, одинъ томъ.

4) Исторія Малороссіи, Маркевича, 5 частей въ переплетѣ.

5) Исторія Малой России, Бантышъ-Каменскаго, 3 части въ переплетѣ.

6) Полная Русская Хрестоматія, Галахова, въ 3-хъ частяхъ, въ переплетѣ. Два экземпляра, изъ коихъ одинъ сильно подержанъ. Эта Хрестоматія очень полезная вещь: она разомъ ознакомитъ Галичанъ съ Исторіей Русской Литературы.

7) Сокращенная Хрестоматія, Галахова, въ одномъ томѣ. Два экземпляра сильно поддержанные.

8) Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, первые три выпуска.

9) Евангеліе въ Русскомъ переводѣ, два экземпляра.

10) Сочиненій Гоголя томы III, V, VI.

11) Сочиненія Пушкина, изд. 1838 г. т. V.

Это для Галичанъ по вашему усмотрѣнію. Распорядитесь, какъ знаете.

12) Исторіи русской словесности Шевырева, т. III и IV. Это для Криницкаго; онъ ихъ выписалъ по порученію Головацкаго изъ Львова.

13) Стихотворенія Языкова, 2 части. Это пошлите въ даръ Кукулевичу-Сакцинскому отъ меня, если онъ ведетъ себя хорошо.

14) Православное Обозрѣніе, Іюнь и Іюль — для васъ.

У меня есть еще довольно книгъ, предназначенныхъ для Галичанъ, но все затрудненіе въ пересылкѣ.

Увѣдомьте меня, прошу васъ, не числится ли Деакъ членомъ Академіи Мадьярской и т. п. Мнѣ очень хочется предложить его въ почетные члены Общества Любителей Русской Словесности, также и Кукулевича и Ригера. Какъ вы думаете?

Намъ грозитъ новая бѣда: Гильфердингъ, Александръ Ѳеодоровичъ, выходитъ изъ Министерства. Онъ недоволенъ Горчаковымъ, который его не цѣнитъ, какъ должно и не даетъ ему даже мѣста Начальника Отдѣленія, — и не хочетъ оставаться, какъ скоро выйдетъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій. — Виноватъ.

чуть ли онъ (Гильфердингъ) уже не вышелъ. Онъ поступаетъ на службу въ Канцелярію Государственнаго Совѣта по департаменту Государственной Экономіи. — Впрочемъ, покуда Ковалевскій еще тутъ, — а до того времени и графъ Вадимъ Блудовъ будетъ завѣдывать должностью Начальника Отдѣленія, слѣдовательно пакеты для меня можно адресовать на имя Блудова.

Прошу васъ познакомить Петровскаго со всѣми Галичанами и наставить его вообще въ его путяхъ и странствованіяхъ.

Я надѣюсь, что корреспонденціи будутъ хороши и живы: теперь имѣются порядочныя корреспонденціи у «Русскаго Вѣстника» изъ Праги, а о Венгріи онъ помѣщаетъ очень подробныя и интересныя свѣдѣнія изъ англійскихъ газетъ. Мои должны быть лучше всѣхъ.

Прощайте, обнимаю васъ.

Прилагаемое письмо перешлите къ Александру Егоровичу Врангели.

Фотографію снимите съ обоихъ портретовъ. —

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Я рѣшился дать Петровскому свой чемоданъ, набивъ его еще книгами.

Вотъ онѣ, кромѣ вышеисчисленныхъ:

1) Ботаника — Даля, два изданія (извѣстнаго писателя, Казака Луганскаго).

2) Ботаническій словарь Анненкова.

3) Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ, повѣсть Даля.

4) Повѣсти Даля, вырванныя изъ разныхъ журналовъ.

5) О нарѣчіяхъ Русскаго языка — его же, два экземпляра.

6) Разныя брошюры — его же.

7) Матросскіе досуги, 2 экземпляра — его же.

8) Были и небылицы — Казака Луганскаго, 1, 2, 3 и 4 части.

9) Солдатскіе досуги — книжка — Даля.

10) Еще Были и небылицы 1 часть.

11) Восемь экземпляровъ Евангелія на Русскомъ нарѣчіи (стало быть всего 10 экз.).

12) Хронологическая роспись Славянскихъ книгъ, Каратаева, для Кукулевича. Еще двѣ пачки съ стихотвореніями Хомякова. —

Скажите Кузмани, что я читалъ его превосходную рѣчь по поводу Шафарика и крѣпко жму ему руку.

32.

20 Сентября 1861 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Θеодоровичъ.

Получилъ я ваше письмо съ приложеніемъ корреспонденціи. Благодарю васъ отъ всей души. Но во 1-хъ за этою корреспонденціею должна слѣдовать другая; иначе первая, къ 15-му Октября, значительно устарѣетъ, хотя въ ней и есть нѣкоторыя мысли и взгляды, которые устарѣть не могутъ и которые напечатать слѣдуетъ. Во 2-хъ я не понимаю, чего ждутъ прочіе Славяне, какихъ указаній и программы? Корреспонденція должна быть, разумѣется, политическаго содержанія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо теперь всѣ явленія общественной жизни получаютъ значеніе политическое. Можетъ она иногда быть и литературною, т. е. говорить о новомъ литературномъ произведеніи. Но отнюдь не должна быть Археологическою, ни даже исключительно Этнографическою: напр. описаніе свадебныхъ обрядовъ и т. п., все это неумѣстно.

Пусть каждый Славянинъ пишетъ, что имѣетъ сказать въ пользу своей народности. Я даю всѣмъ имъ доступъ въ моей газетѣ. Если я съ чѣмъ несогласенъ, такъ тутъ же возражу, или оговорю. Развѣ Ригеру нечего сказать? Развѣ ему не лестно, чтобъ голосъ его прозвучалъ по всей Россіи? Пожалуйста, не заставьте меня осрамиться: объявилъ я Славянскій отдѣлъ, и у меня онъ будетъ хуже, чѣмъ въ тѣхъ газетахъ, которыя о Славянахъ столько же думали, сколько о Гренландцахъ. Вотъ вамъ экземпляръ объявленія: непремѣнно изъ каждой поименованной мѣстности добудьте мнѣ корреспондента и какъ можно скорѣе.

Вотъ вамъ нашъ новый адресъ: На Спиридоновкѣ, въ домѣ Вечеслова, или просто въ Редакцію газеты «День». Объявленіе, которое я вамъ посылаю, не то, которое я написалъ спа-

чала: то было пространное, заключало въ себѣ мое profession de foi, но цензура не пропустила и я долженъ былъ ограничиться симъ скромнымъ объявленіемъ.

Прощайте, обнимаю васъ. Я буду вамъ писать скоро, на дняхъ, и исполню прочія ваши порученія. — Пусть кто нибудь изъ Галичанъ напишетъ мнѣ письмо изъ Кракова или будто изъ Кракова.

Вашъ И. А.

Я слышалъ, что Ровинскаго Австрійская полиція выслала изъ Праги на Русскую границу? Правда ли?

Что Троянскій? Былъ ли у васъ Петровскій? Напишите Троянскому, чтобъ скорѣе высылалъ корреспонденцію: вотъ его адресъ:

Prag. P. Panu Adolfu Paterovi. Zbrojnická ulice, d. č. 449/III съ передачей.

33.

25 Сентября 1861 г. Москва.

Два слова. Сейчасъ получилъ ваше письмо черезъ Петербургъ, гдѣ вы бранитесь. Статья «Современника» гнусна, да развѣ вы не знаете, что мы съ нимъ самые ярые противники, а возражать было негдѣ. Мнѣ разрѣшили газету, но такъ сдавили и стѣснили, что хоть и не издавай, а «Современнику» все сходитъ съ рукъ. Точно вы не знаете нашего печальнаго положенія дѣлъ. — Что я писалъ о Деакѣ, такъ я основывался на воспоминаніяхъ прошлаго года и на его словахъ о равноправности національностей въ Венгріи. О томъ, что онъ сдѣлалъ съ Руснами и Славянами, я не зналъ, и почемъ же знать, когда вы не сообщаете ничего, да еще корреспондентовъ сыскать не можете! Откуда же намъ знать. Сами виноваты. — О Ригерѣ также для меня новость. Вспомните, что я лично съ нимъ бесѣдовалъ, и онъ выражалъ горячую любовь къ Русскимъ. Онъ развился впослѣдствіи.

Стыдно вамъ, что не можете устроить постоянной корреспонденціи, которая бы сообщала всѣ событія Славянскаго вопроса. Вы прочтете сами въ «Wanderer» и думаете: что писать? объ этомъ есть въ газетахъ! Въ томъ то и штука, что газетъ нѣ-

мецкихъ здѣсь почти не получается. Да и живая рѣчь лучше печатнаго нѣмецкаго сообщенія. — Я очень благодаренъ вамъ за вашу корреспонденцію, да желалъ бы, чтобъ она была поаккуратнѣе, и болѣе богата положительными фактами и указаніями.

Газету мою зовутъ «День», съ 15 Октября будетъ выходить еженедѣльно, по 2 листа въ №, въ три столбца. Я ужъ вамъ сто разъ объ этомъ писалъ. Браниться то вы бранитесь, а содѣйствуете плохо. Стыдно, если я не буду получать правильныхъ и быстрыхъ сообщеній изъ Славянскихъ земель. Сами будете виноваты въ невѣжествѣ, въ равнодушіи Русскихъ относительно Славянъ. Каждую недѣлю корреспонденцію! Слабо благодарите за книги. Мало ли я вамъ ихъ прислалъ. И все пишете торопясь. Куда вы торопитесь? Время у васъ есть. Обнимаю васъ.

Ив. Аксаковъ.

34.

Стараго стиля 14 Октября 1861 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

1) Получилъ я ваши обрывки писемъ, лоскуточки неписанные, кусочки газетъ. Лѣнивы. Съ горяча вы мнѣ сулили и невѣсть какую помощь, а на дѣлѣ...

2) Двѣ нѣмецкія корреспонденціи изъ Obern Ungarn получилъ. Благодарю. Онѣ будутъ помѣщены въ 3 и 4 №№. Дѣльно написано, но для нашей публики не довольно живо и забористо.

3) Должно быть, мои письма къ вамъ пропадаютъ. Получили ли вы письмо отъ матушки, съ приложеніемъ письма Княжевича о вашемъ сынѣ?

4) Книгъ наслана вамъ куча; ни слова благодарности, никакого отзыва. Отбиваете охоту посылать.

5) Теперь — вашихъ нѣтъ, у васъ времени должно быть вдвое больше. Съ чего же вы такъ заняты, что и писать некогда?

6) Аннѣ Ѳеодоровнѣ послано: 1) 60 р. сер., должныхъ нами вамъ за расходы: всего было 80 р. (съ чѣмъ — не помню): 20 р. заплачено вашей матушкѣ, остается 60 р., которые и

уплачены; 2) — 100 (сто рублей сер.) — взамѣнъ тѣхъ, которые вы употребите на уплату корреспондентамъ. И такъ вы отъ меня получили сто рублей серебромъ, кои запишите на приходъ и тратьте.

7) Съ Филаретовымъ посылаю я Виктору Петровичу Балабину 100 экземпляровъ 1-го № моей газеты, сегодня вышедшаго. Изъ нихъ Викторъ Петровичъ оставитъ у себя 2 экземпляра, одинъ для себя, другой для Гагарина, — остальные 98 отдастъ вамъ. Довольно съ васъ. Въ такомъ же количествѣ будетъ высылаться каждый №.

8) Эти 98 экземпляровъ извольте раздавать по своему усмотрѣнію — редактору Ost und West, Криницкому, Головацкимъ, Добрянскимъ (вообще Галичанамъ какъ можно больше). Кузмани, Кукулевичу, Влангали, Митрополиту Михаилу, Читалищу Сербскому, Петковичу, другому Консулу (какъ его) въ Скутари, Іонину, однимъ словомъ всюду. Также посылайте одинъ экземпляръ въ Прагу Г. Тройницкому и другой экземпляръ Г. Петровскому. Послѣдній передастъ первому.

9) Сами извольте по полученіи прочесть нумеръ отъ доски до доски, и тотчасъ присѣсть за столъ и написать мнѣ отчетъ о своемъ впечатлѣніи. Также извольте собрать мнѣнія, замѣчанія и впечатлѣнія другихъ и сообщите мнѣ.

10) Всѣми мѣрами отыскивать мнѣ корреспондентовъ — съ живымъ словомъ.

11) Не лѣниться, писать чаще, помнить, что многое мы узнаемъ изъ телеграфическихъ депешъ и газетъ и что необходимы только тѣ подробности и объясненія дѣла, которыя въ газетахъ не имѣются. Нужна иногда просто личная проповѣдь, хотя бы и односторонняя, той или другой Славянской партіи.

12) Обнимаю васъ крѣпко.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

35.

Варваринъ день 1861 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Не знаю, застанетъ ли васъ это мое письмо въ Вѣнѣ. Вѣдь вы собираетесь въ Петербургъ? Исправно ли доходятъ до васъ

мои нумера? Получаетъ ли Балабинъ экземпляръ по почтѣ? Я сдѣлалъ это въ видѣ пробы. Впрочемъ добился теперь отъ Вѣнскаго Почтамта увѣдомленія, что газета моя будетъ включена въ Verzeichniss, что слѣдовательно на нее можно будетъ подписываться въ Вѣнѣ, что наконецъ можно ее и прямо высылать по почтѣ изъ Москвы, платя только за пересылку гульденовъ 8 или 9, которые и вноситъ въ Московскій Почтамтъ, а тотъ уже въ концѣ года разочтется. На этомъ основаніи я сталъ бы высылать и вамъ одинъ экземпляръ, да не стоитъ теперь, потому что вы уѣзжаете изъ Вѣны. Что же вы не пришлете мнѣ корреспонденцію изъ Бѣлграда, и вообще никакого извѣстія о Герцеговинѣ?

Самыя лучшія корреспонденціи въ моей газетѣ были — написанныя нѣкіимъ Раевскимъ. Знакомы ли вы съ нимъ? Парень дѣльный, и перо у него живо и искренно. Его письма прочтены всѣми съ удовольствіемъ. Письма Малого или Милого изъ Верхней Венгріи очень умны, но какъ то по нѣмецки думаны и писаны, хотя чувство въ нихъ Славянское. Про письмо изъ Моравіи ничего сказать не могу еще: такъ себѣ, живетъ. Письма Раковскаго еще не помѣщалъ: разсказываетъ тоже, что Милый, а повторять одно и тоже, жевать и пережевывать — такъ и оскомину набьешь. Изъ Праги письма Троянскаго мнѣ не совсѣмъ по душѣ: вялы, безцвѣтны, языкъ какой-то волокнистый, не ядрёный (Kernhaft) или не зернистый, если это вамъ лучше нравится. Я, впрочемъ, ему объ этомъ написалъ. Изъ Хорваціи никто не пишетъ. Тенденціи «Позора» и «Народныхъ Листовъ» враждебны Россіи, и мнѣ не нравятся.

Отдайте прилагаемое письмецо Ткалацу. Я хочу ему посылать экземпляръ по почтѣ.

Такая досада, затерялъ адресъ Анны Ѳеодоровны, и не знаю, что у васъ тамъ дѣлается. Напишу сейчасъ только не къ Глѣбу Егоровичу (это чудо лѣнь!), а къ Марьѣ Ѳеодоровнѣ, узнаю про вашихъ.

Я занятъ страшно. Газета моя, слава Богу, имѣетъ успѣхъ огромный. Даже Славянскій отдѣлъ возбудилъ интересъ и читается всѣми. Какое впечатлѣніе произвели на Русиновъ статьи Ламанскаго и Лавровскаго? Увѣдомьте, прошу васъ, кто этотъ господинъ, предложившій мнѣ себя въ корреспонденты изъ Вѣны? Я ему еще не отвѣчалъ.

Прощайте, Михаилъ Θеодоровичъ. Кланяйтесь всѣмъ. Надѣюсь васъ скоро увидѣть. Обнимаю васъ крѣпко. Маменька и сестры здоровы, но очень грустны: это дни тяжкихъ воспоминаній.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

36.

Москва. 11 Декабря 1861 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Θеодоровичъ.

Я не получилъ вашего письма, въ которомъ вы мнѣ писали о своихъ семейныхъ дѣлахъ: вѣрно вы его опустили, вмѣсто почтоваго ящика, въ окошко какой-нибудь табачной лавочки, однимъ словомъ, по извѣстной всему міру разсѣянности вашей, забыли его отправить, или можетъ быть, забыли и написать, а себѣ вообразили, что написали. Это ничего, это послѣднее и со мной случается. Но третьяго дня я получилъ ваше письмо, отъ 1 Декабря, на которое и спѣшу отвѣчать. Маменька приняла ваше дѣло къ сердцу, и уже начала дѣйствовать, но нынче уже 11 Декабря и покончить это дѣло къ празднику невозможно, даже нельзя и звать вашихъ сюда, потому что предварительно надо сдѣлать справки, и проч. Именно маменька имѣетъ въ виду одного молодого человѣка, кончившаго курсъ въ Академіи и теперь профессора въ Виоанской Семинаріи, сына нашего сосѣдняго священника или дьякона. Его можно соблазнить дѣятельностью для Славянскаго міра.

Корреспонденцій я имѣю—изъ Верхней Венгріи штукъ 9, изъ Венгріи—Раковскаго письма 3 или 4, изъ Моравіи 2 письма, изъ Бѣлграда, не знаю—черезъ васъ ли?—одно. Только. До сихъ поръ ваши статьи были лучше всѣхъ.

На меня страшно злы поляки, да и Русская журналистика чрезвычайно завидуетъ успѣху «Дня» и его значенію. Дѣйствительно—его всѣ читаютъ, и Славянскій вопросъ возбуждаетъ общее сочувствіе. Такъ какъ вы остаетесь, то я распоряжусь, чтобъ вамъ высылали газету въ Вѣну по почтѣ. Читайте «День» отъ доски до доски: впрочемъ многое касающееся нашихъ мѣстныхъ Русскихъ интересовъ, будетъ вамъ непонятно.

Какъ отозвались Славяне? Довольны ли они? Довольны ли Русины нашею защитою? Что же вы объ этомъ обо всемъ ни слова. Э-эхъ!

Аннѣ Ѳеодоровнѣ посылаю деньги, еще 100 рублей, и того, кажется, всего 200 р. Вы даже и адреса жены хорошенько не знаете: пишете на Итальянской, домъ № 47!—Нѣтъ-съ: на Михайловской площади, въ домѣ Католической церкви, въ квартирѣ подъ № 48.

Перешлите же мнѣ экземпляры сочиненій брата.

Пишите въ Бѣлградъ: требуйте корреспонденцій оттуда.

Напишите—какъ скоро и аккуратно ли доходитъ до васъ «День». Извольте, сударь, отвѣчать аккуратно, не то забранюсь!

Семену Алексѣевичу кланяюсь. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

37.

Москва. Марта 21 и 22, 1862 г.

Дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ. Дѣйствительно я ужасно давно вамъ не писалъ. Но я такъ занятъ, какъ вы никогда въ жизни заняты не были, право. Это письмо везетъ вамъ нашъ знаменитый писатель, Островскій: онъ горячо сочувствуетъ Славянамъ, и вы конечно не упустите случая еще сильнѣе развить въ немъ это чувство. Познакомьте его со всѣми, особенно съ Галичанами: жаль, что мало людей, свободно понимающихъ по Русски, а то бы вамъ попросить его прочесть свою драму: «Козьма Мининъ»; онъ читаетъ великолѣпно.—Всѣ ваши письма я получилъ. Корреспонденціи иныя черезъ чуръ дѣтски и плохи, какъ Николича, или же тяжеловѣсны до нельзя и по нѣмецки думаны, хотя чуствованы по Славянски. Дѣло въ томъ, что, благодаря Ost und West, всѣ наши газеты помѣщаютъ довольно живыя, вѣрныя и скорыя извѣстія о Славянахъ, и будучи ежедневными, имѣютъ въ этомъ отношеніи надо мною преимущество. По этому мнѣ нужно или такія, гдѣ бы живымъ словомъ передавался общій взглядъ на то или другое Славянское дѣло, или же читатель знакомился не съ мелкими подробностями, а съ цѣлой исторіей и этнографіей края. Имѣйте всегда въ виду Россійскую публику, которую надо пріохотить къ Славянству.

Впрочемъ, о Славянахъ кажется интересно написано, и я описаніемъ воспользуюсь,—но не хватаетъ ни мѣста въ газетѣ, ни времени, ни моихъ редакторскихъ физическихъ силъ. Можно ли себѣ представить, что въ Москвѣ нѣтъ человѣка, которому бы можно было поручить чтеніе Славянскихъ газетъ и вообще веденіе Славянскаго Отдѣла!—Губитъ меня безпорядокъ въ бумагахъ. Заведу ящики, картончики—не помогаетъ; столъ мой такъ заваленъ, что я и не знаю, какъ быть: все хочу назначить два дня для пересмотра бумагъ, но не нахожу времени. Помощника у меня нѣтъ,—отчасти потому, что по душѣ помощника себѣ не нашелъ, отчасти потому, что на этой квартирѣ нѣтъ ему мѣста, не только гдѣ жить, но и гдѣ заниматься. «День» продолжаетъ имѣть огромный успѣхъ. Петербургскія газеты и журналы не перестаютъ имъ заниматься, хотя и ругаютъ. Но сочувствіе въ публикѣ большое. Подписчиковъ до 3000; надѣюсь, что на слѣдующій годъ будетъ больше.

Кузмани письмо получилъ. Непремѣнно буду ему отвѣчать, а покуда прошу васъ обнять его за меня искренно. Скажите ему, что я радъ для него сдѣлать все, что могу, но мнѣ очень трудно пристроить его сына. Напишите объ немъ обстоятельно Өеодору Васильевичу Чижову: это будетъ подѣйствительнѣе моихъ словъ. Впрочемъ, молодой Кузмани пусть на лондонской выставкѣ познакомится съ русскими купцами лично. Троянскому ничего платить не приходится. Я ему далъ впередъ 75 р. сер., которые онъ даже и не заработалъ. Онъ добрый малый, но мнѣ его письма не правились: вялы, жидки, поверхностны, взглядъ не славянофильскій,—что я ему и выразилъ. Взамѣнъ Троянскаго дайте гульденовъ 150 Петровскому. Съ остальными распоряжайтесь по вашему усмотрѣнію. Книгъ и радъ былъ бы послать, да пересылка трудна. А путешественники всѣ ѣдутъ на легкѣ и не берутъ ничего. Книгу стихотвореній Хомякова, которую отдастъ вамъ Островскій, отдайте тому словацкому поэту, который въ прошломъ году напечаталъ книгу своихъ стихотвореній, посвятивъ ее памяти Хомякова и прислалъ богатый экземпляръ сыну. Сдѣлайте надпись отъ имени сына Хомякова, Димитрія. Больше писать некогда. Уже три часа. Прощайте, обнимаю, на дняхъ буду писать еще.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Посылаю вамъ томъ сочиненій брата и Хомякова.

38.

Москва. Суббота 2 Іюня 1862 г.

Любезный Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Поздравляю васъ съ пріѣздомъ,—нечего и говорить, какъ радъ я буду васъ видѣть. Квартира вамъ и семьѣ вашей готова: черезъ два дома отъ насъ, въ домѣ моего родного дяди Николая Тимоѳеевича Аксакова; онъ самъ за-границей, а сынъ его — въ Симбирской деревнѣ; огромный великолѣпный домъ его стоитъ пустой, въ ожиданіи наемщика или покупщика. Для васъ отведенъ тамъ верхній этажъ, въ которомъ вы всѣ размѣститесь. При домѣ садъ на двухъ десятинахъ. Обѣдать вы будете у насъ. Маменька непремѣнно требуетъ, чтобы вы тамъ остановились. Домъ совершенно свободенъ. Адресъ этого дома Н. Т. Аксакова: на Спиридоновкѣ, противъ церкви Св. Спиридона. А я живу на той же улицѣ, въ домѣ Вечеслова. Прошу дать знать, когда вы намѣрены быть, хоть за день. И такъ, до свиданія. Прочтите мой 34 № о нѣмцахъ. Обнимаю васъ.

Ив. Аксаковъ.

39.

Москва. 20 Іюля 1862 г.

Вотъ и Николичъ, нежданно негаданно явившійся въ Москву русскимъ подданнымъ. Онъ мнѣ понравился и можетъ быть употребленъ въ дѣло съ пользою. Его недостатокъ, или скорѣе болѣзнь состоитъ въ томъ, что онъ вездѣ видитъ замыслы и интриги нѣмцевъ, и крайне раздраженъ нервами. Впрочемъ онъ самъ о себѣ разскажетъ. Окажите ему христіанское состраданіе на чужбинѣ: я далъ ему 50 р. денегъ отъ славянскаго комитета, а вы дайте ему прочную рекомендацію къ Стремоухову и Игнатьеву, и укажите ему, гдѣ нанять квартиру подешевле. Вообще онъ очень жалокъ и возбуждаетъ участіе.

Ну, что ваши семейныя дѣла? Пишите. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

40.

Москва. 31 Іюля 1862 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

Я получилъ съ вашимъ будущимъ зятемъ ноты Станковича, всего 25 экз., кромѣ даровыхъ—Одоевскому и мнѣ. Одоевскому ноты доставлены. Изъ остальныхъ пять экземпляровъ я частію продалъ, частію берусь продать, по 3 р. 50 коп. Прочіе 20 хотѣлъ я отдать нотопродавцамъ, которые брали ихъ очень охотно на коммиссію, но тутъ вышло затрудненіе: нельзя продавать духовныхъ нотъ, не бывшихъ въ передѣлѣ духовно-музыкальной цензуры. Теперь особенно за книго- и нотопродавцами смотрятъ очень строго. Поэтому было бы хорошо, еслибъ вы эту коммиссію взяли на себя. Дѣло очень просто: представьте одинъ экземпляръ въ пѣвческую капеллу и тогда входъ въ Россію Станковича нотамъ будетъ свободенъ.

Былъ ли у васъ Николичъ? Да сообщите мнѣ вашъ настоящій адресъ. Смирновъ мнѣ говорилъ, что вы квартиру вашу мѣняете, и вѣроятно теперь перешли на другую. На имя же Стремоухова не адресую потому, что онъ уѣхалъ въ Курскъ.

Мое дѣло о газетѣ остановилось теперь за Самаринымъ, а онъ еще не пріѣхалъ. Гилярова удалили изъ цензурнаго комитета и для спеціальной цензуры «Дня» Головнинъ посылаетъ изъ Петербурга цензоромъ такого гуся, назначеніе котораго почти равносильно запрещенію. Вы бы тамъ въ Азіатскомъ департаментѣ и гдѣ слѣдуетъ, поэнергичнѣе внушили, какъ важенъ «День» для славянъ, но «День» издаваемый именно Аксаковымъ. Другой, можетъ быть, отнесется къ дѣлу иначе. Обнимаю васъ крѣпко и всѣмъ вашимъ усердно кланяюсь. Поклонъ вамъ отъ матушки и сестеръ.

Ив. Аксаковъ.

41.

19 Августа 1862 г.

Сейчасъ я прочелъ № 63 «Современнаго Слова» отъ 15 Августа, и сильно возмутился духомъ. Надо вамъ сказать, что это «Современное Слово» есть неоффиціальная часть «Русскаго

Инвалида», издающаяся съ 1 Іюня подъ особымъ названіемъ, полковникомъ Писаревскимъ, человѣкомъ очень дурной репутаціи... Онъ страшно враждебенъ славянофильству и его нравственнымъ и религіознымъ основамъ. Въ одномъ изъ предпослѣднихъ №№ «Дня», именно въ 38 № я указалъ на одно мѣсто изъ этой газеты, въ которомъ она объявляла, что глупо и смѣшно имѣть къ славянамъ болѣе сочувствія, чѣмъ къ неграмъ!!!

Теперь пользуясь прекращеніемъ «Дня», пользуясь его вынужденнымъ безмолвіемъ,—«Современное Слово» задумало лишить «День» и славянофильство права на признательность Россіи и Славянъ за всѣ наши труды на пользу славянскаго дѣла. Оно объявляетъ подписку въ пользу черногорцевъ, но пользуется этимъ случаемъ для того собственно, чтобы оклеветать насъ, чтобы похвастаться передъ нами и объявить, что славянофилы только на словахъ, а не на дѣлѣ доказываютъ свою любовь къ славянамъ, что они никогда ничѣмъ не жертвовали въ ихъ пользу, что имъ и въ голову не приходило то, что теперь дѣлаетъ редакція «Современнаго Слова», что они умѣли только написать нелѣпое «Посланіе къ сербамъ», такъ сильно компрометировавшее Россію за-границей!!! Разумѣется, редакторъ знаетъ очень хорошо, что теперь мы не имѣемъ органа, чтобы обличить его клеветы.

Конечно, мнѣніе о славянофилахъ установлено на твердомъ основаніи и не со вчерашняго дня, но одинъ тотъ фактъ, что подписка открыта въ пользу черногорцевъ не славянофилами, а людьми, принадлежащими къ противной партіи, что матеріальная помощь, столь нужная славянамъ, помощь, вызывающая естественное чувство признательности, сопрягается съ порицаніемъ славянофильства,—все это можетъ смутить умы славянъ, мало знакомыхъ съ нашими домашними дѣлами. Обличить клевету очень легко. Въ каждомъ № «Дня» печаталось объявленіе о количествѣ сбора въ пользу славянъ, воспитывающихся въ Россіи; «День» собралъ до 3000 р. сер., учрежденъ Славянскій Комитетъ, воспитывающій 15 человѣкъ,—наконецъ многое сдѣлано, вамъ извѣстное.—И мнѣ кажется, что обличить слѣдуетъ. Но какъ?

Не знаю, доходитъ ли до славянъ «Современное Слово»? Вѣроятно этотъ № или по крайней мѣрѣ извѣщеніе объ откры-

той подпискѣ до нихъ дойдетъ. Во всякомъ случаѣ не худо бы вамъ предупредить объ этомъ Ткалаца. Очень бы хорошо было, еслибъ фальшивый и поздній славянизмъ этой русской газеты былъ обличенъ славянскими газетами, и чтобы защитниками славянофиловъ явились сами славяне. Непремѣнно достаньте этотъ номеръ и прочтите его. Разумѣется, эта подписка открыта съ разрѣшенія правительства, которое хочетъ попробовать, нельзя ли устроить органъ славянскій внѣ славянофильства.—Я, конечно, очень радъ, что открыта подписка, кѣмъ бы и гдѣ бы то ни было, но не желалъ бы, чтобъ она способствовала къ смѣшенію понятій.

И такъ Николичъ устроился. Странно, что онъ мнѣ ни слова объ этомъ не пишетъ. Мнѣ необходимо бы имѣть человѣка, который читалъ бы славянскія газеты постоянно и дѣлалъ бы еженедѣльно обзоръ имъ въ «Днѣ», или бы дѣлалъ извлеченія извѣстій интереснѣйшихъ изъ газетъ. Не знаю, способенъ ли на это Николичъ. И долго ли можно разсчитывать на его умственное здравіе?

Вашъ будущій зятекъ не пріѣзжалъ. Увѣдомьте меня, когда вы поѣдете въ Вѣну. Надо многое съ вами послать. Благодарю васъ отъ души за приглашеніе остановиться у васъ, но я отмѣняю свою поѣздку. Съ министромъ Головнинымъ видѣться не намѣренъ, Блудовыхъ нѣтъ, да и прочіе всѣ по дачамъ. Дѣло мое на дняхъ рѣшится. Самаринъ въ Петербургѣ.

Дай Богъ, чтобъ у васъ было на душѣ и въ домѣ также весело, какъ у меня мрачно и скучно! Хоронимъ мы на Константинопольскихъ конференціяхъ! Маменька и сестры, слава Богу, здоровьемъ не хуже, чѣмъ вы ихъ видѣли,—всѣ кланяются и желаютъ вамъ всего лучшаго. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

42.

1 октября 1862 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Я не успѣлъ до сихъ поръ поздравить васъ и ваше семейство съ вашимъ семейнымъ торжествомъ, преобразованіемъ и приращеніемъ, однимъ словомъ съ свадьбою вашей дочери. Въ

моемъ желанiи вамъ и вашимъ всякаго счастiя, вы, конечно, не сомнѣваетесь. Отвѣсьте отъ меня низкiй поклонъ вашимъ молодымъ: Софьѣ Михайловнѣ и Всеволоду Александровичу. Когда вы ѣдете? Былъ у меня какой-то докторъ изъ Казани, ѣдущiй домой изъ Вѣны. Онъ былъ у васъ на свадьбѣ и увѣрялъ меня, что вы должны были ѣхать вчера или третьяго дня. Это жаль. Свадьба, поѣздка въ Арзамасъ, всякiя хлопоты и развлеченiя—помѣшали вамъ заняться, какъ слѣдуетъ, славянскимъ дѣломъ на досугѣ. Теперь вдругъ всего не припомните и не сообразите. Отправили бы вашу семью впередъ, а сами хоть недѣльку остались бы лишнюю. Много бы книгъ слѣдовало съ вами отправить. Скажите, что дѣлать съ Станковичемъ—т.-е. нотами его. Я вамъ писалъ, что въ магазинахъ продавать нельзя безъ разрѣшенiя цензуры.—Получили ли вы «День» въ Петербургѣ съ 35 №? Теперь вышло всѣхъ пять нумеровъ. Нашлась у насъ ваша статья, которую вы искали, объ учрежденiи общества Св. Владимiра. Куда ее прикажете? Справьтесь въ Азiятскомъ департаментѣ, отосланъ ли «День» съ 35 № въ Вѣну? Надо бы отправить мнѣ рублей тысячу въ пользу разоренныхъ черногорцевъ: было бы кстати отправить съ вами. Однимъ словомъ—отзовитесь. Маменька писала вамъ письмо и поздравляла. Мы переѣхали на новую квартиру: на той же Спиридоновкѣ, домъ Мазаровича—славный, помѣстительный домъ. Впрочемъ, мой самый лучшiй адресъ—въ редакцiю «Дня».

Вашъ Ив. Аксаковъ.

43.

Москва. 19 Октября 1862 г.

Можно ли такъ поступать? Уѣхать, не предупредивъ, не снесясь, не давши мнѣ возможность воспользоваться вашимъ отъѣздомъ въ Вѣну. Вы точно бѣжали изъ Петербурга! Я, ничего не зная, пишу вамъ въ Петербургъ и вдругъ узнаю, что васъ тамъ нѣтъ! Досадно! Получили ли вы, по крайней мѣрѣ, это письмо? Маменька писала вамъ, поздравляла васъ со свадьбой,—вы не отвѣчали. Вы знаете, какое участiе мы всѣ принимаемъ въ вашемъ семействѣ: кажется, можно было бы написать и увѣдомить о совершившейся семейной радости. Непо-

пятно. И если нѣтъ какихъ либо уважительныхъ причинъ, то непростительно. Потомъ, если вы радѣете славянскому дѣлу, такъ надо было порядкомъ согласиться намъ другъ съ другомъ— какъ теперь дѣйствовать. Да сколько книгъ слѣдовало отправить съ вами! Захватили ли вы, по крайней мѣрѣ, «День»? Ужасный вы человѣкъ. Скажите Всеволоду Александровичу, чтобъ не бралъ съ васъ примѣра. Я страшно сердитъ. Далѣе. Ну вы бѣжали изъ Петербурга потихоньку, не успѣли въ попыхахъ написать, но пріѣхавши въ Вѣну, отчего не написали? Э-эхъ!

Ну вотъ извольте же мнѣ немедленно отвѣчать на слѣдующіе вопросы:

1) Доставляется ли вамъ теперь «День» аккуратно съ курьерами и по почтѣ?

2) Устройство желѣзной дороги доставило ли въ этомъ отношеніи какія либо удобства? Часто ли ѣздятъ курьеры?

3) Посылаются вамъ сто объявленій объ изданіи «Дня» въ 1863 году: извольте ихъ раздать, разослать, а Ткалаца попросите перепечатать.

4) Отчего ни одна славянская газета не отозвалась возобновившемуся «Дню»?

5) Читаютъ ли чехи статьи Гильфердинга о Чехіи? Заставьте ихъ читать.

6) Гдѣ Ламанскій и гдѣ Петровскій?

7) Скоро ли вы пришлете статью о положеніи славянскихъ дѣлъ?

8) Есть ли у васъ мои деньги?

Сестра Надежда Сергѣевна пишетъ къ вашей дочери и проситъ ее купить для себя платьевъ, всего, кажется, рублей на 30 сер.—Если у васъ еще имѣются мои деньги, то пусть Софья Михайловна купитъ, а вы съ первымъ отходящимъ курьеромъ пришлите въ Азіятскій департаментъ на имя Мельникова для пересылки ко мнѣ, или иначе другимъ путемъ, какой знаете. Если денегъ моихъ нѣтъ, то все же купите, а меня увѣдомьте, какъ доставить вамъ деньги.

Прощайте, чудакъ вы человѣкъ. Отвѣчайте скорѣе—просто въ редакцію «Дня». (Впрочемъ мы теперь переѣхали: на той же Спиридоновкѣ, домъ Мазаровича, ближе къ Никитскимъ воротамъ:

славный домъ!) Вы вѣрно знаете, что Государь возвратилъ мнѣ право редакторства. Передайте мой поклонъ всѣмъ вашимъ и Всеволоду Александровичу: какъ ему понравилась Вѣна?

Вашъ Ив. Аксаковъ.

44.

Москва. 4 Февраля 1863 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

Вотъ одинъ юноша Болгаринъ, Перфановъ, учащійся въ Москвѣ, заболѣвшій и отправляемый Славянскимъ Комитетомъ на родину. Укажите ему адресы Болгаръ вѣнскихъ и сдайте его на попеченіе имъ. Если нужно немножко пособить ему деньгами, пособите.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

45.

Москва. 9 Марта 1863 г.

Порученія М. Ө. Раевскому.

1) Обнять Михаила Өеодоровича Раевскаго и поприжать его крѣпко.

2) Ругнуть Михаила Өеодоровича крѣпко — вообще.

3) Ругнуть Михаила Өеодоровича въ частности, во 1-хъ за то, что не пишетъ статей въ «День»; во 2-хъ за то, что не разсылаетъ аккуратно моей газеты. Вотъ К. Д. Петковичъ говоритъ, что ни одного № въ глаза не видалъ.

4) Распорядиться посылкою моей газеты: Петковичу, въ Читалнице Бокко ди Каттарское, и Графу Orso Pozza въ Рагузѣ.

5) Посылаемую съ г. Петковичемъ рукопись — переводъ на Итальянскій языкъ богословскихъ брошюръ Хомякова (на Французскомъ языкѣ) немедленно переслать зятю Михаила Өеодоровича — Орлову. Просить его — просмотрѣть переводъ, исправить и немедленно напечатать въ Италіи на нашъ счетъ. Что будетъ стоить, немедленно будетъ мною уплочено. Мнѣ доставить нѣсколько экземпляровъ.

6) Банкиру Euphrussi отдать 30 рублей серебромъ и велѣть послать переводъ на эту сумму на какого нибудь бан-

кира въ Занте, — и получивши переводное письмо или вексель отправить его по почтѣ въ Занте, консулу Русскому Sandrini. Euphrussi дѣлалъ ужъ это однажды. Отправить мое прилагаемое письмо по почтѣ.

7) Кланяться Балабину и Гагарину.

8) Кланяться отъ всѣхъ насъ всѣмъ вашимъ, не будетъ ли уже скоро внука? Что вашъ зять—Смирновъ? Привыкаетъ ли?

9) Кланяться Петровскому и Ламанскому. Всѣ письма ихъ я получилъ. Дать имъ прочесть въ «Днѣ» мои три статьи о Черногоріи подъ заглавіемъ: Миръ Порты съ Черногоріей.

10) Прислать мнѣ — купивши или выписавши изъ Лейпцига — пять экземпляровъ брошюръ Хомякова Французскихъ (всѣхъ трехъ).

11) Обнять еще разъ Михаила Ѳеодоровича.

12) Спросить его — доволенъ ли онъ статьями въ «Днѣ» о духовенствѣ, послѣ того, какъ онъ меня выругалъ, за что я былъ ему очень благодаренъ?

Ив. Аксаковъ.

46.

19 Марта 1863 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Прошу васъ убѣдительно немедленно заплатить В. П. Балабину долгъ М. П. Петровскаго. 150 гульденовъ, — изъ моихъ денегъ, а если моихъ у васъ нѣтъ, то напишите, — съ Петковичемъ могу прислать нѣсколько государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Вѣдь вы ихъ любите, кажется, и въ Вѣнѣ они у васъ сойдутъ. Я на дняхъ написалъ вамъ письмо съ Петковичемъ, да оказалось, что онъ не скоро ѣдетъ. Обнимаю трижды и цѣлую въ три щеки.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

47.

Второй день Пасхи. 1 Апрѣля ст. стиля 1863 г.

Почтеннѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Имѣю честь васъ увѣдомить, что Славянскій Комитетъ, во уваженіе ходатайства Митрополита Михаила, согласенъ принять

г. Пелачича въ число своихъ воспитанниковъ. Но пусть онъ знаетъ напередъ, что помощь отъ Комитета ограничивается выдачею 20 р. сер. въ мѣсяцъ, не больше. Съ этимъ можно, конечно, жить, но жить тѣсновато. Не больше этого мы выдаемъ и болгарамъ-студентамъ (о которыхъ вообще надобно сказать, что они учатся отлично). Денегъ же на проѣздъ ему дайте по соображенію, что будетъ стоить проѣздъ отъ Вѣны до Москвы въ 3 классѣ и съ харчами. Документъ «Брчкій» на всякій случай посылаю.

Прошу васъ меня увѣдомить, какимъ путемъ доставить вамъ денегъ. Не посылать же вексель или переводъ на банкира! Нѣтъ ли у васъ расходовъ здѣсь въ Россіи?

У насъ здѣсь все обстоитъ такъ скверно, что и писать не хочется. Сейчасъ прочелъ Манифестъ, объявляющій амнистію Полякамъ, если они положатъ оружіе къ 1 Мая ст. стиля— (т. е. 30 Апрѣля они еще могутъ рѣзать и истреблять Русскихъ солдатъ: пусть только 31 Апрѣля смирятся). Вмѣстѣ съ симъ обѣщается имъ расширеніе политическихъ правъ, хотя и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Манифестъ этотъ возбуждаетъ сильное неудовольствіе въ Россіи, какъ свидѣтельство уступки, вслѣдствіе угрозъ иностранныхъ державъ.

Христосъ Воскресе! Вамъ и всѣмъ вашимъ. Маменька и сестры заочно христосываются со всѣми вашими и съ вами.

Чрезъ Вѣну въ Крымъ поѣдетъ Камбуровъ, болгаринъ, одинъ изъ лучшихъ, чуть ли не первый студентъ въ своемъ факультетѣ. Я просилъ его зайти къ вамъ, и поклониться отъ меня.

Я писалъ вамъ съ Петковичемъ. Прощайте покуда, крѣпко васъ обнимаю. Валуевъ меня преслѣдуетъ такъ, что жить нельзя! Получаете ли вы «День»? Будьте благополучны.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

48.

17 Апрѣля, 1864 г. Страстная Пятница. Передъ заутреней.

Прошу васъ чистосердечно прощенія, дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ. Вы имѣете полное право на меня сердиться и негодовать. Я поступилъ съ вами не только невѣжливо, но просто

грубо: я разумѣю мое долгое молчаніе на ваши письма. И однакожъ не подумайте, чтобъ это молчаніе было умышленное, чтобъ оно имѣло причину въ какомъ нибудь неудовольствіи на васъ, или въ охлажденіи моей къ вамъ пріязни. Ничуть не бывало. Это просто дѣлалось само собою. Я могу показать вамъ нѣсколько начатыхъ и полунаписанныхъ писемъ къ вамъ, которыхъ почему-то не успѣлъ окончить: то да се, день за день, и глядишь—почтовый листокъ уже весь замарался, засалился, письмо еще неоконченное уже запоздало содержаніемъ... Начинаешь писать новое! Нынче попалось мнѣ такое письмо, начинающееся словами изъ Грибоѣдова:

Брани, зови меня Вандаломъ,
Я это имя заслужилъ!

Нынѣшнею зимою у меня какъ то особенно много было дѣла, а работа спорилась хуже. Вѣрно я начинаю уставать. Вѣдь я работаю одинъ, помощниковъ у меня нѣтъ, которые бы дѣлали за меня чернорабочую работу. Не противъ васъ однихъ: я провинился противъ многихъ пріятелей неаккуратностью въ отвѣтахъ и повредилъ даже интересамъ «Дня», упустивъ такимъ образомъ не одного корреспондента.

Впрочемъ отчасти извиненіемъ, кромѣ усталости физической и нравственной, можетъ служить то, что, начавъ издавать «День» въ 2 листа, я издаю его теперь почти всегда въ три. Наконецъ—пріемъ пожертвованій и разсылка ихъ отнимаетъ у меня много времени, а также необходимость, вызванная Польскимъ вопросомъ, читать газеты внимательно. Впрочемъ, ваши порученія, кажется, мною всѣ выполнены. Отъ 20 марта я имѣю письмо отъ вашей матушки, что она получила 100 рублей, да и въ Петербургъ мною своевременно были отосланы 200 рублей: вѣроятно это вамъ извѣстно.

О новомъ ударѣ постигшемъ насъ—вамъ уже также извѣстно Тяжекъ этотъ ударъ для меня, ахъ, какъ тяжекъ! Въ сестрѣ Вѣрѣ я лишился старшаго и строгаго друга. Она принадлежала всецѣло къ тому періоду времени, когда развивался и дѣйствовалъ братъ Константинъ, которому она была ближе меня и Хомякова. Она свято хранила завѣты и преданія всей нашей школы. Она для меня служила руководительницею и повѣркой. Я теперь остался совершенно одинъ: прочія мои сестры моложе

меня и хотя мы дружны, но нѣтъ связи товарищеской. Какая это была христіанская кончина, Михаилъ Ѳеодоровичъ: сознательная до послѣдняго издыханія. Съ какою радостью встрѣчала она смерть! Какъ вѣрила въ соединеніе съ дорогими ей: отцомъ, братомъ, сестрой Ольгой, предупредившими ее на пути къ могилѣ!—Кончина сестры сильно подорвала маменьку,—больше даже, чѣмъ смерть Константина. Сестра Вѣра была ея товарищемъ и совѣтникомъ, котораго совѣты она привыкла уважать: онѣ не разлучались и смерть Константина связала ихъ тѣснѣе. Отчаянію и горести маменька не предается,—но тоскуетъ, но скучаетъ невыразимо. Я не могу замѣнить ей Вѣры: къ тому же я отвлеченъ занятіями по газетѣ.

Все это, Михаилъ Ѳеодоровичъ, мало придаетъ бодрости жить и дѣйствовать, но я, какъ видите, и живу, и дѣйствую: даже № не пропустилъ! Работаю безъ отдыха. «День» имѣетъ значеніе и силу, но расходится худо: едва едва окупаетъ издержки и то съ грѣхомъ пополамъ.

Давно я не имѣю никакого живого вѣрнаго свѣдѣнія о славянскихъ земляхъ. Вы замолкли. Что тамъ подѣлывается? Что-то не совсѣмъ доброе. Я говорю про дѣла на Востокѣ. Дипломатія наша, кажется, сильно тутъ хромаетъ. Вамъ ближе знать—на счетъ Валахіи и Молдавіи. Что въ самомъ дѣлѣ затѣвается тамъ? Кажется Востокъ совсѣмъ уходитъ у насъ изъ рукъ. Очень бы одолжили, еслибъ прислали статейку съ береговъ Дуная. Кстати: у васъ тамъ опять г. Троянскій. Странный человѣкъ. Былъ у меня въ Москвѣ съ повинной головой. Объявилъ самъ мнѣ, что онъ остается мнѣ долженъ и на дняхъ уплатитъ этотъ долгъ статьею. Прекрасно. Но дни прошли за днями, Троянскій не явился, и вдругъ оказывается въ Вѣнѣ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Если вы его видаете, напомните ему объ этомъ.

Сейчасъ попалось мнѣ письмо маменьки, писанное полъ-года тому назадъ къ Людмилѣ вашей и оставшееся неотправленнымъ, въ ожиданіи моего! Прилагаю его.

Прощайте, дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ. Даю вамъ слово исправиться и быть аккуратнѣе. Простите меня хоть ради сихъ дней. Къ тому же я говѣю и черезъ нѣсколько часовъ буду исповѣдываться. Кланяюсь всѣмъ вашимъ и вашему зятю. Обни-

маю васъ крѣпко отъ всей души и поздравляю съ наступающими праздниками. Что Балабинъ и Гагаринъ?

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Аккуратно ли получаете вы теперь «День»?

49.

Москва. Декабря 21 (стараго стиля) 1864 г.

Любезнѣйшій дружище Михаилъ Өеодоровичъ.

Спасибо вамъ за ваши письма и за присылку книгъ и газетъ. Я приму на слѣдующій годъ другія мѣры, именно — помимо Азіатскаго департамента, буду черезъ Кожанчикова доставлять къ Черкасскому, а вы уже устроитесь, какъ нибудь съ нимъ.

Разрѣшенія посылать свою газету за-границу, платя только уменьшенныя издержки porto, я не получилъ, но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь пересылать на свой счетъ—sous bande, платя по 17 к. за каждый № (въ годъ 8 р. 84 к.): во первыхъ, вамъ, во вторыхъ редакціи «Zukunft'a», въ третьихъ редакціи «Народа», въ четвертыхъ въ Казино «Русскаго Народнаго Дома» въ Львовѣ. Еще могу послать 1 экз. или два. Такимъ образомъ вы будете получать аккуратно. Если непремѣнно нужно или крайне полезно было бы еще кому нибудь посылать этимъ путемъ, то немедленно увѣдомьте. Вы знаете, что я еженедѣльно сдаю въ Азіатскій департаментъ 100 экз. (теперь 95 экз.). Такъ какъ эта жертва не достигаетъ цѣли и «способекъ» этотъ оказывается негоденъ, то я—по совѣту вашему буду посылать въ Варшаву, но прошу тотчасъ меня увѣдомить—сколько именно? Нужны ли всѣ 95 экз.?

Спасибо вамъ за всѣ ваши присылки. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе о православной галиційской и угорской Руси,— и влекусь къ нимъ самымъ естественнымъ сочувствіемъ родного брата. Изъ Западныхъ славянъ, признаться, только о нихъ однихъ и можно серьезно думать. Но не хорошо обстоятъ дѣла въ Галиціи, сколько мнѣ извѣстно изъ писемъ Кокошкина и отчасти Ламанскаго. И главное зло идетъ отъ насъ, изъ нашей Украйны, отъ украинофиловъ. А зло украинофильства также имѣетъ свою внутреннюю, не случайную причину, и едва ли

есть самостоятельная болѣзнь, скорѣе—симптомъ другой болѣе общей болѣзни. Вѣдь «Слово» дрянь. И если оно есть только хитрость, то на этой хитрости далеко не уѣдешь.

Редакція «Народа» предложила мнѣ обмѣнъ, но я подписался на «Народъ» еще прежде, и «День» буду высылать имъ на мой счетъ, а какъ быть съ «Zukunft'омъ»? Въ почтамтскомъ спискѣ она не стоитъ, но это все равно, я могу ее черезъ почтамтъ выписать, потому что «нѣмцамъ» нельзя же предложить посылать мнѣ ихъ изданіе подъ бандеролемъ. Въ «Славянскую Бесѣду» я готовъ посылать по почтѣ—подъ бандеролемъ въ знакъ моего сочувствія этому учрежденію, но пришлите мнѣ точный адресъ. Запишите меня членомъ—какимъ—сами знаете. Думаю, что моя присылка «Дня» стоитъ «Beitrag'а». Письмо Александрѣ Николаевнѣ доставилъ.

Начинаю 4 годъ существованія «Дня». Изъ нихъ два года лишенъ я возможности говорить своимъ голосомъ, благодаря цензурѣ, которая, кажется, только для одного меня и существуетъ. Усталъ я ужасно,—тѣмъ болѣе, что лучшіе мои сотрудники и пріятели—или въ Варшавѣ, или за границей, или бездѣйствуютъ и мнѣ приходится не только выносить все на своихъ плечахъ, но и приплачивать карманомъ. Первый годъ была мода на «День» и потому подписчиковъ было очень много, т. е. за 3,500, но на слѣдующій же годъ все дворянство, разсердясь на меня, отхлынуло и подписчиковъ было не болѣе 2,500, на этой цыфрѣ и остановилось. Не знаю, что скажетъ 1865 годъ; подписка идетъ такъ-же, какъ и въ прошломъ году. Мнѣ очень жаль, что вы не могли постоянно слѣдить за моей дѣятельностью. Она была не безполезна. «День» первый, за долго до возстанія, напомнилъ про Бѣлоруссію, и его значеніе въ православномъ населеніи Западнаго края, собственно говоря—въ духовенствѣ огромное. Я большей части тамошнихъ священниковъ посылаю его даромъ, да и пожертвованія переслалъ туда на десятки тысячъ.

Жаль, что вы не пишите мнѣ статей. Имѣть корреспондентомъ изъ славянскихъ земель не русскихъ или не бывавшихъ въ Россіи, рѣшительно не стоитъ, я убѣдился по опыту. Они не знаютъ, чего намъ именно нужно, и какъ надо писать для русской публики.—Что вамъ сказать еще? Маменька все груститъ и старѣетъ, и очень вамъ кланяется, также и сестры. Я

работаю, но не весело. Обнимаю васъ крѣпко, кланяюсь дружески вашему семейству. Пишите. Съ Далемъ пришлю вамъ нѣсколько полныхъ экземпляровъ «Дня» за три года и разныхъ книгъ.

Вашъ всей душою Ив. Аксаковъ.

Съ праздниками. Письмо Бахметовой передалъ.

50.

Москва. 11 Іюня 1865 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Θеодоровичъ.

Деньги вашей матушкѣ отослалъ. Вы очень хорошо сдѣлали, что внесли за меня въ «Славянскую Бесѣду» 30 р. сер. Изъ 24 № «Дня» вы увидите, что я останавливаю изданіе газеты на 2 мѣсяца и беру «отпускъ» у публики, по настоянію врачей и по внутреннему собственному сознанію необходимости—освѣжиться силами. Иначе я не въ состояніи былъ бы издавать газету далѣе, т. е. въ 1866 году. Мой умственный жерновъ совсѣмъ обмололся. Уже 4 года сряду выношу я газету одинъ на своихъ плечахъ, и безвыѣздно остаюсь въ Москвѣ. Передать газету мнѣ было некому. Всѣ мои сотрудники—не чернорабочіе наемники, всѣ болѣе или менѣе баричи, т. е. люди, проводящіе лѣто въ деревнѣ. Чижовъ уѣзжаетъ для развѣдокъ, какъ вести желѣзную дорогу дальше до Ярославля, Самаринъ въ Самару и т. д. Къ тому же моя газета не сообщаетъ ни политическихъ новостей, ни указовъ, ни движеній по службѣ,—въ ней нѣтъ готоваго содержанія, а только развитіе ученія извѣстной школы. Лѣтомъ такъ плохо читаетъ публика, что лѣтомъ ни одинъ порядочный редакторъ не помѣститъ порядочной статьи. 6 Августа я возвращусь и вознагражу подписчиковъ за все время отпуска двойными номерами. Думаю, что газета отъ такого освѣженія редакторскихъ силъ только выиграетъ. Ѣду я внизъ по Волгѣ, внизъ по Дону, въ Черное море и потомъ на пароходѣ же вверхъ по Днѣпру въ Кіевъ—и въ Москву. Не будь это такъ дорого и имѣй я больше времени я бы возвратился Дунаемъ черезъ Вѣну. Я ѣду не одинъ, а съ сестрой Софьей Сергѣевной.

Никакъ не можно устроить обмѣнъ съ газетами, и я посылаю газету свою Народному Дому въ Львовѣ, въ Редакцію «Народныхъ Листовъ»—на свой счетъ, что мнѣ стоитъ рублей слишкомъ 10 въ годъ.—до 13 руб. Между тѣмъ редакціи «Гласа» и «Литературнаго Листка» также просятъ объ обмѣнѣ. Аккуратнѣе ли доходитъ до васъ газета—какъ по почтѣ, такъ и изъ Департамента?

Не знаете ли вы нѣкоего Дубровскаго, живущаго въ Лотвицѣ, близъ Дрездена, который предложилъ мнѣ быть моимъ корреспондентомъ о Славянахъ Западныхъ? Онъ Русскій ученый. На опытѣ я убѣдился, что корреспонденты Славяне намъ не годятся. Во 1-хъ ихъ всегда надо переводить, во 2-хъ они не понимаютъ чего именно намъ нужно. Лучше не было корреспонденцій, какъ съ береговъ Дуная. Не знаете ли вы, отчего онѣ прекратились?

А славную штуку вы устроили, давъ Нѣманской Руси уніатовъ священниковъ изъ Венгерской Руси.

Такъ то, любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ, усталъ. Надоѣло. Надѣюсь, что поѣздка освѣжитъ меня. Маменька съ остальными двумя сестрами остается покуда въ Москвѣ, а потомъ переѣдетъ вѣрно въ нашу Подмосковную. Она вамъ очень кланяется.

Прощайте, крѣпко обнимаю васъ. Не сердитесь на меня за долгое молчаніе: исправлюсь, будьте увѣрены и заведу новые порядки. Мое искреннее почтеніе вашему семейству.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

51.

9 Мая 1866 г.

Отъ всей души благодарю васъ, дорогой Михаилъ Өеодоровичъ, и за телеграмму и за поздравленіе. Свадьба моя совершилась благополучно 12 Января, того же числа уѣхалъ я въ Абрамцево (куда милости прошу побывать лѣтомъ, какъ поѣдете къ Сергію на богомолье), гдѣ и доздѣ пребываю. Признаюсь вамъ—Москва не тянетъ. Если бъ не матушка и сестры, такъ я бы въ нее долго не заглянулъ. До такой степени общество измельчало. Вообще, чѣмъ далѣе подвигаешься въ жизнь, тѣмъ сильнѣе

домогаешься серьезнаго отношенія къ жизни и къ дѣлу,—хочешь уже не пустяковъ блестящихъ, не мыльныхъ пузырей, а положительнаго, неуклоннаго движенія впередъ, серьезнаго, хотя бы и скромнаго дѣла. Вполнѣ понимаю—и вашу усталь и вашу тоску. Но если взять вашу дѣятельность въ совокупности, обнять ее за все пространство времени, посвященнаго вами службѣ, то хотя раздробленная на ежедневность, она глядитъ и мелочною, но въ общемъ своемъ итогѣ, она чрезвычайно многозначительна. Вы человѣкъ незамѣнимый на своемъ посту, и если дѣятельность вашу не цѣнятъ — такъ только потому, что это въ нашемъ Русскомъ порядкѣ вещей. Цѣнить человѣка по заслугамъ—было бы у насъ безпорядкомъ! Если говорится, что сила Божія въ немощи совершается, то еще справедливѣе сказать, говорю про Россію, что мудрость Божія въ глупости и тупости человѣческой совершается. Что Россія идетъ впередъ, это несомнѣнно,—но что людей нѣтъ, что уровень ума значительно понизился, равно какъ ослабѣлъ и жаръ благородныхъ и безкорыстныхъ интересовъ—это также не подлежитъ сомнѣнію.

Для Славянъ пѣсня одна: ждать, терпѣть и блюсти свое внутреннее, духовное Славянство. Для Галиціи задача одна—возстановленіе Православія во всей его чистотѣ.

Я теперь въ деревнѣ,—собираюсь издать 2-й и 3-й томы сочиненій брата. Много предстоитъ мнѣ прочесть, но когда выступлю вновь на публичную дѣятельность, еще не знаю. Для этого надо накопить денежныя средства, сильно потрясенныя изданіемъ «Дня».—Съ каждымъ днемъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что я умно сдѣлалъ, что женился, и что женился именно на Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Прощайте, крѣпко обнимаю васъ,—мнѣ очень дорога ваша дружба. Поклонитесь отъ меня вашей Аннѣ Ѳеодоровнѣ, и всему вашему семейству. Жена моя васъ отъ всего сердца благодаритъ и зоветъ въ Абрамцево, которое ей кажется лучше всевозможныхъ дворцовъ. Когда она пріѣхала сюда такъ ея первое слово было: ну ужъ я отсюда не уѣду.

52.

11 Мая вечеромъ. 1866 г. с. Абрамцево.

Какое ужасное извѣстіе прислали мнѣ сейчасъ изъ Москвы, дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ! Давно ли вы утѣшались имъ,

и такъ весело было намъ слушать ваши разсказы. Молодой человѣкъ, подававшій такія добрыя надежды, счастливый, только что осѣвшій на мѣстѣ—и вдругъ! Я не говорю вамъ утѣшительныхъ рѣчей: всѣ утѣшенія, какія даетъ Христіанство, вамъ извѣстны еще лучше, чѣмъ мнѣ. Но Христіанство не запрещаетъ называть боль болью и ощущать боль. Больно, Михаилъ Ѳеодоровичъ, больно за васъ, за вашу семью.—а ужъ какъ вамъ и вашей Аннѣ Ѳеодоровнѣ должно быть больно? Про Софью Михайловну я ужъ и не говорю. Какъ ея здоровье? Бѣдная, бѣдная.

Вотъ оно какъ! Всѣ наши постройки на пескѣ. Я ужъ такъ проученъ въ жизни, такъ недовѣрчивъ сдѣлался къ ней, что за всякій мирно прожитой день благодарю Бога, не разсчитывая съ увѣренностью на завтрашній. Эдакъ жить не весело, но что же дѣлать! Что будетъ въ будущемъ—не знаю, но за настоящее свое отъ всего сердца благодарю Бога. А я только что порадовался за васъ, узнавъ, что вы получили митру!

О своихъ дѣлахъ теперь и писать вамъ не хочется. Жена моя принимаетъ самое горячее участіе въ вашемъ горѣ, и если участіе друзей можетъ служить хоть нѣкоторымъ утѣшеніемъ, то этого участія вы имѣете съ избыткомъ. Крѣпко отъ всей души обнимаю васъ, и прошу передать нашъ грустный привѣтъ Аннѣ Ѳеодоровнѣ и Софьѣ Михайловнѣ, и отъ меня и отъ жены.

Весь вашъ душою Ив. Аксаковъ.

53.

13 Октября 1866 г.

Дорогой Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Если я долго не писалъ, то зато теперь являюсь съ вѣстью, которая васъ конечно порадуетъ. При содѣйствіи Московскаго купечества составился капиталъ для изданія ежедневной политической, литературной и экономической газеты подъ названіемъ «Москва». Редакторъ вашъ покорнѣйшій слуга. Разумѣется восточный и славянскій вопросы будутъ занимать въ ней одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Если дѣло пойдетъ хорошо и газета будетъ имѣть успѣхъ, то очень важно будетъ для нашего дѣла найти такую опору, какова сила Русскаго купечества. Оно пой-

деть за своей газетой. Я совершенно независимъ въ своихъ редакторскихъ дѣйствіяхъ; все мое обязательство заключается въ томъ, чтобъ изъ 24-хъ столбцовъ газеты, не менѣе двухъ посвящено было торговымъ корреспонденціямъ, чтобы разъ въ недѣлю была передовая статья отъ Бабста или Чижова, по вопросамъ экономическимъ, и чтобъ этимъ отдѣломъ завѣдывали Чижовъ съ Бабстомъ, что мнѣ именно на руку.

Теперь мнѣ необходимы корреспонденціи изъ Славянскихъ земель, но не прежнія—скучныя, отвлеченныя, многорѣчивыя. Не таково теперь время. Вопросъ изъ области отвлеченной выдвинулся на сцену дѣйствительности; Славянство теперь уже не археологическій интересъ только, а живой интересъ современности. Особенно нужно воздѣлывать Галицію.—Деньги будутъ теперь выплачиваться исправно, переводомъ на банкировъ. Я думаю 2 крейцера за строку (въ 37 буквъ) довольно, въ столбцѣ 160 строкъ, это составитъ слишкомъ 3 гульдена за столбецъ. Нѣтъ ли у васъ тамъ человѣчка изъ Русскихъ, который, не компрометтируя васъ, могъ бы иногда сообщать важнѣйшія новости по телеграфу, прямо изъ Вѣны, на имя Редакціи въ Москву. По предъявленіи счета вы тотчасъ бы платили за телеграммы и получали бы потомъ эти деньги съ насъ. Сношенія теперь будутъ производиться аккуратно: у меня будутъ помощники и секретари, это не то, что прежде.—Охъ, хорошо бы, коли бы вы сами писали, хоть подъ чужимъ именемъ: это было бы лучше всѣхъ корреспонденцій. Рекомендуйте мое дѣло всѣмъ знакомымъ вамъ Русскимъ, пребывающимъ въ Вѣнѣ: нѣкоторые могутъ быть хорошими корреспондентами,—преподайте только имъ совѣты. Нельзя ли пригласить Адольфа Ивановича. Эхъ жаль Кузмани! Будь у меня газета, я бы сказалъ ему надгробное слово. Я его уважалъ болѣе чѣмъ кого либо изъ Славянъ! Дайте знать о моей газетѣ всюду, пожалуйста. Мнѣ кажется, она появляется теперь кстати.—Очень жаль, что такъ поздно устроилось это дѣло. Приходится теперь горячку пороть. Но что же дѣлать,—лучше поздно, чѣмъ никогда, гласитъ давно опошлившаяся, но справедливая французская пословица.

Вамъ много объяснять не нужно—чего нужно. Что бы вы сами считали нужнымъ, то и дѣлаете. Особенно къ первымъ нумерамъ Января мнѣ нужны живыя рѣчи съ береговъ Дуная.

Какая потеря для васъ смерть Кузмани! Не унывайте, мой дорогой. Обнимаю васъ крѣпко. Жена вамъ отъ души кланяется. Мой адресъ теперь въ Москвѣ: на Малой Дмитровкѣ, домъ Ладыженскаго, а маменька съ сестрами на дняхъ переѣзжаютъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, въ Дегтярный переулокъ, въ домъ Шиловскаго, квартира № 10.

Весь вашъ душою Ив. Аксаковъ.

Ѣду нынче въ Петербургъ, чтобы получить оффиціальное дозволеніе. Объявленіе о газетѣ выйдетъ къ 1 Ноябрю.

54.

8 Марта 1867 г. Москва.

Дорогой другъ Михаилъ Ѳеодоровичъ.

По желанію маменьки и моему собственному спѣшу подѣлиться съ вами нашимъ горемъ: сестра Любовь Сергѣевна скончалась 5-го Марта—отъ чахотки. Четыре раза причащалась и умерла безъ страданій, а просто заснула, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія. Умерла, какъ жила, мужественно и энергически, въ полномъ торжествѣ духа. Помяните ее въ вашихъ молитвахъ. Буду писать послѣ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Нынче похороны.

55.

12 Апрѣля 1867 г.

Михаилъ Ѳеодоровичъ.

11-го Мая праздникъ Кирилла и Меѳодія. Вы знаете, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ по указу Синода этотъ день празднуется во всей Россіи. Служба Славянскимъ первоучителямъ превосходная. Она всегда очень торжественно отправляется въ Успенскомъ Соборѣ. Постарайтесь прибыть со Славянами въ Москву именно къ этому дню. Такъ бы прямо съ дороги въ Соборъ. Каково будетъ впечатлѣніе на Славянъ, когда пѣвчіе грянутъ «Святые Кирилле и Меѳодіе». Я писалъ Ламанскому, чтобъ не задерживали васъ въ Петербургѣ. Зоветъ Москва, а не Петербургъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

56.

22 Ноября 1867 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

Видно, что съ вами переписываются только о политикѣ. Неужели никто васъ и не увѣдомилъ о моихъ домашнихъ обстоятельствахъ? На дняхъ будетъ шесть недѣль послѣ родовъ жены. Роды были самые мучительные. Муки продолжались 80 часовъ и завершились помощью инструментовъ. Наконецъ родился мальчикъ, совсѣмъ сформированный, 15-ти вершковъ,— но мертвый,—умершій отъ продолжительности мукъ. Матушка, для которой хоронить обратилось уже въ обычное дѣло, схоронила и внучка, котораго такъ страстно ждала. Жена выказала необыкновенное мужество духа, но оправляется довольно медленно, хотя и поправляется... Можете себѣ представить мое положеніе, при изданіи ежедневной газеты! На одну недѣлю, правда, я себя освободилъ, предоставивъ начинать газету экономическими статьями,—но потомъ ревностно принялся за нее снова, и чуть было самъ не заболѣлъ отъ натуги и всѣхъ этихъ тревогъ. Аккуратно ли доходитъ до васъ «Москва»,— довольны ли вы ею.

А между тѣмъ она на волоскѣ. Валуевъ придрался къ статьѣ (не моей) о тарифѣ въ № 183 и далъ второе предостереженіе, второе по возобновленіи съ 1-го Іюля, а съ начала года 5-е! И это второе предостереженіе въ началѣ подписки на будущій годъ! Къ тому жъ это послѣднее предостереженіе трактуетъ меня какъ мальчишку,—и я въ № 189 вышедшемъ только вчера далъ отпоръ. Вы вѣрно его прочли. Что-то будетъ не знаю, но вся грамотная Россія заинтересована исходомъ спора.

Хоть я писалъ нынче только ради увѣдомленія васъ, старый дружище, о себѣ, — но могу васъ увѣдомить, что въ пользу Австрійскихъ Славянъ скоро начнется здѣсь цѣлый рядъ концертовъ и литературныхъ утръ, и безъ сомнѣнія денегъ соберется довольно. Общество на дняхъ организуется.

Прощайте, крѣпко обнимаю васъ. Напомните обо мнѣ вашей супругѣ. Жена вамъ очень кланяется: мы другъ другомъ, благодаря Бога, вполнѣ счастливы, и не было еще, не только ми-

нуты, ни секунды, чтобъ она какъ нибудь пожалѣла о прежней неволѣ въ золотой клѣткѣ.

Матушка съ двумя своими дочерьми Софьей и Надеждой, здорова, но грустить, грустить, да и горька ея жизнь послѣ такихъ потерь.

А вы что? Чай сѣдь становитесь? Вотъ и меня недавно изъ Сибири одинъ корреспондентъ чествуетъ «маститый писатель».

Вашъ Ив. Аксаковъ.

57.

2 Ноября 1871 г.

Дорогой Михаилъ Θеодоровичъ.

Вы, чай, я думаю—и почеркъ-то мой забыли; позвольте же себя напомнить. Дѣло вотъ въ чемъ. — На дняхъ вы получите по нѣмецки изъ Берлина брошюру, подъ названіемъ: «Письмо къ Деллингеру», по поводу старокатолической программы,—отъ одного изъ православныхъ русскихъ мірянъ «Von einem orthodox-russischen Laien». Вѣдайте, что это писано мною по русски, а на нѣмецкій переведено женою. Я приказалъ книгопродавцу Бокку, по отпечатаніи, послать вамъ 10 экземпляровъ. На дняхъ же пришлю вамъ эту статью по русски (т. е. въ оригиналѣ) въ печатныхъ оттискахъ: она напечатана въ октябрьской книжкѣ «Православнаго Обозрѣнія», только что вышедшей. То, что на послѣдней страницѣ попортила цензура, въ оттискахъ возстановлено. Статья эта въ рукописи произвела нѣкоторую сенсацію, особенно въ Петербургѣ, гдѣ ею очень недоволенъ Осининъ, — а я недоволенъ Осининымъ, т. е. его рѣчами и образомъ дѣйствій на Мюнхенскомъ конгрессѣ.—Моя статья старается доказать старо-католикамъ всю ту путаницу противорѣчій, въ которую они втянулись, пытаясь разрѣшить вопросъ помимо Востока.—Впрочемъ излагать ея содержаніе не буду: вы прочтете ее сами, но по прочтеніи напишите мнѣ объ ней ваше мнѣніе совершенно откровенно, безъ всякой пощады. Впрочемъ я надѣюсь, что вы будете со мною согласны. Русскіе оттиски я прошу васъ разослать по Руси Угорской и Галицкой, а Нѣмецкіе—къ Хорватамъ (особенно къ Священникамъ), къ Кукулевичу,—хотѣлось бы очень къ Штроссмайеру,

а также и къ Чехамъ. Очень бы хотѣлось, чтобъ Чехи перевели статью на Чешскій языкъ. Штроссмайеру, впрочемъ, посылать неловко,—обидится. Вообще постарайтесь распространить мою статью между Славянами. Если понадобятся оттиски еще, напишите мнѣ. Очень меня одолжите, если сообщите подробно тѣ толки, которые вызоветъ моя статья (если только вызоветъ) и журнальныя рецензіи (т. е. нумера тѣхъ газетъ).

Въ будущемъ году въ Маѣ мѣсяцѣ намѣреваюсь, если Богъ дастъ, быть съ женою у васъ въ Вѣнѣ, и посмотрѣть ваше житье-бытье. Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Мой адресъ: на Воздвиженкѣ, домъ Азанчевскаго.

58.

18 Августа 1873 г. Москва.

Любезнѣйшій и дорогой Михаилъ Өеодоровичъ.

Недавно была послана вамъ телеграмма (и даже двѣ) о деньгахъ, переведенныхъ въ Вѣну, на ваше имя, для сестры моей Софьи Сергѣевны. Между тѣмъ она этихъ денегъ не дождалась. Потрудитесь, прошу васъ, деньги эти переслать обратно въ Москву, наивыгоднѣйшимъ манеромъ. Они были переведены телеграфомъ, чрезъ Торговый Банкъ.—Деньги или переводное письмо переведете прямо на мое имя, Ивана Сергѣевича Аксакова, въ Москву, въ Правленіе Московскаго Купеческаго Общества Взаимнаго Кредита, на Варваркѣ, домъ Баранова. За отсутствіемъ изъ Москвы, по болѣзни, Өеодора Васильевича Чижова, я временно исправляю тамъ должность Предсѣдателя, къ великой моей скукѣ, — ибо жена въ Подмосковной, и мнѣ приходится кататься еженедѣльно изъ Москвы въ Серпуховскій уѣздъ и обратно.

Плохи дѣла наши, любезный другъ, и литературныя, и домашнія, и... Но лучше о томъ и не писать. Крѣпко васъ обнимаю, и всѣмъ вашимъ кланяюсь.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

59.

18 Сентября 1873 г. С. Турово.

Любезнѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Мнѣ такъ набили оскомину всякіе сборы, что я поклялся не брать на себя болѣе никакихъ обязательствъ въ этомъ смыслѣ. Собрать на устроеніе Пражской церкви 40 т. р. с. слишкомъ—это просто фокусъ-покусъ моей ревности къ дѣлу, которому уже повториться нельзя. Какихъ тутъ штукъ мы не выкидывали, на какіе риторическія антрпа не пускались. Денегъ на построеніе хватило, но на обезпеченіе причта собирать я отказался, и предоставилъ это дѣло Петербургскому Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Затѣмъ пожаловалъ въ началѣ года въ Москву Смоларъ, тоже занимать денегъ, тысячъ 5, на какой-то домъ для Матицы,—нельзя было отказать: собрали. Затѣмъ открылъ я подписку на премію въ память Гильфердинга: собрали 1000 руб. с. и баста: дальше нейдетъ. Къ этому же финансовое положеніе дѣлъ не только мое личное, но и вообще въ Россіи прескверное. Торговля въ совершенномъ застоѣ, всѣ бумаги стоятъ низко, всѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Теперь самое неблагопріятное время для сбора. Устроить церковь въ Вѣнѣ дѣло очень хорошее,—ну да и церковь должна быть хорошая, дорогая, тысячъ во 100, — иначе не стоитъ и хлопотать: церковь уже есть, и порядочная въ Wallfischgasse. И все таки это дѣло возможное, гораздо болѣе возможное, чѣмъ было дѣло церкви Пражской. Стоитъ только заѣхать въ Вѣну какому нибудь купеческому тузу и повидаться съ вами. Я же, повѣрьте мнѣ, теперь не въ силахъ вамъ помочь въ сборѣ, ибо уже всѣмъ надоѣлъ; чтобъ не стать притчей во языцѣхъ, не лишиться кредита и авторитета, мнѣ надобно нѣсколько времени посидѣть смирно и никого не безпокоить. — Для успѣха вашей подписки было бы важно, чтобы здѣсь знали, что ей не только не противятся, но благопріятствуютъ на Петербургскихъ вершинахъ.

Вы меня упрекаете въ бездѣйствіи. Упрекъ не вполнѣ справедливъ, особенно въ отношеніи къ нынѣшнему лѣту: я долженъ былъ отправиться за Волгу, въ свое имѣніе,—долженъ былъ по случаю болѣзни, а потомъ и смерти Ѳеодора Ивано-

вича Тютчева два раза пріѣзжать въ Царское Село и прожить тамъ около 6-ти недѣль; наконецъ долженъ былъ заступать временно должность Ѳ. В. Чижова по его званію Предсѣдателя въ Обществѣ Взаимнаго Кредита (самъ онъ уѣзжалъ въ Кіевскую губернію лечиться). Жена живетъ въ деревнѣ, которую она купила въ Серпуховскомъ уѣздѣ, верстъ 30 отъ желѣзной дороги, и я былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ между Москвой и Туровымъ. Турово—такъ зовется наше деревенское убѣжище. Мое постоянное занятіе—историческій очеркъ Славянофильства и біографіи моего отца и брата,—теперь же пишу біографическій очеркъ Тютчева для Общества Любителей Русской Словесности. Публицистическая дѣятельность мнѣ возбранена положительно, покуда министромъ Тимашевъ; въ прочихъ газетахъ не хочу писать. Вообще вы представить себѣ не можете, какъ приструнили теперь печать, благо теперь всѣ правительства въ союзѣ и даже въ солидарность вступили...

Вообще мое предположеніе — нынѣшнюю зиму засѣсть въ деревнѣ, во 1-хъ потому, что въ Москвѣ дороговизна страшная, особенно на квартиры. У меня же въ Туровѣ домъ чудесный; во 2-хъ потому, что въ Москвѣ теперь нѣтъ никакого общаго дѣла, никакой общественной литературной или умственной жизни. Она обращается въ городъ чисто коммерческій; на первомъ планѣ общество купцовъ и капиталистовъ. Въ 3-хъ въ деревнѣ жить гораздо экономнѣе,—а доходовъ отъ Самарскаго имѣнія, по случаю засухи, ни гроша. Впрочемъ, я имѣю въ головѣ предположеніе, о которомъ и хочу поговорить съ вами.

Мнѣ необходимо полечить жену, — главное посовѣтоваться съ хорошими докторами по женской части. Въ Москвѣ нѣтъ теперь ни одного авторитетнаго доктора, да и тѣ обыкновенно спроваживаютъ за границу. Въ Петербургъ ѣхать по нѣкоторымъ причинамъ мы избѣгаемъ, въ виду придворныхъ празднествъ и отношеній ко Двору моей жены, — при ея болѣзни, требующей спокойствія. Мнѣ всѣ рекомендуютъ посовѣтоваться съ докторами въ Вѣнѣ, и мы думаемъ съ женой недѣли на 4 или на 6 съѣздить въ Вѣну, что теперь не затруднительно при прямомъ сообщеніи изъ Москвы. Конечно, поѣхали бы мы уже послѣ выставки. Какъ ни дорога Вѣна, все же не дороже, а дешевле Москвы. Я полагаю, что на 6 недѣль съ докторами, на всѣ расходы (кромѣ дороги) отъ 400 до 500 рублей доста-

точно (это maximum). Остановиться можно или въ гостиницѣ (только удобной, и если не въ нижнемъ этажѣ или въ rez de chaussée, то съ подъемной машиной), или въ appartement garni. Прислугу женскую можно было бы взять тотчасъ въ Вѣнѣ. Разумѣется помѣщеніе должно быть удобное, пріятное и приличное. Не знаю, какъ теперь, но въ былое время, за 5 гульденовъ въ день (по прежнему счету флоринъ въ 60 коп.) можно было въ Вѣнѣ «Züm Römischen Kaiser» имѣть чуть ли не княжеское помѣщеніе. Но съ тѣхъ поръ воды утекло много.

Такъ вотъ какъ, мой дражайшій старче, отвѣтьте мнѣ подробно: и о цѣнахъ, и о докторѣ, и о прислугѣ, и о холерѣ— есть ли она тамъ у васъ, — и о помѣщеніяхъ, и о срокѣ закрытія выставки, и пр. Увидѣлись бы тогда. Адресуйте мнѣ въ г. Серпуховъ, чрезъ Москву, И. С. Аксакову. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

60.

26 Февраля 1877 г. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Өеодоровичъ.

Посылаю вамъ восемьсотъ рублей, въ полученіи коихъ прошу васъ росписаться, для чего прилагаю росписку — заготовленную, щадя вашу «мѣрность», какъ въ старину титуловали духовныхъ особъ. Изъ сихъ денегъ пятьсотъ предназначаются для поддержки «Слова», издаваемаго Площанскимъ; а триста въ пособіе Словакамъ и Угорскимъ Руссамъ, для ихъ изданій или иныхъ предпріятій, благопріятныхъ общему Славянскому дѣлу.

Если вы сегодня, т. е. въ Субботу не уѣзжаете и вечеромъ свободны, то не пожалуете ли вы въ засѣданіе (частное) Славянскаго Комитета, имѣющее быть сегодня въ 8½ часовъ у Батюшкова въ домѣ, для выслушанія докладовъ Комаровскаго?

Если же нѣтъ, то еще разъ обнимаю васъ заочно; скажите тамъ, «у Бечу», что въ Москвѣ иначе настроены, что всѣмъ въ душѣ мерзитъ отъ нашей политики и дипломатіи.

Да хранитъ васъ Господь цѣло, тѣлесно и духовно.

Вашъ душою Ив. Аксаковъ.

61.

Сентября 24 1882 г.

Многоуважаемый Михаилъ Өеодоровичъ.

Окказіи не выходитъ и потому пишу по почтѣ. Дошло ли до васъ мое письмо въ отвѣтъ на ваше посланное съ Бахметевой, то въ которомъ дѣло шло о студентѣ. Чѣмъ же и какъ вы рѣшили? Мнѣ это нужно знать, чтобъ рѣшить вопросъ: прекратить ли сборъ пожертвованій на него или продолжать.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Этой запиской отъ 24-го Сентября 1882 г. исчерпываются письма Ив. С. Аксакова, сохранившіяся отъ долголѣтней переписки его съ М. Ө. Раевскимъ и столь обязательно предоставленныя для настоящаго изданія, съ согласія дочери его, Людмилы Михайловны Шестаковой, заслуженнымъ профессоромъ Спб. университета Иваномъ Васильевичемъ Помяловскимъ.

М. Ө. Раевскій—одинъ изъ тѣхъ скромныхъ русскихъ работниковъ въ дѣлѣ общенія Россіи со славянами, ревностная и преданная дѣятельность которыхъ, доселѣ мало извѣстная русскому обществу, ждетъ еще своего историка. Письма Ив. С. Аксакова проливая нѣкоторый свѣтъ на эту дѣятельность, даютъ лишь намекъ на тотъ громадный трудъ, который выпалъ въ славянскомъ дѣлѣ на долю М. Ө. Раевскаго въ теченіи болѣе чѣмъ 40-ка лѣтняго пребыванія его въ Австріи, гдѣ онъ съ 1842 г. по день кончины—2 мая 1884 г.—состоялъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Вѣнѣ. «Задолго до учрежденія въ Москвѣ Славянскаго Комитета»—писалъ Ив. С. Аксаковъ въ замѣткѣ по поводу кончины М. Ө. Раевскаго («Русь», 15 Мая 1884 г.)—«Раевскій одинъ служилъ предъ лицомъ Славянъ Западныхъ и Балканскихъ дѣятельнымъ выразителемъ мыслей и чувствъ русскаго общества, и въ этомъ смыслѣ былъ болѣе истиннымъ представителемъ Россіи, чѣмъ наши полномочные дипломаты при западныхъ европейскихъ дворахъ.» Интересно въ жизни М. Ө. Раевскаго, между прочимъ то, что награжденный Св. Синодомъ саномъ протоіерея въ 1847 г., онъ посвященъ былъ въ этотъ санъ митрополитомъ всѣхъ Сербскихъ и Угро-Влахійскихъ народовъ православнаго исповѣданія въ Австріи, Іосифомъ Раячичемъ, въ Карловцахъ, въ Венгріи. Три года спустя М. Ө. Раевскому пришлось заняться въ той же Венгріи, сначала по порученію общества благотворителей, а затѣмъ съ Высочайшаго соизволенія по порученію Св. синода—возстановленіемъ раззоренныхъ во время Венгерской войны православныхъ церквей; попеченіе о послѣднихъ осталось затѣмъ на его постоянной обязанности. Было возста-

новлено и частью вновь устроено до 47 церквей и 60 церквей снабжено ризницей утварью и церковными книгами, а также возстановлено нѣсколько народныхъ школъ. Въ 1856 г., послѣ войны Россіи съ Турціей были возложены на М. Ѳ. Раевскаго заботы по устройству православныхъ церквей и школъ въ Болгаріи, Босніи, Герцеговинѣ, Албаніи и Черногоріи: при содѣйствіи частныхъ благотворителей и Св. Синода возстановлено имъ въ этихъ провинціяхъ до 50 церквей и болѣе 200 церквей снабжены ризницей, утварью, Богослужебными книгами—и затѣмъ постоянныя заботы объ этихъ церквахъ и школахъ достались также въ удѣлъ М. Ѳ. Раевскому. Въ 1860 г. онъ является въ славянскихъ земляхъ Австріи уже представителемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета, образовавшагося изъ того кружка «частныхъ благотворителей», о сочувствіи которыхъ славянамъ Австріи и Турціи упоминается выше. Ревностно и неутомимо трудился Михаилъ Ѳедоровичъ по распредѣленію присылаемыхъ изъ Россіи книгъ, церковной утвари и денегъ церквамъ, «читалищамъ», частнымъ лицамъ, ученымъ и литературнымъ славянскимъ обществамъ. М. Ѳ. Раевскому пришлось принять также близкое участіе по устройству въ Москвѣ Славянской Этнографической выставки 1866 г.; на эту выставку онъ собралъ и доставилъ въ Москву богатую коллекцію рисунковъ одеждъ и самыхъ костюмовъ, собралъ множество статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о бытѣ, правахъ, домашней жизни западныхъ славянъ и наконецъ самъ прибылъ въ Москву во главѣ многочисленной группы славянъ. М. Ѳ. Раевскій былъ почетнымъ членомъ большинства русскихъ и славянскихъ ученыхъ учрежденій. Онъ издалъ за границей свои переводы на французскій языкъ «Великаго Канона Андрея Критскаго» и «Вечерней службы въ день Пятидесятницы» и на нѣмецкій языкъ «Великаго Требника съ приложеніемъ Литургіи и древнихъ богослуженій Православной церкви».

ПИСЬМА
КЪ
А. Ѳ. ТЮТЧЕВОЙ [1].

1.

Съ 14 на 15 Іюня 1865 г. Пароходъ «Князь», на полномъ ходу отъ Козмодемьянска къ Казани. 11 час. веч.

Я сошелъ наконецъ съ палубы. Вы ждете отъ меня, можетъ быть, описаній, «путевыхъ впечатлѣній». Не ждите. Впечатлѣнія мои были многообразны, обильны, сильны, но это не впечатлѣнія туриста или путешественника. Трудно передать вамъ, Анна Ѳеодоровна, какъ это было. Такъ бы мнѣ не хотѣлось, чтобъ въ томъ, что я буду говорить, была опять поэтическая ложь или фраза. Я пережилъ день съ Волгой будто душа съ душою, будто повѣрялъ ей всѣ свои тайны, будто несла она всѣ мои думы. Чѣмъ теперь полна и живетъ моя душа, вы знаете, и въ этой личной жизни я какъ-то, и самъ не знаю какъ, сроднился съ Волгой. Ради Бога не воображайте, что я становился въ позитуру поэта, который занялся такимъ красиво-поэтическимъ дѣломъ, какова передача своихъ тайнъ наперстницѣ (confidente) Волгѣ. Мнѣ это и въ голову тогда не приходило, хотя необыкновенно много и дѣятельно жило мое сердце цѣлый

---

[1]) Эти письма И. С. Аксакова къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ Тютчевой вдвойнѣ интересны: во 1-хъ они представляютъ собой путевыя впечатлѣнія о той поѣздки по Россіи, о которой И. С. упоминаетъ въ письмѣ къ М. Ѳ. Раевскому отъ 11 Іюня 1865 (№ 50). Она предпринята была ради отдыха, по настоянію врачей. Во 2-хъ письма эти писаны послѣ того какъ Анна Ѳеодоровна дала согласіе стать женой Ивана Сергѣевича—но не была еще объявлена его невѣстой. Это обстоятельство поясняетъ почему въ этихъ письмахъ встрѣчается изложеніе характерныхъ воззрѣній Ивана Сергѣевича на бракъ и семейную жизнь.

день. Только теперь, когда кончился долгій день, онъ встаетъ передо мною во всемъ своемъ смыслѣ и образѣ. Всѣ фазисы, чрезъ которые прошелъ я нынче, фазисы душевнаго настроенія сами собой приходились въ гармоніи со всѣми фазисами свѣта, тѣни, волненія и тишины Волги. Такъ согласно была иногда съ душою эта свинцовая волнующаяся масса воды, ничего не отражающая, безотвѣтная, наводящая тоску и уныніе,—этотъ вѣчный прибой и отбой волнъ, это—казалось неспособное утихнуть волненіе. Такою представлялась мнѣ и жизнь моя, хотя я и не дѣлалъ этого сравненія тогда, но жилъ имъ. Какое-то недовѣріе охватывало душу, страхъ какого-то недоразумѣнія и виднѣлась въ перспективѣ жизни таже сѣрая волнистая даль. И какой-то ясностью проникалась вдругъ душа, какой-то вѣрою въ счастье, и глядишь: на Волгѣ стало тише, отражается зелень, вытягиваются въ глубь своими вершинами деревья прибрежныхъ лѣсовъ, голубыя полосы ложатся длинныя между сизыми и бѣлыми полосами, отражая небо. Въ такомъ согласіи съ Волгою родною русскою рѣкою жило мое взволнованное сердце, хоть я и не замѣчалъ, слава Богу, этого согласія тогда, а то бы это мнѣ мѣшало. И послѣ треволненнаго дня наступила тишина ночи на Волгѣ, не неподвижность, а могучее вѣчное, но мирное и тихое движеніе. И послѣ треволненнаго дня, я какъ-то невольно неожиданно кончилъ его умиленной, въ полномъ смыслѣ слова умиленной молитвой, стоя на концѣ палубы, и растилаясь душой и думой по безбрежности водъ, скрывавшейся въ отдаленномъ туманѣ и по безбрежности небеснаго свода. Я молился, да направитъ Христосъ и мой корабль по волнамъ и пучинамъ стезею правой, молился еще объ одномъ человѣкѣ...

Вы были такъ добры, что позволили мнѣ передать вамъ свою задушевную тайну и разсказать вамъ о моихъ отношеніяхъ къ NN. Не имѣю теперь возможности писать къ ней, и потому вы не удивитесь, что въ письмѣ къ вамъ я не могу воздержаться отъ передачи чисто личныхъ, хотя и лишнихъ для настоящаго письма—ощущеній.

Сильною мнѣ отрадою и помощью служитъ то письмецо, которое я получилъ утромъ въ день отъѣзда. Странное что-то совершается со мной, и кажется доброе. Чувство мое такъ проникается правдой, что неспособно уже быть предметомъ поэтическаго созерцанія, освобождается отъ поэтической лжи. Я ду-

малъ даже самъ въ первую минуту, что такъ таки и начну писать къ NN стихи, разнообразныя варіаціи на извѣстную тему. Этого нѣтъ. Слава Богу, что этого нѣтъ, что это чувство не похоже на прочія, для которыхъ il y a de la poésie toute-prête. Вы не можете себѣ представить, какъ я этому радъ, потому что я и a priori и по опыту сталъ не слишкомъ довѣрять поэтическому восторгу. NN внесетъ, я надѣюсь, высшій духовный строй въ мою поэзію. Если я когда нибудь и напишу стихи къ NN, такъ они будутъ не похожи на прежнія. Я сталъ бояться поэтической фразы съ NN, и такъ хочу съ нею и для нея и для себя правды, правды Божьей, святой, возносящей духъ превыше всякой поэзіи. Мнѣ еще какъ-то не все уяснилось въ моихъ отношеніяхъ къ NN. Что-то будто осталось недоговореннымъ. Порой на меня находитъ или находило сомнѣніе: что, если ее охватываетъ чувство, что она ошиблась и что теперь усиленно старается настроить себя въ уровень предстоящихъ ей обязанностей. Это было бы ужасно, потому что такое искусственное и насильственное настроеніе не могло бы продержаться долго, несмотря даже на молитву, въ которой иногда много нервной экзальтаціи. Конечно обязанность ее поддерживать лежитъ на избранномъ ею свободно человѣкѣ, и положимъ, что этотъ человѣкъ силенъ, но вѣдь и у него же могутъ быть минуты ослабленія, упадка духа. Ему также надо, чтобъ его любили всего, со всѣми его свойствами и сторонами, а не за одно какое либо качество. Но это мучительное сомнѣніе смѣняется вѣрою въ душу и честность NN, я знаю, что она ищетъ правды Бога въ этомъ дѣлѣ, она пишетъ ко мнѣ, что уже миръ водворяется въ ея душу. «Сами себя и другъ друга Христу Богу предадимъ», вотъ смыслъ высшихъ человѣческихъ отношеній въ союзѣ двухъ человѣковъ между собою—не правда ли? Передайте это NN, когда ее увидите. Передайте ей также, что мнѣ нужно вѣрное и преданное сердце, и что въ нѣкоторыя минуты нынѣшняго дня, чувствуя, какъ вѣрно и предано ей мое сердце, какъ отнынѣ связана съ нею вся моя судьба, я думалъ о той великой отвѣтственности, которую принимаетъ каждый другъ за друга. Сохрани Богъ отъ пошлаго счастія. Ни въ какомъ случаѣ любовь не должна вести къ паденію, ни въ какомъ смыслѣ. Она не должна быть и плѣномъ [1]). Она должна вести къ высшей

[1]) Для меня она была плѣномъ. Дойду ли я до свободы Христа?

дѣятельности духовной, въ гармоническомъ и освященномъ союзѣ двухъ жребіевъ, двухъ душъ, двухъ представителей противоположныхъ полюсовъ человѣческаго рода—мужчины и женщины.

Долженъ сказать вамъ по правдѣ, что путешествіе мое не имѣетъ много смысла теперь. Голова моя полна совсѣмъ инымъ. Мнѣ кажется это очень понятно и странно, еслибъ было иначе. Я ѣду и спрашиваю себя—зачѣмъ это дѣлаю, зачѣмъ добровольно удаляюсь, и дѣлаю даже большую трату. Все какъ-то странно вышло. Я чувствовалъ потребность уединиться, удалиться, но не надолго же. Да, наконецъ, голова работаетъ и надъ изысканіемъ средствъ привести дѣло къ желанному концу, а изысканіе это вовсе не легко. Но пусть будетъ, что будетъ. Мнѣ теперь опять мирно и ясно на душѣ.

А хороша Волга. Истинно русская рѣка, образъ Россіи. Эта глубокая, широкая, безбрежная почти, текущая мощь, съ ея однообразными, пустынными берегами, это русскій народъ. Волга это водная пустыня, это цѣлая страна. Невольно вспоминаешь все, что вы когда-то писали о Волгѣ. Въ настоящую минуту вы вѣрно уже за Валдаемъ...

«Князь» нашъ пароходъ маленькій, но отличный. Въ мужской общей каютѣ 1-го класса, гдѣ я теперь пишу, насъ только двое, я и одинъ купецъ Широковъ, который отлично храпитъ подъ шумъ водъ и колесъ. Въ каютѣ же у насъ прекрасный образъ Спасителя. Въ отдѣльной же каютѣ помѣщается астраханскій губернаторъ Дегай, человѣкъ не глупый, но несноснѣйшій хвастунишка и лгунишка. Завтра, т. е. во вторникъ въ 10 часовъ утра мы пересаживаемся въ Казани на другой, большой пароходъ того же общества «Царь» или «Царицу». Письмо это отправлю изъ Казани. Когда-то оно дойдетъ. Разберете ли вы его? Такъ трудно писать во время хода, особенно теперь, стало сильно качать. Многое вамъ покажется непріятнымъ въ письмѣ, и мнѣ самому непріятно. Но какъ же быть? Не могу я писать теперь о совершенно постороннемъ. Простите, что такъ много наговорилъ вамъ о моемъ личномъ дѣлѣ съ NN. Очень желалъ бы знать, получится ли вами это письмо мое и когда. Прощайте, будьте здоровы.

И. А.

Уже часъ ночи.

2.

За Симбирскомъ. Пароходъ «Царица» съ 15 на 16 іюня 1865.

11-ый часъ, въ каютѣ зажжена лампа и свѣчи и я очень радъ водворяющейся тишинѣ и возможности уединенія. Пароходъ устроенъ очень глупо. Для пассажировъ перваго класса нѣтъ особой палубы, а есть на палубѣ душная маленькая комната, которая всегда полна. На палубѣ же отъ носа до кормы буквально ступить нельзя: до такой степени она запружена народомъ, большею частью простымъ, завалена вещами и дровами. Днемъ сидѣть въ каютѣ душно, да и ничего не видишь, сидѣть въ комнаткѣ I-го класса на палубѣ еще несноснѣе, потому что тутъ читать невозможно, нѣтъ мѣста, да и ничего не видно, кромѣ синихъ мужиковъ, размѣщенныхъ кругомъ комнаты; къ тому же спущены съ обоихъ краевъ парусинныя завѣсы. Одна отрада на балконѣ, наверху, гдѣ капитанъ стоитъ у руля, но тамъ обыкновенно очень сильный вѣтеръ. Несмотря на ваше предсказаніе, погода хотя и не холодная, но не жаркая, очень вѣтреная, и дождь даже накрапывалъ. Вчера вечеръ былъ лучше. Нынче почему-то капитанъ не заблагоразсудилъ продолжать путь ночью, и въ эту минуту мы бросаемъ якорь и будемъ стоять до двухъ часовъ ночи. Очень жаль, что не могу ходить по палубѣ и что погода не довольно хороша. Голубого неба, которое я очень люблю, почти не было видно, и дулъ этотъ постоянный вѣтеръ, который я очень не люблю. Общество нисколько не интересное, нѣтъ ни одного приволжскаго купца, съ которымъ бы я охотно поговорилъ, даже ни одного простого туземнаго помѣщика, котораго бы можно было порасспросить.

Мы пересѣли нынче утромъ въ 7 часовъ съ «Князя» на «Царицу» вѣроятно промотавшуюся или разжалованную, потому что она очень грязна. Въ Казань не могли заѣхать, потому что пароходъ стоялъ не болѣе 2-хъ часовъ. Путешествіе по водѣ начинаетъ меня утомлять своею пассивностью, особенно при очень медленномъ ходѣ нашего парохода. Не участвуешь въ самомъ процессѣ движенія. Волга стала еще шире, еще величавѣе, еще пустыннѣе и однообразнѣе. Медленно выдвигаются линіи и контуры береговъ, скромные, тихіе. Хороша она не видами, а своими размѣрами, своимъ характеромъ, а наконецъ и видами, создаваемыми на водѣ переливами свѣта. Такъ было

сейчасъ: на западѣ красная заря погасающая, на востокѣ синяя темь, а въ срединѣ молодой мѣсяцъ. Поразителенъ также видъ съ Волги погорѣвшаго Симбирска: стоятъ дома каменные безъ крыши и безъ оконъ точно съ проткнутыми глазами. Всматриваясь въ Волгу, я старался припомнить себѣ XVII вѣкъ, когда ставились эти города—Симбирскъ, Царицынъ и пр., для защиты отъ татаръ, для охраненія Волги отъ разбойниковъ, которые гуляли по ней почти безпрепятственно на своихъ быстрыхъ стругахъ, подъ звуки пѣсни ими сложенной: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью». Эти бѣдные городишки, какъ напримѣръ Тетюши, Козмодемьянскъ, Макарьевъ и проч. когда-то цвѣли своею русскою торговою и духовною жизнью. Такъ въ Макарьевѣ въ XIV вѣкѣ основанъ былъ монастырь, и около него само собою собралось населеніе и устроилась знаменитая ярмарка, лѣтъ 50 тому назадъ только переведенная въ губернскій городъ Нижній. Монастырь едва существуетъ теперь, куполъ провалился. Такъ, въ Тетюшахъ, этомъ жалкомъ городишкѣ, который хуже всякой деревни, есть своя чудотворная икона, Богъ вѣсть когда-то найденная, и народъ окрестный до сихъ поръ ходитъ на богомолье въ бѣдную часовенку. Такъ, чуть ли не въ Козмодемьянскѣ (не въ названіи собственно дѣло) былъ монастырь «неизвѣстно кѣмъ основанный» говоритъ «Путеводитель по Волгѣ», теперь упраздненный, полуразрушенный. Знаете ли вы, Анна Ѳеодоровна, что теперь возникъ вопросъ объ излишнемъ количествѣ церквей въ старинныхъ русскихъ городахъ, и что поборникомъ (т. е. pro а не contra) этого упраздненія является Беллюстинъ, приславшій мнѣ даже статью объ этомъ предметѣ (которую я отказался напечатать). И дѣйствительно, во многихъ уѣздныхъ городахъ (старинныхъ) стоятъ прекрасныя старинныя церкви во множествѣ (въ городѣ Калязинѣ ихъ 21), но бѣдныя, бѣдныя, и недавно, въ Тотьмѣ, кажется, закрыли 6 церквей и оставили одну, чтобъ былъ одинъ приходъ богатый. Какъ же существовали эти церкви прежде, когда и народонаселенія и промысловъ было меньше? Существовали онѣ въ то время, когда Царь и бояринъ всякій день ходили къ обѣдни, когда еще могуча была органическая жизнь. Она стихла, затаилась и ничего болѣе не творитъ, открывъ чистое поле à l'action gouvernementale. Но государство не въ состояніи замѣнить органическую жизнь и ея бѣдность, скуд-

ность, отсутствіе ея выглядываютъ какъ лохмотья пищенскаго рубища подъ великолѣпной, но узкой и короткой одеждой. Какая это загадка Россія! Вотъ тема для интереснаго труда: прослѣдить процессъ постепеннаго замиранія или омертвѣнія органической жизни, какимъ образомъ древнему русскому государственному устройству сталъ присущъ элементъ нѣмецкаго Staat. Указаніемъ на реформу Петра нельзя ограничиться. Можно сказать: съ тѣхъ поръ какъ духовный элементъ отошелъ отъ власти и высшихъ сферъ народа. Но какъ, когда, какимъ образомъ—все это можетъ составить книгу столько же интересную, какъ и Токвиля: L'Ancien Régime et la Révolution. — И что это за духовный элементъ нашъ, который такъ негативенъ, пассивенъ, который успокоивается въ своемъ бездѣйствіи на волѣ Божіей. Или призваны мы только къ духовнымъ подвигамъ? Но развѣ они исчерпываются молитвою? Намъ не на что указать въ старинѣ — кромѣ молитвенныхъ подвиговъ, не на кого—ни на одного государственнаго человѣка—кромѣ молитвенниковъ, святителей, святыхъ, затворниковъ, пустынниковъ,—ни на одинъ памятникъ, кромѣ пещеръ, храмовъ, монастырей... богатое духовное наслѣдіе. Но что же мы съ нимъ дѣлаемъ? Мы не отказались отъ жизни, мы хотимъ жить и процвѣтать, какъ всѣ люди, но не умѣя справиться съ этимъ наслѣдіемъ, отрекаемся отъ него, и являемся дѣйствительно comme des bâtards въ цивилизованномъ человѣчествѣ. Разрѣшитъ ли наконецъ себѣ Россія задачу—примирить духовное наслѣдіе съ жизнью цивилизованною, или осуждена—однажды дрогнувши, усомнившись въ вѣрѣ — явиться несостоятельною и для жизни цивилизованной? или же ея духовный элементъ разовьется до высшей духовности, положительной дѣятельности? Или необходимо Славянской натурѣ прививка Нѣмецкой вѣтви? Вотъ вопросы, которые неотвязчивою грустью преслѣдуютъ, когда всматриваешься въ современное состояніе Россіи. Одно несомнѣнно, что современное просвѣщеніе въ Россіи дается русскому простому человѣку чрезъ нравственное паденіе, т. е. онъ долженъ въ душѣ своей отказаться отъ духовныхъ преданій и примириться заранѣе съ тѣмъ, что этимъ преданіямъ противорѣчитъ. И сколько онъ при этомъ утрачиваетъ. Онъ самъ не замѣчаетъ, что перестаетъ быть человѣкомъ органическимъ, что онъ становится духовно слабъ и непроизводителенъ... Откуда же взять истиннаго просвѣщенія?

Все это сотая, тысячная часть тѣхъ мыслей, которыя навѣяла на меня Волга, видъ городовъ и деревень, запустѣлыхъ храмовъ, обгорѣвшихъ домовъ и великолѣпныхъ новыхъ соборовъ казенной архитектуры, пароходовъ, на которыхъ капитаны и ихъ помощники нѣмцы... Я не могъ удержаться, чтобъ не передать вамъ часть этихъ мыслей, хотя онѣ будутъ и не ясны вамъ въ моемъ сбивчивомъ изложеніи. Впрочемъ для вашего ума достаточно только намека, но согласитесь, что книга въ родѣ Токвилевой для русской исторіи политической, общественной, бытовой необходима. Вы вѣрно читали Токвиля. Вотъ еслибъ пришлось бросить «День» и уединиться въ деревню—и тэма для труда готова.

Видите также, что я сталъ способенъ думать теперь и о другомъ. Только очень мало и неохотно. Думается мнѣ почти исключительно объ одномъ, объ одномъ. Какъ глупымъ мнѣ кажется теперь все это путешествіе. Зачѣмъ я уѣхалъ сюда? Мнѣ нужно быть тамъ, гдѣ NN, видѣться съ нею каждую свободную минуту, говорить съ нею. Намъ о столькомъ нужно переговорить! Не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣсто 6-го Августа, я возвращусь къ 1-му Августа, а можетъ быть даже и раньше, чтобъ провести все свободное время до возобновленія «Дня» съ тѣмъ, черезъ кого отнынѣ приходятъ мнѣ силы для жизни, масло для моей лампы: помните я говорилъ вамъ, что тухнетъ постоянно моя лампа, приходится все подвертывать винтъ—и все тухнетъ. Теперь уже не будетъ тухнуть.—Теперь она загоритъ ровнымъ огнемъ и свѣтомъ...

Вы нынче пріѣхали въ Петербургъ или Царское Село, вступили въ должность... Кажется я знаю все, что вы теперь должны были перечувствовать, возвращаясь въ эти комнаты, свидѣтельницы вашей прежней жизни. Кстати: вы спрашивали меня можно ли вамъ передать то, что я вамъ разсказывалъ,—Eugénie? Если вамъ этого желается, можно,—только чтобъ она была скромна: не забудьте также, что она была противъ моего сближенія съ NN и отчасти многому помѣшала, отчего послѣдовало между нами охлажденіе. Когда я вспомню, какъ много потрачено времени такъ дешево, такъ напрасно, то меня страхъ беретъ и такъ хочется поскорѣе все покончить и устроить, не откладывая въ долгій ящикъ.—Я вамъ писалъ нынче, или вѣрнѣе послалъ нынче утромъ письмо изъ Казани. Не знаю дой-

деть ли оно до васъ и скоро ли? Я адресовалъ его въ Зимній дворецъ, не зная, гдѣ вы—въ Царскомъ или Петергофѣ. Это письмо вѣроятно пойдетъ дольше — я пошлю его изъ Самары завтра, и вѣрно дольше, чѣмъ изъ Саратова. По полученіи этого письма потрудитесь отвѣчать тотчасъ же мнѣ, въ Ялту, и потомъ уже не писать, потому что дольше 14-го Іюля я тамъ не останусь ни въ какомъ случаѣ.

Еслибъ вы знали, какъ мнѣ трудно писать, именно мнѣ. Труднѣе, чѣмъ писать передовыя статьи въ виду цензора Рахманинова. Писать—въ постоянной, какъ говорятъ латинскіе богословы restrictio mentalis. Поскорѣе хочу выйти изъ этого положенія: оно невыносимо. И вѣдь сколько соображеній... Въ концѣ Сентября уже открываютъ обыкновенно подписку на слѣдующій годъ газеты. Открывать ли? Въ Августѣ мѣсяцѣ вносятся залоги для полученія права на безцензурное изданіе? Вносить ли?.. Но всѣ эти соображенія, хоть и очень важныя въ практическомъ отношеніи — ничто съ заботою о томъ, что происходитъ теперь въ душѣ N N. Можетъ быть ей опять страшно. Можетъ быть вдругъ оставили ее силы и она не чувствуетъ въ себѣ довольно рѣшимости на подвигъ? Пусть она не боится. Съ Божіей помощью я дамъ ей силъ, какихъ ей нужно, а она дастъ мнѣ тѣхъ, какихъ нужно мнѣ. Она обѣщала мнѣ хранить свое сердце въ мирѣ, молчаніи и тишинѣ. Ничто такъ иногда не умудряетъ, какъ молчаніе. Какъ хорошо иногда бываетъ, когда молчишь,—когда не раскидываешь свою думу направо и лѣво, когда она вся уходитъ въ душу и проникаетъ собой всего человѣка. Мириться съ пошлостью и подлостью нельзя, но миръ души, почерпаемый изъ Бога — самъ умудритъ человѣка—какъ воевать ему съ мерзостью и пошлостью, прощая людей и не оскорбляя ихъ. Только тишина отражаетъ небо. Пусть даже молитва не будетъ страстною; ибо «страсть» внѣдряется всюду, даже въ молитву и унижаетъ молитву. Есть что-то особенно наставительное въ томъ, что ей данъ образъ умиленія. Мнѣ кажется, что самая благотворная молитва есть умиленная, потому что въ умиленіи пребываетъ ощущеніе на себѣ любви Божіей и несомнѣнная вѣра въ Его благость.

Я надѣюсь, что вы будете беречь здоровье, которое такъ дорого намъ всѣмъ. Въ особенности скажите это N N, — я боюсь, что ея нервы разстроятся,—хотя съ другой стороны мнѣ

кажется, что возложивъ свою надежду на Христа, она вѣрно чувствуетъ себя крѣпкою и успокоенною. Прощайте. Вы просили моихъ стиховъ. Буду ихъ переписывать на почтовой бумагѣ и присылать вамъ постепенно, съ объясненіями на каждое стихотвореніе.—Найду ли письмо въ Таганрогѣ?.. А мнѣ ужъ по неволѣ приходится молчать. Уходи же все назадъ, осѣдай на дно души, что въ этотъ часъ поднялось оттуда и просится наружу. Прощайте, будьте здоровы, будьте бодры и мирны и свѣтлы. Христосъ съ вами.

Ив. Аксаковъ.

3.

Съ 16 на 17 Іюня, на четвергъ. За Сызранью, у Хвалынска.

Какъ хороша была она нынче, Волга, особенно вечеромъ, такъ и втекала въ душу. И не то, чтобъ былъ особенно великолѣпенъ вечеръ, чтобъ небо было безоблачно, но какъ-то вѣтра было меньше и поверхность воды вѣчно движущаяся — вѣчно текущая была ровнѣе и глаже. Удивительная эта красота Волги! Рейнъ красивъ, но слово «красота» не идетъ къ нему, а вполнѣ идетъ къ некрасивой Русской природѣ, т. е. Русской рѣкѣ, Русской степи; на Волгѣ, напримѣръ нѣтъ рѣзкихъ «красотъ», но при скромности, убожествѣ нѣкоторомъ, при смиренности ея береговъ—есть величавость простора, величавость мощи, величавость однообразія. Безпокоятся о единствѣ Россіи. Оно намъ прирожденно, какъ во внѣшней такъ и въ духовной природѣ.—

Не ждите отъ меня «описаній», «Волжскихъ впечатлѣній». Волга вѣроятно скажется чѣмъ нибудь и въ литературной моей дѣятельности, но когда и чѣмъ—я не знаю, да признаюсь—и не хлопочу объ этомъ, а просто раскрываю настежъ ей душу: «на, — теки, ширь мою душу»! Были такія минуты вечера, когда казалось я впивалъ эту красоту волнами,—были и такія минуты, когда я всматривался въ темнѣющую даль, пароходъ почти незамѣтно, такъ медленно двигался, красота ночи священнодѣйствовала и какъ роса, падала на каждую душу: не осталось, вѣрно, ни одной души человѣческой, которая бы не смирилась передъ нею, не укротила своего бунта, не угомонила своей суеты: кругомъ меня на палубѣ шумные разговоры дня

смѣнились тихимъ говоромъ, — но это напоминаетъ мнѣ мои стихи при описаніи одной ночи и луны:

О помню я твое сіянье
И цѣлый рядъ такихъ ночей,
И тихій говоръ и молчанье
Невольно прерванныхъ рѣчей.

И такъ было мгновеніе, когда охваченная внезапнымъ порывомъ и чувства красоты и силы сочувствія, душа побѣдила разстояніе и живо ощутила присутствіе другой души и соединеніе съ нею... Разумѣется — это поэтическая фикція, — я хотѣлъ бы избавиться отъ фикцій — но онѣ сдѣлались чуть ли не второю природой.

Я совершенно миренъ, спокоенъ, счастливъ, но чего-то однакожъ все не достаетъ моему счастію. Мы мало говорили, я не успѣлъ видѣть радостнаго или покрайней мѣрѣ свѣтлаго лица — только минутами, и предо мной часто проносится ея смущенное лицо, и звучитъ слово: «страшно». Какъ бы хотѣлось мнѣ вознесть ея душу надъ всякимъ страхомъ — превыше страха и праха и исполнить ее вѣры — въ себя, если не мои силы, то въ мои стремленія. Мнѣ непремѣнно нужно разсказать ей многое изъ моей жизни. Она увидитъ, какъ эти стремленія, съ Божіей помощью, выносили меня вверхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда прочіе мужчины не считаютъ нужнымъ подниматься вверхъ. Ради Бога не считайте это самохвальствомъ. Право сказать это, указать на силу стремленій и Божію имъ помощь — купилъ я дорогою цѣною.

Конечно, Анна Ѳеодоровна, вы не ждете отъ меня отчета о моемъ Волжскомъ путешествіи и моихъ Волжскихъ впечатлѣніяхъ. Менѣе кстати путешествовать по Россіи нельзя было. Я постыдился бы себя, счелъ бы своимъ паденіемъ, еслибъ, когда либо, могъ ослабѣть во мнѣ интересъ общественный, еслибъ я могъ стать равнодушнымъ къ какой либо выгодѣ Россіи или Русскаго народа. Личное счастье можетъ быть или не быть, но оно не можетъ быть цѣлью жизни. Цѣль жизни выше и никогда въ самомъ человѣкѣ, а внѣ его. Эгоизмъ личности долженъ непремѣнно поглощаться высшею любовью, любовью къ отечеству, къ идеѣ. къ Богу, любовь къ Которому немыслима безъ любви къ ближнимъ... Но я заговорился. Я

хотѣлъ сказать, что не оставаясь равнодушнымъ ко всему, что я слышу и вижу относительно бѣдствій или подъема народа,— я вовсе не въ такомъ расположеніи духа, чтобъ успѣшно могъ собирать свѣдѣнія, чтобъ они могли спокойно и систематически группироваться въ головѣ. Однимъ словомъ кто же когда либо уѣзжалъ собирать путевыя впечатлѣнія, дѣлать путевыя замѣтки и пр., приготовляясь къ перевороту въ своей личной судьбѣ? Мнѣ даже мудрено пріискивать себѣ корреспондентовъ для «Дня», когда онъ вѣроятно продолжаться въ будущемъ году не будетъ.—Что-то вы теперь подѣлываете, да и гдѣ вы наконецъ? Это однообразное плаваніе, увлекающее васъ постоянно въ даль, эта даль постоянно отодвигающаяся, все это охватываетъ душу чувствомъ отдаленности: чувствуешь, что находишься далеко, далеко. Только въ Пятницу въ 4 часа будемъ мы въ Царицынѣ и только въ Понедѣльникъ въ Таганрогѣ. Вѣроятно, я еще не найду тамъ писемъ, но распоряжусь, чтобъ ихъ прислали мнѣ въ Ялту. Изъ Ялты или даже раньше долженъ буду послать дѣловое письмо къ брату моему, Григорію, Оренбургскому Гражданскому Губернатору, съ предложеніемъ и проектомъ раздѣла,—потому что у насъ имѣнія общія, не раздѣлены; раздѣлить придется не только имѣнія, не только доходы, но и обязательства.

На пароходѣ у насъ теперь народу множество. Въ I-мъ классѣ почти всѣ мѣста заняты. Я къ вамъ пишу, а рядомъ со мною, пользуясь свѣчами, лежитъ, и читаетъ «Русскій Вѣстникъ» (повѣсти) отставной откупщикъ, и безпрерывно прерываетъ меня замѣчаніями объ акцизѣ съ вина, о народномъ пьянствѣ. Днемъ рѣшительно некуда было дѣться на палубѣ, а въ общей каютѣ 1-го класса происходила карточная игра, и я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ въ сторонѣ отъ нея переписать нѣсколько стихотвореній изъ прежняго періода моей жизни. Они переписаны при полномъ ходѣ парохода, потому то такъ дурно. Я буду продолжать ихъ переписывать на почтовыхъ листахъ и пересылать къ вамъ. Вѣдь вы желали ихъ имѣть. Выходилъ я въ Самарѣ на берегъ, видѣлъ и посѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и сосѣдовъ по имѣнію, также былъ въ Губернской Земской Управѣ.

Доходятъ ли до васъ мои письма и довольны ли вы ими со стороны формы? Я писалъ вамъ въ письмѣ, посланномъ изъ

Самары, что я дольше 14 числа іюля не останусь и потому, по полученіи письма изъ Самары вашъ отвѣтъ только тогда меня застанетъ, когда будетъ посланъ тотчасъ. Затѣмъ пишите одно письмо въ Кіевъ. Я думаю, что письмо изъ Саратова придетъ раньше самарскаго. Вы не повѣрите, какъ мнѣ теперь трудно писать письма къ вамъ. То ли бы, такъ ли бы я хотѣлъ написать. Прощайте. Долженъ еще написать письмо къ маменькѣ. Прощайте, будьте всегда въ мирѣ и въ свободѣ Христа. Пусть снизойдетъ на васъ сила тишины, и спокойно пламенѣетъ неугасаемая лампада въ вашей душѣ: простите за это сравненіе, оно только кажется риторическимъ. И знаете что: многое, истасканное и опошленное, обрѣтаетъ смыслъ новый и свѣжій, когда оно вдругъ проникнется искренностью и правдой. Жму ваши ручки. Спите и почивайте мирно. Господь съ вами.

4.

Ночь съ четверга на пятницу 17/18 іюня. Станица у села Золотого, за Саратовымъ.

Какая ночь, какая ночь, Анна Ѳеодоровна, еслибъ вы знали, какая ночь! Можетъ и у васъ тамъ хорошая ночь, и вы не спите, а любуетесь ею въ окно, въ Петергофѣ, — но не такая она какъ здѣсь, теплая, мягкая, ласковая. Красота совершенная, ничего ей недостаетъ. Пароходъ присталъ на ночь къ пристани у села Золотого. Тишина полная. Волга и безъ того здѣсь необъятно широкая, сливается съ небомъ въ безмѣрной дали, мѣсяцъ круторогій, золотой, виситъ прямо надъ водою и переливается въ ней золотымъ столбомъ, за нимъ, въ отдаленіи, въ облакахъ, осѣвшихъ къ низу, безпрерывно трепещетъ зарница, трепещетъ на небѣ и въ водѣ. Направо крутой берегъ, кишатъ бабы, таскаютъ дрова; — два три дерева, и какъ хороши они теперь тутъ на этомъ безлѣсномъ пространствѣ, цѣпляются корнями за крутизну. Горы и тучи на небосклонѣ ложатся темною тѣнью на одномъ краю Волги, и эта сизая темь еще привлекательнѣе, еще сильнѣе притягиваетъ меня къ себѣ, чѣмъ свѣтлый край востока... Такая всенощная совершается теперь въ природѣ, дорогая Анна Ѳеодоровна, такое богослуженіе, что весь невольно безъ словъ сливаешься съ этою молитвою при-

роды, съ этою бесѣдою Бога съ человѣкомъ. Не ушелъ бы съ палубы! И долго, долго стоялъ я на ней. И такъ мнѣ недоставало васъ, не для того, чтобъ разсуждать съ вами о прелестяхъ ночи, а чтобъ помолчать вмѣстѣ. Потому что только молчаніемъ можетъ почтить человѣкъ святыню такой ночи, потому что невольно смолкаетъ жалкая, ограниченная звукомъ и словомъ рѣчь человѣческая и вся обуздывается душа человѣка.

И потомъ подумалъ я невольно: эта красота ночи точно также свѣтила и тысячи лѣтъ тому назадъ, для другихъ людей и народовъ, и точно также будетъ сіять въ вѣка грядущіе неизмѣнно, а милліоны людей благоговѣйно созерцавшихъ эту красоту одни за другими легли въ могилу, еще болѣе холодную, чѣмъ эта вода, и утучнили собою эти берега. Красота эта неизмѣнна и равнодушна; мѣняется, подвиженъ, смертенъ тотъ, кто одинъ постигаетъ эту красоту... И странно было бы остановиться на этой мысли, еслибъ не носить въ душѣ несомнѣнной вѣры, что вознесется человѣкъ превыше этой внѣшней красоты Божьяго міра, что вся вселенная не стоитъ единой души человѣческой.

Ахъ, моя добрая, милая Анна Ѳеодоровна, какъ я люблю святыню души человѣческой, люблю ее въ каждомъ (прочтите мои стихи № 10), и какъ еще болѣе я люблю ее—многострунную, окрыленную могучими крылами духа, такую, какъ, напр. у NN. И какъ чувствуешь святость своего подвига, когда душа такая ввѣряется тебѣ, когда ты за нее становишься отвѣтственъ передъ Богомъ (точно такъ же, какъ и за мою душу дѣлается она отвѣтственною). Бракъ—таинство, это я всею душою признаю.

Совершенно ложны понятія о мужской нравственности, существующія въ свѣтѣ и признаваемыя даже за нами женщинами. Даже NN говоритъ, что невѣста обязана отчетомъ мужу или жениху, а послѣдній не обязанъ. Это несправедливо. Я не хочу быть изъятъ отъ строгаго суда, я хотѣлъ бы, чтобъ NN точно также строго смотрѣла и на мужскія нравственныя обязанности, чтобъ она любила чистоту и цѣломудріе въ мужчинѣ прежде всего. Я говорю это, пожалуй, не въ выгоду себѣ, но повторяю стремленія, идеалъ мой сохранились неизмѣнно чисты и я могу сказать, цѣломудренны. Дѣлая дурное, я никогда не кривилъ душою и не называлъ дурного хорошимъ, не

поэтизировалъ ни паденія, ни разврата, а выбивался изъ его власти всѣми силами души.

Смотря на эту чудную ночь, я думалъ также: о, не всегда же душа можетъ быть въ такомъ настроеніи! За этою ночью послѣдуютъ пошлые дни, жизнь мелочная вступитъ опять въ полныя свои права. О, не дай Богъ погрязнуть въ мелочахъ разсчета, въ суетѣ, какого бы качества она ни была, къ какой бы категоріи ни принадлежала: къ категоріи ли внѣшней или умственной дѣятельности; не дай Богъ опошлиться и чувствовать сердце свое заплывшимъ жиромъ пошлаго довольства, пошлыхъ благъ, пошлаго счастія. И развѣ можетъ опошлить человѣка ежедневная будничная жизнь, когда есть молитва, когда есть возможность читать Евангеліе? Если только человѣкъ будетъ святиться молитвой, въ какой бы формѣ она не совершалась, то и въ ежедневности онъ будетъ стоять надъ нею и не утратитъ во всѣхъ отправленіяхъ, во всѣхъ злобахъ дня, идеи вѣчнаго, общаго, Бога наконецъ.

Но можетъ быть вы недовольны слишкомъ элегическимъ тономъ моего письма. Я не все элегически былъ настроенъ и чувствовалъ цѣну денегъ. О, еслибъ я имѣлъ теперь тысячъ 100 капитала, чтобъ облегчить жизненный подвигъ для NN. Она и сама не знаетъ, можетъ быть, какой это не легкій жизненный подвигъ. Нужно очень любить душу человѣка и вѣрить въ свое съ нимъ счастье, чтобъ принять и понести такой подвигъ. Мнѣ приходится жалѣть о томъ, что я всю жизнь свою мало хлопоталъ о пріобрѣтеніи, считалъ нѣсколько постыднымъ посвящать свою жизнь на устройство личныхъ дѣлъ, а не на публичную дѣятельность, «общественное благо» и т. д. Проще бы отнестись къ жизни, жить какъ всѣ, было бы, можетъ быть, лучше. Но я еще не теряю надежды, что все какъ нибудь устроится, хотя и понимаю вполнѣ, что NN вправѣ требовать, чтобъ я на время сошелъ съ высотъ внизъ и занялся рѣшеніемъ практическаго вопроса. Прощайте. Нынче такъ хорошо было на Волгѣ, что я въ ту минуту не жалѣлъ, зачѣмъ я уѣхалъ: точно будто нужно было это моей душѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ буду я ожидать писемъ, чтобы знать — что тамъ происходитъ. Пусть только не скрывается отъ меня никакое движеніе души. Прощайте. Христосъ да будетъ надъ вами. Думается мнѣ, что письмо мое не лишено будетъ благотворнаго

дѣйствія. Мнѣ кажется, что во мнѣ есть такая сила такой любви, которая не можетъ не сказаться силою и другой душѣ. Письмо это пошлется изъ Царицына. Я сегодня купался въ Волгѣ.

Хорошо ли вы разбираете мои письма?

5.

Ночь съ пятницы на субботу $^{18}/_{19}$ іюня. На Дону, у Калача.
Пароходъ «Казакъ».

Не могу пропустить дня, чтобъ не написать вамъ нѣсколько строкъ: по крайней мѣрѣ хоть начать письмо, которое только въ Воскресенье вечеромъ можетъ быть сдано на почту въ Ростовѣ. Такъ вотъ гдѣ я—на Дону. Донская земля сильно меня интересуетъ. Казаковъ офицеровъ на пароходѣ много и завтра я надѣюсь многое узнать. Въ Царицынѣ сдалъ я письмо къ вамъ на почту: когда-то оно дойдетъ. Какая степь безбрежная смѣнила намъ Волгу—эту степь водяную. Какъ странно видѣть желѣзную дорогу и паровозъ мчащійся по этой еще почти дикой степи, гдѣ нѣтъ ни жилья, ни дерева, гдѣ только встрѣчаются чумаки съ своими волами, точно также ѣздившіе тутъ и въ XVI и въ XVII вѣкѣ, и во всякомъ случаѣ являющіе собой самый первобытный способъ перевозки. Бѣжитъ телеграфная проволока по этой степи,—какъ бы удивляется ей степь, и недоумѣвая посматриваютъ люди на эту диковинную имъ затѣю начальства. Послѣдніе результаты цивилизаціи среди первобытныхъ основъ и элементовъ жизни. Даже не можетъ пока конкурировать цивилизація съ ними. Желѣзная дорога въ большомъ убыткѣ, ибо никто почти товаровъ не возитъ на ней, предпочитая возить на чумакахъ. Я полагаю, что вы знаете что такое чумаки? Это особый малороссійскій промыселъ, возчики или фурманы, которые на волахъ (быкахъ) обыкновенно отправляются съ рыбой или за рыбой, съ солью или за солью въ Крымъ. Этимъ же именемъ называются и тѣ чумаки, которые развозятъ товаръ почти исключительно въ Южной Россіи: на Сѣверъ они не любятъ ходить. Чумакъ отправляется въ рубашкѣ, пропитанной дегтемъ, идетъ пѣшкомъ подлѣ своихъ воловъ, медленно, вяло. Волы не требуютъ корма, вездѣ для нихъ кормъ въ степи. Чумакъ довольствуется кашицей, которую тутъ же въ степи, пока волы пасутся, готовитъ себѣ. Часто видишь

огонекъ на землѣ въ степи: это чумаки ужинаютъ. Какъ чудно хороши и какъ протяжно унылы чумацкія пѣсни: такъ и чувствуешь, что онѣ сложились подъ ладъ воловьяго шага. Гдѣ же съ этимъ способомъ перевозки конкурировать изобрѣтеніямъ цивилизаціи, когда такъ дешевъ трудъ человѣческій здѣсь, когда такъ дешево время. Кстати: имѣете ли вы понятіе о моемъ трудѣ объ «Украинскихъ ярмаркахъ», трудѣ, который увѣнчанъ первою преміею въ Географическомъ Обществѣ и преміею отъ Академіи Наукъ? Я буду имѣть честь представить вамъ этотъ трудъ и въ немъ попрошу васъ прочесть одно «Введеніе». Мнѣ кажется оно не дурнымъ доказательствомъ пользы присутствія поэтическаго элемента даже въ трудахъ статистическихъ.

Донъ! Какая историческая рѣка! Какая народная рѣка!..

Нынче Пятница. Вспомнилъ я Пятницу 11 Іюня, ровно недѣлю тому назадъ, вспомнилъ со всѣми подробностями. Начатое въ Пятницу 11 Іюня должно совершиться по моему разсчету послѣ 25 Декабря, такъ чтобъ 1 Января встрѣтить въ деревнѣ. Такъ хотѣлось бы мнѣ ускорить этотъ срокъ, но едва ли можно будетъ—и вотъ почему: вѣдь я долженъ же додать «День» за второе полугодіе.

6.

Суббота, 19 Іюня. 11 часовъ вечера. Пароходъ «Казакъ».

Пароходъ остановился на ночь и я продолжаю письмо. Славный день провелъ я нынче, Анна Ѳеодоровна, во сколько можетъ теперь быть для меня славнымъ день, проведенный вдали отъ нѣкоторой не безъизвѣстной вамъ особы. Я узналъ, между прочимъ, что и вы плыли на этомъ же самомъ пароходѣ, и пишу я, можетъ быть, изъ той же самой каюты, гдѣ и вы жили, изъ дамской, такъ какъ дамъ 1 класса на пароходѣ всего одна моя сестра. Мнѣ это думать очень пріятно. Только ложась спать въ общей мужской каютѣ, познакомившись съ своими спутниками, казачьими офицерами, узналъ я, что съ нами плыветъ Наказный Атаманъ Войска Донского, знаменитый Граббе, возвращающійся изъ Петербурга съ похоронъ Наслѣдника. Граббе, съ своей стороны, узнавъ, кто ѣдетъ, пожелалъ со мной познакомиться, и мы нынче цѣлый день провели вмѣстѣ и кажется очень подружились, на сколько возможна эта дружба при

разницѣ лѣтъ и положенія. Что за славный старикъ! Ему 76 лѣтъ, лѣтъ проведенныхъ въ бояхъ (онъ былъ адъютантомъ Ермолова въ Бородинской битвѣ), и онъ такъ свѣжъ умомъ и сердцемъ, такъ нѣтъ въ немъ ни одной старческой морщинки— въ смыслѣ духовномъ, никакихъ складокъ, дѣлаемыхъ жизнью въ родѣ тѣхъ, какія образуются на долго носимомъ платьѣ,— такимъ честнымъ духомъ вѣетъ отъ него, что встрѣча съ нимъ была для меня и назидательна и утѣшительна. Дай Богъ сохраниться такимъ. Много тутъ значитъ закалъ, который даруетъ эта долгая служба—не кичлая, а дѣятельная, это непрерывное исполненіе долга извнѣ налагаемаго на человѣка,—долга общественнаго. Публичная дѣятельность необходима для мужчины.— Много, много разсказывалъ онъ мнѣ интереснаго изъ своей жизни,—между тѣмъ случайно упомянулъ и о Вашей матери, которую онъ зналъ во время оно, кажется еще когда она была за Петерсономъ.—Ему дѣлали въ станицахъ разныя встрѣчи, на Цымлянской онъ выходилъ и благодаря его любезности и любезности его адъютанта, я видѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы видѣть безъ нихъ. На этомъ пароходѣ, съ этимъ же Граббе и съ этими же офицерами, два года тому назадъ плылъ и Наслѣдникъ и какъ все здѣсь полно воспоминаній объ немъ! Сколько разсказовъ. «Лучше бы мы его и не видали», говорятъ на Дону. Вообще я былъ пораженъ тѣмъ личнымъ къ нему сочувствіемъ, которое я нашелъ вездѣ по пути, гдѣ онъ два года тому назадъ проѣхалъ.

Донъ мнѣ очень нравится. Трудно себѣ представить, что на берегахъ этой рѣки живетъ воинственное населеніе, это правда,—но на этихъ скромныхъ размѣрахъ отдыхаешь послѣ Волги, постоянно подавлявшей душу своею величавостью и мощью. Мы ѣдемъ благополучно, ни разу не садились на мель. Погода ясная, воздухъ сухой и легкій, но не жарко. Я отдаю свою душу наглядным впечатлѣніямъ, т. е. раскрываю ее настежь и даже не забочусь о томъ, что и какъ въ нее входитъ. Глаза дѣлаютъ свое дѣло, смотрятъ, и я знаю по опыту, что мнѣ этого почти достаточно, чтобъ потомъ воспроизвести картину страны, достаточно вѣрную, чтобъ заставить предположить во мнѣ «глубокое изученіе». А потому она такою кажется, что схватывается характеръ, общій типъ страны. По крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ.

Но во сколько присутствуетъ N N для меня мысленно во всемъ благомъ и добромъ, посылаемомъ мнѣ Богомъ, какъ въ мірѣ внѣшнемъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ, — во столько же мнѣ не достаетъ ея осязательнаго присутствія. Какъ я люблю N N, какъ я люблю ее, люблю съ каждымъ днемъ больше и глубже не тою любовью, какою я любилъ въ 22 года, или позднѣе въ 30, 35 лѣтъ, любовью, въ которой для меня, для моей гордости, было много унизительнаго, чего я стыдился и совѣстился предъ собой и предъ людьми. Я чувствовалъ свое рабство, плѣнъ, зависимость, власть слѣпой страсти, — ничего подобнаго я теперь не чувствую, а точно будто вошелъ въ обладаніе сокровищемъ, которое долго и напрасно искалъ. Тревоги нѣтъ во мнѣ, — тревоги, которую я считалъ себѣ уже прирожденною, которую я привыкъ даже полагать источникомъ для меня вдохновенія, симптомомъ жизни, залогомъ силы. Я надѣюсь, что съ N N я обрѣту въ себѣ другой источникъ жизни, силы и творчества. Но покуда я все еще не въ полномъ обладаніи, и потому—послѣ разныхъ умиротворяющихъ впечатлѣній дня, природы, встаютъ предо мной — увы! разные практическіе вопросы. — Я остановился вчера на томъ, что мнѣ необходимо додать подписчикамъ второе полугодіе,—въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы возвращать подписчикамъ тысячъ 6 денегъ, которыхъ у меня нѣтъ. Уговорить же кого нибудь окончить «День» безъ меня, я не вижу возможности. Раздѣлъ съ братомъ я вѣроятно окончу къ Октябрю мѣсяцу. Вѣроятно изъ двухъ имѣній одно достанется мнѣ, или въ Самарской, или Оренбургской губерніи. Если Самарское, то я приму обязательство выплачивать проценты слѣдующіе моимъ сестрамъ. Наконецъ, если представится выгодный случай, могу его и продать, и уплативши капиталомъ всѣ долги, остальное присоединить къ капиталу N N, и купить вмѣстѣ имѣніе. Въ Оренбургской губерніи по прежнему счету имѣніе въ 500 душъ слишкомъ, въ Самарской въ 400 душъ слишкомъ,—которыя всѣ выкупились. Имѣнія были бы хороши, еслибъ вмѣстѣ съ ними намъ не достались частные долги и казенный (на Оренбургскомъ имѣніи—долгъ Опекунскому Совѣту). Эти долги и казенный долгъ всѣ бы покрылись выкупной ссудой за Оренбургское имѣніе, еслибъ крестьяне пошли на выкупъ, но они не хотятъ, и не пойдутъ вѣроятно. Сестрамъ дано Подмосковное

имѣніе, Абрамцево, которое представляетъ цѣнность отъ 35 до 40 тысячъ руб. сер. (но даетъ доходу покуда не болѣе 1000 руб. сер.), и сверхъ того по желанію отца мы обязались или выплатить каждой (ихъ три) по 15 тысячъ руб. или же выдавать на эту сумму 6°/₀. Теперь покуда этого ничего не дѣлается, а доходы дѣлятся по ровну (я же до сихъ поръ изъ доходовъ общихъ не беру себѣ ни копѣйки, живя то жалованьемъ на службѣ, то трудами, такъ что у меня самого накопилось моихъ долговъ тысячъ 6 или 7). По случаю эманципаціи, а главное по случаю трехъ сряду неурожайныхъ годовъ, и по недостатку свободнаго оборотнаго капитала, доходы упали почти на половину. Наши имѣнія, дававшія при крѣпостномъ правѣ, до 15 тысячъ дохода и даже больше—даютъ теперь половину, или нѣсколько болѣе, а иногда, какъ въ нынѣшній истекшій годъ и менѣе. Вамъ во всемъ этомъ многое непонятно, что такое выкупъ.—Вы можетъ быть и не знаете. Прекратить общее управленіе имѣніями и полученіе доходовъ необходимо, какъ для большаго порядка въ управленіи, такъ и потому что мой братъ имѣетъ дѣтей и нуждается въ опредѣленной и отдѣленной собственности,—хотя впрочемъ у жены его, рожденной Шишковой, есть свое порядочное состояніе. Такимъ образомъ вы можете видѣть, что состояніе все же есть, что изъ затруднительнаго положенія имѣній выпутаться можно, что нѣкоторыя счастливыя обстоятельства, какъ то выкупъ и хорошій урожай при выгодныхъ цѣнахъ могутъ значительно поправить дѣло, что на 2000 руб. я всегда могу разсчитывать, а можетъ быть и больше, современемъ же навѣрное больше. Я не теряю надежды, что дѣла примутъ оборотъ еще болѣе благопріятный.

Не слишкомъ интересное письмо посылаю я вамъ съ Дона, Анна Ѳеодоровна, отдавая вамъ отчетъ для сообщенія NN. Разберете ли вы мое письмо. Какъ бы я желалъ имѣть вашу карточку, уже новѣйшую, теперешнюю. Какъ ни дорога мнѣ прежняя, теперешняя будетъ еще дороже. Какъ будетъ мнѣ горько, если не найду писемъ въ Таганрогѣ, а это можетъ случиться благодаря нашей почтѣ. Прощайте, да благословитъ васъ Господь. Прощайте, будьте здоровы и бодры духомъ... Скажите NN, что мнѣ теперь хотѣлось бы знать о каждомъ ея часѣ, теперь я какъ будто имѣю на это право, она могла бы завести дневникъ, гдѣ бы отмѣчала все кратко. Это впрочемъ желаніе, а

не требованіе, въ случаѣ если исполнить требованіе ей тяжело или неудобно. Прощайте. Жму ваши обѣ ручки своей одной рукой, слабыя ручки, въ которыхъ такой источникъ для меня силы.

7.

20 іюня 1865 г. Воскресенье, полночь. Ростовъ-на-Дону.
Пароходъ «Императрица Марія».

Опять тотъ же пароходъ, на которомъ и вы плыли. Какъ это пріятно! Мы пришли въ Ростовъ часу въ 7-мъ, и прямо перешли на этотъ пароходъ, который завтра (въ понедѣльникъ) въ 10 часовъ утра повезетъ насъ въ Таганрогъ, куда и придетъ часа въ 4 пополудни, а во вторникъ, часовъ въ 7 утра, другой пароходъ понесетъ насъ въ Ялту. Найду ли я въ Таганрогѣ письмо отъ васъ? Не думаю, если вы написали первое письмо только по пріѣздѣ въ Петербургъ. До Ростова почта изъ Москвы доходитъ въ 5 дней, до Таганрога въ 6 дней, а до Ялты дней въ 10 или еще больше. Вотъ это-то меня и смущаетъ и отравляетъ мнѣ прелесть путешествія. Такъ вы далеко!

Какая ночь! Какая роскошь, такъ и обдаетъ красотой, точно будто въ волны моря, такъ и погружаешься весь въ красоту. Я люблю приморскіе оживленные порты и видъ этой уснувшей жизни послѣ рабочаго дня, этого присмирѣвшаго шума, этой притихшей дѣятельности, это царство тишины, спустившееся на городъ, этотъ лѣсъ мачтъ, отражающійся въ неподвижной водѣ. вмѣстѣ съ мѣсяцемъ и звѣздами, едва ли не лучше вѣчной тишины морской пустыни, гдѣ нѣтъ жизни человѣческой. Я любовался ночью и въ Тріестѣ и въ Генуѣ, но здѣсь, хотя размѣры скромнѣе и еще не видать моря, мнѣ отраднѣе отъ мысли, что это мое, родное. Какъ вдвое, вдесятеро любишь Россію послѣ такого путешествія. Кажется и любовь становится такъ же широка, какъ и ея пространства и стелится, какъ русская пѣсня по этимъ пространствамъ степей и водъ. Весь ширишься. Я бы всякаго государственнаго дѣятеля (какъ и всякаго редактора) заставилъ бы ежегодно совершать такое путешествіе. Сиди только на палубѣ и гляди и незамѣтно въ душѣ водворится миръ русскій, водворится уваженіе къ жизни, къ ея правамъ, къ ея органическому росту. Такъ многіе внутренніе вопросы Дона, о которыхъ вкривь и вкось толкуемъ мы въ Москвѣ, разрѣшились

для меня здѣсь непосредственно, внутреннимъ откровеніемъ. Сиди и смотри, а тамъ Богъ знаетъ какимъ внутреннимъ процессомъ, отражающіяся въ тебѣ наглядныя впечатлѣнія сами собою складываются въ картину и въ мысль. Я очень доволенъ Ростовомъ. Городъ растетъ, это такъ рѣдко на Руси, а здѣсь чувствуешь торговую органическую силу. Въ немъ растетъ и преобладаетъ и теперь элементъ великорусскій и вѣроятно возьметъ верхъ надъ не-русскимъ Таганрогомъ... Какая разница въ климатѣ и во всемъ типѣ между Царицынымъ, напр., и Ростовомъ... Ростовъ, Астрахань и все это наше юговосточное пространство заселено «вольницей», бѣглыми, бѣжавшими отъ крѣпостного ига, отъ казеннаго «благоустройства», ихъ здѣсь не трогали, и они здѣсь начинали новую жизнь, вновь женились и жили подъ новыми именами. Это страна бродягъ и авантюристовъ русскихъ—изъ простого народа. Я долженъ былъ повести своего «бродягу» и въ Астрахань и въ Ростовъ-на-Дону, и у меня объ немъ упоминается даже въ напечатанномъ отрывкѣ изъ «бродяги». Въ Астрахани я бывалъ, но въ Ростовѣ я въ первый разъ. Очень хороши мѣстами берега Дона, особенно къ нижнему Дону ближе. Я вамъ кажется говорилъ, что мы выходили съ Граббе въ Цимлянской станицѣ, сидѣли съ казаками, пили чистое цимлянское вино,—одна старая женщина, вдова-есаульша затащила атамана въ свою хату только для того, чтобъ онъ побылъ у нея хоть минуту. Какъ опрятно они живутъ въ своихъ хатахъ, это просто любо. Къ сожалѣнію, вамъ мало извѣстна вся эта сторона русской жизни съ ея исторической и бытовой стороны, и потому о многомъ не распространяюсь, но вы непремѣнно современемъ всю ее узнаете, за это я вамъ ручаюсь. Для меня было бы величайшимъ счастіемъ путешествовать съ вами по Россіи. Вдвоемъ съ вами мы бы многое—многое поняли, многое намъ бы раскрылось. Не правда ли? Граббе мы высадили въ Аксайской станицѣ. Что за славный старикъ. Какъ оживлялся онъ всякій разъ, когда я въ разговорѣ касался нравственнаго элемента въ человѣкѣ. Видно было, что ударяешь по самымъ живымъ струнамъ. Этотъ воинъ вѣритъ только въ нравственную силу, силу духа... «Благодаря Бога, говорилъ онъ мнѣ, въ теченіе долгой моей жизни, я встрѣчалъ много честныхъ душъ, и такъ былъ счастливъ, что куда меня не назначали, вездѣ удавалось мнѣ отыскивать честныхъ людей». Я ска-

залъ ему на прощанье нѣсколько теплыхъ словъ похвалы. «Я не скрою, отвѣчалъ онъ, что мнѣ это пріятно и тѣмъ болѣе пріятно, что такія слова сказаны мнѣ Аксаковымъ...» «Я теперь понимаю репутацію Аксаковскую», сказалъ онъ, послѣ нашего знакомства, другому. Кстати объ этой репутаціи. Какая она странная и необъяснимая. Она сложилась изъ репутаціи моего отца, какъ автора «Семейной Хроники», репутаціи брата и отчасти моей. Многіе почти не умѣютъ различать эти три лица и смѣшиваютъ ихъ вмѣстѣ. Что авторъ «Семейной Хроники» имѣетъ извѣстность, это очень понятно, но почему мы съ братомъ пользовались ею въ Россіи, даже прежде отца, это мнѣ представляется загадкой, потому что ни на одно крупное произведеніе нельзя указать,—ни «Русская Бесѣда», ни даже «День» никогда не были популярны такъ, какъ популярно имя, которое я ношу. Я не могу скрыть отъ себя, что эта репутація не столько о талантахъ, сколько о гражданскомъ и нравственномъ характерѣ. Братъ мой, конечно, вполнѣ ее заслуживалъ; я, говоря по совѣсти и безъ фальшивой скромности, въ тысячу разъ меньше, между тѣмъ я едва ли былъ неизвѣстнѣе брата. Это послѣднее объясняется отчасти огласкою нѣкоторыхъ поступковъ, огласкою, конечно не умышленною, но тѣмъ не менѣе нескромною, я это сознаю. Такъ или иначе, а эта репутація меня смущаетъ, потому что я самъ внутри чувствую, что она не вполнѣ заслужена, что знаютъ только хорошее мое и видное, а дурное и тайное остается неизвѣстнымъ. Съ другой стороны это значеніе имени, которое носишь, служитъ нѣкоторымъ предохранительнымъ средствомъ; оно обязываетъ и во всякомъ случаѣ служитъ добрымъ memento. Но я никакъ не могъ проѣхать incognito. Нѣкоторые узнали меня или по карточкамъ, или потому что видали на публичныхъ засѣданіяхъ Общества Словесности; однимъ словомъ вездѣ становилось извѣстнымъ, что ѣдетъ редакторъ, что я именно хотѣлъ позабыть. Я все это вамъ пишу не заботясь о томъ, что вы во всемъ этомъ можете подмѣтить нѣкоторую струю тщеславія. И вы будете не совсѣмъ неправы, сознаюсь въ этомъ, но признаюсь вамъ, вся эта репутація и пр. теперь именно получаетъ для меня цѣну, все это добро не мое уже лично, а принадлежитъ нераздѣльно и другому лицу. Я радъ, что могу предложить ему по крайней мѣрѣ честное уважаемое въ Россіи имя, и постараюсь съ своей

стороны, чтобъ это уваженіе не пропало, чтобъ я сталъ сколько нибудь достоинъ этого добраго мнѣнія, которымъ я обязанъ преимущественно отцу и брату. Но довольно объ этомъ. Видите, какъ я сталъ откровененъ съ вами.

Я не веду никакого дневника, ничего не записываю, не пишу ничего, кромѣ писемъ къ вамъ, но думаю, что ощущаемаго и видимаго, принимаемаго въ душу достаточно для того, чтобы дать новый строй моему публичному писанію или даже внушить мнѣ со временемъ двѣ-три статьи. Я даже и къ вамъ не могу писать такъ, какъ бы я писалъ прежде. Такъ перемѣнились отношенія и такъ еще не установились новыя. Я не имѣю никакихъ извѣстій отъ своихъ. Мнѣ интересно знать, были ли вы въ тотъ вечеръ у маменьки?.. Однимъ словомъ полезно путешествіе, пріятно очень, но я предпочелъ бы всему этому въ настоящую минуту Петербургъ, или Царское Село, или Петергофъ. И не будь я связанъ сестрой, я можетъ быть даже воротился съ полъ-дороги!.. Путешествіе же наше идетъ какъ нельзя удобнѣе и пріятнѣе. Погода чудесная, но не знойная. Часто перепадаетъ дождикъ. Но теперь капли дождя—золотыя капли. Хлѣба поправляются; народъ повеселѣлъ. Скучно только, что не дадутъ на палубѣ полюбоваться одному и помолчать. Нынче вечеромъ, напр., никакъ не могъ отвязаться отъ сообщества Столыпина и убѣдясь, что онъ самъ меня не оставитъ, оставилъ я его и ушелъ въ каюту писать къ вамъ. Взялъ было нѣсколько книгъ читать, но признаюсь—не читается. Половина второго, надо кончить. Авось либо найду письмо въ Таганрогѣ и тогда буду отвѣчать. Пока прощайте, вы вѣрно теперь почиваете. Что-то вамъ снится? Не мучьте себя, ради Бога, мученіемъ вы не сдѣлаетесь лучше и такою, какою желалъ бы NN васъ видѣть. Такою вы сдѣлаетесь отъ полноты упованія въ благость Божію, отъ полноты любви и преданности человѣку, отъ избытка всякаго добра и блага, которому только отворите настежь всѣ ворота въ душѣ. Вы уже такая и есть, какой надо NN. Прощайте, спите мирно, Христосъ съ вами и да пошлетъ онъ вамъ силъ, силъ и силъ и благоуханной кротости въ душу. Позвольте пожать заочно ваши обѣ ручки...

8.

Море. Пароходъ «Митридатъ». Ночь между Бердянскомъ и Керчью. Со вторника на среду, съ 22 на 23 іюня.

Хоть и очень неудобно писать, хоть и не къ спѣху, потому что неизвѣстно, когда пойдетъ это письмо, хоть и сильно качаетъ, море не спокойно, но мнѣ хочется уйти къ вамъ, поговорить съ вами. Вчера я не писалъ къ вамъ и мнѣ чего-то уже не достаетъ. Еслибъ море было тише, красота была бы полная: ночь лунная, почти безоблачная, луна отражается въ морѣ безконечной золотистой полосою волнъ. Да и что тутъ описывать. Довольно сказать: «ночь лѣтняя, теплая. Море. Луна». Полный поэтическій рецептъ, какъ ни опошливали его, но опошлить его никогда нельзя, какъ ни исчерпывали тему, но она неисчерпаема. Несмотря на качку, мнѣ до сихъ поръ не было дурно, можетъ быть потому, что мысль моя очень озабочена. Сестра страдала. Я нахожу, что красоты уже слишкомъ полный кубокъ я пью, такъ что допивать не хочется, можно опиться. Постоянно удивляться, постоянно находиться въ процессѣ восхищенія и восторга, это не жизнь, а какая-то особенная дѣятельность, спеціальное отправленіе (fonction) души подъ конецъ утомительное. Еслибъ вы были здѣсь, еслибъ я могъ посидѣть съ вами на верхней палубѣ или подержать въ своей рукѣ вашу ручку—о, тогда бы другое дѣло. Теперь для меня все получаетъ цѣну только при васъ и черезъ васъ,—и 4 фотографіи, которыя ношу въ карманѣ не помогаютъ моему горю. Я впрочемъ добросовѣстно высидѣлъ на палубѣ цѣлый вечеръ, но встрѣчный намъ южный вѣтеръ слишкомъ силенъ и пыль отъ угля безпрестанно летитъ въ глаза, къ тому же пароходъ биткомъ набитъ. Едва разстался въ Бердянскѣ съ Дм. Столыпинымъ, съ которымъ плылъ почти 6 сутокъ, какъ тутъ же очутились другіе знакомые или знакомые знакомыхъ—и очень скучные люди. Да вообще это скучно постоянно находиться въ обществѣ. Пароходъ превращается въ плывущій салонъ. Трудно писать. Въ Таганрогѣ я не нашелъ письма отъ васъ, но распорядился на почтѣ, чтобъ тотчасъ же его прислали въ Ялту, но и въ Ялтѣ, куда мы прибудемъ въ четвергъ на разсвѣтѣ, вѣроятно я не тотчасъ найду письмо ваше. Куда это я такъ далеко запропастился? Когда, въ какое время? Какъ это глупо.

Почта ходитъ въ Ялту такъ долго. Но покуда прощайте, писать дѣйствительно мудрено. Да будутъ съ вами всѣ силы Господни. Вѣтеръ становится сильнѣе.

9.

Четвергъ, 11 час. ночи. Ялта, 24 іюня.

Я въ Ялтѣ съ утра, я былъ въ Ливадіи, все выходилъ и высмотрѣлъ, и дворецъ и садъ, видѣлъ даже васъ на двухъ фотографіяхъ и на картинкѣ, гдѣ представлена Императрица на телѣгѣ: Видѣлъ васъ окруженною Дворомъ. Фотографія не похожа, слава Богу—и какъ хотѣлось мнѣ вырвать васъ оттуда. «Вотъ домъ фрейлинъ», сказалъ мнѣ Лазаревскій, и хотѣлось мнѣ взойти въ этотъ домъ и посмотрѣть комнаты, гдѣ вы жили, но я былъ не одинъ, съ нами, по не совсѣмъ пріятной случайности было цѣлое семейство нашихъ пароходныхъ спутниковъ Фанъ-деръ-Флитовъ, которые также высадились въ Ялтѣ. Но я это сдѣлаю въ другой разъ. Лазаревскаго я зналъ заочно по литературѣ (онъ малороссъ и отчасти украйнофилъ, другъ Шевченка и проч.); разумѣется онъ очень радъ оказывать мнѣ всяческое вниманіе.

Много разнообразнѣйшихъ ощущеній пережилъ я здѣсь въ этотъ день, и въ Ливадіи. Не скрою отъ васъ, что эти мѣста для меня полны вами. На все это глядѣлъ вашъ глазъ, всѣ эти дороги и дорожки выхожены вашими ногами, всею этою красотою сполна упивалась ваша душа, о Крымѣ и изъ Крыма я имѣю ваши письма. Пожалуйста не сочтите меня попавшимъ въ положеніе 18 лѣтняго мальчика, испытывающаго въ первый разъ извѣстное чувство. Нѣтъ, это пишетъ вамъ 42-хъ-лѣтній мужчина, которому это «извѣстное» чувство къ несчастію слишкомъ хорошо знакомо, который испыталъ его въ высшемъ градусѣ страсти, испепелившей много хорошаго въ душѣ, страсти имъ проклинаемой и осуждаемой. Все это не то. Не страсть говоритъ теперь во мнѣ, во мнѣ ничто не бушуетъ, я не горю въ жару, оставаясь даже на единѣ самъ съ собою, я не стыжусь и не краснѣю за себя, за свою слабость, за свой плѣнъ, какъ бывало. Но теперь все мое существо и существованіе сосредоточено въ васъ, какъ въ своемъ собственномъ, естественномъ центрѣ, въ то же время съ чувствомъ

не только свободы,—но и освобожденія. Послѣднее слово вамъ не совсѣмъ понятно, потому что вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ моей жизни. Вы не знаете, вы не подозрѣваете, какъ дружба съ вами была мнѣ благодѣтельна, и что сближеніе мое съ вами началось собственно тогда, когда я наконецъ одержалъ побѣду надъ... какъ бы выразиться—надъ своего рода демономъ. Надо вамъ сказать, что всѣ раза, какъ я испытывалъ чувство «любви» — это было скорѣе несчастіемъ для меня: ни объ одномъ не сохраняю я не только отраднаго воспоминанія, но стараюсь изгладить всякое воспоминаніе. Я попадалъ на такого рода женскія существа, которыя противорѣчили мнѣ, моимъ убѣжденіямъ, моему идеалу вполнѣ, и которыя я дерзко хотѣлъ вести къ добру, но которыя меня вели къ злу и къ измѣнѣ всей нравственной стороны моего бытія. Любовь являлась для меня самымъ мучительнѣйшимъ диссонансомъ и минуты наслажденія, которыя она давала, были минуты самозабвенія,—минуты паденія, послѣ которыхъ немедленно же возставалъ протестъ моего лучшаго я — или Ангела хранителя. Я раздваивался, я чувствовалъ, что кто-то недоволенъ мною, кто-то зоветъ меня безъ умолку, кто-то (не помню стиховъ, да они и не кончены и написаны не были), кто-то около меня:

То голову клонитъ,
Такъ скорбно, такъ грустно взираетъ,
То плачетъ и стонетъ
И руки ко мнѣ простираетъ...

Я это явственно чувствовалъ... Въ это же время я писалъ стихи, длинные (и лучшіе) мои стихи, которыхъ у меня не осталось къ сожалѣнію, которыхъ я всѣхъ не помню, но въ которыхъ была между прочимъ слѣдующая строфа:

Господь, Господь, мою ты знаешь душу!
Суди меня, о грозный Судія!
Пусть казнь твою я на себя обрушу,
Но пусть блеснетъ мнѣ истина Твоя.

И Господь внялъ этой самой горячей и искренней мольбѣ, которую я когда либо приносилъ. Онъ обрушилъ на меня казнь и истина мнѣ блеснула, и я почувствовалъ въ казни милость

и благость. Стихи эти искренни. Они никому неизвѣстны, ихъ у меня даже нѣтъ, а та особа, по поводу которой они были написаны, обидѣлась этими стихами и не только не была ими тронута, но старалась заставить меня забыть про нихъ. (Не подумайте, чтобъ это была Смирнова). Я непремѣнно напишу вамъ подробнѣе всю эту исторію, потому что она много истратила моихъ внутреннихъ силъ, но какъ я вамъ говорю,—я, благодаря именно Бога, воспрянулъ наконецъ, порвалъ всѣ путы и сѣти,—воспрянулъ, правда, безъ прежней самонадѣянности и нравственной гордости, за которую и наказалъ меня Господь и смирилъ мою гордость моей собственной нравственной силой, — но я уже не раздваивался и не слышалъ грустнаго надъ собой плача Ангела-хранителя (или божественной стороны каждаго человѣка), я наконецъ нашелъ себя—знаете ли вы въ комъ?.. въ васъ. Вотъ гдѣ душа моя обрѣтается не въ диссонансѣ, а въ гармоніи, вотъ съ кѣмъ сближеніе не огорчитъ моего божественнаго Я, т. е. Ангела-хранителя, вотъ любя кого—я могу остаться въ истинѣ, въ правдѣ, въ согласіи съ самимъ собой,—могу укрѣпиться въ вѣрѣ, могу возноситься къ Богу. Зачѣмъ не раньше было это сближеніе, говорилъ я самъ себѣ... Не правда ли — есть много сходнаго въ исторіи внутренней каждаго изъ насъ?.. И когда три года назадъ мои мечты, казалось рушились совсѣмъ, такъ что я отложилъ всякую надежду на то, чтобъ онѣ когда либо могли сбыться,—вы остались для меня чѣмъ то завѣтнымъ, и я употреблялъ всѣ усилія, чтобъ не увлекаться личнымъ чувствомъ къ вамъ и не создавать себѣ новыхъ мученій. Я даже, по желанію матери и сестеръ, дѣлалъ въ эти три года попытки жениться на одной дѣвушкѣ, съ которой буквально не говорилъ и 10-ти словъ, но которую, впрочемъ, я зналъ за умную и строго-нравственную, хотя совершенно холодную, — но дѣлалъ эти попытки такимъ образомъ, что онѣ не могли удасться: нужно было предварительное сближеніе, но на него у меня не доставало ни охоты, ни силъ. «Вотъ еслибъ дѣло шло объ N N, — говорилъ я и самъ себѣ, и матери и даже сестрамъ, такъ и раздумывать нечего было бы, — но приходится мнѣ теперь искусственно сочинять себѣ жизнь и устраивать «домашнее счастіе»—и дѣло не удается, и дѣвушки, на которыхъ мнѣ указываютъ, инстинктивно чувствуютъ это...

Понимаете ли вы теперь ваше значеніе для меня? Не то, чтобъ я смотрѣлъ на васъ, какъ на источникъ силы, какъ на руководителя и пр. Благодаря Бога, я имѣю кое-какую силу. Но расправить свои крылья эта сила можетъ только при васъ и съ вами. Я вамъ говорилъ, что жизнь моя черства, хотя я работаю много, тружусь для общей пользы, очистилъ жизнь свою внѣшнимъ образомъ вполнѣ, но нѣтъ «благоуханія» въ душѣ, нѣтъ гармоніи, нѣтъ любви. Любви не въ пошломъ смыслѣ, когда человѣкъ гоститъ гдѣ-то, внѣ своей собственной души, любви, какъ исключительнаго состоянія души, но любви, какъ нравственной силы пребывающей въ человѣкѣ.—Но эта «любовь» какъ нравственная сила была бы опять отвлеченна и безпредметна, еслибъ она, по Божьему устроенію, не сосредоточивалась какъ въ фокусѣ—въ законѣ любви мущины къ женщинѣ, данномъ намъ и освященномъ Богомъ... Понимаете ли вы, что моя душа знаетъ вашу душу можетъ быть лучше васъ самихъ, и что все разсказанное вами не можетъ затмить того, что уже давно, невѣдомо для васъ, открылъ мой внутренній взоръ въ вашей душѣ. Онъ открылъ то, что мнѣ нужно, что мнѣ на потребу. Понимаете ли, что тутъ нѣтъ съ моей стороны ни поэтизированія, ни идеализированія. La réalité, дѣйствительность вашей души, на которую вы съ такой скорбью мнѣ указываете, есть—по выраженію одного Нѣмецкаго философа nicht die wahre, aber die schlechte Wirklichkeit,—das ist nicht das Echte человѣка. Позвольте же мнѣ знать это echtes вашей души лучше васъ. Въ этомъ отношеніи довѣрьтесь моимъ словамъ, моему суду. Какъ мы оба ни были бы дурны, какъ бы мы оба ни падали, но намъ обоимъ даны какіе-то Ангелы-Хранители, которые тоскуютъ и плачутъ о каждомъ нашемъ паденіи. Называйте это совѣстью, или иначе—все равно. Но что же такое совѣсть въ человѣкѣ, какъ не лучъ Божій, какъ не само божество въ немъ пребывающее, какъ не связь человѣка съ міровымъ закономъ предвѣчной истины и правды? Всякому дана совѣсть, всякому данъ этотъ Ангелъ-Хранитель,—но если у кого совѣсть надѣлена большею чуткостью, если кому явственнѣе вѣяніе надъ нимъ крыльевъ его Ангела,—съ того въ тысячу разъ больше и спросится. Сколько разъ въ жизни приходилось мнѣ видѣть на своихъ товарищахъ, что они, купаясь въ грязной жизни, тѣмъ не менѣе не мараются и сохра-

пяютъ въ душѣ свѣтъ и тепло и такія движенія, предъ которыми ничто вся моя тогдашняя строгость и добродѣтель,—и въ то же время я внутренно сознавался, а потомъ и на опытѣ убѣдился, что милліонный кусочекъ, атомъ грязи,—ихъ не марающей,—выпачкаетъ меня совсѣмъ и совершенно, именно потому, что мнѣ дано полное вѣдѣніе и пониманіе всего значенія этой грязи. Но Богъ намъ въ помощь.

Обыкновенно смотрятъ на религію, какъ на «утѣшеніе въ скорбяхъ», какъ на «отраду»—на Бога—какъ на пріютъ, какъ на богадѣльню для увѣчныхъ, больныхъ и всякихъ духовныхъ инвалидовъ. Даже Тургеневъ въ своемъ романѣ: «Дворянское Гнѣздо», желая привести свою Лизу, послѣ мученій любви, въ какое нибудь тихое пристанище, привелъ ее въ монастырь... Многіе привѣтствовали это въ немъ, какъ обращеніе къ Богу. Помню, что Хомяковъ первый указалъ на ложное такое пониманіе Тургеневымъ Бога. Богъ—есть не только утѣшеніе, но сила на подвигъ, трудъ, на дѣятельность, на жизнь. Такъ и любовь, какъ я ее понимаю. Да будетъ же такъ!

Я не нашелъ писемъ отъ васъ ни въ Таганрогѣ, ни въ Ялтѣ. Письма сюда доходятъ дней черезъ 12. Послѣ завтра приходитъ почта. Авось либо я получу отъ васъ письмо. Томительно. Получили ли вы всѣ мои письма: изъ Казани, изъ Самары, изъ Саратова, изъ Царицына, изъ Ростова на Дону, изъ Таганрога (кажется),—и теперь 7-ое.

Какой вы отвлеченный человѣкъ, скажете вы, пріѣхалъ въ Ялту и вмѣсто того, чтобъ писать о впечатлѣніяхъ Крыма, пишетъ разныя разсужденія. Во первыхъ скажу вамъ, что въ настоящую минуту—ревётъ на морѣ буря, туманъ сѣлъ на горы и на море, шелъ дождь—холодно, сыро и сѣро, ничего не видно. Во вторыхъ—наше плаванье по Азовскому морю и по Черному было самое бѣдственное. Страшный вѣтеръ вздулъ море такъ, что качка была ужасная,—очень немногіе остались цѣлы, въ томъ числѣ и я, и то потому, что сидѣлъ на самой верхней палубѣ и спасался холодомъ. Но спазмъ мучилъ меня цѣлый день. Сестра измучилась совершенно, да почти и всѣ пассажиры, которыхъ въ одномъ 1 классѣ было слишкомъ 70 человѣкъ. Среда и ночь на Среду (когда я кончилъ писать начатое, но недописанное къ вамъ письмо, которое прилагаю), были мучительныя. Нынче въ 7 часовъ утра пришли мы въ

Ялту и увидали ее только подойдя къ ней. Красота южнаго берега, хотя и знакома мнѣ давно, пахнула на меня такъ свѣжо, какъ будто я ее никогда прежде не видалъ. Какъ добрался я на берегъ и занялъ въ новой гостинницѣ X на берегу моря, такъ и не захотѣлось оторваться отъ окна. Погода въ этотъ же мигъ степлѣла и прояснилась. Я просто упивался красотой. Но голова моя продолжаетъ кружиться даже до сихъ поръ какъ я пишу къ вамъ, все кажется будто меня качаетъ. Впрочемъ оставляю до другого раза историческое описаніе моего путешествія, такъ же какъ и поѣздки въ Ливадію и осмотръ дворца и церкви. На дняхъ осмотрю ваши владѣнія. Но къ вечеру пошелъ опять дождь, стало холодно и сыро... Боюсь, что это письмо надѣлаетъ вамъ непріятностей... Но мнѣ уже надоѣло писать намеками и обиняками, когда такъ много нужно серьезнаго поговорить. Къ тому же я предполагаю, что вы уже сказали тому лицу, которому вы хотѣли разсказать... Кстати, я сказалъ дорогою все сестрѣ, съ которой ѣду. Она очень рада за меня, и сегодня, пріѣхавъ въ Ялту, отправилась къ обѣднѣ (нынче 24 Іюня, праздникъ) и отслужила молебенъ заздравный за своихъ и за васъ,—какъ она мнѣ сказала объ этомъ потомъ. Прощайте, до Вторника. Прощайте же. Крѣпко жму ваши ручки. Христосъ съ вами. Почивайте, уже 2 часа ночи.

По полученіи письма, можете писать только въ Кіевъ, отправивъ письмо не позднѣе 12 Іюля.

10.

25 Іюня, Пятница, 11 часовъ вечера. Ялта.

Ясная, тихая ночь. Море шумитъ и плещетъ такъ ровно, луна такая золотая, небо съ краю моря такъ сине и безоблачно,—только верхи горъ повиты облаками, и простору водъ, простору неба, простору свѣта положенъ предѣлъ темною, почти черною грядою горъ. На этой грядѣ бѣлѣются маленькія зданія, освѣщаемыя луною. Я ходилъ теперь часа полтора вдоль моря по бульвару—совершенно одинъ. Ни души. Только видѣлъ вдали кого-то сидящаго на камнѣ надъ моремъ. Вся эта красота вамъ знакома. Но эта ночь еще не такая обаятельная, плѣнительная, растлѣвающая, сладострастная ночь, какія бываютъ на югѣ,—ночь, сравнительно, довольно свѣжа,—днемъ

шелъ дождь, дулъ сильный вѣтеръ. Къ тому же на Югѣ я предпочитаю безлунныя ночи: тогда ярче горятъ звѣзды, которыхъ теперь не видать при полномъ сіяніи полнаго мѣсяца... Всякій разъ какъ поворотивъ отъ моря—оборачиваюсь я къ горамъ и упираюсь въ нихъ взоромъ,—мнѣ кажутся онѣ тою грядой препятствій и затрудненій, которая лежитъ мнѣ теперь на моемъ пути къ свѣтлому счастію. Сколько ихъ предстоитъ преодолѣть. Чудны горы, чудно море, чуденъ этотъ югъ, но зачѣмъ я въ Ялтѣ, спрашиваю я себя? Какъ попалъ я въ Ялту? Не странно-ли? Не нелѣпо-ли? Что это за странность, за оригинальность такая? Это остатокъ моихъ прежнихъ невольныхъ странностей,—отчасти привычки дѣлать все наперекоръ своимъ влеченіямъ своей природѣ. Шутка сказать—почта доходитъ сюда изъ Москвы на 12 или 13 день... Собственно Россія кончилась для меня Ростовомъ.—Таганрогъ уже Греческій городъ,—положимъ, впрочемъ, что онъ и Русскій. Когда я увидалъ себя въ морѣ,—я какъ будто отрѣшился отъ Россіи: море не имѣетъ національности. Крымъ мнѣ хорошо знакомъ. Въ 56 году я изъѣздилъ его верхомъ, хоть я и плохой ѣздокъ,—но несмотря на знакомство—увидавъ снова эту красоту съ парохода, я былъ ошеломленъ и упоенъ—какъ бы совершенно свѣжій человѣкъ. Остановились мы въ гостинницѣ Галахова,—въ комнатахъ съ видомъ на море и на горы. Въ тотъ же день сестра хотѣла послать депешу маменькѣ,—оказалось, что телеграфъ въ Ялтѣ и надо было ѣхать туда; къ намъ присосѣдилось одно семейство, также остановившееся въ той же гостинницѣ. Въ Ливадіи Лазаревскій и архитекторъ Монигетти показали мнѣ весь дворецъ, всѣ постройки и что еще предположено сдѣлать. Этотъ Монигетти преталантливый художникъ. Все дѣлается съ необыкновеннымъ вкусомъ, все осмысленно, все имѣетъ цѣлую художественную исторію за собой. Церковь мнѣ очень понравилась, но особенно хороша иконопись Бейдемана (несмотря на нѣмецкую фамилію, онъ Грекъ и православный.) Эта иконопись—въ Византійскомъ—древнемъ, не изуродованномъ вкусѣ. Все важныя, святыя, безстрастныя, не плотяныя, а одухотворенныя лица. Такая святость и тишина почіетъ на этихъ изображеніяхъ. Такія изображенія встрѣчаются отчасти и въ Кіевѣ въ древнихъ мозаикахъ, и на Аѳонѣ и въ коллекціи Севастьянова. Я обѣщалъ Монигетти заѣхать въ

другой разъ осмотрѣть люстру, которую онъ дѣлалъ, взявъ себѣ за прототипъ рисунокъ люстры изъ коллекціи Севастьянова, и другія работы. Съ величайшею любовью занимаются эти люди своимъ дѣломъ, съ художническою любовью, и вы нашли бы теперь большую разницу съ прежнимъ. Все необыкновенно просто, необыкновенно изящно. Съ удивленіемъ говорилъ мнѣ Монигетти, что безстрастность и строгость Византійскаго стиля оцѣниваются въ Царскомъ семействѣ, и съ восторгомъ говорили они объ Императрицѣ.—Съ какою грустью взглянулъ я на дворецъ Наслѣдника. «Жалѣю, что мнѣ не придется имъ воспользоваться», сказалъ онъ архитектору на прощаньѣ, разумѣя конечно, что трудно ему было бы проводить лѣто въ Крыму, но теперь эти слова получили другой смыслъ. Я уже писалъ вамъ, сколько я пережилъ тутъ ощущеній, смотря на эти мѣста, гдѣ вы жили, ходили, видя ваши фотографіи (одна изъ нихъ съ очень злымъ лицомъ—это мнѣ понравилось), и вы понимаете, что эти ощущенія были большею частью тяжелы и не отрадны. Ахъ какъ мнѣ нужно, нужно отъ васъ письмо! Завтра приходитъ почта, но привезетъ ли она мнѣ что нибудь?.. Подумали ли вы о томъ, какъ мнѣ необходимо получать теперь какъ можно чаще ваши письма? Неужели вы не написали передъ отъѣздомъ? Двѣ недѣли нынче ровно съ той Пятницы,—въ Воскресенье двѣ недѣли, какъ я уѣхалъ и ничего не знаю о васъ. Но всего важнѣе для меня будутъ ваши письма по возвращеніи въ Петербургъ. Никогда я не чувствовалъ такъ цѣну денегъ какъ теперь, никогда такъ не желалъ быть богатымъ. Будь у меня большое состояніе, я распорядился бы иначе—и не допустилъ бы оттяжки и отсрочки. Какъ обо многомъ, обо многомъ нужно поговорить! Къ 1 Августа думаю—явиться къ вамъ въ Петербургъ. Поѣздка моя рѣшительно не имѣетъ теперь смысла. Я уже не могу даже и смотрѣть на себя, какъ на редактора, потому что—если желаемое случится—«День» прекратится, если только не возьмется издавать его Самаринъ. Но едва ли онъ возьмется. Между тѣмъ съ 1 Октября должна быть открыта подписка на слѣдующій годъ, слѣдовательно къ этому времени вопросъ долженъ быть рѣшенъ, и рѣшеніе должно быть оглашено. Вѣроятно, такъ или иначе, а все это дѣло огласится и прежде, какъ ни скрывай его, но каково же вамъ будетъ при такой огласкѣ?..

Прощайте покуда. Завтра буду продолжать это письмо. Теперь уже поздно. Вы вѣрно крѣпко помолились Богу и уже спите. Гдѣ то витаетъ теперь ваша фантазія, какіе узоры наводитъ она на сонной канвѣ? Пошли вамъ Христосъ всякой нужной силы въ душу!

11.

Суббота 26 Іюня. Ночь—1 часъ.

Нынѣшняя почта ничего не привезла мнѣ. Оно и понятно. Почта ходитъ 13 дней и могла бы привезти письмо только развѣ отправленное въ Понедѣльникъ, на другой день моего отъѣзда. Но не несносно ли это? Никакая красота природы не можетъ примирить меня съ такимъ неудобствомъ. Въ виду этого безконечнаго моря, этого безбрежнаго горизонта—чувствуешь себя подчасъ такимъ одинокимъ, отрѣшеннымъ отъ остального міра, такимъ сирымъ. Вы всего этого не испытали (развѣ въ Ниццѣ только); васъ окружали вездѣ комфротъ и удобство. Мнѣ хотѣлось показать вамъ жизнь съ другой стороны, какъ она существуетъ для насъ прочихъ смертныхъ. Нѣтъ ничего неудобнѣе жизни въ Ялтѣ, и пріѣздъ сюда уменьшается съ каждымъ годомъ. Ничего нельзя достать, припасы всѣ и дороги и скверны, нѣтъ ни одного фортепьяно въ городѣ,—даже «Московскія Вѣдомости» получаетъ всего одинъ человѣкъ да и то еще не вѣрно. Но и это бы все ничего, только бы сообщенія были скорыя. Дни стоятъ превосходные—теплые, но не жаркіе и съ дождями, даже съ грозами. Ночь чудная, теплая,—мѣсяцъ почти полный плыветъ по небу среди черныхъ тучъ и свѣтъ его такъ золотистъ и жарокъ, что почти больно смотрѣть. Но эти черныя тучи и это темное тихое море—тихое до такой степени, что обычный плескъ его превращается въ какое то журчанье—наводятъ тоску, какъ то томятъ сердце. Такая тишина этого простора,—такъ притихла, такъ затаила дыханіе эта безпредѣльность, такъ неподвижно-строго глядятъ кипарисы, что становится жутко и страшно. Нѣтъ—тяжела и утомительна эта торжественная тишь, эта пустынность. Она сильно дѣйствуетъ на нервы. Въ Италіи—услышишь непремѣнно человѣческій голосъ, пѣсню,—здѣсь ни звука человѣческаго. Особенно тамъ, куда мы перебрались нынче съ сестрой. Она не

захотѣла оставаться въ гостинницѣ и пріискала прехорошенькую квартиру на берегу моря, самый крайній послѣдній домикъ города, въ противоположную сторону отъ Ливадіи,—на самомъ концѣ Слободки. Впрочемъ послѣ Вторника (въ этотъ день утромъ приходитъ почта), мы отправляемся дѣлать экскурсію вдоль всего южнаго берега, проѣдемъ и въ Севастополь и въ Бахчисарай: это продолжится 6 сутокъ не менѣе.

Сообщите мнѣ пожалуйста день вашего рожденія и имянинъ. Въ честь какой Анны святой вы названы. У меня день рожденія и имянинъ одинъ и тотъ же—26 Сентября, праздникъ Іоанна Апостола, Евангелиста и Богослова. Ведите также списокъ вашимъ письмамъ со дня моего отъѣзда, чтобы мнѣ знать, всѣ ли я ихъ получилъ.—Прощайте, спокойной ночи.

12.

Воскресенье 27 Іюня. 11 часъ.

Природа точно подрядилась выставить намъ на показъ всю свою красоту, и такъ щедро сыплетъ своими дарами, что просто не знаешь куда и дѣваться и какъ будто говоришь про себя: много, много! довольно, уже вмѣщать некуда, эта роскошь давитъ и пресыщаетъ,—какъ то порабощаетъ человѣка. Но бываютъ минуты, когда человѣкъ гордо чувствуетъ себя человѣкомъ, — не сыномъ матери — природы, но хозяиномъ ея и господиномъ. Между прочимъ такое ощущеніе дается личнымъ счастьемъ, счастьемъ любви. (не страсти, которая свирѣпствуетъ въ человѣкѣ какъ буря, или во всякомъ случаѣ уподобляется грозѣ). Такое же ощущеніе почувствовалъ бы и я, вѣроятно, еслибъ получилъ хоть строчку отъ N N...

Святой законъ любви и союза любви въ бракѣ! Здѣсь возводится до апоѳеоза, оправдывается и освящается личность, индивидуальность человѣка. Особенно для женщины важно это значеніе ея индивидуальности, потому что другого она почти не имѣетъ. И это значеніе личности оправдывается и освящается тѣмъ, что все эгоистическое въ этомъ значеніи поглощается любовью къ другому. Такимъ образомъ любовь въ бракѣ, поглощая личный эгоизмъ, въ то же время даетъ всю полноту значенія человѣческой индивидуальности, оправдывая и освящая ее! Въ каждомъ бракѣ, въ каждомъ сочетаніи мужа и жены какъ

бы повторяется Божье міроздапіе; въ этой четѣ мужа и жены— весь міръ Божій, вся полнота творенія, все человѣчество. Ибо не для множества, не для количества человѣковъ сошелъ Господь на землю, а для человѣка, мужа и жены, ибо существованіе одного безъ другого не мыслимо. Конечно, есть еще высшее служеніе—Богу съ сохраненіемъ дѣвства, но это есть явленіе исключительное, что и объяснено въ Евангеліи,—не всякій къ нему призванъ. Да и оно возможно только при царствѣ брака на землѣ.

Бракъ есть самъ по себѣ святыня и таинство, а не только сталъ таковымъ послѣ Христіанства. На этомъ основаніи церковь признавала дѣйствительными браки языческіе и не перевѣнчивала ихъ. Христіанство дало уразумѣть эту святость и освятило бракъ чрезъ освященіе людей. Но какъ между язычниками, такъ и между христіанами—бракъ можетъ быть и не бракомъ, а соединеніемъ du mâle et de la femelle.—Бракъ по страсти не есть святой бракъ. Страсть не духовна,—въ ней есть демоническая сила, и достигнувъ цѣли, т. е. полнѣйшаго обладанія страстно любимымъ существомъ, тѣснѣйшаго съ нимъ соединенія, тѣснѣе котораго ничего быть не можетъ, она гаснетъ, не имѣетъ raison d' être. Только гармоническій союзъ индивидуальностей—во имя Бога, во имя высшаго и завѣтнѣйшаго для человѣка, можетъ быть залогомъ и неисчерпаемымъ источникомъ счастія, даже при внѣшнемъ несчастіи. Но можетъ ли быть какая нибудь гармонія—безъ нравственной основы? Можетъ ли она существовать при томъ диссонансѣ, который вноситъ зло? Очевидно нѣтъ. И потому для полноты счастія для полноты союза необходима гармонія въ высшемъ нравственномъ идеалѣ, въ стремленіяхъ къ Богу. Мужъ долженъ быть совѣстью для жены, жена—совѣстью для мужа, оба другъ другу Ангелами-хранителями. Не потому, чтобъ такой то господинъ или такая то госпожа были каждый нравственнымъ совершенствомъ, а потому, что въ каждомъ живетъ духъ Божій, есть совѣсть, и они даютъ другъ другу все свое лучшее. Я увѣренъ, что N N, хотя бы сама имѣла и недостатки, будетъ чутко чувствовать всякое дурное движеніе во мнѣ и оберегать меня, точно такъ же, какъ и я, оставаясь слѣпымъ относительно себя, буду чутко чувствовать и слышать все дурное въ ней. Есть пошлая фраза: надо любить человѣка со всѣми его недо-

статками. Любить недостатки въ любимомъ человѣкѣ нельзя, я этого не понимаю,—можно его любить несмотря на недостатки, любить ради того, чѣмъ хороша его индивидуальность. Во мнѣ можетъ быть это доходитъ до крайности. Я такъ хочу, чтобъ любимая мною женщина была хороша нравственно! И никогда въ жизни не имѣлъ я этого удовлетворенія, и любовь мною испытанная всегда была для меня мученіемъ. И только полюбивъ N N я узналъ миръ въ любви, узналъ любовь безъ упрековъ совѣсти. Любя ее, могу смѣло сознаться въ этой любви самому себѣ, стать съ нею предъ судомъ совѣсти, предъ судомъ Божьей правды. И это не потому опять, чтобъ N N была совершенство, а потому что ея идеалъ—мой идеалъ, ея нравственный путь и мой путь. Мнѣ съ ея душой свободно, я не терзаюсь нравственнымъ диссонансомъ, я не оплакиваю свое паденіе, свою измѣну Божьей правдѣ. О какъ я ей за это благодаренъ и какъ я люблю ее. И подай намъ Богъ съ нею вмѣстѣ служить Божьей правдѣ! Шире этого моря, безпредѣльнѣе его—душа человѣческая; превыше этихъ горъ, превыше этихъ звѣздъ возносится она и паритъ надъ этой бездушной природой, дивясь творенію своего Творца, сама причастница Вѣчнаго Духа зиждущаго міръ, причастница его безконечности. И во всю эту ширь и эту высь моей души, и также безпредѣльно какъ она, и также сливаясь съ Богомъ-міроздателемъ, священнодѣйствуетъ во мнѣ Бога—любовь къ N N... Знаете вы вѣдь эту N N и передайте ей это.

А какія чудеса творитъ теперь ночь, и море, и мѣсяцъ... Просто языкъ нѣмѣетъ. Я никогда не могъ описывать красоту природы, глядя на нее. Какъ то странно остановить въ себѣ дѣйствіе впечатлѣнія и стать къ природѣ въ отношеніе объективное. Вы можетъ быть ждете отъ меня стиховъ къ морю. Можетъ быть они и будутъ, только развѣ тогда, когда я уѣду отъ моря. Впрочемъ теперь для меня всякая строка N N дороже всякой красоты моря. Я купаюсь въ красотѣ, купаюсь въ воздухѣ, въ лучахъ солнца, въ волнахъ морскихъ, но признаюсь вамъ не воздаю и сотой доли того, что мнѣ дается этою природой. Смотрю на чудное отраженіе луны въ морѣ и перебираю въ памяти всѣ разговоры. И все не понимаю зачѣмъ я въ Ялтѣ.

Мудрененько будетъ мнѣ издавать «День» по возвращеніи. Мудрено потому, что теперешнее состояніе не есть спокой-

ное обладаніе, а только еще стремленіе къ нему и на пути— тысяча препятствій. Я хотѣлъ писать отсюда разныя письма къ сотрудникамъ и корреспондентамъ, взялъ нѣкоторыя статьи прочесть, нѣкоторыя книги, и ничего не читаю, ничего не дѣлаю. Я просто забылъ, что я редакторъ. Будто я былъ когда-то редакторъ? Быть не можетъ.

Вотъ я теперь съ вами разговариваю, а когда то дождусь отвѣта? Ровно черезъ мѣсяцъ и уже въ Москвѣ. Вы вѣрно уже знаете, что 10 Іюля я уѣзжаю отсюда и возвращаюсь въ Москву черезъ Кіевъ... Но прощайте на этотъ разъ. Дайте пожать ваши ручки. Христосъ съ вами. Нынче я былъ у обѣдни въ церкви, въ которой вы конечно не разъ молились... Прощайте.

13.

Понедѣльникъ, 28 Іюня. 12 часовъ ночи.

Съ часъ тому назадъ возвратился изъ Гурзуфа, куда мы ѣздили съ сестрой. Что за чудное мѣсто, какая ширь вида— и на море и на горы и снизу вверхъ, и сверху внизъ. Я хотѣлъ видѣть непремѣнно ваши владѣнія, но представьте себѣ никто не знаетъ. Управляющій Гурзуфомъ,—человѣкъ новый, итальянецъ, который не былъ въ то время здѣсь, когда вы были.—Я впрочемъ поручилъ одному человѣку непремѣнно мнѣ розыскать это и надѣюсь таки отыскать эту вашу обѣтованную землю. Нельзя ли здѣсь поставить домикъ, а когда будетъ желѣзная дорога то пріѣзжать сюда недѣли на двѣ, на три? Завтра, дождавшись почты и отправивъ это свое письмо, отправляюсь я и самъ съ сестрой—въ объѣздъ по Крыму т. е. отсюда до Алушты, изъ Алушты надо будетъ взять верстъ 30 въ сторону и провести день въ Кучукъ-Узенѣ у Княжевича, Александра Максимовича (это товарищъ отца по Казанской гимназіи: онъ взялъ слово съ насъ, что мы къ нему заѣдемъ, къ тому же тамъ гоститъ теперь пріятельница сестры, нѣкто M-lle Pistolcorst (русская);—изъ Кучукъ-Узена назадъ въ Алушту и оттуда въ Симферополь,—изъ Симферополя въ Бахчисарай со всѣми принадлежностями, въ Севастополь, въ Балаклаву, въ Георгіевскій монастырь, въ Байдары—и вновь по Южному берегу въ Алупку, въ Мисхоръ и назадъ въ Ялту.

Это путешествіе продолжится дней 6. Ѣдемъ мы въ открытой городской пролеткѣ или линейкѣ. Затѣмъ еще 6 дней, и 10-го Іюля въ обратный путь — черезъ Кіевъ. Признаюсь, я бы охотно миновалъ Кіевъ, потому что я его знаю очень хорошо, а главное потому, что у меня тамъ множество знакомыхъ, начиная отъ Генералъ-Губернатора, которыхъ миновать мнѣ нельзя. Наконецъ мнѣ опять приходится фигурировать тамъ какъ редактору «Дня», какъ одному изъ сильныхъ дѣятелей въ вопросѣ о Западномъ краѣ. Газета моя наиболѣе читается тамъ. А между тѣмъ—въ настоящую минуту мнѣ не до того,—и хотя ничто въ мірѣ не можетъ ослабить моего участія къ интересамъ Россіи, и не должно ослабить, но теперь мнѣ нужно устроить самого себя. Къ тому же фигурируя теперь какъ редакторъ, я не могу забыть, что скоро редакторомъ не буду. А тутъ явятся и корреспонденты, и цѣлыя статьи, и цѣлые проекты поднятія и разработки новыхъ вопросовъ, и пр. и пр. Вы не можете себѣ представить, какими нитями связывается изданіе журнала съ внутренностью Россіи... Но миновать Кіевъ мнѣ нельзя, потому что для сестры Кіевъ и Кіевская святыня— главная цѣль поѣздки. 23 Іюля не позднѣе, (а можетъ быть и раньше)—выѣзжаю въ Москву. Завтра утромъ приходитъ почта. Что-то я получу? Вообразите себѣ, что со времени отъѣзда, съ 13 Іюня по 29-ое не имѣю никакихъ не то что писемъ, но даже извѣстій ни отъ васъ, ни отъ своихъ. Это несносно.

Кстати: помните, недавно вы спрашивали меня—почему я вамъ такъ долго не писалъ и вообще такъ мало писалъ весь прошлый годъ. Я помню живо этотъ разговоръ a parte, важный для меня не по содержанію, а потому что онъ былъ a parte, и я почувствовалъ, что вамъ также, какъ и мнѣ, въ тягость ваши гости, и что-такое прочиталось мнѣ въ вашей душѣ, отчего долго долго не могъ заснуть я ночью. Вы не хотѣли почему-то принять объясненіе, которое я выразилъ вамъ тогда въ намекахъ. А между тѣмъ это дѣйствительно такъ. Я чувствовалъ, что переписка меня увлекаетъ. Получивъ ваше письмо, я испытывалъ непреодолимое желаніе отвѣчать тотчасъ и много, и наконецъ отдался бы весь перепискѣ... Зачѣмъ? къ чему? спрашивалъ я себя. Развѣ не дано было мнѣ знать черезъ Шеншину, что этого быть не можетъ, развѣ на нѣкоторыя знаменательныя мои письма не получалъ я отвѣты распорѣ-

чивые своею короткостью или тѣмъ, что они вовсе на письмо не отвѣчали. Мнѣ было нѣсколько досадно на себя—тратиться даромъ и играть роль только корреспондента. Помните я намекнулъ вамъ въ письмѣ, что я у васъ 99 корреспондентъ. Но малѣйшее теплое выраженіе вашей дружбы вызывало меня тотчасъ на отзывъ. Однимъ словомъ, такъ какъ мнѣ пришлось отказаться отъ исполненія своей мечты и съ великою болью въ сердцѣ принять это рѣшеніе, то я даже и въ Петербургъ поэтому не домогался ѣздить и даже поставилъ себѣ вопросъ—видѣться ли съ вами въ Москвѣ, откладывать ли свой отъѣздъ. Я чувствовалъ, что увидя васъ снова, я подниму со дна души все, что тамъ было уложено. Но ваши послѣднія два письма ко мнѣ изъ Петербурга (которыхъ я никому не показывалъ) уже передъ пріѣздомъ вашимъ сдѣлали почти то, что могло сдѣлать свиданіе,—а увидавши васъ, я почувствовалъ, что участь моя рѣшена. Я не надѣялся на тотъ исходъ, который совершился, но принялъ такое рѣшеніе, чтобъ не имѣть другой жены, кромѣ N N, и ждать ее хоть 20 лѣтъ. Но впрочемъ въ послѣдніе дни я уже чувствовалъ, что между нами устанавливается такая интимность исключительная, которая связываетъ души неразрывно, которая даетъ права другъ надъ другомъ, которая можетъ имѣть только одинъ извѣстный исходъ. Возникало то, что выражено отчасти въ слѣдующихъ четырехъ стихахъ, написанныхъ сначала для «Бродяги», для выраженія отношеній Алешки къ Парашкѣ, но потомъ мною вычеркнутыхъ, такъ какъ они не шли къ простотѣ разсказа и русскаго крестьянскаго быта:

Въ толпѣ ли встрѣтятся случайно,
При многолюдной болтовнѣ,—
Они, связуемые тайной,
Какъ будто все на единѣ!

Потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ жениться вообще, и признавши, что Богу не угодно баловать меня такой нравственной помогой, какую я надѣялся найти въ N N, а угодно, чтобъ я шелъ одинъ и обрекъ себя на монашество сердца,—признавши въ то же время всю правду, всю законность такой Божьей воли, наказующей меня именно въ томъ, въ чемъ я грѣшилъ,—я уже было покорился и задавилъ себя трудомъ, устроилъ свою

жизнь строго, отказался отъ всякихъ наслажденій, я хотѣлъ посвятить себя исключительно служенью общественному, всячески уничтожая и вытравляя свою личность. Но жизнь эта такъ мало походила на жизнь, жизнь стала такъ черства и суха, такъ самъ я сталъ черствѣть въ душѣ и становиться добродѣтельнымъ безъ доброты,—не было благоуханія въ душѣ, не доставало масла моей лампѣ, не было силъ для жизни, не было перспективы, и право я не пожалѣлъ бы о жизни ни минуту, еслибъ пришла смерть. Я уже заранѣе распоряжался всѣми своими бумагами на случай смерти и тосковалъ, что некому мнѣ передать всѣхъ преданій нашего литературнаго дома, всего этого богатаго архива литературной, умственной и гражданской дѣятельности. Есть правда у меня родной племянникъ. сынъ брата, но онъ всего трехъ лѣтъ, а братъ мой Григорій—добрый, честный, славный, дѣльный человѣкъ—развился и жилъ всю жизнь внѣ семьи и внѣ московскихъ духовныхъ интересовъ. У него нѣтъ вовсе дарованій, сдѣлавшихъ нашу семью извѣстною, и поэтому то онъ и держалъ себя постоянно дальше отъ Москвы, занимаясь хозяйствомъ и службой. Онъ старше меня, женился лѣтъ 6 тому назадъ и умѣетъ быть совершенно счастливъ со своей женой. Онъ губернаторъ въ Оренбургской губерніи. Но объ немъ въ другой разъ. Я хотѣлъ только сказать вамъ, въ какомъ безотрадномъ состояніи духа былъ я, безъ ропота, покорившись судьбѣ, признавъ нравственную справедливость ея рѣшеній, но и безъ всякаго счастія, безъ всякой жизни. Я чувствовалъ, что вяну и молилъ Бога, чтобъ онъ не далъ мнѣ упасть духомъ и послалъ мнѣ силы не только для формальнаго исполненія своего долга, но для живой дѣятельности духа производительной и творческой, для того чтобъ совершить достойно подвигъ своего страшнаго сердечнаго одиночества. Потому что сердцемъ я совершенно одинокъ и въ своей семьѣ и въ кругу друзей. Съ друзьями я близокъ по единству направленія и гражданскихъ убѣжденій. Съ Самаринымъ сердечной интимности не только у меня, но и у брата моего покойнаго — его сверстника и друга, никогда не было. Частная, личная, сердечная даже свѣтская жизнь Самарина была всего менѣе извѣстна Хомякову и брату,—ея они и не касались... И вдругъ пріѣздъ N N сбилъ меня совершенно съ толку, и поѣздка, которая казалась мнѣ потребностью цѣлеб-

ною для моей души, явилась мнѣ излишнею. И Господь такъ неожиданно посылаетъ мнѣ помощницу и подругу и даетъ силы для подвиговъ жизни, для борьбы, для труда. Знаете, — такой даръ... oblige. Налагается большая отвѣтственность передъ Богомъ. Надо оправдать, надо заслужить такую милость во сколько это возможно. Впередъ же, съ Богомъ! Я чувствую на себѣ благую тяготу благости Божіей! Не такъ ли?... Христосъ съ вами, да будетъ его благословеніе надъ вами! Вотъ ужъ бы пожалъ теперь ваши ручки!...

14.

29 Іюня 1865 г. Вторникъ.

Зная, что почта приходитъ рано утромъ. проснулся я самъ собою въ половинѣ 6-го, хотя легъ въ 3 часу ночи и побѣжалъ на почту. Есть! письмо изъ Петербурга! Отъ маменьки нѣтъ письма. Вѣрно она писала въ Таганрогъ, а не въ Ялту или уѣхала къ Троицѣ. Письмо ваше отъ 15 Іюня, въ самый день пріѣзда. Благодарю васъ. Не даромъ вы молились о путешествующихъ—я чувствовалъ, что несется за мной по волнамъ чья-то молитва, я какъ то смѣло и бодро опирался на чью-то молитву. О еслибъ вы испытывали то же ощущеніе! Какъ хорошъ молебенъ о путешествующихъ! Люди молятъ о хорошемъ шоссе,— Азъ есмь путь, говоритъ Христосъ. Такъ и все. Вотъ почему мнѣ всегда было непонятно молиться о житейскомъ счастіи во имя счастія только. Еслибъ меня постигла бѣда въ пути и я умеръ хорошею кончиною, — можетъ быть это и былъ бы настоящій путь, можетъ быть молитва достигла бы только тогда настоящей цѣли, а не той, которая видится сквозь призму человѣческой конечности и ограниченности. Чтобъ не было такихъ постоянныхъ недоразумѣній mal entendus между человѣкомъ и Богомъ, самое лучшее и вѣрное: молиться: дай намъ необходимое и да будетъ воля Твоя! Какъ я люблю andante и piano душевное, дышащее въ вашемъ письмѣ, и въ соединеніи съ моимъ forte это составляетъ мнѣ кажется гармоническій аккордъ. Спѣшу отправить письмо.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

15.

30 Іюня 1865 г. Кучукъ-Узень.

Слава Богу разошлись довольно рано и хотя рано надо встать, но все же пользуясь тѣмъ, что я одинъ, хочу писать вамъ нѣсколько строкъ. Этому письму придется отправиться изъ Симферополя, гдѣ мы будемъ въ Субботу. Перечитывая мысленно ваше письмо—полученное мною отъ 15 Іюня и сравнивая его съ моими письмами, я думаю вы не совсѣмъ будете довольны послѣдними. Но вспомните однако, что я здѣсь купаюсь въ морѣ красоты, что видъ этой природы не можетъ же не производить на меня впечатлѣній, вовсе однакожъ не чувственныхъ,—а чисто поэтическихъ, и что всякое теперь во мнѣ поэтическое возбужденіе естественно примыкаетъ теперь къ одному центру. Но мнѣ очень будетъ больно, и я себѣ никогда не прощу, если мои письма какъ нибудь повредятъ вамъ въ другомъ отношеніи. Наложу на себя подвигъ молчанія и воздержанія, если хотите. Вы можете сами разумѣть, впрочемъ, что что бы я ни испытывалъ, что бы я ни описывалъ, хотя бы и съ фигурой умолчанія — вездѣ и всюду и всегда, во всемъ это лицо—тутъ. Вы пишите въ письмѣ, что вы немного простудились. Надѣюсь, что это не важно, хотя я буду споконъ только тогда, когда получу слѣдующее письмо.—Завтра 1 Іюля. Съ удовольствіемъ помышляю, что 10-го я двинусь въ обратный путь, — и не безъ отвращенія думаю о томъ, что скоро мнѣ придется снова засѣсть за редакцію «Дня»! Такъ онъ блѣденъ этотъ «День» предъ восходящимъ для меня новымъ днемъ моей жизни! Въ письмѣ вашемъ слышится молитвенный строй вашей души. Сохраните его—онъ подаетъ вамъ силы и поставитъ васъ въ другія отношенія къ людямъ, т. е. весь міръ переставится для васъ;—такъ отрадно знать и чувствовать, что вы молитесь. Но не насилуйте себя, не добивайтесь этого строя во чтобы ни стало. Не искажайте вашу личность и вашу духовную природу. Духовная природа людей не можетъ быть подведена къ одному знаменателю,—тутъ нѣтъ общей программы,—тутъ такое же разнообразіе, какъ разнообразіе даровъ. Мнѣ, кажется, случалось вамъ указывать на поэта Св. Григорія Богослова, который не могъ вынести архіерейскаго званія съ его

гражданскою обстановкою, съ его пошлостью и дипломатичностью, и оставилъ каѳедру, несмотря на упреки и просьбы его друга, Василія Великаго, великаго мудреца и администратора. Примѣровъ бездна. Я хочу только сказать этими примѣрами, что не слѣдуетъ преслѣдовать и вытравлять въ себѣ всякое въ сущности недурное, душевное движеніе: иначе вы лишите себя внутренней свободы. Но это только предостереженіе, по всей вѣроятности даже лишнее. Если въ васъ теперь живетъ молитвенное расположеніе—пусть живетъ и святитъ васъ, наполняя вашу душевную храмину благоуханіемъ. Но такъ какъ, по словамъ самаго Исаака Сирянина кажется, такое состояніе душевное не можетъ продолжаться всегда и постоянно, то вы не должны, еслибъ вдругъ вы перестали бы осязательно ощущать въ себѣ такой молитвенный строй, приходить отъ того въ отчаяніе и упадокъ духа. Пусть молитвенный строй оставитъ прочный слѣдъ на мысли, на убѣжденіи, на волѣ человѣка, которому разумъ данъ Богомъ,—прочный слѣдъ въ жизни,—пусть онъ осолитъ васъ, а самъ можетъ иногда испариться и улетучиваться. Вы этого не бойтесь. Впрочемъ повторяю—это къ вамъ собственно теперь и не относится, но все же примите это къ свѣдѣнію. Передъ отъѣздомъ моимъ маменька служила молебный о путешествующихъ въ Благовѣщенскомъ Соборѣ (тутъ есть на стѣнѣ особенный образъ Спаса). Меня поразило Евангеліе этого молебна «Азъ есмь путь и животъ, и никто не пріидетъ къ Отцу, развѣ Мною». Чудное Евангеліе, которое объясняетъ истинный смыслъ отношеній человѣческой молитвы къ Богу, или такъ сказать преломленіе лучей молитвы въ высшей атмосферѣ божества. Я шутя употребилъ въ послѣднемъ письмѣ выраженіе: mal-entendu между Богомъ и человѣкомъ, но это выраженіе заключаетъ въ себѣ цѣлую мысль. Это вовсе не значитъ, чтобъ я не допускалъ молитвы о плавающихъ, недугующихъ и пр. и вообще партикуляризма въ молитвѣ: пусть такая молитва имѣетъ мѣсто, какъ бесѣда души съ Богомъ, какъ довѣрчивое откровенно-дѣтское отношеніе человѣка къ Богу, какъ движеніе души,—но все это должно быть подчинено одной общей высшей идеѣ: «да будетъ Воля Твоя»; этими словами должна заканчиваться всякая такая партикулярная и спеціальная просительная молитва... Но пора кончить. До завтра. Не забудьте карточки.

16.

Четвергъ, 10 часовъ вечера, 1 Іюля. Алушта.

Вотъ гдѣ продолжаю я свое письмо къ вамъ, вотъ куда меня перебросило. Сижу теперь на станціи, въ станціонномъ домѣ, сестра прилегла отдохнуть а я вытащилъ свои письменные снаряды. Я это люблю. Я столько ѣздилъ по Россіи и привыкъ къ этимъ остановкамъ на станціяхъ: временное часовое жилище,—принесутъ самоваръ, и станетъ этотъ уголъ вдругъ своимъ, такъ наполнишь, населишь его собой, своими думами и мечтами,—перо, чернила, бумага подъ бокомъ—и весь твой міръ тутъ, съ тобой. Но нужно вамъ кое что разсказать о нашемъ путешествіи. Это стоитъ того. Я уже писалъ вамъ, что мы отправились въ объѣздъ по Южному берегу, а также Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Балаклава, Байдары и др. Такъ какъ своего экипажа у насъ нѣтъ, а на почтѣ другихъ не имѣется, кромѣ телѣгъ, то мы наняли лошадей съ экипажемъ,—что удобно, потому что надо же отдыхать. Везетъ насъ самъ хозяинъ экипажа и лошадей, очень оригинальный господинъ. Онъ крещеный Татаринъ, Александръ Михайловичъ Касимовъ: очень образованный человѣкъ, владѣющій превосходно семью языками, жившій довольно долго и за-границей. Дѣло въ томъ, что его, маленькаго татарченка, выпросилъ у отца, по своей прихоти барской, графъ Мих. Дм. Толстой, чтобъ воспитывать его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. И воспитывался молодой татаринъ вмѣстѣ съ молодымъ графомъ, ѣздилъ съ ними за-границу, выдержалъ даже экзаменъ для поступленія въ университетъ. Но такъ какъ учился онъ гораздо блистательнѣе сына графа Толстого, то это уже охладило къ Касимову отношеніе родителей Толстыхъ. Тутъ примѣшалась какая-то исторія, страсть къ картамъ, страсть къ какой-то женщинѣ, однимъ словомъ Толстой отказалъ ему въ содержаніи и Касимовъ остался одинъ, на улицѣ, безъ средствъ. Хотѣлъ было поступить въ военную службу—не удалось, и послѣ разныхъ попытокъ кончилось тѣмъ, что онъ женился въ Одессѣ и возвратился на родину, въ Ялту,—гдѣ (т. е. около Ялты) живутъ его родные братья—татары. Тутъ находился онъ около 10 лѣтъ и—то производствомъ кумыса, то коммисіонерствомъ, то въ качествѣ уп-

равляющаго, повѣреннаго, chargé d'affaires, составилъ себѣ маленькое состояніе, и когда есть время, а другихъ люкративныхъ занятій нѣтъ, ѣздитъ съ путешественниками въ качествѣ кучера и чичероне. Такой кучеръ очень неудобенъ, при немъ ни по каковски говорить нельзя, онъ все понимаетъ,—неудобенъ и потому, что не знаешь, какъ съ нимъ обращаться, но онъ держитъ себя такъ умно и ловко, что ставитъ васъ à votre aise совершенно. Я попалъ на него на улицѣ случайно и узналъ всю эту исторію отъ него дорогой. Но его приличный видъ съ самаго начала побудилъ меня къ такому вѣжливому съ нимъ обращенію, что мнѣ не пришлось измѣнить моего обращенія, узнавши его исторію. И такъ во Вторникъ, по палящему жару отправились мы съ нимъ въ Алушту съ тѣмъ, чтобъ отдохнувши часа 4 въ Алуштѣ, пуститься въ сторону, въ Кучукъ-Узень, къ Княжевичамъ. Странно было мнѣ ѣхать къ нимъ,—такъ какъ ни они меня, ни я ихъ, другъ друга мы не очень-то любимъ. Но все это дѣлается во имя отцовской дружбы. Александръ Максимовичъ (старикъ) имѣетъ то несомнѣнное достоинство, что онъ отличный товарищъ и вѣрнѣйшій другъ. Въ теченіи 60 лѣтъ онъ сохранялъ къ отцу моему неизмѣнную товарищескую преданность. Затѣмъ ничего общаго между ними не было, а между мной и имъ или его семействомъ еще менѣе. Племянники его дрянь люди, хотя всѣ болѣе или менѣе сохранили черты Княжевическаго радушія и гостепріимства. Но мнѣ у нихъ всегда тяжело и душно, потому что приходится избѣгать разговоровъ о честности, правдѣ, прямотѣ, и т. п. Оба племянника имѣютъ прескверную репутацію. Тѣмъ не менѣе надо было отправиться. Шоссе кончается въ Алуштѣ,—прежде въ Кучукъ-Узень можно было попасть только лодкой по морю или верхомъ черезъ горы,—но сестра, послѣ своихъ страданій на морѣ, не рѣшилась плыть три часа по морю, а верхомъ она не ѣздитъ, да и переѣздъ слишкомъ тяжелъ. Оставалось ѣхать по вновь сдѣланной дорогѣ, которую пробили только съ годъ тому назадъ, желая довести ее до Судака и довели только до Кучукъ-Узеня. Мы и отправились. Но дорога оказалась ужасною, съ горы на горы и по самымъ высокимъ отрогамъ Чатырдага и Дэмержи. Она совершенно того же характера, что и дорога по Южному берегу, также необыкновенно красива, но она очень опасна, потому что перилъ нѣтъ,—вездѣ обрывы,

обвалы, прорвы, такъ что большую часть дороги я долженъ былъ идти пѣшкомъ впередъ. Мѣсяцъ теперь всходитъ довольно поздно, и въ такой то темнотѣ пришлось намъ пробираться по дорогѣ, которая хотя и пробита, но никакой ѣзды по ней не производится и которую размыло весной горными потоками. Я понадѣялся на своего M-r Alexandre Kassimoff,—но онъ ѣзжалъ тутъ только верхомъ. Можно было взять путь кратчайшій,—хотя еще болѣе опасный, но мы его въ темнотѣ не замѣтили и сдѣлали верстъ 15 лишняго крюку. Однимъ словомъ, вмѣсто 29 сдѣлали 45. Ночь была чудная, даже жаркая, мы взбирались на высочайшіе утесы и спускались на самое дно долинъ,—все со 2 половины дороги—и это большею частью пѣшкомъ. Еслибъ не усталость сестры, то я могъ бы только радоваться такому необычайному приключенію. Ночь въ горахъ! Что за пустыня! Ни жилья человѣческаго, ни звѣря, ни птицы. Только кузнечики (цикады) оглашали пустынныя безмолвныя горы своимъ какимъ-то жаркимъ и страстнымъ трещаньемъ. Наконецъ взобрались мы на самый верхній хребетъ. Взошелъ мѣсяцъ. Ничего не видно, кромѣ горъ и моря. Былъ 1 часъ ночи. Сестра отказалась ѣхать далѣе, убѣжденная, что мы сбились съ дороги и объявила, что она тутъ же ночуетъ: мѣсто было удобное: плоскость на вершинѣ горы, окруженная верхами другихъ горъ. Она расположилась на землѣ, на экипажныхъ подушкахъ, а нашего кучера я послалъ впередъ отыскивать дорогу. И тутъ часъ времени провелъ я съ невыразимымъ наслажденіемъ, котораго участницей, въ моей мечтѣ, была конечно N N. Тишь, безмолвіе, пустыня, дикость, первобытность этихъ горъ,—совершенная отрѣшенность отъ міра, отъ людей. . . Понятно, что на горѣ лучше молятся, чѣмъ долу (т. е. внизу). Мнѣ было очень хорошо. Не знаю, что вы испытывали въ это время, можетъ быть крѣпко почивали, но я мысленно бесѣдовалъ съ вами на этой горѣ—отрасли хребта Яйлы, вѣтви Дэмержи. Наконецъ Касимовъ возвратился, объявивъ, что до Кучукъ-Узеня онъ отыскалъ дорогу,—всего верстъ 7. Мы двинулись и часу въ 3-мъ (значитъ уже въ Среду) добрались до мѣста,—гдѣ нашли себѣ пріютъ, не разбудивъ хозяевъ.—Въ Кучукъ-Узенѣ провели мы полтора тягостныхъ дня,—чтобъ дать отдохнуть сестрѣ. Сестра спрашивала Антонина Княжевича о владѣніяхъ вашихъ и граф. Блудовой, и поэтому поводу онъ распространился ей въ подро-

цаніяхъ вашему «дурному характеру», говоря, что всѣ придворные дали вамъ прозваніе «ершъ». Мнѣ очень было пріятно узнать, что Антонинъ Княжевичъ бранитъ васъ: это даже миритъ меня съ нимъ. Эпитетъ ершъ на мой взглядъ—довольно удаченъ и очень лестенъ. Въ немъ слышится мнѣ весь протестъ вашей природы противъ той жизни, которую суждено было вести, противъ лжи, васъ окружающей. Послѣ такого отзыва мнѣ очень забавно вспомнить ту картинку въ Ливадіи, гдѣ вы изображены рядомъ съ Антониномъ Княжевичемъ пѣшкомъ за телѣгой. А между тѣмъ этотъ Антонинъ говорилъ мнѣ объ особенной къ нему милости Божіей, спасшей его вино отъ пожара на Нижегородской ярмаркѣ. «Если люди хвалятся иногда милостями царей, то почему же мнѣ не похвалиться милостью Божіей», и т. д. Вотъ вамъ и поводъ къ размышленію.—Для того, чтобъ дурные и глупые и пошлые люди не очень раздражали васъ-вотъ вѣрное средство: заинтересуйтесь ими, заинтересуйтесь вопросомъ о томъ, куда же сгибло или запропастилось доброе въ нихъ, въ какую сдѣлку или compromis вступила ихъ душа: вообразите себѣ пошлаго, глупаго, дурного въ торжественныя минуты жизни, въ минуты правды, напр. когда онъ искренно влюбленъ, когда онъ умираетъ, и т. д.

Выѣхавши изъ Кучукъ-Узеня въ 5 часу послѣ обѣда, по той же дорогѣ, но выкинувши крюкъ 15 верстъ, въ 9 часовъ вечера были мы въ Алуштѣ. Ночь была великолѣпна—не жарка и не страстна, какъ обыкновенно на Югѣ,—а торжественно-важна. Я написалъ вамъ письмо, потомъ хотѣлъ прилечь уснуть, но не усидѣлъ въ комнатѣ, вышелъ на балконъ станціи, который прямо выходитъ на море и тамъ просидѣлъ до утра и задремалъ только на разсвѣтѣ. Въ 4 часу утра мы отправились дальше, перевалили черезъ Чатырдагъ и въ 10 часу пріѣхали въ Симферополь, откуда я вамъ и пишу. Я не забуду этой ночи въ Алуштѣ, такая она была молитвенная! Хорошо не спать въ такую ночь,—глазъ на глазъ, въ tête-à-tête съ Творцомъ, съ Твореніемъ, со всѣми чудами Божьими,—съ самимъ собой, съ своей собственной душой. Какъ искренно и легко исповѣдуется душа въ эти минуты! Неужели же она лжетъ и тутъ? Лжетъ поэтически? и все это не болѣе, какъ художественное впечатлѣніе? Кто-же дастъ мнѣ правды, правды моей душѣ?... Я рѣшилъ, что это вы. Будемте правдой другъ для друга!...

Пріѣхавши въ Симферополь, я отправился на почту и пользуясь обаяніемъ имени редактора и литератора, склонилъ почтмейстера, сдѣлать маленькую незаконность, распечатать постъпакетъ адресованный изъ Петербурга и Москвы въ Ялту и запечатываемый уже въ Петербургѣ и Москвѣ. Распечатали и оказалось ваше письмо отъ 17 Іюня, посланное въ Москву съ графиней-Блудовой, но отправленное съ адресомъ руки Екатерины Ѳеодоровны—только 22-го Іюня! Еслибъ я не перехватилъ его здѣсь, такъ я бы получилъ его только черезъ 4 дня. Это второе ваше письмо. Тотчасъ же и отвѣчаю. Я очень доволенъ вашимъ письмомъ, доволенъ его трезвымъ характеромъ. Не на каменистую почву падаетъ сѣмя—или слово въ вашей душѣ. Все что вы пишите о молчаніи вполнѣ согласно съ моими собственными мыслями и словами. О какъ хорошо помолчать иной разъ, и какъ правы вы, говоря, что многіе дары не дозрѣваютъ и скудѣетъ творчество въ человѣкѣ—оттого, что не выноситъ ихъ человѣкъ въ тайникѣ своей души! Исаакъ Сирянинъ говоритъ: «сподобившійся бесѣды съ самимъ собою лучше есть сподобившагося бесѣды съ Ангелами». Не правда ли, какъ хорошо и глубоко это слово. Вы не подумайте однако, что я прочелъ всего Исаака Сирянина, но я прочелъ отрывки изъ него. А стыдно, что мы такъ мало знакомы съ этой литературой. Я бы очень охотно познакомился съ ней съ вами вмѣстѣ, если только вы будете на это согласны,—разумѣется не теперь, а со временемъ... Если у васъ есть Творенія Свв. Отцовъ въ русскомъ переводѣ, то возьмите ту часть, гдѣ стихи (въ прозѣ) Григорія Богослова и прочтите его стихи о молчаніи. Онъ наложилъ на себя чуть ли не на два года обѣтъ молчанія и разсказываетъ въ стихахъ ощущеніе молчанія.—Но васъ прошу не накладывать на себя обѣта молчанія относительно меня. Погодите... Какъ радъ я, что вамъ не страшно, что вамъ мирно. Только прошу васъ не скрывать отъ меня ничего, что вамъ не нравится во мнѣ или въ моихъ письмахъ. Не годится—брошу, а годится—воспользуюсь. Прощайте же, моя правда. Пора это письмо сдать на почту и нынче же вечеромъ поспѣть въ Бахчисарай, гдѣ и ночевать. Вы говѣли. Поздравляю васъ. Мнѣ это очень отрадно было узнать. Прощайте.

Симферополь. 2 Іюля Пятница.

17.

1865 г. Іюля 3-го, 11 часовъ вечера. Севастополь.

Въ 9 часу вечера пріѣхали мы въ Севастополь, переправились черезъ бухту съ Сѣверной стороны на Южную, гдѣ и остановились въ гостинницѣ Ветцеля. Здѣсь такъ тяжело, такъ обидно, такъ ноетъ здѣсь русское сердце, что ни о чемъ иномъ ни говорить, ни думать нельзя. Я впрочемъ ужъ не въ первый разъ въ Севастополѣ. Я его подробно разсматривалъ на другой годъ послѣ войны, въ 1856 году, и ужъ не помню къ кому, но написалъ тогда всѣ свои впечатлѣнія въ письмахъ. Тогда эти развалины были еще свѣжи, раны такъ сказать еще сіяли и сочились кровью, событіе историческое еще не отодвинулось въ даль, а было животрепещущимъ настоящимъ. Я помню также ваши письма изъ Севастополя. Завтра посѣщу могилы и отслужу панихиду. Мы пріѣхали вечеромъ, и какъ здѣсь сумерекъ нѣтъ, а темнота ниспадаетъ внезапно, то видъ разрушенія былъ скрытъ отъ насъ. Но довольно знать, что я въ Севастополѣ. И какъ не идетъ къ Севастополю эта превосходная гостинница, въ которой мы помѣстились, и кое-гдѣ мѣстами какіе-то лоскутья живой жизни. Очень мало, но все же нѣсколько домовъ обстроилось, по бульвару гуляютъ дамы,—слышны разговоры,—хохотъ, кое гдѣ бренчанье музыки. Что нибудь одно: или Севастополь долженъ быть отстроенъ заново, со всѣми своими укрѣпленіями, воскреснуть такою же грозною твердынею, какъ прежде, или же остаться памятникомъ великой борьбы народовъ, громадною усыпальницею, каменнымъ эпическимъ сказаніемъ. Потому что Севастопольскій эпизодъ въ современной исторіи—это какой то отрывокъ изъ героическаго періода, это эпосъ. Но какъ ни быстро уходитъ Севастополь въ прошлое, все же долго, долго пройдетъ, пока онъ станетъ въ такой исторической перспективѣ, что Русскій способенъ будетъ отнестись къ нему, если не равнодушно, то только поэтически, и что эти развалины покроются для него почтеннымъ мхомъ исторіи, перестанутъ вопіять объ оскорбленіи народной чести, о сотняхъ тысячей падшихъ братій, а будутъ служить поводомъ къ назидательнымъ размышленіямъ. Теперь вѣроятно уже уничтожились слѣды хозяйничанья чужеземцевъ въ нашемъ дому, ихъ над-

писи на домахъ, названія улицъ, дороги ими проложенныя, но когда я былъ въ 56 году, все это еще существовало, и отъ всего этого краска стыда и негодованія бросались въ лицо. И какъ мы легко перенесли этотъ позоръ! Правда добыто столько славы при томъ, и такъ сильно было сознаніе своихъ грѣховъ, что мы смиренно признали себя заслужившими казнь,—но тѣмъ болѣе должны бы мы были почтить тѣхъ, кто палъ искупительною жертвой. Древняя Русь непремѣнно бы установила въ день сдачи Севастополя панихидное служеніе по всей Россіи. Знаете ли вы Дмитріевскую поминальную Субботу—въ началѣ Сентября. Ее знаетъ каждый мужикъ, хотя и не знаетъ, почему она установлена. Она установлена Дмитріемъ Донскимъ послѣ Куликовской битвы въ память всѣхъ погибшихъ на этой битвѣ. Не «торжество», не «кавалерійскій праздникъ», какіе установляются у насъ съ Петра—хоть бы въ честь Полтавской побѣды или взятія Парижа,—а смиренное поминаніе. Посмотрю завтра и иностранныя кладбища. Это послѣднее меня не возмущаетъ. Какъ будто всѣ народы, участвовавшіе въ кровавой борьбѣ, по окончаніи борьбы, пришли въ ужасъ сами отъ совершившагося истребленія человѣковъ,—борцы ушли, оставивъ по себѣ безмолвныя кладбища и Ангеловъ смерти ихъ сторожащихъ. Станы воюющихъ враговъ — превратились въ станы мертвыхъ. Здѣсь и теперь, какъ и прежде есть и Французы и Англичане и Сардинцы и Турки, и Русскіе,—но не живые, а мертвые. Будь Русскій человѣкъ менѣе христіанинъ православный, онъ бы непремѣнно сложилъ бы легенду, что по ночамъ въ 12 часовъ—встаютъ изъ гробовъ павшіе прдставители народовъ, и начинается снова жаркая сѣча, и палятъ невидимыя орудія и пр. и пр. Но Русскій человѣкъ простой—вѣритъ, что за гробомъ вражды нѣтъ и враждовавшіе тамъ помирились...

Какъ мы пріѣхали, вечеръ былъ великолѣпный. Правда, сверкали вдали не то молнія, не то зарница, но было необыкновенно тихо и огни на судахъ отражались спокойно въ бухтѣ. А теперь вдругъ поднялась буря, вѣтеръ такъ и рветъ окна, дождь, молнія. Не удивляйтесь, если письмо будетъ нѣсколько испачкано. До начала бури, окна у меня были открыты и на огонь налетѣла цѣлая туча москитосовъ или мосхитовъ,—теперь они такъ и облипаютъ бумагу, и несносно кусаются, хотя и не опасно...

Я не могу здѣсь не думать о простомъ солдатѣ, о «нижнемъ чинѣ», какъ его у насъ офиціально называютъ. Въ реляціяхъ о битвахъ офицеры обыкновенно называются по именамъ, а о солдатахъ пишется: «нижняго чина убито столько то». Нижній чинъ безличенъ и погибая не удостоивается собственнаго личнаго имени, а только нарицательнаго, опредѣляющаго родъ, éspèce. Между тѣмъ всѣ единицы этого рода, всѣ отдѣльныя личности—пережившія каждая личную свою драму передъ смертью, съ личною отвѣтственностью передъ Богомъ. Засыпаютъ ихъ въ общую могилу. Я давно собирался написать стихотвореніе, — не забудьте — прошу васъ — мнѣ о немъ напомнить потомъ когда нибудь, подъ заглавіемъ «нижній чинъ», гдѣ говорю объ утѣшительной мысли, что вся эта толпа для насъ—для Бога человѣческія души, и что каждая изъ нихъ затерянная здѣсь во «множествѣ многомъ»—

«Отыщется въ день судный передъ Богомъ.»

Нравится ли вамъ это?

А вчера уѣзжая изъ Симферополя, я заѣхалъ опять на почту, опустилъ письмо къ вамъ,—и какое счастіе!—получаю еще письмо отъ васъ! Въ промежутокъ времени, что я былъ на почтѣ утромъ и получилъ ваше второе письмо, опять пришла почта и почтмейстеръ задержалъ Ялтскій постпакетъ, и нашелъ тамъ еще письмо ко мнѣ—третье. Такимъ образомъ я получилъ вчера два письма отъ васъ, всего три. Благодарю, благодарю. Дорогой въ экипажѣ, я поспѣшилъ его прочесть, а пріѣхавши въ Бахчисарай—перечелъ его снова. И знаете, гдѣ я его прочелъ. Я имѣлъ письмецо къ Шостаку, здѣшнему городничему, да наконецъ я и самъ былъ и ночевалъ у него во дворцѣ въ 56 году,—и намъ тотчасъ же дали помѣщеніе на ночь во дворцѣ, потому что въ городѣ негдѣ останавливаться. Мнѣ отвели комнату—«гдѣ спала фрейлина Тютчева», а сестрѣ комнату Великой Княжны. И такъ въ той же комнатѣ, и можетъ быть и на томъ же диванѣ гдѣ вы почивали тогда,—усѣлся я и перечелъ ваши письма,—перечелъ медленно, медленно,—подъ журчаніе Бахчисарайскихъ фонтановъ. Не правда ли, какъ это странно?

Я очень доволенъ вашими письмами. Говорю «доволенъ» не въ смыслѣ похвалы вамъ, а въ томъ смыслѣ, что они даютъ

моей душѣ тоже bien-être, какимъ исполнена ваша. Прочитавъ ихъ, мнѣ дѣлается хорошо, мирно,—а этотъ элементъ чуждъ и новъ моей душѣ. Мятежъ и тревога—вотъ собственно тотъ элементъ, въ которомъ я пребываю съ тѣхъ поръ, какъ себя знаю. Я этотъ мятежъ даже поэтизировалъ, называлъ его «святымъ» и «законнымъ»...

Но я предѣлы наложу
Души святому мятежу, и т. д.

Но тѣмъ менѣе я всегда признавалъ, что миръ есть высшее состояніе духа, что мятежъ не мудрость, а человѣкъ долженъ къ ней стремиться, а начало премудрости, говоритъ Сирахъ кажется, страхъ Господень. Онъ же, сколько помню говоритъ въ другомъ мѣстѣ, «начало премудрости—пожелать премудрости». Я очень люблю этого Сираха и Соломона. Я предполагаю со временемъ, на досугѣ, перечесть ихъ съ вами. — Итакъ, если мы оба не мирные стремились къ миру и наконецъ обрѣли его, то изъ этого выходитъ, что соединеніе нашихъ душъ, le contact de nos âmes—производитъ гармонію, и каждый пополняется другимъ и находитъ въ другомъ что̀ ему на потребу. Читая ваши письма—я чувствую себя въ своей Heimath-gesucht, geahnt und hingethant, — чувствую себя въ безопасности—въ нравственной стихіи. Обращаюсь къ вашимъ письмамъ.

Вашъ часъ дня и мой любимый часъ, хотя съ нимъ къ сожалѣнію у меня не связано никакихъ воспоминаній, потому что дѣтство свое я провелъ большею частью въ городѣ и въ этотъ часъ у насъ всегда садились обѣдать. Этотъ часъ—послѣ вечерень, и я всегда любилъ то особенное освѣщеніе, которое онъ давалъ Москвѣ, и тѣ косвенные лучи солнца. Это часъ, когда сваливается жаръ и улегается вѣтеръ. Впрочемъ лучше васъ прочувствовать и описать этотъ часъ трудно. Въ Россіи, повторяю, этотъ часъ приходится какъ разъ послѣ вечерень; вы знаете вѣдь, что простой народъ мѣряетъ время не часами, а временемъ службы: около обѣдень, около вечерень. Мнѣ хотѣлось описать этотъ часъ въ «Бродягѣ», я и началъ было, но долженъ былъ поспѣшить къ вечеру, чтобъ пріурочить свою картину къ крестьянскому быту.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада,
Длинный день кончаетъ рядъ заботъ, и т. д.

Чудный, поэтическій часъ, который конечно мнѣ теперь вдесятеро дороже: образъ маленькой дѣвочки, выходящей гулять въ этотъ часъ со своей нянькой, теперь такъ запечатлѣлся въ моей душѣ, что его оттуда не вырвешь, и образъ этотъ отнынѣ неотложно будетъ возникать во мнѣ въ этотъ часъ... Что дѣлать — сердитесь не сердитесь, а это такъ. Что касается до юга, то наши мнѣнія въ этомъ сходны: одно я скажу—море и горы, какъ проявленіе силы и величія, какъ колоссальное совмѣщеніе могущества и тайны — сильно поднимаютъ душу, и отъ времени до времени я чувствую въ себѣ потребность взойти на гору и взглянуть на море, т. е. ощущить почти осязательно и физически—безпредѣльность. Впрочемъ и то сказать: море и горы не составляютъ принадлежности Юга, — тоже самое можно имѣть и на Сѣверѣ, хоть бы въ Финляндіи, но однакожъ не среди кочекъ и болотъ. Но я люблю нашу Сѣверную природу, какъ она есть безъ schöne Aussicht, безъ belle vue, особенно въ то время года и въ тѣ часы дня, когда она нѣжна, ласкова и смиренна. Я не люблю Южной природы за ея чувственность, точно также какъ не люблю и Южныхъ—страстныхъ и чувственныхъ людей. На Югѣ человѣкъ дѣлается самъ частью природы, красивымъ животнымъ, а не господиномъ ея, какъ онъ является на Сѣверѣ. Вообще я не люблю, когда въ человѣкѣ слишкомъ много породы, ce qu' on appelle race pur sang, какъ въ лошадяхъ, слишкомъ много физичности; въ нашемъ Сѣверномъ человѣкѣ, въ его обликѣ гораздо болѣе обще-человѣческаго, болѣе духовности. Въ Южной женщинѣ много страсти, — но нѣтъ нѣжности, нѣтъ доброты. А выше всего доброта! Въ этомъ случаѣ я вполнѣ схожусь съ Русскимъ народомъ, который такъ высоко цѣнитъ доброту, что готовъ простить изъ за нее много грѣховъ... Въ Бессарабіи, я помню, мнѣ случалось встрѣчать въ толпѣ Валаховъ, Цыганъ и Молдаванъ съ черными сверкающими какъ уголь глазами, съ горбатыми носами, съ черными какъ смоль волосами, съ мохнатою раскрытою грудью — однимъ словомъ, картинными людьми; думаешь—вотъ сила, вотъ герои,—встрѣчать между ними бѣлобрысаго, бѣлокураго, невысокаго русскаго мужичка, съ благообразной физіономіей, спокойной, доброй, разумной —и чувствовалось: вотъ сила, вотъ человѣкъ, а то звѣри,—вотъ господинъ, которому эти твари должны быть покорны, —оно такъ и есть.

Выше всего духъ, а духъ въ Южномъ человѣкѣ угнетенъ его природой, и душа у него какая-то чувственная. Разумѣется и на Югѣ точно также возможно освобожденіе духа, какъ на Сѣверѣ его огрубѣніе, но мы говоримъ здѣсь про типъ, про породу. И какъ я любуюсь, смотря на N N, что въ ней нѣтъ этой животной породистости, этой знойной красоты, что въ ней мало тѣлесности, что она не belle-femme, что въ ней такое преобладаніе духа! Вся она крошечная, умѣстится на одной моей ладони, легче перышка,—но если свѣтильникъ тѣлу есть око, такъ вся она освящается данными ей двумя свѣтильниками. Ахъ эти глаза! маленькіе, но искрящіеся такимъ свѣтомъ! Какъ я люблю эти глаза, полюбилъ ихъ съ самаго перваго дня знакомства. Вся она, эта N N, сосудъ скудельный, — но духомъ горяще, Господу работающе! Вы скажете: опять я идеализирую. Да, идеализирую, потому что безъ идеализаціи невозможны никакія личныя отношенія къ людямъ. Т. е. это значитъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть его идеалъ, — его же внутренняя истинная физіономія, его типъ, его лучшее, относительно котораго самъ человѣкъ можетъ быть невѣренъ. Я могу быть хуже меня самого, вы можете быть хуже васъ самихъ, но для меня важно именно это его самое въ человѣкѣ. Вы не такая, но такою вы должны быть, и если никогда не достигается полнота идеала, то вѣдь стремленій къ этому идеалу вы въ себѣ отрицать не можете.

Я писалъ это письмо, выжидая пока стихнетъ страшный вѣтеръ, мѣшающій нашей переправѣ съ Южной стороны на Сѣверную сторону Севастополя, чтобъ осмотрѣть кладбище Русское и новую церковь. Не дождавшись тихой погоды, мы рѣшились отправиться въ объѣздъ: это цѣлыхъ 15 верстъ и мы доѣхали до кладбища уже въ 8 часовъ вечера. Какое сильное, глубокое производитъ оно впечатлѣніе. Тутъ и Горчаковъ, и генералы и солдаты: послѣдніе въ общихъ могилахъ, крытыхъ одной плитой, въ видѣ пирамидальной крыши. И много ихъ этихъ бѣлыхъ плитъ. Это кладбище павшихъ или умершихъ— не за себя, а за нѣчто высшее себя, не съ заботами о своемъ личномъ духовномъ спасеніи, а съ заботами о спасеніи отечества, родной земли, повергая участь своей души милосердію Божію. Всѣ они, эти храбрые и благородные, послужили идеѣ общаго, поглотившей эгоизмъ личности въ нихъ. Въ виду раз-

рушеннаго Севастополя краснорѣчиво это нѣмое кладбище,—и почти оттуда же видпѣются кладбища иностранныя—каждая нація въ своей оградѣ. Не брань, не битва, не cliquetis, не звукъ сѣчи, копій, сабель, пушекъ раздается въ тишинѣ, а ведутъ эти кладбища будто бесѣду нѣмую между собою. И легли они эти борцы, а разрѣшеніе вопроса таитъ про себя исторія... Церковь мнѣ понравилась. Она устроена вся въ видѣ памятника.

Полонъ всякихъ и патріотическихъ и религіозныхъ и философскихъ думъ, поѣхалъ я, когда уже стемнѣло, съ сестрой въ Балаклаву. Ѣхали все по «Французскому (т. е. Французами устроенному) шоссе! Доплелись до Балаклавы въ 1 часу ночи на Понедѣльникъ (5 Іюля). Заснуть не было никакой возможности отъ множества блохъ и насѣкомыхъ, въ 4 часу утра отправились мы въ Георгіевскій монастырь, гдѣ отстояли заутреню и возвратившись въ Балаклаву продолжали путь на почтовыхъ и чрезъ Байдарскія ворота, часу въ 5-мъ, въ вашемъ часу, пріѣхали въ Мисхоръ, гдѣ и остановились, по настоятельному приглашенію, у моихъ знакомыхъ Данилевскихъ, занимающихъ здѣсь два домика. Здѣсь мы и останемся вплоть до нашего отъѣзда, который воспослѣдуетъ дней черезъ 5, т. е. въ Субботу. Я довольно усталъ отъ объѣзда по Крыму: мы ѣздили ровно недѣлю въ экипажѣ открытомъ и довольно неспокойномъ, съ разными дорожными приключеніями. Пріѣхавши. выкупался въ морѣ, погулялъ по саду вмѣстѣ съ хозяевами. поужиналъ съ ними, и пришелъ въ свою комнату, чтобъ докончить письмо къ вамъ. Но усталость беретъ свое, сонъ сильно клонитъ, а мнѣ предстоитъ завтра же утромъ съѣздить въ Ялту, отдать на почту это письмо, и можетъ быть еще получить отъ васъ. Насъ съ сестрой очень безпокоитъ то, что до сихъ поръ отъ маменьки нѣтъ ни писемъ, ни извѣстій. Мы уже послали телеграмму изъ Симферополя, прося отвѣчать въ Ливадію (дальше телеграфъ никуда не доходитъ). Завтра заѣду на телеграфъ въ Ливадіи, чтобъ узнать нѣтъ ли отвѣта. Поэтому прощайте. Не извольте сердиться, если находите мои письма слишкомъ длинными и болтливыми. Я еще не дошелъ до того, чтобъ писать къ вамъ и къ N N письма коротенькія, но надѣюсь, что дойду. Еще одно письмо я напишу вамъ изъ Ялты, въ Пятницу 10 Іюля. Прощайте. Христосъ съ вами. Скажите

N N, что я крѣпко, крѣпко сжимаю ея ручки въ моей, и что съ завтрашняго же дня начну новую бесѣду, отвѣчая на письма. Прощайте же, тихое счастье мое.

18.

Мисхоръ, 6 Іюля, 11 часовъ вечера.

Нынѣшняя почта въ Ялтѣ не привезла мнѣ отъ васъ писемъ,—за то мы получили наконецъ письма отъ своихъ и отвѣтъ на посланную нами телеграмму. Оказывается, что одна изъ моихъ сестеръ заболѣла воспаленіемъ въ легкихъ или чѣмъ-то въ родѣ этого, и хотя телеграфъ отъ нынѣшняго числа извѣщаетъ, что ей лучше, но сестру и меня это очень тревожитъ и безпокоитъ. Воспаленіе въ легкихъ вылѣчивать не трудно,—но опасны бываютъ послѣдствія. Мы же такъ напуганы и знаемъ по опыту, какъ самые крѣпкіе организмы, самыя крѣпкія груди легко подвергаются чахоткѣ. Вслѣдствіе этого мы еще ускорили днемъ свой отъѣздъ и выѣзжаемъ отсюда 8,—9-го будемъ въ Симферополѣ, перехватываемъ тамъ двѣ почты, направленныя въ Ялту, и поспѣшимъ въ Екатеринославъ, гдѣ, кромѣ писемъ, будетъ насъ ждать и телеграмма. Отъ содержанія этой телеграммы будетъ зависѣть—направимся ли мы прямо въ Москву черезъ Харьковъ, или же поѣдемъ сначала въ Кіевъ. Богъ милостивъ, опасность минуетъ, но все же это значительно смутило душевное состояніе. — Я вамъ пишу, а на дворѣ гроза, сильный дождь. Мнѣ очень бы хотѣлось знать — одобряете ли вы мою мысль о пріѣздѣ въ Петербургъ?—надѣюсь найти отвѣтъ на этотъ вопросъ по возвращеніи въ Москву. Если одобряете, то укажите—какъ, когда и гдѣ можно надѣяться васъ видѣть. По мѣрѣ того, какъ приближается срокъ окончанія моего отпуска, сумрачнѣе становится у меня на душѣ. Предстоитъ усиленная редакторская дѣятельность въ то время, какъ я наименѣе къ ней способенъ, потому что не могу отдаться ей вполнѣ всею душою, со всѣми ея помыслами и помышленіями. Но и это бы еще ничего, еслибъ впереди предстояло мнѣ что нибудь вѣрное, опредѣленное для устройства моихъ дѣлъ. Тянуть дѣло, отлагать окончательную развязку не только мучительно, но и неудобно. Мы оба можемъ очутиться въ очень фальшивомъ положеніи... Лично, относительно себя, я былъ на этотъ

счетъ очень безпеченъ, но теперь, теперь... Видѣть любимаго человѣка въ стѣсненіи и нуждѣ — это невыносимо. Впрочемъ объ этомъ надо думать на мѣстѣ въ Москвѣ, когда получу письмо отъ брата и соображу все положеніе дѣлъ... Нынче я какъ то смущенъ и мнѣ не пишется, къ тому же очень усталъ: были въ Алупкѣ, все ходили и осматривали. Какъ бы мнѣ нужно было бы теперь почувствовать руку N N въ моей рукѣ, какъ бы это меня оживило! Я цѣню ваше желаніе воздерживаться и молчать, но сдѣлайте милость не молчите со мною. Мнѣ теперь нужна бесѣда съ вами.

19.

Среда вечеромъ, 7 Іюля.

Какой прекрасный сѣрый день нынче въ Крыму! Сѣрый, ненастный, теплый день—это здѣсь рѣдкость, и какъ отдыхаетъ глазъ послѣ неумолимаго, по вашему выраженію свѣта,— и какъ дышется легко, и какъ смотрится легко на эту присмирѣвшую, скромную природу. Точно будто ослабили туго натянутыя нити, отпустили душевное напряженное состояніе. Я люблю такіе деньки. Въ минуты рѣдкія досуга отъ моихъ необыкновенно привѣтливыхъ и гостепріимныхъ хозяевъ, я, чтобъ еще лучше себя настроить, уходилъ къ себѣ, перечитывалъ послѣднія ваши письма и какъ то самъ умирялся и свѣтлѣлъ духомъ.—Но какъ бы это сдѣлать, Анна Ѳеодоровна, чтобы испытывая благодатное ощущеніе мира, теплоты, свѣта въ душѣ, не замѣчать его, или по крайней мѣрѣ не дѣлать его предметомъ своего сознанія, но становиться къ нему въ объективное отношеніе, какъ будто оно внѣ васъ и вы отъ него свободны? Не нужно бы его ни описывать, ни объ немъ говорить слишкомъ много, а я чуть было не принялся писать стиховъ о томъ, какъ миръ водворяется въ душу, и что это такое за ощущеніе тишины. Я воздержался отъ стиховъ, предпочитая сохраненіе мира стихамъ и боясь, что писаньемъ стиховъ я его прогоню, т. е. какъ бы расквитаюсь съ нимъ и удовлетворюсь его поэтическимъ образомъ, а не реальною сущностью. Мнѣ приходится самому брать противъ себя предосторожности какъ противъ поэта. Неправда ли, какъ странна такая двойственность, и не вредитъ ли во мнѣ поэтъ положительному человѣку,

а положительный человѣкъ поэту? Вредитъ, одинъ мѣшаетъ другому. Одинъ и тотъ же человѣкъ пишетъ «Бродягу» и изслѣдованія «О торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ». Оба сочиненія имѣютъ успѣхъ, послѣднее вѣнчано два раза преміями, удостоено золотой медали, признано классическимъ, но изъ меня не вышло статистика, полюбившаго это дѣло, а «Бродяга» остался недоконченнымъ и какъ поэтъ я не произвелъ ничего крупнаго. Правда въ изслѣдованіи о ярмаркахъ видно присутствіе художественнаго элемента въ изслѣдователѣ и такое приложеніе поэтическаго откровенія къ статистикѣ было не безплодно для дѣла,—но одолѣвъ поэтическимъ штурмомъ весь огромный статистическій матеріалъ и написавъ въ 6 недѣль книгу въ 400 печатныхъ страницъ (правда не отрываясь отъ работы. работая даже и цѣлыя ночи на пролетъ),—я, повѣрите ли, совѣстно въ этомъ сознаться, знаю теперь самъ эту мою книгу хуже любого другого, ее прочитавшаго. Но я сознаю самъ, что такое поэтическое отношеніе къ труду не есть настоящее отношеніе къ труду для достиженія ученаго прочнаго знанія, и всячески стараюсь избавиться отъ этого недостатка, но еще не избавился, хотя уже стиховъ давно не пишу и чуть ли не утратилъ этой способности совсѣмъ. Эта борьба во мнѣ двухъ этихъ элементовъ, двухъ разныхъ требованій и запросовъ моей натуры и производитъ во мнѣ, между прочимъ, такое безпокойство, мѣшаетъ цѣльности и зрѣлости. Мнѣ кажется, что NN, внося гармонію и миръ въ мою душу, дастъ мнѣ возможность разрѣшить проблему, и поставить противоположные во мнѣ элементы не во враждебныя, другъ другу мѣшающія отношенія, но въ гармоническій аккордъ, въ которомъ одинъ элементъ другому пособляетъ и пополняетъ. Я молюсь теперь о томъ, чтобы миръ, осѣняющій теперь такъ сладко мою душу, былъ бы не поэтическимъ призракомъ, плодомъ моего теперешняго праздничнаго досуга, а будничнымъ практическимъ дѣломъ, чтобъ онъ выдержалъ испытаніе, тяжкаго и непріятнаго труда и ежедневности. Ежедневность—самое страшное испытаніе, самый вѣрный оселокъ (камень о который точатъ лезвее ножей), самая надежная проба всякаго порыва, всякаго чувства, воли и т. д. Я до сихъ поръ терпѣть не могъ ежедневность, и склоненъ былъ желать, чтобъ

Вся жизнь была одно служенье,
Одинъ лирическій порывъ,

хотя и понималъ, что это фальшиво, хотя красиво, что такихъ рѣчей нельзя вложить въ уста мудрости. Но ежедневность именно ежедневность и составляетъ,—должна, по крайней мѣрѣ, составлять источникъ счастья въ брачномъ союзѣ. Я стараюсь теперь собрать свои силы, созрѣть для подвига ежедневности;—она не исключаетъ поэзіи и ея правъ, напротивъ она только освобождаетъ поэзію отъ порывовъ, отъ минутности, внося ее во всю жизнь, какъ плодотворный, производительный элементъ. Что-то вы на это скажете?

Завтра ѣдемъ въ обратный путь, и завтра къ вечеру простимся въ Алуштѣ съ Чернымъ моремъ и съ южнымъ берегомъ, и поворотимъ въ Симферополь. Какъ ни радъ я возвращаться въ Москву, но не безъ грусти разстаюсь я съ моремъ и съ этимъ небомъ.

20.

Ея Превосходительству
Аннѣ Өеодоровнѣ
Тютчевой.

Донесеніе.

Чрезъ сіе честь имѣю вамъ донести, что въ вотчинѣ вашей, Таврической губерніи, Ялтскаго уѣзда, Дикое-Поле, Безымянка тожъ, все, благодареніе Богу, обстоитъ благополучно, и по осмотрѣ моемъ никакихъ поврежденій не оказалось. Напротивъ все въ исправности: поле отъ всякихъ произрастеній свободно, земля какъ слѣдуетъ, вдоволь нагрѣвается и пропекается солнцемъ, высота горы не убавилась нисколько и наблюденіе надъ моремъ, надъ сосѣдними виноградниками, садами, долами и горами, какъ нельзя удобнѣе. Одно только найдено мною не въ порядкѣ. Плетень, огораживающій владѣніе Вашего Превосходительства, слишкомъ низокъ, и черезъ него легко лазить, что и я учинилъ съ двумя Татарами,—проводниками. По сей причинѣ я сумнѣваюсь—не украли бы чего. Такъ не прикажете ли Ваше Провосходительство сдѣлать плетень повыше? О чемъ вамъ нижайше и доношу...

8 Іюля 1865 г.

Сей рапортъ, который въ настоящую минуту пишу вамъ въ Алуштѣ, показываетъ вамъ, что я посѣтилъ вашу землю.

Нынче утромъ (Четв. 8 Іюля) отправились мы изъ Мисхора, заѣхали въ Ливадію отправить телеграмму и чтобъ проститься съ Монигетти, гдѣ попали на обѣдъ и должны были обѣдать. Въ Ливадіи очутился въ это время Антонинъ Княжевичъ, вмѣстѣ съ дядей. Монигетти же въ это утро были заняты перепиской вашего письма о кончинѣ Наслѣдника, копію съ котораго прислалъ имъ изъ Гаспры Князь Мещерскій (я забылъ сказать, что проѣзжая изъ Мисхора мимо Гаспры, и услышавъ звонъ, мы зашли въ церковь: обѣдни почему то не служили, а служили часы. Нынче вѣдь праздникъ Казанской Божьей Матери. Я впрочемъ не очень люблю тотъ culte Богородицы, который существуетъ въ Русскомъ быту и отчасти въ церкви. Объ этомъ когда нибудь послѣ.—За обѣдомъ Монигетти, сидѣвшій подлѣ меня, говорилъ мнѣ по секрету, по поводу переписываемаго ими вашего письма, что онъ слышалъ, что вы очень умны и «съ либеральными идеями». Отъ нихъ мы поѣхали въ Ялту, взяли тамъ подорожную и почтовыхъ лошадей, и вечеромъ пріѣхали въ Алушту, гдѣ вынуждены ночевать, потому что дорога отсюда въ Симферополь очень не хороша, а ночь такая темная что ни зги ни видно. По дорогѣ отъ Ай-Даниля, по предварительнымъ распросамъ, отыскалъ я землю Графини Блудовой. Нашелся Татаринъ, который меня проводилъ, и показалъ земли, которыя купили Государынины фрейлины. Земля графини— садъ цвѣтистый въ сравненіи съ вашею, тамъ даже что-то сѣяно и посажено. Татаринъ, показывавшій мнѣ, почти не умѣлъ объясняться по русски. Желая обозначить границы вашего поля, онъ говорилъ: «вонъ тамъ (гдѣ стояла корова) это ужъ другой человѣкъ, а вотъ это тебѣ, все тебѣ, и это тебѣ». По его словамъ тутъ долженъ хорошо родиться виноградъ: на самомъ упекѣ солнца! Выбрали вы мѣстечко! Видъ дѣйствительно великолѣпный, но надо бы велѣть посадить деревьевъ. Я обошелъ все кругомъ.

21.

Симферополь 9 Іюля.

Пріѣхавъ нынче утромъ, я отправился на почту, но не нашелъ письма ни отъ маменьки, ни отъ васъ. Нынче же должна придти вечеромъ другая почта. Мы подождемъ ее и потомъ будемъ продолжать свой путь до Екатеринослава. Я думаю, что

вамъ сообщили уже нашу депешу о томъ, что со 2-го Іюля надо писать въ Екатеринославъ, а потомъ въ Кіевъ. Можетъ быть это было не совсѣмъ ловко съ моей стороны?.. Послѣднее ваше письмо я имѣю отъ 22-го Іюня, т. е. писано этого числа, а изъ Москвы отправлено 24-го. Я простился съ моремъ. Богъ знаетъ, когда я его увижу, и увижу ли? Такъ оно далеко отъ сердца Россіи. гдѣ я живу, такъ оно вообще не наше!.. Извѣстіе о болѣзни сестры смущаетъ меня и нарушаетъ доброе, гармоническое расположеніе духа. Слишкомъ многое и о многомъ хотѣлось бы мнѣ написать теперь вамъ, но лучше отложу до другого раза. А теперь некогда, пойду справляться на почту.

22.

Понедѣльникъ, 12 Іюля 1865 г. Екатеринославъ.

Здѣсь не нашелъ я на почтѣ вашего письма, вѣроятно вышло какое-нибудь недоразумѣніе и вамъ не переслали мою депешу къ матушкѣ, въ которой я телеграфирую ей, что 2-го Іюля писать письмо въ Екатеринославъ, а 10-го—въ Кіевъ. Въ Пятницу, въ Симферополѣ, дождался я почты. вскрылъ пакеты, адресованные въ Ялту—нѣтъ письма. Мнѣ это очень больно и досадно, мнѣ именно теперь такъ были бы нужны ваши письма. Или тутъ вышло недоразумѣніе и вы продолжаете писать ваши письма въ Ялту, или же вы прекратили вовсе писать, имѣя въ виду мое письмо изъ Саратова, гдѣ я разсчитываю, что 14-го Іюля меня уже не будетъ въ Крыму,—или же тутъ есть другія причины,—можетъ быть мои письма причинили вамъ какія нибудь непріятности. Во всякомъ случаѣ съ 24-го Іюня я не имѣю отъ васъ писемъ. Слава Богу, отъ своихъ мы нашли здѣсь и письма и депешу, вполнѣ успокоительныя на счетъ здоровья сестры.

Въ Пятницу вечеромъ поздно выѣхали мы изъ Симферополя, въ Понедѣльникъ утромъ (нынче) пріѣхали въ Екатеринославъ. Нынче же вечеромъ выѣзжаемъ, и надѣемся въ Четвергъ днемъ быть въ Кіевѣ. Тамъ пробудемъ недѣлю времени и через недѣлю пути, съ остановками—я буду въ Москвѣ. Жара страшная. Мы ѣдемъ всѣ почти на пролетъ, несмотря на ихъ темноту, а днемъ останавливаемся раза два, часа по два, но это не помогаетъ потому что станціи душныя, полны мухъ.

Теперь я чувствую въ себѣ только тупую усталость и не очень расположенъ пускаться въ описанія, къ тому же жара невыносимая,—а мнѣ еще надо хлопотать о подорожной. А есть что описать—это дорогу ночью въ степи, эту нашу степь—наше зеленое море! Ѣдучи я думалъ: вѣть вы этого ничего не испытали, вы не знаете что такое ѣхать съ колокольчикомъ ночью въ степи, и пр. и пр. Все это мнѣ хотѣлось бы дать вамъ испытать. Мы какъ нибудь предпримемъ вмѣстѣ путешествіе по Россіи: надо, чтобъ вы увидали Россію какъ она есть и остались вѣрны своей любви къ ней и вѣры въ нее, не смотря на безобразную подъ часъ дѣйствительность.

Прощайте, буду писать вамъ изъ Кіева. Надѣюсь что авось либо я получу отъ васъ письма въ Кіевѣ. Видите какъ я пишу тотчасъ послѣ дороги, рука трясется. Прощайте—въ Кіевѣ предполагаю написаться вдоволь и съ этой пріятной перспективой теперь кончаю. Прощайте, Господь съ вами. Я впрочемъ прощаюсь и встрѣчаюсь съ XX каждое утро и каждый вечеръ и въ степи и на морѣ, и въ дорогѣ и на отдыхѣ. Да хранитъ васъ Богъ такою, какъ вы были эти дни.

23.

Пятница, 16 Іюля 1865 г. Кіевъ.

Кіевъ самъ по себѣ, Кіевъ Кіевомъ, а и то не мало значитъ, что здѣсь на почтѣ нашелъ я три письма отъ васъ. Спасибо вамъ. Мнѣ хорошо. Такое «благорастворенiе воздуховъ» и въ погодѣ и въ душѣ, что истинно благодаришь Бога и набираешься силъ на жизнь. По крайней мѣрѣ такъ кажется, и дай Богъ, чтобъ такъ было. Теперь-то не мудрено носить въ душѣ такое чувство мира и гармоніи, а посмотримъ, Иванъ Сергѣевичъ, что скажешь ты недѣли черезъ двѣ-три, когда вновь окунешься въ редакторскую суету, въ редакторское безденежье, въ дѣятельность публициста. Вотъ это будетъ настоящее испытаніе. Человѣкъ никогда не долженъ въ счастьѣ забывать о несчастьѣ и долженъ въ счастьѣ запасаться силами для несчастья, равно какъ и въ несчастьѣ не долженъ терять вѣру въ счастье,—однимъ словомъ нужно быть выше счастья и несчастья житейскаго, или лучше сказать стать на такой высотѣ, достигнуть такого особеннаго счастья, при которомъ удачи и

неудачи жизни не могутъ поколебать въ насъ внутренней гармоніи. Но я совершенно неумѣстно и не во время зафилософствовался.

Кланяется вамъ Кіевъ. Я пріѣхалъ вчера утромъ, прямо къ торжеству, бывающему здѣсь 15 Іюля, въ день Св. Князя Владиміра и былъ на этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ вами. Вы можетъ быть и не догадывались, что вы принимали участіе въ этомъ торжествѣ?.. Да и какъ еще! Я видѣлъ какъ у васъ, въ одно время со мной брызнули слезы изъ глазъ, когда горы Кіевскія, Днѣпръ, Крещатикъ—гдѣ совершилось крещеніе Руси, и вся окрестность огласились пѣніемъ тысячи голосовъ: «святый, равноапостольный великій княже Владиміре, моли Бога о насъ»! На самомъ мѣстѣ дѣла Владимірова, на самомъ мѣстѣ крещенія Руси, въ присутствіи хоругвь и образовъ, высланныхъ къ памятнику Владиміра отъ каждой святыни Кіевской, въ присутствіи сотни тысячъ крещеннаго Владиміромъ русскаго народа, эта благодарная пѣснь православной Руси, послѣ тысячелѣтняго вкушенія благъ отъ неоскудѣваемаго источника открытой ей Истины,—слышать эти возгласы въ Кіевѣ—производитъ такое сильное впечатлѣніе, которое никакимъ воображеніемъ не можетъ быть возсоздано. Это торжество впрочемъ установлено недавно. Въ этотъ день митрополитъ служитъ обѣдню въ Десятинной церкви, гдѣ лежатъ мощи Св. Ольги и гробница Владиміра. Потомъ отъ Лавры, отъ всѣхъ монастырей и церквей сходятся хоругви, кресты, иконы, духовенство къ памятнику Св. Владиміра. (Всѣ бранятъ, но мнѣ очень нравится эта колоссальная фигура съ крестомъ на горѣ),—тутъ служится молебный Владиміру и ставъ на подножіи чугунной статуи—Митрополитъ осѣняетъ Кіевъ—а съ нимъ и всю Русь съ четырехъ сторонъ. Вся родная исторія ожила во мнѣ въ ея непрерывной связи историческихъ мгновеній или моментовъ, въ ея живой, неумирающей связи, при ощущеніи которой утрачивается ощущеніе лѣтъ и временъ. Что значитъ тысячелѣтіе?! Дѣло Владиміра будто вчерашнее дѣло, и переживаешь лично, въ данную минуту, повидимому ограниченную условіями мѣста и времени,—мгновеніе «всемірно-историческое», касающееся племенъ и народовъ, милліонъ милліоновъ лицъ, преемственно смѣнявшихъ другъ друга въ теченіи тысячелѣтія.—Далѣе отъ памятника Владиміра, который на горѣ, церковная процессія схо-

дитъ извилистыми дорогами, которыя всѣ по краямъ окаймлены народомъ, — внизъ, къ колодцу Іоанна Предтечи, и тамъ совершается водосвятіе. Затѣмъ процессія уходитъ, хоругви и иконы разносятъ по церквамъ, а народъ запружаетъ собою всю долину около колодца, стараясь достать и испить освященной воды. Прибавьте къ этому великолѣпнѣйшій день, безоблачное небо, голубой Днѣпръ, зелень этихъ горъ, на которыхъ толпятся по всѣмъ изгибамъ и извивамъ, люди въ праздничныхъ одеждахъ,—и вы поймете, почему я такъ благодаренъ былъ себѣ, что поспѣлъ именно къ этому дню. И такъ пріятно думать и чувствовать, что никто лучше васъ—не слился бы гармонически съ думами и ощущеніями, возбужденными этимъ торжествомъ во мнѣ, да въ васъ они были бы еще живѣе;—можетъ быть не такъ живо было бы въ васъ историческое чувство, но живѣе, чѣмъ я ощутили бы вы давленіе вѣковъ молитвы! Какая вы славная, надобно сказать правду!

Крещеніе Руси! Какое чудесное историческое мгновеніе! Какъ просто, безъ борьбы, напоялась эта земля Живой Воды, какъ родной, давно жданной, и какъ мгновенно зацвѣло въ ней православіе могучею жизнью... Читали ли вы, въ подлинникѣ,—въ лѣтописи Нестора,—описаніе этого событія, а потомъ молитвенный, благодарственный дифирамбъ этого спокойнаго и безстрастнаго монаха—лѣтописца—по поводу этого перваго возблистанія лучей Истины Православія на Русь... Не прошло вѣка—Русь называется «Святою Русью»! Удивляюсь, что учителя исторіи не заставляютъ учениковъ читать это мѣсто въ подлинникѣ. Если вы не читали, то имѣйте въ виду, что вамъ предстоитъ прочесть какъ это, такъ и нѣкоторыя другія мѣста изъ лѣтописей вмѣстѣ со мною.

Я былъ въ Кіевѣ два раза, въ 1854 году и прожилъ мѣсяцъ, и въ 1855 г., проходя съ дружиною. Тогдашнія мои впечатлѣнія были записаны—и многое, сколько помню, было выражено очень удачно. Всякій, знакомый съ исторіей, испытываетъ особенное историческое чувство, при видѣ Кіева. На васъ вѣетъ весною Руси, тою вешнею Русью, до-Татарскою, которая была хороша, какъ ясное утро, съ своими Владимірами, Изяславами, Мечиславами, съ дѣятельною мѣстною жизнью, съ своими князьями и вѣчами. Это не единодержавное величіе Москвы, царственное, могучее, воплотившее въ себѣ идею еди-

ства и цѣльности Руси,—красота Москвы и красота Кіева выражают собою два момента въ Русской исторіи. Въ Москвѣ Русь является государствомъ и государственный элементъ преобладающимъ, а въ ощущеніи государственной силы есть что-то давящее и гнетущее. Въ Кіевѣ же вамъ дышется такъ легко, какъ дышется въ молодости, весною, утромъ! Идея единства только носилась надъ русскою землею, жила въ общемъ сознаніи, но не воплощалась, въ рѣзко-осязательномъ фактѣ единодержавія!.. А потомъ эти горы—полныя пещеръ, и пещеры полныя этихъ «молитвенниковъ за Русскую Землю»,—этой первой жатвы христіанскаго посѣва! Тутъ и Несторъ-лѣтописецъ, тутъ и Илья Муромецъ-миѳическій народный богатырь временъ «Владиміра Краснаго-Солнышка», богатырь изъ народа, пировавшій на пирахъ Владиміра. Вы знаете, что большая часть народныхъ пѣсенъ пріурочивается къ свѣтлому времени Владиміра... Но право, я бы не окончилъ, еслибъ пустился въ разсужденія о значеніи пещеръ и по поводу пещеръ и Кіева. Знаю только, что быть намъ съ вами въ Кіевѣ вмѣстѣ, если Богъ позволитъ.

(Кіевская, княжеская Русь—преобразуется отчасти въ Днѣпрѣ, прихотливомъ, мѣняющемъ свое русло, какъ мѣняла Русь свою столицу; Московская, царственная, державная Русь преобразуется въ Волгѣ).

Хоть я и писалъ вамъ изъ Екатеринослава, но это было не въ счетъ: я такъ усталъ тогда отъ дороги! До Кіева отъ Ялты мы сдѣлали сухопутно слишкомъ 1030 верстъ, ровно въ недѣлю. Изъ Мисхора заѣхали мы въ Ливадію, послать телеграмму, но тутъ насъ задержали обѣдать Монигетти, у которыхъ въ то же время оказались Княжевичи; впрочемъ, кажется, объ этомъ я вамъ писалъ—изъ Симферополя. Изъ послѣдняго вечеромъ мы двинулись на Перекопъ, съ Перекопа на Бериславъ, Никополь, Екатеринославъ. Оттуда въ Кременчугъ, и по Полтавской губерніи въ г. Хоролъ, Лубны, Пирятинъ, Переяславь, наконецъ станція Бровары, Днѣпръ, Кіевъ. Такимъ образомъ мы проѣхали Перекопскую степь, степь Новороссійскую, самую сердцевину Малороссіи. Ѣхали мы постоянно по ночамъ, останавливаясь на нѣсколько часовъ днемъ въ самый лютый жаръ. Да и останавливаться негдѣ. Вездѣ душно и грязно. Экипажецъ нашъ оказался необыкновенно легокъ и покоенъ.

Хороша ночь на горахъ, хороша она на берегу моря, но хороша же она и въ степи, гладкой и ровной какъ скатерть! ночь темная, безлунная, но звѣздная! Я люблю степь—это зеленое море, надъ которымъ опрокинулось сводомъ море синяго неба. Ѣдешь, звенитъ однозвучно колокольчикъ, по мягкой дорогѣ ни стука, ни дребежжанья экипажа. Только одни вы и бодрствуете, да куетъ въ дали кузнечикъ, да издали покрякиваетъ коростель. Все спитъ, все безмолвствуетъ, все пустынно. Но безпредѣльность степи не имѣетъ въ себѣ той грозной, давящей душу тайны, какою обладаетъ бездонное море, ни того страшнаго могущества. Звѣзды такъ ярки. Млечный путь доходитъ до самой земли! И по этому пустынному дикому пространству бѣжитъ телеграфная проволока, и какъ то одиноки, сиры стоятъ беззащитные телеграфные столбы, о которые подчасъ задѣваетъ чумакъ съ своимъ неповоротливымъ воломъ и между которыми ловко прокладываетъ для себя удобную дорогу Русскій ямщикъ съ своей тройкой. Смотришь, смотришь въ эту темную даль и незамѣтно для себя задремлешь, потомъ отъ какого-нибудь возгласа ямщика, дремота, какъ птица, слетитъ съ твоихъ очей,—смотришь и не понимаешь—что это такое и гдѣ ты, какіе-то фантастическіе образы принимаетъ и бричка и кони, и пологая степь кажется отвѣсной стѣной,—пока наконецъ все придетъ въ прежніе размѣры и разстелется опять передъ глазами степь, и раскинется надъ ней небо,—и вновь снидетъ на душу тихій, безмятежный, молитвенный восторгъ,—а потомъ также тихо и нѣжно слетитъ на глаза дремота. И еслибъ подлѣ меня въ бричкѣ сидѣла XX, то я бы слышалъ ея шептанье: какъ хорошо, Господи! и потомъ: какъ мнѣ хорошо! И крѣпко пожали бы мы другъ другу руки, и вмѣстѣ безъ словъ славословили бы Бога.

Впрочемъ довольно объ этомъ. Я только себѣ рѣшилъ непремѣнно совершить подобное путешествіе съ XX, въ такой же маленькой бричкѣ, съ тѣми же ея удобствами и неудобствами. А что за прелесть Малороссія! Вотъ она должна вамъ понравиться. Въ ея природѣ нѣтъ ничего яркаго, рѣзкаго, но столько мирнаго, мягкаго, ласковаго, такой поэтическій колоритъ подернулъ ее всю, что въ ней есть неотразимая прелесть. Вотъ и тамъ необходимо побывать вмѣстѣ. Есть чудныя имѣнія въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, верстъ 100 и 150

отъ Кіева по дорогѣ. Затѣмъ, что все-таки будетъ очень чувствительно намъ Великоруссамъ—тамъ все-таки мало духовно-церковной жизни въ народѣ. Поэтому я вполнѣ одобряю вашу мысль на счетъ покупки имѣнія около Св. Горъ, и вообще предпочелъ бы имѣнія въ Южную сторону отъ Москвы, чѣмъ въ Восточную. Ну право, кажется, Саровская пустыня въ Воронежской или Тамбовской, а не Нижегородской. Что касается до Св. Горъ, то тутъ удобно поручить это дѣло Кохановской во всѣхъ отношеніяхъ: она отличная хозяйка. Желѣзная дорога до Харькова доведется скоро, и еще раньше ея будетъ проведена желѣзная дорога до Козлова и до Воронежа, оттуда уже не такъ далеко. Наконецъ самъ Харьковъ представляетъ разные рессурсы—докторовъ, библіотеки, книгопродавцевъ, четыре огромныхъ ярмарки въ году, и проч.—Надо однакожъ непремѣнно, чтобъ это имѣніе давало хорошій процентъ за потраченныя деньги. Напишите обо всемъ этомъ подробно Н. С. Сохаnской.

Я принялъ всѣ мѣры, чтобы ни одно ваше письмо не пропало и вездѣ на почтѣ оставилъ записки, куда отсылать письма, присланныя на мое имя. Но не ошибаетесь ли вы сами въ счетѣ. У меня до сихъ поръ шесть вашихъ писемъ. Первое изъ нихъ писано 15 Іюня, въ день вашего пріѣзда въ Петербургъ, отправленное изъ Петербурга 16 Іюня; второе письмо 17 Іюня и отправлено вами въ Москву съ Графиней Блудовой, а изъ Москвы отправлено ко мнѣ 22 Іюня. Третье письмо (и какое это славное письмо—вы говѣли и причащались)—начато вами 20 Іюня, потомъ вы продолжали писать 21 и 22 Іюня: оно отправлено изъ Москвы ко мнѣ 24 Іюня. — Вотъ тутъ я полагаю есть письмо, до меня не дошедшее—потому что четвертое, полученное мною письмо писано вами 30 Іюня. Едва ли съ 22 Іюня по 30 вы не писали! Напротивъ вы упоминаете, что писали 25 Іюня, и этого-то письма я и не получалъ. Быть не можетъ, чтобъ вы не сказали ничего о самомъ переѣздѣ вашемъ въ Петергофъ. Письмо, писанное вами 30 Іюня, 1 Іюля и отправленное вами 2 Іюля, получено мною здѣсь въ Кіевѣ, куда и было адресовано. Пятое письмо писано вами 4 и 5 Іюля и послано къ маменькѣ въ Москву, откуда отправлено 9 Іюля въ Кіевъ. Наконецъ шестое коротенькое письмо, безъ означенія числа,—въ немъ вы упоминаете о первомъ моемъ

письмѣ изъ Ялты; на штемпелѣ конверта стоитъ СПБ., 9 Іюля, стало быть оно во всякомъ случаѣ позднѣе письма, отправленнаго того же числа изъ Москвы. Всѣ эти три письма я нашелъ въ Кіевѣ 15 Іюля. И такъ шесть писемъ. Весьма вѣроятно, что пропало одно, адресованное въ Ялту. Какъ это обидно и больно! И это одно изъ писемъ, какъ видно, которымъ вы особенно дорожили! Я впрочемъ надѣюсь, что оно таки дойдетъ до меня—но уже въ Москвѣ. Я такъ радъ, что вы пишите дневникъ, или лучше сказать—не дневникъ, а ежедневно бесѣдуете со мной,—и съ такимъ нетерпѣніемъ хочется мнѣ погрузиться въ чтеніе вашего дневника. Вообще добро творятъ моей душѣ и добромъ вѣютъ на меня ваши письма. Спасибо вамъ—говорю я самъ себѣ, читая ихъ... Теперь спѣшу отослать это письмо на почту и нынче же стану продолжать—отвѣчать на ваши письма. Прощайте же покуда. Ручку вашу, и да благословитъ васъ Богъ, и да воздастъ Онъ вамъ тою же полнотою сердечнаго существованія, которою живу я теперь.

24.

17 Іюля Суббота. Ночь на Воскресенье. Кіевъ.

Нынче утромъ отправилъ я письмо къ вамъ, а ввечеру получилъ письмо отъ васъ отъ 10 и 11 Іюля и посланное изъ Петербурга 12-го. Я неосторожнымъ и неумѣстнымъ разсужденіемъ огорчилъ васъ, смутилъ васъ—какъ мнѣ это больно! Простите мнѣ, сдѣлайте милость. Ну вотъ видите—я какой! А вы въ этомъ же письмѣ меня идеализируете, ставите выше себя, Богъ знаетъ на какой пьедесталъ. Въ самомъ дѣлѣ я человѣкъ видно очень отвлеченный, видно у меня горячѣе голова, чѣмъ сердце, что я не сообразилъ сердцемъ, какое впечатлѣніе должно было произвести на васъ мое неосторожное слово! Отъ васъ жду я себѣ жизни сердца, и того благоуханія мира, любви, которое проникнетъ насквозь мою суровую, черствую — отъ природы довольно грубую природу, которую я искуственно закалилъ еще въ большей суровости. Во мнѣ есть странная гордость ума, который не хочетъ дать себя уловить въ плѣнъ никакому обольщенію чувствъ и хотѣлъ бы во всякое время быть готовымъ ко всему, которому обидны сюрпризы, недостойные мыслящаго человѣка. И потомъ—я столько жилъ и пере-

жилъ, столько испыталъ самообольщеній, что утратилъ вѣру въ свои ощущенія. Какъ многое казавшееся мнѣ вѣчнымъ и прочнымъ оказалось потомъ кратковременнымъ и шаткимъ, какъ часто ропотъ смѣнялъ хвалу, отчаяніе и уныніе — бодрость и упованіе, тревога—тишину,—сомнѣніе вѣру. Вы меня еще не вполнѣ понимаете. Называете Наѳанаиломъ—«въ немъ же лѣсти нѣтъ»,—когда моя главная мольба къ Богу: дай правды мнѣ, и къ вамъ — будь орудіемъ для меня правды, — когда мнѣ такъ опротивѣла во мнѣ самомъ поэтическая ложь, что поэтическіе восторги мною заподозрѣны, и я — высшее выраженіе серьезности моихъ отношеній къ вамъ—не позволяю себѣ писать къ вамъ стиховъ. Вотъ почему я хватаюсь за мысль, какъ за болѣе вѣрнаго и надежнаго союзника и путеводителя. Логика не измѣнчива. Я пріучилъ себя къ абстракціи. Наконецъ—мнѣ казалось, что послѣ того, какъ я однажды въ разговорѣ изложилъ вамъ свой взглядъ на жизнь и смерть, мои слова не могутъ имѣть для васъ ничего новаго. Я не хочу забывать о возможности смерти, но **теперь** (только **теперь**) говорю прямо Богу, что не желаю умирать, а желаю **жить**,—но во всякомъ случаѣ (по разсчету чисто эгоистическому) желалъ бы умереть **прежде** NN, потому что люблю ее ужъ очень. Какъ вы нервны, добрая моя! Простите мнѣ мои абстракціи и останавливайте меня, да онѣ и сами пройдутъ въ той атмосферѣ тепла и свѣта, которою я буду дышать. А знаете ли, что какъ мнѣ не больно то, что я васъ смутилъ и разстроилъ, все же мнѣ было пріятно въ этомъ смущеніи и разстройствѣ проявленіе того чувства, которое—каюсь—до сихъ поръ недостаточно во мнѣ проявлялось. Повѣрите ли, что на меня находили сомнѣнія въ чувствѣ NN ко мнѣ. Помните, я сказалъ NN, и она съ этимъ вполнѣ согласилась, что люблю ее больше, чѣмъ она меня,—вспомните, что многое осталось недосказаннымъ и недоразъясненнымъ, и что два съ половиной года тому назадъ я былъ отвергнутъ ею, и всѣ мои теплыя письма вызывали холодные отвѣты. Повѣрите ли —покаюсь вамъ въ этой слабости—я въ письмахъ NN, полученныхъ мною во время моего путешествія, старательно подбиралъ всѣ малѣйшія черты ея личнаго чувства ко мнѣ, независимо отъ того христіанскаго благорастворенія, которое произвело въ ея душѣ рѣшеніе на подвигъ, обреченіе себя **службѣ и покорности** другому человѣку ее любящему (но

одинаково ли любимому)? И нельзя сказать, чтобъ NN была расточительна на такія проявленія, и я хвалилъ ее за это, и тѣмъ болѣе они мнѣ были дороги, я видѣлъ для себя это проявленіе не въ словахъ любви, а въ дѣлѣ мира и тишины, водворившихся въ ея сердцѣ. Но тѣмъ не менѣе все же отчасти этимъ можетъ быть объяснено — почему сорвалось у меня съ пера такое неумѣстное разсужденіе — въ отвѣтѣ на первое письмо. Послѣ трехъ-четырехъ писемъ NN, почти навѣрное можно было бы сказать, что оно не сорвалось бы.

Но оставимъ эти анализы. Мы на добромъ пути съ NN. Христосъ да будетъ съ нею и да подастъ ей столько любви, сколько нужно для ея и для моего счастія, и кажется мнѣ, что эта молитва услышана. Неправда ли? Да возстановится въ ней снова власть мира надъ ея душой! Вспомнитъ пусть она слова Спасителя: «Да не смущается сердце ваше» и пр.

Что это за странныя у васъ разсужденія о себѣ самой, о своемъ характерѣ. Вы ставите себя такъ низко, а меня такъ высоко. Согласитесь, que je ne peux pas accepter la position, que vous me faites, и еслибъ я на это согласился, то стоялъ бы ужъ не высоко, а очень низко. Но я вамъ скажу по секрету, что я вѣдь точно также ставлю васъ во многихъ отношеніяхъ выше себя, и именно въ нравственномъ отношеніи, и цѣню себя лично очень не высоко. Мой идеалъ высокъ, а не я. О, какъ я стою предъ нимъ низко! Такъ низко, что принимая съ такою радостною благодарностью посылаемое отъ Бога счастіе, не только не предъявляю на него никакихъ правъ, но считаю его совершенно незаслуженнымъ. Я его вовсе не достоинъ, а это ужъ особенная милость Божія. Вы не знаете всѣхъ подробностей моей жизни, а еслибъ знали, такъ можетъ быть не идеализировали бы меня такъ. Согласитесь немножко, что было бы очень мнѣ неловко красоваться на пьедесталѣ и трепетать ежеминутно, что какая-нибудь черта изъ прошлой жизни или какой нибудь промахъ, bévue — вдругъ компрометируютъ все мое идеальное достоинство! Повѣрите ли — внутренно краска бросается мнѣ въ лицо, когда говорятъ мнѣ о моей правдивости, когда правда-то и есть для меня искомое, — когда сестры мнѣ прямо говорятъ: «тебѣ нельзя ни въ чемъ вѣрить — ты поэтъ, у тебя порывы только и поэтическіе фразы»—когда мнѣ самому кажется иногда, что я просто ловко обманываю, наду-

ваю, и морочу людей, и что наконецъ все это уваженіе, которымъ я незаконно пользуюсь, когда-нибудь лопнетъ и обнажитъ меня во всей моей нравственной худощавости. На это есть указанія въ моихъ стихахъ. (Кстати — мнѣ немножко грустно, что вы не только ни слова не сказали мнѣ о моихъ стихахъ, но даже не упомянули ни разу, получили ли вы ихъ — я вамъ ихъ посылалъ три или четыре раза). Но думаю иногда — не все же я надуваю, должно быть есть во мнѣ что и доброе, что Богъ оказываетъ мнѣ столько милости, и что XX меня любитъ. Точно-также и вы скажите себѣ: «опредѣлять мѣрку собственнаго достоинства—это ложь. Должно быть есть во мнѣ что-то, за что онъ меня любитъ»! Оба мы — каждый самъ по себѣ — первые грѣшники передъ Богомъ, но оба стремимся къ правдѣ Божьей, и въ каждомъ изъ насъ есть полезное и нужное для другаго, чѣмъ полнится существованіе и облегчается подвигъ жизни и путь къ небу... Хороши ли вы, дурны ли, —оставимъ это: вы будете говорить въ смыслѣ отрицательномъ, я въ положительномъ, и если вы возмните себя «хорошею», такъ это будетъ не совсѣмъ хорошо. Но я знаю только то, что вы мой хлѣбъ насущный, если разумѣть подъ этимъ словомъ «только»— нужно тотъ хлѣбъ, о которомъ мы ежедневно молимъ Бога. И посмотрите—какая странность, — или вѣрнѣе сказать — не доказывается ли справедливость моихъ словъ тѣмъ,—что ваша не мирная душа способна давать миръ моей душѣ, и моя вѣчно-тревожная, незнающая угомона душа, я — про котораго Смирнова говаривала, что я точно будто всегда comme au bain marie,—я оказываюсь миротворцемъ, даю миръ вашей страстной душѣ! Вы—по вашему человѣкъ отжившій и отцвѣтшій (!!) — даете жизнь и заставляете цвѣсть чужую душу,—и я, который далъ даже отставку и душѣ и сердцу, — оказываюсь «моложе васъ» и заставляю молодѣть васъ. Я, который считаю себя, олицетворенною ложью — вношу въ васъ силу правды, и вы, которая полагаете себя отъ нее далекою, вы моя правда! XX говоритъ, что не можетъ быть моею совѣстью! Да развѣ она не знаетъ, что если только любишь человѣка, то всегда найдешь въ себѣ для него нужную совѣсть. Будемъ беречь другъ въ другѣ все доброе и исправлять все дурное, и взаимная любовь, призывая Христово имя, сдѣлаетъ насъ мудрѣйшими наставниками другъ для друга. Смотрите — и теперь всѣ наши

недостатки дают въ каждомъ изъ насъ, т. е. ваши во мнѣ и мои въ васъ—плоды добрые, совершенно неожиданные! Вашъ не миръ сказался во мнѣ миромъ и т. д.

Видали ли вы, мой добрый, добрый другъ горныя рѣчки и рѣки въ Швейцаріи? Начинаются онѣ стремительнымъ горнымъ истокомъ, шумно несущимся съ горныхъ высотъ, прорывающимъ себѣ узкія ложбины или ниспадающимъ водопадомъ,—наконецъ достигнувъ долины, они вдругъ и мечутъ, роютъ себѣ русло, ворочаютъ камни и уносятъ ихъ въ своемъ быстромъ напорѣ. Издали слышанъ гулъ горной рѣчки; она не глубока, не полноводна, какъ рѣки плоскихъ мѣстъ, она мутна, безпокойна. она шумна,—нерѣдко пропадаетъ она въ землѣ, какъ Рона и тамъ совершаетъ свое подземное блужданіе. Но наконецъ послѣ тревожнаго шумнаго теченія, по каменистому ложу, чѣмъ ближе къ морю, рѣчка выходитъ на мягкое песчаное ложе, становится рѣкою—многоводною, глубокою, не порывистою а спокойно-могучею, не стремительною, но величаво катящею волны, повинуясь вѣчному движенію,—и несетъ она на своемъ хребтѣ корабли, полные сокровищъ вещественныхъ и духовныхъ. Мы съ вами похожи на эти горныя рѣчки по первой половинѣ нашей жизни. Также металась и кипѣла въ насъ душа, снѣдаема развитіемъ, такимъ же стремительнымъ безпокойнымъ потокомъ текла наша внутренняя жизнь и теперь, когда оба потока обогатились водами взаимно, не предстоитъ ли намъ, по милости Божіей, потечь мирной, многоводной, глубокой рѣкой—пока не сольется она съ безконечностью моря. Вотъ вамъ и отводъ на ваши слова: зачѣмъ же жизнь стала бы лучше, теперь когда она клонится къ вечеру?.. Если Богъ дастъ вамъ, послѣ бурнаго, сумрачнаго дня, закатъ величавый и мирный, тихій свѣтъ вечерній—благодарите его, не считайтесь съ нимъ—зачѣмъ не весь день былъ таковъ, а благословите Бога и славословьте его пѣніемъ вечернимъ. Грустно мнѣ читать ваше грустное письмо: abgelebt ohne gelebt zu haben! Я говорилъ себѣ тоже самое, тѣми же словами постоянно,—но чтобы вы сказали, еслибъ я сталъ говорить вамъ теперь эти слова? Въ предверіи къ новой жизни? Не падайте духомъ. Мнѣ приходится имѣть силъ за двоихъ. Что такое счастіе? Величайшее счастье дѣлать счастье другихъ, величайшее несчастіе быть причиной чужаго несчастія. Вамъ открывается возможность сдѣлать высокое дѣло

на землѣ—сдѣлать счастливымъ цѣлаго человѣка и неужели мысль объ этомъ не можетъ достаточно живо одушевить васъ и подать вамъ силъ, нужныхъ для этого человѣка? Любите меня только, и Богъ подастъ вамъ стать моей правдой, моей совѣстью, моимъ Ангеломъ-Хранителемъ. Бодрѣе, мой другъ! Бодрость духа есть христіанское требованіе. Вамъ плакать хочется! Будь я съ вами, я увѣренъ, что мнѣ удалось бы разсѣять этотъ нервный припадокъ тоски. Quand je lis vos lettres, ces pages pleines de vie et de foi..... Это для меня совершенно неожиданно, никто мнѣ этого никогда не говорилъ; увы! вѣры во мнѣ нѣтъ или очень мало, а есть убѣжденіе, что не одно и тоже. Дѣтскаго отношенія къ Богу во мнѣ нѣтъ, и вы сами въ этомъ же письмѣ, въ началѣ разбранили меня, что я хочу мудрствовать съ Богомъ, а не обращаю къ нему человѣческаго, дѣтскаго голоса и пр. Хорошо было бы, еслибъ то что вы говорите про мои письма, было правдой! Но не есть ли это поэтическое воображеніе вѣры и жизни въ письмахъ? Можетъ быть отъ словъ еще такъ далеко до дѣла? Не сочиняю ли я самъ себѣ и жизнь и вѣру? Можетъ быть когда прекратится переписка, вы въ дѣйствительной ежедневности будете поражены отсутствіемъ всего того, что увлекало васъ въ моихъ письмахъ?... Qui réalisent si bien l'idéal de ma jeunessa! Да, на бумагѣ. И не говорилъ ли я вамъ тысячу разъ, что вы должны отдѣлять мой идеалъ, идеалъ моей поэзіи отъ меня самаго? На бумагѣ ничто не мѣшаетъ мнѣ досягать моего идеала и говорить съ вами отъ его имени, жить съ вами въ его сферѣ (съ вами такъ легко въ ней живется, она вамъ родная). Но вообразите, что я, читая ваши письма повторяю себѣ тоже самое, истинно вамъ говорю. Во первыхъ ваши письма приводятъ меня въ отчаяніе своею искренностью, тѣмъ, что въ нихъ есть de spontané и въ сравненіи съ вашими мои мнѣ кажутся сочиненными, поддѣланными. Затѣмъ—въ вашихъ письмахъ столько вѣры, столько души, что мнѣ становится за себя неловко, и я боюсь иногда, что вы разочаруетесь во мнѣ. Ваше письмо тоже воплощеніе моего идеала,—и я, какъ вы, грустилъ спрашивая: зачѣмъ не раньше? Зачѣмъ такъ поздно? Зачѣмъ не 15, не 10 лѣтъ тому назадъ сошелся я съ вами? О еслибъ я тогда сошелся, не было бы того опустошительнаго періода въ моей жизни съ 53 по 59 годъ, которые я такъ бы охотно вычеркнулъ изъ жизни, и которые

повидимому лишають меня права поминать о моемъ идеалѣ,— хотя только благодаря ему я и спасся. А вы тутъ горюете о себѣ, que votre vie a été audessous de votre idéal! Но я вѣдь это знаю, и не смущаюсь этимъ, мнѣ дорогъ именно вашъ идеалъ, ваша родина, куда вы стремитесь, тотъ пламень священный, который готовъ вспыхнуть въ вашей душѣ, потому что не потухли искры (это я для васъ говорю «искры», а по моему онъ просто горитъ tout de bon). J'ai beau vouloir, je ne puis plus avoir le sentiment que j'ai droit au bonheur. Я уже выше вамъ сказалъ про себя, что я считаю для себя счастье вовсе не заслуженною милостью, и я напротивъ совсѣмъ было покорился безсчастію, какъ заслуженному наказанію. Ибо, что прощается одному, то другому пройти даромъ не можетъ, смотря по степени даровъ, каждому отпущенныхъ. И тѣмъ болѣе цѣню я какъ милость Божію посылаемое мнѣ счастье, что счастье это свято, не разлучаетъ а сближаетъ меня съ Богомъ. Идеалы наши общіе—вотъ что важно. Жизнь наша шла разными путями до сихъ поръ, много потратили мы въ ней силъ духа, но не всѣ онѣ растратились, еще сберeглись кое-какія силы, и какъ послѣ кораблекрушенія—мы спаслись на берегъ—израненые, изувѣченные, и спасли свое-знамя—идеалы! Намъ приходится теперь съ вами жить заднимъ числомъ! Грустно! Это не весна уже, не молодость! Что дѣлать, нѣтъ въ моей душѣ ни прежней свѣжести, ни цѣльности, ни чистоты. Но все что сберeглось въ ней хорошаго, возьмите и возлелѣйте, точно также, какъ и я возьму и уврачую вашу больную душу и предадимъ сами себя и другъ друга Христу.

«Vous avez plus d'années, que moi, mais vous êtes plus jeune, parceque и пр. Точно ли это молодость сердца? Не абстракція ли это головы? Головѣ вѣдь живется легче, чѣмъ сердцу; голова часто отдѣлывается отъ страданій души, пріискавъ имъ философское опредѣленіе. Я иногда чувствую въ себѣ старость сердца, чувствую на себѣ бремя годовъ... Видите—намъ нечего другъ передъ другомъ соперничать своими недостатками. Простимъ ихъ другъ другу заранѣе, и запасемся большимъ запасомъ снисхожденія и любви, потому что многое придется еще прощать намъ. Будьте увѣрены, что я васъ ставлю ниже вашего идеала, что я заранѣе признаю въ васъ тьму недостатковъ, и тѣмъ не менѣе есть въ васъ что-то, чего вы сами не

видите, есть такія жемчужины, которыя уловилъ я на днѣ вашей души, которыхъ достаточно чтобъ обогатить меня на всю остальную мою жизнь. Очень бы желалъ я, чтобъ вы въ моей душѣ могли отыскать нѣчто подобное, ибо во всякой душѣ человѣческой есть перлы, но только не всякому ловцу они даются! Будетъ съ насъ.

А знаете ли вы, что Наѳанаилъ, въ немъ же льсти нѣтъ, собирается непремѣнно написать романъ подъ названіемъ «Ложь»,—гдѣ будутъ представлены разные виды духовной лжи, изученные на опытѣ, Наѳанаиломъ, на самомъ себѣ!

Будьте спокойны. Секретъ изъ нашей семьи не выйдетъ. Всѣ хорошо понимаютъ необходимость секрета и всѣ сочувствуютъ этому дѣлу. Не сказать мнѣ нельзя было, потому что предстоящею мнѣ перемѣною въ жизни обусловливается перемѣна и ихъ жизни. Напр. въ Сентябрѣ надо мѣнять квартиру. При наймѣ дома теперь должно быть принято въ соображеніе, буду ли я жить, или нѣтъ. Точно такъ и по имѣнію. Не могу я не объяснить причины раздѣла и проч.

По желанію вашему купилъ я вамъ Распятіе, т. е. крестъ съ Распятіемъ. Я къ сожалѣнію—не имѣю никакихъ предразсудковъ! Есть кресты большіе, съ богатой рѣзьбой, но всѣ съ безобразнѣйшимъ Спасителемъ. Просто видѣть нельзя безъ отвращенія; и именно Спасителя, а остальныя черты изъ жизни его вырѣзанныя на крестѣ кругомъ,—порядочны. Но самое распятіе тутъ пропадаетъ. Я люблю Распятіе. Я купилъ вамъ то, на которомъ лучше другихъ изображенъ Спаситель, хотя оно очень просто и небогато,—къ тому же ручное. Еще купилъ я вамъ образъ Анны и Кіевской печати маленькаго формата изданія церковно славянскимъ шрифтомъ—Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, Молитвенникъ. Можетъ быть это все у васъ есть, и вамъ оно не нужно.

Здѣсь въ Кіевѣ меня тормошатъ каждый день обѣдами, вечерами. Здѣсь «День» въ большомъ почетѣ. Что за чудный городъ! И какъ хорошъ онъ именно теперь,—въ такую чудную погоду. Каюсь вамъ, что съ трудомъ вступилъ я опять здѣсь въ должность Редактора,—и слушая безконечные разсказы, которые наперерывъ сообщаются г. Редактору, я украдкой уходилъ мыслью далеко — побесѣдовать съ NN. Это письмо отсюда я пишу послѣднее. Нынче Воскресенье вечеръ (даже

ночь). Во Вторникъ вѣроятно мы выѣдемъ вечеромъ, въ Ильинъ день (воспѣтый мною въ Бродягѣ—всенощная), и черезъ недѣлю будемъ въ Москвѣ. Ѣдемъ въ своемъ экипажѣ и по дорогѣ заѣдемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ къ сестрѣ замужней.

Не знаю—будете ли вы еще писать въ Кіевъ. Не знаю—буду ли писать вамъ съ дороги. Мнѣ немножко грустно, что кончатся эти длинныя досужія мои письменныя бесѣды съ вами. Я не надѣленъ даромъ слова и писать мнѣ легче, чѣмъ говорить.

Прощайте же, мой скудельный сосудъ, мой хлѣбъ насущный. Христосъ съ вами. Будьте бодры—будьте счастливы, ради Бога! Не падайте духомъ, а вѣрьте мнѣ и въ меня и положитесь во всемъ на милость Божью,—и дайте мнѣ того, чего я у васъ прошу, и чего съ избыткомъ найдетъ въ себѣ ваша любящая душа.

Въ Москвѣ надѣюсь найти отвѣтъ на это письмо. Я пріѣду въ Москву—26 Іюля. Назначить время пріѣзда въ Петербургъ будетъ зависѣть отъ васъ. Напишите—какъ и гдѣ можно будетъ навѣстить васъ. Прощайте. Половина второго. Вы вѣрно уже легли. Пусть будетъ легокъ и пріятенъ вашъ сонъ—безмечтателенъ и безмятеженъ, и пусть завтрашній день вы встрѣтите съ бодрыми, освѣженными силами, съ тепломъ и свѣтомъ въ душѣ, съ довѣрчивымъ упованіемъ, благоухая миромъ и любовью. Прощайте, жму вашу руку—Христосъ съ вами, другъ.

25.

Съ 20 на 21 Іюля—Вторникъ—Среда. Ночь.

Черезъ нѣсколько часовъ мы ѣдемъ въ обратный путь. Съ наслажденіемъ пробылъ я шесть дней въ Кіевѣ и рѣшилъ себѣ, если Богъ позволитъ, навѣстить его вновь — но уже въ сопровожденіи XX.

Ни вчера ни нынче писемъ отъ васъ не было. Мнѣ это больно. Послѣднее ваше письмо, писанное 11 іюля и посланное 12-го заключаетъ въ себѣ такія слова, которыя, послѣ прежнихъ писемъ о свѣтломъ мирѣ и тишинѣ—произвели на меня особенно грустное впечатлѣніе: «Такъ тяжело грустно»—пишите вы—«плакать хочется»... Мнѣ не хотѣлось, чтобъ это письмо было послѣднимъ въ ряду писемъ, вызванныхъ моимъ путешествіемъ, было заключительнымъ аккордомъ. Я даже думалъ,

что вы поспѣшите мнѣ написать на другой же день успокоительное письмо, которое бы разсѣяло грусть. Но письма нѣтъ, хотя бы могло придти даже отъ 14 Іюля. Можетъ быть вы и написали, но письмо какъ нибудь осталось неотправленнымъ. Въ письмѣ отъ 11 Іюля не сказано, что это письмо послѣднее и что вы больше писать не будете.

Я утѣшаюсь только тѣмъ, что миръ опять къ вамъ возвратился.

О какъ бы я желалъ, чтобъ вы опять могли написать мнѣ со всею искренностью сердца: «мнѣ хорошо, я счастлива, у меня такой миръ въ душѣ и такъ хочется благодарить Бога»! Блюдите этотъ миръ—отъ него зависитъ и мой миръ. Всякое облачко ваше помрачаетъ и мое небо. Да будетъ же миръ Христовъ съ вами, да осѣнитъ вашу душу святая тишина, пусть будетъ въ ней свѣтло и мирно и уютно моей душѣ. Прощайте—теперь вѣроятно буду писать только изъ Москвы, около 26-го. Христосъ съ вами. Будьте же счастливы, будьте бодры, свѣтлы и мирны—и неужели безсильно это мое горячее, горячее желаніе? Жму ваши обѣ ручки.

Я распорядился, чтобъ изъ Кіева письма были отосланы назадъ въ Москву.

26.

Понедѣльникъ, 26 Іюля. 12 часовъ ночи. Москва.

Нынче вечеромъ часовъ въ 8 пріѣхали мы наконецъ благополучно въ Москву. Ровно 6 недѣль мы путешествовали, сдѣлали тысячи 4 верстъ по водѣ и сушѣ, чего чего не видали. Слава Богу—путешествіе было истинно благополучно во всѣхъ отношеніяхъ. Можете представить себѣ, какъ обрадовалась маменька. Къ счастію я нашелъ сестру Наденьку уже поправляющеюся (хотя медленно). И вообразите мою радость: здѣсь я нашелъ большой пакетъ отъ васъ — родъ дневника, присланный вами avec votre maman, comme vous dites, — и также письмо отъ 25 Іюня въ Ялту и возвращенное изъ Ялты: то самое письмо, которое я считалъ пропавшимъ! И такъ ни одно письмо не пропало. Я имѣлъ время только слегка пробѣжать ваши письма. Я завтра, отдохнувъ вполнѣ, буду лакомиться ими медленно, en savourant bien весь ихъ сокъ. Видите—какой

я гастрономъ. Благодарю васъ. Письма такія славныя, буду отвѣчать завтра же на нихъ подробно,—и кое за что побраню. Побраню за то, что не хотите быть моею совѣстью, моею правдою по избытку смиренія. Да поймите же, что мое требованіе вовсе не то значитъ, чтобъ вы были какъ сама правда, — но чтобъ любовь ваша, вашей грѣшной души, была такъ чутка, чтобы слышала все мое дурное, — чтобъ все мое дурное васъ оскорбляло и вызывало васъ на замѣчаніе, вызывало въ васъ желаніе чтобъ дурнаго во мнѣ не было. Въ этомъ смыслѣ я хочу, чтобъ вы были моею совѣстью, и вы будете ею, точно также, какъ и я вашею.

Но я такъ усталъ, не раздѣвавшись въ теченіи 6-ти дней, спавши только въ колясочкѣ, въ которой мы пріѣхали, вѣки мои такъ отяжелѣли, опухли, что съ трудомъ читаю. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось дать знать вамъ о нашемъ возвращеніи въ Москву. Думаю, что въ Четвергъ я могу выѣхать въ Петербургъ, но навѣрное еще не знаю. Будьте увѣрены въ моей скромности. Ничто и никто не выдастъ здѣсь секрета. Я вполнѣ согласенъ съ вашими доводами въ необходимости совершеннаго теперь секрета. Во всякомъ случаѣ вы получите еще отъ меня письмо до моего пріѣзда. А теперь прощайте. Молитва ваша сопровождала меня въ пути, и не покинетъ меня и теперь въ пристани. Христосъ съ вами. Спасибо вамъ за все, за все,—и хвала Божьей Правдѣ, Божьему милосердію... Нынче утромъ въ дорогѣ, и вчера—я, черезъ 12 лѣтъ безмолвія, продолжалъ въ мысляхъ «Бродягу» и начертилъ себѣ нѣсколько новыхъ сценъ и картинъ. Кланяется вамъ вся Земля Русская. Еще разъ Христосъ съ вами.

Возвратившись въ Москву, 26-го Іюля 1865 г. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ отправился 30 Іюля въ Петербургъ и тамъ на этотъ разъ бракъ его съ Анной Ѳеодоровной Тютчевой былъ окончательно рѣшенъ. Анна Ѳеодоровна въ то время состояла фрейлиной Государыни Императрицы Маріи Александровны и воспитательницей августѣйшей дочери ея, великой княжны Маріи Александровны, впослѣдствіи герцогини Эдинбургской, а нынѣ герцогини Саксенъ Кобургъ-Гота. На вступленіе Анны Ѳеодоровны въ бракъ по этому необходимо было испросить согласіе Государыни Императрицы.

Передъ поѣздкой въ Петербургъ Иванъ Сергѣевичъ написалъ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, 27-го Іюля, еще одно письмо—въ которомъ упоминается еще о дорогомъ другѣ NN. Письмо это не приводится здѣсь, такъ

какъ оно не имѣетъ никакого отношенія къ поѣздкѣ по Россіи и явится, со временемъ, прекраснымъ вступленіемъ къ той интересной и оживленной перепискѣ, которую повелъ Ив. С. Аксаковъ съ А. Ѳ. Тютчевой уже въ качествѣ признаннаго жениха ея.

Переписка эта началась съ 6-го Августа 1865 г. и заканчивается письмомъ отъ 5-го Января 1866 г. За эти пять мѣсяцевъ насчитывается сто десять писемъ Ивана Сергѣевича къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ (повидимому это все таки еще не всѣ письма и нѣкоторые должно считать уничтоженными). Изъ этихъ писемъ очень многія весьма пространны, такъ что одной этой коллекціи хватитъ почти на цѣлый томъ, подобный предлежащему.

По содержанію—это настоящій философскій романъ въ письмахъ, изобилующій интересными разсужденіями о бракѣ, о любви, о страсти, о супружескомъ долгѣ, о значеніи семьи съ точекъ зрѣнія религіозной, нравственной, общественной. Въ письмахъ этихъ вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Сергѣевичъ сообщаетъ своей невѣстѣ характеристику многихъ своихъ родственниковъ, откровенно дѣлится свѣдѣніями о своемъ незавидномъ имущественномъ положеніи, увѣдомляетъ ее подробно о ходѣ работъ по приспособленію къ жилью для новобрачныхъ усадьбы въ подмосковномъ селѣ Абрамцевѣ (близъ извѣстнаго женскаго Хотьковскаго монастыря и станціи Хотьково, Московско-Ярославской ж. д). Встрѣчаются тамъ и сообщенія о московскихъ родственникахъ, о семьѣ Сушковыхъ (Дарья Ивановна Сушкова,—сестра Ѳедора Ивановича Тютчева и тетка Анны Ѳеодоровны). Въ этой семьѣ жила Китти—Катерина Ѳеодоровна, младшая сестра Анны Ѳеодоровны—интересная переписка съ которой Ивана Сергѣевича Аксакова, вмѣстѣ съ перепиской его съ Дарьей Ѳеодоровной Тютчевой со временемъ также можетъ составить новый томъ этой Аксаковской хроники въ письмахъ.

Въ заключеніе остается замѣтить, что переписка Ивана Сергѣевича Аксакова съ Анной Ѳеодоровной Тютчевой прекратилась съ пріѣздомъ Анны Ѳеодоровны въ Москву. Бракосочетаніе ихъ состоялось 12-го Января 1866 г. въ церкви Егорія на Всполье, что на Малой Никитской.

ПИСЬМА

КЪ

Графинѣ А. Д. БЛУДОВОЙ [1]).

1861—62 гг.

1.

Москва, 7 Февраля 1861.

Благодарю васъ, добрая любезная Антонина Димитріевна, за ваше письмо, полное участія и дружбы. Неужели нѣтъ средства избавить васъ отъ вашихъ страданій, или, по крайней мѣрѣ, облегчить ихъ? Вполнѣ ли вы въ этомъ отношеніи правы передъ собою и вашими друзьями, т. е. вполнѣ ли строго лечитесь, не пренебрегаете ли леченіемъ? Это уже былъ бы положительный грѣхъ.

Вы спрашиваете: какъ устроилась наша жизнь? Внѣшнимъ образомъ она еще устроилась кое какъ, т. е. домъ, въ которомъ мы живемъ, удобенъ, просторенъ и теплый; наши, въ томъ числѣ и маменька, здоровы, т. е. не больны, какою нибудь опредѣленною болѣзнью, но маменька очень измѣнилась и видимо

---

1) Графиня Антонина Димитріевна Блудова († 7 апрѣля 1891 г.), извѣстная по своей литературной дѣятельности и какъ ревностная поборница возстановленія православія на Волыни, гдѣ ею основано Острожское Кирилло-Меѳодіевское братство и возстановлено много православныхъ церквей и школъ,— пользовалась въ то время, къ которому относятся предлагаемыя письма къ ней И. С. Аксакова, большимъ вліяніемъ въ Петербургскихъ «сферахъ» благодаря своему положенію камеръ-фрейлины, а также благодаря положенію отца ея — Графа Димитрія Николаевича Блудова, состоявшаго тогда предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта († 19 февраля 1864).

слабѣетъ. Говорить ли о томъ, что она молится и горько плачетъ по цѣлымъ ночамъ? Это въ порядкѣ вещей, безъ сомнѣнія, но все это очень, очень грустно. Нравственное мое одиночество даетъ себя знать на каждомъ шагу; некѣмъ себя провѣрить, не съ кѣмъ посовѣтоваться. Въ этомъ отношеніи мы были очень избалованы и жили безпечно, а теперь приходится стоять на собственныхъ ногахъ, и самому себя провѣрять судомъ строгимъ.

Я пришелъ къ убѣжденію однако, что намъ, оставшимся, какъ бы ни было насъ мало, разъединяться не слѣдуетъ; что необходимъ центръ внѣшній, насъ связующій, центръ, къ которому могли бы примыкать всѣ тѣ «будущіе, чаемые» цѣнители и послѣдователи Хомякова, всѣ честные таланты, которымъ недостаетъ органа. Однимъ словомъ я считаю продолженіе изданія «Бесѣды», или періодическаго сборника въ томъ же духѣ и направленіи, но подъ другимъ названіемъ — необходимымъ. Вамъ покажется эта мысль дерзкою, можетъ быть. Какъ издавать журналъ славянофильскій, безъ живительнаго внушенія, безъ строгой провѣрки Хомякова и брата Константина? Я, конечно, лучше чѣмъ кто либо вѣдаю всю трудность, всю опасность этого предпріятія. Я знаю хорошо, что мнѣ недостаетъ не только ихъ знанія и талантовъ, но и того могущества убѣжденія, которымъ они владѣли; но, мнѣ кажется, я съумѣю поддержать по крайней мѣрѣ нравственную чистоту знамени, предупредить перерывъ преданій, и дождаться, можетъ быть, времени, когда явится человѣкъ болѣе достойный, способный наслѣдовать преемство духа всего ученія. Я вполнѣ вѣрю, что мысль Хомякова и брата есть мысль жизненная и плодотворная; и она-то именно заставляетъ меня вновь пуститься на журнальное поприще. Я писалъ объ этомъ предметѣ Е. П. Ковалевскому, и получилъ отъ него отвѣтъ меня обнадеживающій. Хотя и запрещаются политическія обозрѣнія, но меня это не пугаетъ, я вовсе не вижу никакой надобности отдавать своимъ читателямъ подробный отчетъ о засѣданіяхъ англійскаго парламента, а статьи политическаго содержанія всегда могутъ найти мѣсто въ журналѣ. Конечно я бы желалъ издавать, кромѣ періодическаго сборника, и газету; говорятъ: нельзя одному лицу издавать два журнала,— но вѣдь можно издавать газету въ видѣ еженедѣльнаго при-

бавленія къ журналу, какъ теперь Катковъ при «Русскомъ Вѣстникѣ» издаетъ «Современную Лѣтопись». Однимъ словомъ нужна только la bonne volonté со стороны тѣхъ, отъ кого это зависитъ—и дѣло можетъ устроиться.

Я очень радъ за васъ и за Евгенію Сергѣевну, что вы вмѣстѣ, въ Петербургѣ, но очень жалѣю, что этому причиной нездоровье Егеніи Сергѣевны. Очень бы желалъ ее видѣть и жду обѣщаннаго ею ея пріѣзда въ Москву.

Да, какіе бы недостатки ни имѣло положеніе о крестьянахъ, день манифеста будетъ великій день, открывающій собою новую эру для Россіи; да и безъ того онъ совпадаетъ почти съ началомъ другого тысячелѣтія. Великій день!

Прощайте, добрая Графиня; будьте же поздоровѣе. Крѣпко жму вашу ручку и ручку Евгеніи Сергѣевны, и прошу васъ передать мое глубочайшее почтеніе вашему батюшкѣ.—Я дѣйствительно занятъ теперь изданіемъ «Стихотвореній» Хомякова, собранныхъ и расположенныхъ, впрочемъ, еще до моего пріѣзда, Бартеневымъ. Четыре листа уже отпечатаны. Пользуясь пріѣздомъ Самарина, устроимъ дѣло печатанья и прочихъ сочиненій Хомякова.

Нашъ адресъ теперь: на Малой Никитской, въ домѣ бывшемъ барона Корфа, нынѣ Гусева.

Скажите Евгеніи Сергѣевнѣ, что найдти ей помощницу дѣло очень трудное: это можетъ сдѣлать только она сама. Тутъ очень важно сойтись, понравиться другъ другу. Прощайте.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

2.

Суббота, 13 Мая 1861 г. Москва.

Я только что получилъ ваше благословеніе, несказанно добрая Антонина Димитріевна, и спѣшу благодарить васъ отъ всей души. Дай Богъ мнѣ явиться достойнымъ этого дара! Онъ властительно устремляетъ мысли къ высшей, серьезной дѣятельности; онъ обязываетъ меня относиться къ дѣлу важно и вдумчиво. А потомъ независимо даже отъ предмета, или вѣрнѣе отъ характера вашего дара,—дорогъ для меня просто даръ вашей дружбы, вашего участія. Всякое доброе пожеланіе, всякое искреннее дружественное напутствіе—великое благо въ

жизни, которое я и прежде горячо цѣнилъ, а теперь научился цѣнить еще выше, и за которое отъ всего сердца благодарю Бога. И какъ вы хорошо прибрали текстъ молитвы. Благая мысль!—Вы не подумайте однакожъ, чтобъ я понялъ слово: благая въ смыслѣ—сердитой, злой, блажной, напр. такъ, какъ говорится: «благая муха!» Нѣтъ, я понялъ это какъ слѣдуетъ, въ вашемъ смыслѣ!

Эта шутка, впрочемъ, доказываетъ вамъ, что я очень радъ разрѣшенію газеты. (Полагаю, что вы изъ скромности или изъ уваженія къ «канцелярской тайнѣ» не хотите прямо сказать, что газета разрѣшена). Я начну не раньше Сентября, и потому успѣю приготовиться. Желалъ бы знать однако, не наложили ль на меня какихъ либо ограниченій.

Вы предлагаете мнѣ пріѣхать въ Петербургъ. Можетъ быть я и сдѣлаю это, только позднѣе. А теперь мнѣ рѣшительно нельзя выѣхать, тѣмъ болѣе, что надо было бы выѣхать непремѣнно завтра же. И такъ, я ограничусь тѣмъ, что напишу къ Евграфу Петровичу, впрочемъ нисколько не компрометируя его.—Съ нетерпѣніемъ буду ожидать подробностей. Способъ сношенія, вами избранный, очень удобный способъ; надѣюсь, вы будете имъ пользоваться и на будущее время. Я же съ своей стороны употребляю особенные конверты, искушающіе любопытство почтамтскихъ чиновниковъ,—съ ниточкой. Кажется ихъ распечатать нельзя. Поэтому и отвѣчаю вамъ по почтѣ, не смотря на ваше запрещеніе; поэтому и позволяю себѣ называть вещи по имени, т. е. газету—газетой.

Еще разъ отъ всей души благодарю васъ и цѣлую вашу благословляющую ручку.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Потрудитесь увѣдомить о статьѣ Хомякова.

3.

Только что написалъ вамъ письмо, дорогая Графиня, какъ получилъ премилое письмецо отъ самаго Евграфа Петровича, на которое сейчасъ же и отвѣчалъ. О чемъ счелъ долгомъ васъ увѣдомить. Сообщите, прошу васъ, подробности. Ужасно хочется ихъ знать. На дняхъ буду писать къ вамъ опять.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Суббота же вечеромъ.

Нынче же получено письмо и изъ дома Княжевича къ сестрамъ съ увѣдомленіемъ о газетѣ. Но ваше извѣщеніе пришло раньше всѣхъ.

4.

21 Сентября 1861 г. Москва. Вечеръ, или ночь на 22-ое.

Я надѣялся получить отъ васъ записку, добрая Антонина Димитріевна, съ увѣдомленіемъ о томъ, какъ вы доѣхали и водворились въ Петербургѣ, но видно, васъ съ первой же минуты обхватилъ вихорь хлопотъ и заботъ и до сихъ поръ не даетъ вамъ покоя.—Я началъ было писать къ вамъ письмо съ разсказомъ о ходѣ моихъ журнальныхъ приготовительныхъ работъ, и пр., но не могу его продолжать теперь, потому что смутился духомъ. Сейчасъ былъ у меня Гиляровъ, крайне встревоженный и сконфуженный. Пришелъ запросъ изъ Главнаго Управленія Цензуры (не изъ Канцеляріи): «на какомъ основаніи цензоръ Гиляровъ пропустилъ мое объявленіе, несогласное съ Высочайше утвержденною программою». Несогласіе это указывается. Несогласіе заключается въ томъ, что порядокъ отдѣловъ у меня не тотъ: тамъ Славянскій отдѣлъ стоитъ первымъ, а у меня третьимъ; тамъ нѣтъ рубрики Московская Лѣтопись, а просто сказано: «Отдѣлъ III. Хроника важнѣйшихъ событій нашей общественной жизни и проч.» А у меня: «Московская Лѣтопись: сюда войдетъ хроника» и проч., тоже самое, только рубрика иная. Наконецъ, у меня показанъ Отдѣлъ VI—Смѣсь, котораго тамъ нѣтъ.

Безсмыслица, несправедливость и безнравственность этого запроса очевидны съ перваго взгляда. Офиціальная программа, утверждаемая Правительствомъ, имѣетъ назначеніемъ своимъ опредѣлить: характеръ, направленіе и цѣль литературнаго предпріятія, а также и рамки его. Но внутри этихъ рамокъ я имѣю право свободно двигаться. Я могу разбить иной отдѣлъ на два, иной совсѣмъ уничтожить, и т. д.—Рубрики въ газетѣ необходимы, а въ офиціальной программѣ онѣ не вездѣ и показаны. Такъ напр. въ утвержденной программѣ тотъ отдѣлъ, который у меня озаглавленъ: «Московская лѣтопись»—вовсе не имѣетъ рубрики или заглавія, а только описанъ или разсказанъ!—Если мнѣ Высочайше разрѣшено писать хронику событій въ области

администраціи, законодательства и внутренней жизни всей Россіи, то, кажется—въ этомъ уже заключается позволеніе вести и Московскую Хронику! Здѣсь же, у меня, это собственно значитъ не лѣтопись объ Москвѣ, а лѣтопись, ведомая въ Москвѣ.—Въ Отдѣлъ же Смѣси относится та мелочь, которая слишкомъ мелка для внесенія ея въ Отдѣлъ Ученый или Литературный и т. д.—Нѣтъ ни одного журнала, который, въ предѣлахъ утвержденной програмы, не измѣнилъ рубрикъ, не переставилъ отдѣловъ, и т. д.

Можетъ быть—вы услышите мнѣніе, что я долженъ былъ напечатать цѣликомъ всю утвержденную програму. Но во 1-хъ, этого правила не существуетъ, а слѣдовательно нѣтъ и обязанности. Если будутъ говорить противное, пусть укажутъ на это правило; гдѣ оно? Во 2-хъ, я представляю Правительству на утвержденіе програму, а не проектъ объявленія! Я не обязанъ печатать програму (въ ней же не выставляется ни цѣнъ, ни мѣстъ подписки, ни формата и т. п.), а печатаю объявленіе, руководствуясь програмою.

Все это очень печально. Если бъ запросъ былъ изъ канцеляріи, то я могъ бы обвинить во всемъ Канниста. Но запросъ идетъ изъ Главнаго Управленія Цензуры: значитъ, было засѣданіе и совѣщаніе, былъ протоколъ; протоколъ былъ на разсмотрѣніи Министра, имъ подписанъ и проч.—Нельзя же думать, чтобъ всѣ до послѣдней головы были такъ слабоумны, чтобъ не поразиться безсмыслицей подобнаго запроса, чтобъ не почувствовать всего неприличія подобной придирчивости. Нѣтъ ли тутъ иныхъ вліяній и интригъ?

Вы услышите, можетъ быть, услышите и отъ —ова обычную фразу: «Жаль, Аксаковъ самъ виноватъ; не соблюлъ правила» и т. д. Скажите имъ, что прежде, чѣмъ говорить это, слѣдуетъ поразмыслить и вникнуть въ дѣло. Очень можетъ быть, что *** не зналъ ничего про этотъ запросъ, но можетъ быть — онъ станетъ оправдывать Министра и обвинять меня. Если это случится, то убѣдительно прошу васъ, Графиня, истребовать, чрезъ ***, подлинную утвержденную програму, сличить съ моей, и попросить, чтобъ вамъ указали, какія есть правила на этотъ счетъ. Вы увидите, что еслибъ я и хотѣлъ, такъ не могъ бы напечатать програму буквально, ибо, повторяю, тамъ у одного отдѣла нѣтъ и заглавія, а онъ только

описанъ. Нельзя же десять строкъ описанія включить въ заглавіе!

Посп҃шность, съ которою сд҃ланъ запросъ (въ Петербург҃ былъ запросъ сд҃ланъ Цензору въ самый тотъ день, какъ напечатано объявленіе) показываетъ чью-то бдительную враждебность.—Хотя отв҃чать на этотъ запросъ не трудно, но по принятому у насъ правилу, что начальство, какъ Папа, непогр҃шительно, все таки, в҃роятно, цензору сд҃лаютъ зам҃чаніе и внушеніе, а Гилярову, въ его положеніи, это куда какъ не кстати! Онъ очень смущенъ, б҃дный.

Жал҃ю, что н҃тъ теперь въ Петербург҃ Государя. На Главное Управленіе жаловаться можно только ему, и я бы непрем҃нно довелъ о томъ до св҃денія Государя письмомъ или инымъ способомъ.

Можете себ҃ представить теперь, въ какое отношеніе становятся ко мн҃ прочіе цензора, и въ особенности мой цензоръ Петровъ. Они точно кипяткомъ ошпарены и собираются т҃снить меня на каждомъ слов҃ и смотр҃ть въ микроскопъ каждую букву. Они поражены этою заботливостью, этимъ вниманіемъ министерства, которое зам҃тило у меня то, что дозволяется другимъ, что отд҃лъ III у меня поставленъ II-мъ, прибавлена См҃сь, и т. д. (Въ «Современник҃» есть отд҃лъ: «Зам҃тки новаго поэта». Бьюсь объ закладъ, что его н҃тъ въ Высочайше утвержденной программ҃!)

А я было совс҃мъ углубился въ работу. Но есть ли возможность серьезно отнестись къ д҃лу, когда чувствуешь, что виснишь на волоск҃, что б҃да можетъ явиться, откуда не ожидаешь, что здравый смыслъ и логика, какъ основаніе осторожности, вовсе безполезны, и что есть систематическое, умышленное пресл҃дованіе, добивающееся запрещенія журнала. Если могли придраться къ рубрик҃ «См҃сь», то къ чему нельзя придраться!

Мн҃ разсказывали в҃рные люди, что Громека, служащій теперь въ Министерств҃ Внутреннихъ Д҃лъ, просилъ позволенія издавать газету, но Министръ (Валуевъ) не позволилъ, объявивъ ему, что у насъ и безъ того слишкомъ много газетъ и журналовъ; что литература наша поетъ минорнымъ тономъ, но что онъ, Министръ, хочетъ заставить ее п҃ть мажорнымъ тономъ, т. е. правительственнымъ.—Я думаю Министръ думаетъ: да ч҃мъ же я хуже Persigny? Persigny, совс҃мъ Persigny!—

При такомъ взглядѣ на литературу, понятно мнѣ теперь стремленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ перевести цензуру въ вѣденіе Департамента Полиціи. Не дай Богъ, чтобъ это случилось.

А между тѣмъ подземная печатная литература развивается необыкновенно быстро. Есть листки подъ заглавіемъ: «Что нужно народу», написанные очень искусно, и опаснѣе всего, до сихъ поръ пущеннаго. Единственное средство противодѣйствовать этой вредной литературѣ—придать значеніе литературѣ явной, дать ей больше простора. Но въ эту минуту, кода десятки тысячъ прокламацій распространяются въ народѣ, Правительство не рѣшается дозволить литератору, гражданская честность и прямота котораго ему извѣстны,—отдѣла Смѣси!... Можно ли послѣ этого, требовать отъ человѣка смиренія, кротости, вѣры въ правительство и т. п.? Нѣтъ.

И слабѣютъ—трудомъ и борьбой
Напряженныя силы души!

Помогите Гилярову.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать Графу мое глубочайшее уваженіе.

5.

22 Сентября.

Опять пишу къ вамъ, Графиня, чтобъ сказать нѣсколько словъ. Вообразите мое удивленіе, недоумѣніе и—признаюсь—негодованіе, когда я нынче, читая бумагу, присланную изъ Главнаго Управленія Цензуры съ запросомъ цензору, увидалъ на ней подпись —ва! Это мнѣ характеризуетъ человѣка вполнѣ . . . . А можетъ быть, я и ошибаюсь. Можетъ быть онъ протестовалъ?

Посылаю вамъ письмо ко мнѣ Кояловича, автора Исторіи Уніи и профессора Петербургской Академіи Духовной. Для меня и разумѣется для васъ также узнать, что есть на свѣтѣ лишній человѣкъ, человѣкъ съ душою и съ пламеннымъ чистымъ убѣжденіемъ—составляетъ истинное пріобрѣтеніе. Не правда ли, какое славное письмо. Возвратите его мнѣ.

Бывшій студентъ московскаго университета, очень близко мнѣ

знакомый. Константинъ Миладиновъ, котораго братъ былъ учителемъ въ Кукушѣ, по возвращеніи въ Болгарію, посаженъ, вмѣстѣ съ братомъ въ крѣпость въ Константинополѣ, или въ темницу—я хотѣлъ сказать,—такую, изъ которой живыми не выходятъ.

Нельзя ли его оттуда выручить?

Я вчера не читалъ, а нынче прочелъ самую бумагу изъ Главнаго Управленія.—Тутъ не объяснено, въ чемъ несогласно мое объявленіе съ программой, а просто сдѣланъ запросъ, на какомъ основаніи цензоръ дозволилъ себѣ пропустить объявленіе измѣненное противъ программы.

Маменька и Вѣра свидѣтельствуютъ вамъ свое искреннее почтеніе.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

6.

25 Сентября, вечеръ. 1861 г. Москва.

Любезнѣйшая Графиня! Благодарю васъ за скорый отвѣтъ, не смотря на то, что у васъ такъ мало времени и такъ много хлопотъ, суеты и всякихъ личныхъ и не личныхъ огорченій. Гиляровъ успокоился вашимъ отвѣтомъ, хотя и думаетъ, что «ради формальности» ему пришлютъ такъ, маленькій выговорчикъ. То, что *** кажется формальностью, здѣсь, въ глазахъ Щербинина и прочихъ цензоровъ является страшной угрозой. Цензурный комитетъ написалъ объясненіе удовлетворительное, но въ успокоеніе правительства (?) Щербининъ написалъ въ отвѣтъ, что кромѣ двухъ цензоровъ, онъ самъ будетъ цензуровать каждую мою строчку.

Какая скверная исторія съ Михайловымъ, и какъ все это не кстати. Мнѣ очень непріятно, что вышло нѣкоторое тожество выраженій, хотя, конечно, никто бы никогда не могъ заподозрить меня въ расположеніи къ рѣзнѣ и убійствамъ! Я впрочемъ не встрѣчалъ ни одного здѣсь, кто бы говорилъ о прокламаціи безъ отвращенія. Но тѣмъ не менѣе сдѣлаютъ великую ошибку, если отнесутся серьезно къ такой глупой, безплодной попыткѣ. Это ему слишкомъ много чести.

Поблагодарите отъ меня ту, которая привѣтствуетъ мой многотрудный День дружескимъ благословеніемъ. Я очень цѣню привѣтъ.

Завтра для меня грустный день, день моего рожденья.

Прощайте, цѣлую ручку вашу. Правда ли, что Черногорія проситъ помощи у Австріи? Маменька и сестра вамъ очень кланяются. Подписка идетъ очень туго пока. Всѣ говорятъ: «газета могла бы быть хороша, но цензура сдѣлаетъ то, что она будетъ хуже всѣхъ, потому что другимъ пропустятъ, ему не пропустятъ и она будетъ во всемъ отставать».

Нѣтъ ли извѣстій отъ Евгеніи Сергѣевны?

Прощайте, передайте мой низкій поклонъ вашему батюшкѣ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Напишите, въ чьемъ домѣ вы живете.

7.

4 Октября 1861 г.

Добрая Антонина Димитріевна. Посылаю вамъ статью моего покойнаго брата. Прежде всего прочтите ее: она не велика. Эту статью самаго нравственнаго содержанія, безъ намековъ и примѣненій, статью, разсматривающую отвлеченный нравственный вопросъ—цензура не пропускаетъ! Я прошу васъ убѣдительно, ничего не говоря министру о томъ, что цензура затрудняется, употребить всѣ ваши усилія, чтобы эта статья была пропущена немедленно. Я непремѣнно хочу, чтобы у меня въ первомъ же номерѣ были статьи Хомякова и брата. Въ ихъ обществѣ начну я свой подвигъ—продолженіе ихъ подвига. Такъ какъ идти оффиціальной процедурой было бы слишкомъ долго, то прошу васъ послать отъ себя министру съ тѣмъ, чтобы онъ прочелъ и подписалъ, что съ своей стороны препятствій къ напечатанію не имѣетъ. Нынче что у насъ? Среда. Письмо пойдетъ завтра. Вы получите его въ пятницу утромъ. Если въ субботу вы мнѣ ее возвратите, то въ воскресенье я ее получу, и она успѣетъ явиться въ 1-мъ номерѣ. Не пропускать этой статьи просто безнравственно! Вообще мое положеніе крайне тяжелое. Вообразите, что каждую статью читаютъ сначала порознь: Гиляровъ, Петровъ и Щербининъ. Потомъ она же, статья, разсматривается ими на конференціи, состоящей изъ этихъ трехъ господъ. Обыкновенно цензоръ Петровъ, недовольный снисходительностью Гилярова и Щербинина, требуетъ, чтобы эту же статью разсмотрѣть вновь въ полномъ составѣ цензурнаго ко-

митета. Узнавши объ этомъ, я самъ отправляюсь въ цензурный комитетъ, и тамъ, у дверей комитета усаживаюсь и жду. Двери безпрестанно растворяются, члены выходятъ въ пріемную и конфузятся, видя меня и зная, что не уйдутъ отъ объясненій со мною. Это дѣйствуетъ, и нѣсколько статей, забракованныхъ на конференціи, пропущено такимъ образомъ. Но сколько времени теряется, сколько крови портится! Много подпортилъ дѣло *** съ своимъ послѣднимъ запросомъ. Онъ считаетъ, что это одна формальность, а здѣсь не такъ смотрятъ. Здѣсь, въ этой бдительной придирчивости увидали указаніе правительства быть какъ можно болѣе придирчивымъ. Нельзя ли ***, какъ члену главнаго управленія цензуры, дать знать подъ рукой московской цензурѣ, чтобы она не была такъ безумно строга. Такъ издавать—нѣтъ никакой возможности. Надо пойти въ матеріалисты, какъ Ермоловъ хотѣлъ идти въ нѣмцы, чтобы имѣть благосклонность правительства.

А номеръ кажется выйдетъ хорошъ. Я думаю, вы будете довольны моей передовой статьей. Преловкая, право! Знаю, что вы въ этомъ сомнѣваетесь, но вотъ увидите.

Во всякомъ случаѣ, Графиня, дайте мнѣ непремѣнно знать къ Воскресенью, въ какомъ положеніи дѣло. Постарайтесь, чтобы пропустили въ тотъ же день. Если это не пропустятъ, то нельзя будетъ напечатать: «слѣдуетъ быть честнымъ человѣкомъ, или умъ необходимъ». Скажутъ, это намекъ на правительство, ... ! Пожалуйста, графиня!

Весь вашъ душою Ив. Аксаковъ.

Какъ это жаль, что вы хвораете!

8.

Съ четверга на пятницу 5/6 Октября 1861 г.

Только нынче получилъ я отъ Филаретова ваше письмо, дорогая Антонина Дмитріевна, и немедленно исполнилъ ваше порученіе, т. е. отослалъ съ нарочнымъ письмо Анны Ѳеодоровны Катеринѣ Ѳеодоровнѣ. Какое славное ваше письмо! Вотъ бы напечатать! Но кое-чѣмъ я таки воспользуюсь. Вы это знайте теперь, когда пишите ко мнѣ! Вполнѣ, всей душой раздѣляю ваше негодованіе. Не только слухъ, или «уши вянутъ»,

отъ всѣхъ безсмысленныхъ, гнилыхъ рѣчей, но душа вянетъ въ этой вонючей атмосферѣ, исполненной нравственныхъ міазмовъ разлагающагося общества. О, какъ рвется слово наружу, какъ хотѣлось бы сорвать маску съ этой лжи, обличить всю внутреннюю гниль и пустоту этихъ бездушныхъ душъ, и какъ больно стѣсненіе! Нѣтъ состоянія мучительнѣе, какъ не смѣть указать на лекарство тяжко больному. Печатно я выражать этого не стану, но про себя думаю, едва ли этому обществу есть возможность покаянія и спасенія. Ложь должна совершить свой кругъ вполнѣ.

Но ради Бога устройте, чтобы не вздумали, напримѣръ, запрещать «Современникъ». Этимъ лишать насъ возможности нападать на него и громить его; «Современникъ» попадетъ въ мученики и герои, будетъ продаваться на вѣсъ золота, и много, много пройдетъ времени, когда утратится обаяніе этого запрещеннаго плода!

Я послалъ вамъ нынче съ Оболенскимъ статью моего брата. Мнѣ совѣстно обременять васъ порученіями, и еще совѣстнѣе настаивать и торопить. Простите, сдѣлайте милость. Къ тому же я знаю, Путятину и Делянову теперь не до того. Но какъ же быть? Объясните графу Путятину, что единственнымъ проводникомъ добра и порядка можетъ быть литература, и преимущественно московская, а именно «Русскій Вѣстникъ» и «День». Здѣсь происшествія Петербурга возбуждаютъ чувство омерзенія къ обществу и негодованія на Правительство. Пріѣхалъ въ Москву депутатъ отъ петербургскихъ литераторовъ приглашать подписать адресъ, уже по обнаруженіи вины Михайлова, о томъ что литература не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, но ходатайствуетъ о смягченіи наказанія, что преступленіе его произошло отъ стѣсненія слова, но будь слово свободно, то мы будемъ поддерживать правительство и проч. Все это ложь и дерзко и подловато къ тому же; во всемъ этомъ нѣтъ ни слова искренности. Собрались мы у Каткова, человѣкъ 30. Такого полнаго fiasco, какой испыталъ петербургскій депутатъ, я и не видывалъ. Долженъ вамъ сознаться, что я сильно ораторствовалъ противъ его адреса. Ни одинъ голосъ не поднялся въ его пользу, и онъ, такъ, ни съ чѣмъ и уѣхалъ. Только вы этого не разсказывайте. Вы все таки ни personnage haut placé — для дру-

тихъ, и сообщать такому персонажу такія вещи — покажется неблаговиднымъ съ моей стороны.

Вообразите, Бутковъ прислалъ предписаніе, чтобы по крестьянскому дѣлу, безъ его дозволенія, не смѣть перепечатывать даже то, что помѣщается въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», слѣдовательно офиціальныхъ газетахъ; не перепечатывать никакихъ журналовъ губернскихъ присутствій. Самъ ли онъ это, или Главный Комитетъ? Бумага, намъ объявленная, отъ его только имени.

Прощайте. Пишите мнѣ ваше мнѣніе о всякомъ № моей газеты, по крайней мѣрѣ сначала. Славянскій отдѣлъ будетъ у меня очень жидокъ, пока не устроится то, о чемъ теперь хлопочутъ въ Петербургѣ. Прощайте. Аннѣ Өеодоровнѣ не слѣдуетъ подписываться, я назначилъ ей экземпляръ и безъ того. Подписка идетъ пока туго.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Передайте мой глубокій поклонъ вашему батюшкѣ. Маменька и сестра вамъ кланяются дружески.

Болгаре студенты не принимаютъ ни малѣйшаго участія въ движеніи здѣшнихъ студентовъ.

9.

8/9 Октября 1861 г. Москва.

Благодарю васъ, любезнѣйшая Графиня, за хлопоты и за вашу милую аккуратность. Я ожидалъ отвѣта министра и пущу статью офиціальнымъ путемъ, а вмѣсто нея помѣщаю другую статью брата, которую цензура пропустила. Обратите вниманіе на мою статью въ славянскомъ отдѣлѣ. Вообще, кажется, придется мнѣ много писать самому, сотрудниковъ нѣтъ, или всѣ одержимы непробудною лѣнью.

Передайте мою живую благодарность Ѳ. Ив. Тютчеву за присылку прекрасныхъ стиховъ. Они пойдутъ во 2 №, ибо въ 1-мъ уже имѣются его стихи. Вообразите, что я долженъ много статей уже пропущенныхъ исключить изъ 1-го № по недостатку мѣста, и именно цѣлый отдѣлъ критическій. Всего обиднѣе мнѣ, что по части мироваго посредничества нѣтъ у меня ни одной статьи. Всѣ, безъ исключенія, мировые посредники обманули и ничего не прислали.

Студенческое движеніе у насъ прекратилось или лучше сказать разложилось само силою собственной пустоты и безсмысленности. Прощайте, будьте здоровы.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

10.

9 Октября 1861 г.

Два слова. Благодарю очень за статью—переводъ изъ «Галицкаго Слова». Я самъ думалъ объ этомъ. Но она не можетъ поспѣть въ 1 №, а помѣстится во 2-мъ. Въ 1-мъ № у меня статьи посильнѣе этой. Цензура пропустила, воображая, что по этой части я имѣю carte blanche. Это она сама выдумала, но я не вывожу ее изъ этого заблужденія. Пришлите мнѣ адресъ Ковалевскаго Егора Петровича, а также и Евграфа Петровича.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Пришлите мнѣ, прошу васъ, добрая Графиня, также адресъ Александра Николаевича Попова и адресъ Евгеніи Сергѣевны. Что ваше здоровье?

11.

12/13 Октября 1861 г.

Простите: маленькое порученьице. Вотъ статейка (довольно пошлая) присланная мнѣ изъ Калуги. Этой пошлости безъ дозволенія Буткова нельзя печатать. За то, говорятъ, онъ недолго задерживаетъ. Но такъ какъ онъ почему то, вовсе меня не зная, выразилъ нѣкоторое предубѣжденіе противъ меня, то я не рѣшаюсь посылать къ нему прямо отъ себя, какъ дѣлаютъ другіе, а обращаюсь къ вамъ, добрая Графиня, съ просьбою: послать къ нему тотчасъ же: онъ въ 5 минутъ подпишетъ, а вы пришлите ко мнѣ и укажите, какъ бы на будущее время найти способъ не безпокоить васъ.

У насъ нынче произошло побоище студентовъ, т. е. ихъ собственно побили. Они пошли толпой къ генералъ-губернатору просить объ освобожденіи товарищей и стали на площади противъ дома. Имъ предложили разойтись, они не послушались,

тогда явились два эскадрона жандармовъ и солдаты, бывшіе въ засадѣ и на готовѣ, бросились на студентовъ, они бѣжать, кто драться, нѣсколькихъ студентовъ тяжело ранили, человѣкъ 200 захватили и загнали въ часть (тутъ напротивъ), за остальными пустились въ погоню и т. д. Народъ помогалъ ловить, воображая съ чего-то, что это дворяне пришли просить, чтобъ закрѣпостили опять крестьянъ. Надобно сказать правду, что Тучковъ до послѣдней минуты не хотѣлъ употреблять силы, но уже двѣ недѣли сряду профессора ругаютъ его за недостатокъ энергіи и упрекаютъ въ слабости, а Исаковъ, пріѣхавши и подъ вліяніемъ профессоровъ, потребовалъ отъ Тучкова употребленія военной силы . . . . . . Накануне студенты просили Исакова, поймавъ его въ университетѣ, принять отъ нихъ прошеніе; онъ отказалъ, они его выругали площаднымъ образомъ ему въ глаза. Хорошее угощеніе приготовили Государю для его возвращенія!

Все это такъ быть должно. Ложь должна совершить свой историческій кругъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

12.

13 Октября 61 г. Москва.

Мы съ вами переписываемся такъ же часто, какъ и въ Москвѣ, любезная Антонина Димитріевна. Вотъ еще новая просьба: скажите вашему брату Вадиму Димитріевичу, что онъ получитъ отъ книгопродавца Кожанчикова тюкъ, въ которомъ находится 100 экземпляровъ «Дня». На внутренней оберткѣ только надпись: В. И. Балабину въ Вѣну. Балабину же я пишу, чтобъ онъ, оставивъ у себя извѣстное число экземпляровъ, остальные всѣ отдалъ Раевскому, имѣющему разослать ихъ во всѣ концы Славянскаго міра, кромѣ Россіи. Этотъ тюкъ я предполагалъ прежде послать чрезъ курьера, но въ понедѣльникъ отправляется прямо въ Вѣну Филаретовъ, такъ пусть Графъ отдастъ ему этотъ тюкъ. Подобный тюкъ будетъ доставляться къ графу Вадиму каждую недѣлю и пусть онъ изыщетъ способы къ немедленной отсылкѣ ихъ въ Вѣну чрезъ курьеровъ, или иначе. Затѣмъ прошу васъ, Графиня, передать Филаретову прилагаемыя письма. Я думаю, вы его увидите передъ отъѣздомъ. Это письмо вы получите

въ одно время съ 1 № моей газеты. Если успѣю написать маленькую статеечку по поводу рѣшенія принятаго Черниговскимъ губернскимъ присутствіемъ, то пришлю вамъ съ тѣмъ чтобы исхитить на нее согласіе Буткова.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

13.

Ноябрь. Пятница вечеръ.

Очень радъ, что вамъ лучше, любезнѣйшая Графиня, сколько можно судить о томъ по послѣднему письму вашему. Странно, что г. Бутковъ позволяетъ себѣ задерживать такъ долго статьи. Этого еще недоставало!

Вы въ вашемъ письмѣ, кажется, всего болѣе заботитесь не о томъ, чтобы ободрить меня привѣтомъ въ моемъ трудномъ подвигѣ, а о томъ, чтобы я не впалъ въ грѣхъ гордости и не былъ захваленъ! Да никто и не захвалитъ, не безпокойтесь!— Я получилъ кучу разныхъ отзывовъ анонимныхъ и не анонимныхъ. Одни упрекаютъ за робость относительно вѣры, другіе за упоминаніе слова: «православіе» и проч. Одни совѣтуютъ соединиться съ Аскоченскимъ, другіе подозрѣваютъ въ солидарности съ Аскоченскимъ! Вообще же довольны, но ждутъ слѣдующихъ нумеровъ. Вы, можетъ быть, будете недовольны моей передовой статьей во 2-мъ №. Если другіе будутъ недовольны, потрудитесь унирать ихъ взоры на слово теоріи, вставленное цензорами. Надѣюсь также, что мое обращеніе къ полякамъ въ славянскомъ отдѣлѣ, весьма полезное для правительства, примиритъ со мною недовольныхъ. Если же правительственные люди не разсердятся, а задумаются надъ моими словами, такъ это будетъ полезно. Нѣтъ возможности осудить гнилое движеніе современнаго общества, не осудивъ и противоположной стороны: обѣ стороны равно виноваты. Отдайте мнѣ справедливость хоть за умѣренный тонъ статьи моей о Черниговскомъ губернскомъ присутствіи.

Прошу васъ, дорогая Графиня, присылать мнѣ по прежнему вырѣзки изъ газетъ: вы видите—нѣмецкая газета пошла въ дѣло. Не думайте, что газета сама собою печатается, сама ложится подъ прессъ и пр. Нѣтъ, она печатается страннымъ напряженіемъ усилій и заботъ и требуетъ содѣйствія со стороны.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

14.

Воскресенье вечеромъ 15 Октября 1861 г.

Чувствую, что очень скверно съ моей стороны употреблять во зло ваше снисхожденіе, дорогая Антонина Димитріевна, но именно потому что я знаю вашу неутомимую доброту, я рѣшаюсь безпокоить васъ еще разъ—но уже въ послѣдній, завтра справлюсь, какъ дѣлаютъ другія редакціи, и буду посылать ему (т. е. Буткову) прямо отъ себя, а теперь прошу васъ послать къ нему прилагаемыя три статейки на быстрый просмотръ: но, право, это въ послѣдній разъ. Мнѣ ужасно совѣстно безпокоить васъ въ то время, когда вы, можетъ быть, нездоровы, и когда вамъ не до того, уже вслѣдствіи разныхъ печальныхъ событій, совершающихся и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Варшавѣ.— Вы теперь уже имѣете и, можетъ быть, прочли 1 № Дня. Въ неблагопріятное время онъ является; не туда обращены умы; слухъ запертъ для серьезнаго слова; теперь громче газетъ говоритъ языкъ событій. Впрочемъ, кажется, сколько можно судить, «День» понравился. Посмотримъ на дѣлѣ, что скажетъ подписка. Съ нетерпѣніемъ буду ждать отзыва вашего о мнѣніи вашемъ и Графа Димитрія Николаевича. Другихъ-близко принимающихъ къ сердцу судьбу моей газеты, теперь и нѣтъ въ Петербургѣ. Сообщите мнѣ, что вамъ будетъ писать объ немъ Катерина Ѳедоровна.

Трудно, Антонина Димитріевна. И никто такъ не чувствуетъ трудность настоящаго времени, какъ публицистъ или редакторъ газеты, обязанной сказать свое слово среди настоящихъ передрягъ и стѣсненный въ своемъ словѣ. Не знаю, разрѣшилъ ли я себѣ эту задачу въ передовой статьѣ 2 №. Прощайте, пожалуйста будьте здоровы, жму вашу ручку.

Ив. Аксаковъ.

15.

Воскресенье, 22 Октября 1861 г., ночь на 23.

Если въ послѣднемъ моемъ письмѣ была какая то тѣнь упрека, дорогая Графиня, такъ это происходило отъ нетерпѣнія знать скорѣе ваше мнѣніе, читать вашъ отзывъ. Я получилъ между тѣмъ вновь ваше письмо и нынче опять письмо и по-

сылку съ Оболенскимъ. Прежде всего—очень грустно, что вы все нездоровы. Что же у васъ—лихорадка или ревматизмъ въ ногахъ? Толкомъ ли вы лечитесь? Тѣмъ болѣе цѣню я ваше вниманіе и заботливость.—Получилъ я нынче отъ Гильфердинга ту самую статью, которую вы мнѣ прислали тогда въ переводѣ (изъ газеты «Слово»): онъ просто на просто ее списываетъ, а не переводитъ, да еще посылаетъ съ оказіей!... А она уже давно нами напечатана! Проворенъ, нечего сказать.

Что это дѣлается съ Бутковымъ? Онъ извѣстенъ тѣмъ, что проворно отсылаетъ посылаемыя ему статьи, а доставленныя мною черезъ васъ держитъ такъ долго? Нельзя ли ему объяснить, во 1-хъ, что, заведя такой глупый порядокъ цензуры, онъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, исполнять обязанность, какъ настоящій цензоръ, не задерживая статей; во 2-хъ, что вы ему посылаете статьи вовсе не для разсмотрѣнія и для вычеркиванія, а для формы, для одной его подписи. Что это онъ вздумалъ вычеркнуть въ той статьѣ, которую онъ возвратилъ черезъ васъ, въ печатной?! Да это 20 разъ было уже напечатано и пропущено къ печати имъ самимъ. Онъ рѣшительно къ вамъ и ко мнѣ придирается. Попробую послать черезъ Щербинина, безъ означенія, что это для газеты «День»: не будетъ ли онъ проворнѣе и снисходительнѣе? Отъ 14-го Октября представлена изъ Московскаго Цензурнаго Комитета на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры статья моего брата, которую я посылалъ къ вамъ. Пора бы ужъ ей и возвратиться. Сдѣлайте одолженіе, попросите И. Д. Делянова ускорить пропускъ и возвращеніе этой статьи. Онъ обязанъ хоть что нибудь для меня сдѣлать, потому что допущеніемъ глупаго запроса, имъ подписаннаго, ухудшилось въ 10 разъ мое положеніе.

Если цензура будетъ постоянно отнимать у меня столько времени, сколько теперь, то силъ моихъ положительно не хватитъ. Я, чтобы вознаградить потерянное время, долженъ сидѣть каждый день до 4-хъ часовъ ночи. Надо и писать статьи, и читать все присылаемое, и вести обширную корреспонденцію, и держать корректуры, и слѣдить за газетами и журналами, и наконецъ видѣться кое съ кѣмъ, чтобы знать настроеніе умовъ и проч. Напр. вчера я сидѣлъ до 4-хъ часовъ ночи и написалъ статью передовую для 3-го №. (Вы были бы истинно довольны мною, прочитавъ ее: не лирическая, и никогда ничего

умѣреннѣе я не писалъ.) Нынче утромъ въ 10 часовъ везу къ Гилярову на Пятницкую улицу: онъ очень, очень доволенъ, но пропустить самъ собою не можетъ. Ѣду отъ него къ другому цензору, Петрову, на Стоженку; такъ какъ меня цензуруетъ и предсѣдатель, то оба цензора безъ него ничего не смѣютъ подписать: ѣду на Сивцевъ Вражекъ—предсѣдателя дома нѣтъ. Гиляровъ объявилъ, что поѣдетъ къ Щербинину вечеромъ говорить въ пользу моей статьи: у него конференціи по вечерамъ, и просилъ меня туда пріѣхать вечеромъ. Отрываюсь вечеромъ отъ работы, ѣду къ Щербинину: опять дома нѣтъ, какой-то его зять пріѣхалъ; цензора, говорятъ, были, да не застали. Я оттуда опять къ Гилярову на Пятницкую: и его дома нѣтъ! Возвращаюсь, посылаю къ нему человѣка, требую статью назадъ, и завтра утромъ ѣду къ Щербинину: но онъ не рѣшитъ дѣло безъ конференціи вечерней, а вечеромъ завтра Петровъ, для безопасности, потребуетъ переноса дѣла въ Цензурный Комитетъ, во вторникъ. Если статья не пройдетъ, то вѣдь надо напечатать другую, но ее слѣдуетъ написать. А написать не такъ легко тому, кто пишетъ съ нѣкоторымъ участіемъ внутреннимъ. И когда писать? Нѣтъ возможности писать на каждый № по двѣ, по три передовыхъ статьи въ запасъ. Но если статью эту не пропустятъ, то я пришлю ее вамъ, чтобъ вы испросили хоть Высочайшее повелѣніе на напечатаніе. Долго ли это будетъ продолжаться? И какъ тутъ хранить воздержанность, умѣренность и проч. И много тутъ подпортилъ дѣло Иванъ Давыдовичъ со своимъ запросомъ, который напугалъ цензоровъ страшно: они поняли, что это придирка явная, но именно въ этомъ то и увидѣли намѣреніе Министерства придираться всячески ко мнѣ.

Маменька и сестра вамъ очень кланяются и жалѣютъ о вашемъ нездоровьи. Не присылайте мнѣ «Народные Листы», я ихъ получаю по почтѣ.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

16.

Ночь на субботу 27/28 Окт. 1861 г.

Ну вотъ и 3 №, Графиня. Вы, прочтя передовую статью, никакъ не догадаетесь, чего же тутъ было такъ безпокоиться Щербинину и К°. А онъ ни живъ ни мертвъ, и уже послалъ

Министру бумагу, pour conjurer l'orage. Какъ бы онъ ся этимъ не притянулъ! До того дошла оргія или delirium цензурной трусости, что напр. у меня сказано было «студентское дѣло само напрашивается на осужденіе», слова: студентское дѣло вычеркиваютъ. Даже и осудить нельзя! Вмѣсто цвѣтъ желтый, у меня стояло голубой: вычеркнули. Ну да это еще понятно. Ну ужъ если бы вы знали, какъ разозлились на меня и на Ламанскаго Хохлы и Поляки. У нихъ въ этихъ случаяхъ всегда одна уловка: прикидываться лежачими, беззащитными, говорить, что имъ отвѣчать нельзя, опасно, что мы угождаемъ «силѣ», и что статья Ламанскаго—доносъ, а я—хочу распалить вражду и т. п. Какъ бы не вздумали, въ самомъ дѣлѣ, какъ нибудь ихъ преслѣдовать.

Архимандритъ Софроній Болгарскій желаетъ имѣть съ вами таинственное свиданіе. Вы вѣроятно не откажете ему въ этомъ. Онъ просилъ меня ходатайствовать за него объ этой милости у васъ. Онъ, кажется, очень хорошій человѣкъ.

Въ № 3 есть письмо изъ Кіева. Между нами оно мое, я написалъ его подъ впечатлѣніемъ разныхъ разсказовъ объ Кіевѣ. Но боюсь, что оно не совсѣмъ ловко и подастъ поводъ къ недоразумѣніямъ: подумаютъ, что я совѣтую тѣснить и бить Поляковъ, тогда какъ я совѣтую только объявить имъ честно и прямо воззрѣніе правительственное.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

17.

20 Октября 61 г.

Что мнѣ съ вами дѣлать, Графиня! Вы меня обезоруживаете тѣмъ, что больны, ставите себѣ піявки и вообще слишкомъ горячо принимаете къ сердцу все касающееся моей газеты,—а право можно было бы на васъ и посердиться. Постараюсь объяснить вамъ дѣло какъ можно спокойнѣе.

Какъ мнѣ ни жаль это, но вѣдь мы съ вами не во всемъ согласны, и такъ какъ я провожу свой, а не вашъ взглядъ, то мнѣ еще не одинъ разъ придется огорчить васъ статьями, которыя вамъ не по сердцу. Подумайте сами: развѣ не противоестественъ, не чудовищенъ воображаемый вами мой союзъ съ Петербургскимъ правительствомъ, со Дворомъ и т. д. Я иду своей

дорогой: если вамъ и вашимъ приходится пройти со мною un bout de chemin по одной дорогѣ, я очень радъ, но я знаю и помню хорошо то, что вы не пойдете, не отважитесь идти туда, куда ведетъ меня моя дорога.—Вашъ путь идетъ въ сторону, а я съ своей дороги не сворачиваю и не сворочу. Позвольте мнѣ считать себя лучшимъ судьею въ томъ: вѣренъ или невѣренъ я славянофильскимъ принципамъ. Я вамъ всегда говорилъ, когда вы ручались за меня en haut lieu, что вы берете на себя слишкомъ большую отвѣтственность, что я не отступлю отъ своихъ убѣжденій ради деликатности; извольте меня знать и разумѣть какимъ я есть, а сдѣлать изъ меня Hofpoёt'а или Hofpublicist'а вамъ не удастся. Я пишу вовсе не для того, чтобы имъ нравилось,—а нравится имъ, что я пишу, тѣмъ лучше для нихъ. Что Евграфу Петровичу не нравится моя статья, это въ порядкѣ вещей, такъ и быть должно: а развѣ мнѣ его управленіе министерствомъ и все, сочиненное имъ для университетовъ, нравится? Нисколько.—Это меня ни малѣйшимъ образомъ не смущаетъ.—Что не нравится вашему батюшкѣ—это мнѣ искренно прискорбно, но это я приписываю неясности статьи или какому нибудь недоразумѣнію: онъ читалъ или вѣрнѣе слушалъ статью уже предубѣжденный. Что Ѳедоръ Ивановичу не нравится—это меня просто удивляетъ: для него не должно было-бы быть даже и недоразумѣнія! Онъ можетъ называть статью неосторожной, не дипломатической, наконецъ неловко выраженной, но я никакъ не предполагалъ (впрочемъ я его мало знаю), чтобъ онъ былъ противъ идеи самой статьи.—Что Делянову не нравится? Въ порядкѣ вещей! Что Княжевичу не нравится? Въ порядкѣ вещей! Что Урусову не нравится? Я бы усомнился въ правдѣ своей статьи, если бы она ему понравилась. Что Долгорукову не нравится? Слава Богу!

Что вамъ не нравится—это меня искренно огорчаетъ и доказываетъ, что вы просто на просто не поняли моей статьи. Вы очень мило начинаете мнѣ толковать о значеніи и необходимости законовъ и т. д. Но кто же вамъ говоритъ противное? Развѣ я что нибудь подобное проповѣдую? Я проповѣдую самому закону: знай сверчекъ свой шестокъ, не суйся въ ту область, гдѣ тебѣ не мѣсто, и не считай себя непреложной истиной и полнѣйшимъ выраженіемъ правды.—Чичеринъ сказалъ, что для юриста (помните это для юриста, а не просто для

гражданина: какъ это у васъ въ Петербургѣ читать не умѣютъ!) повиновеніе закону и проч., есть такая же аксіома, какъ $2\times2=4$ для математика. Зная полицейскій элементъ всѣхъ доктринъ Чичеринскихъ, я замѣтилъ ему, что эта житейская аксіома не входитъ въ кругъ соображеній юриста; что профессоръ не есть квартальный, и что напротивъ для юриста важно отношеніе жизни къ закону. Все это совершеннѣйшая истина; можно и должно повиноваться всякому даже глупому закону, коли совѣсть позволяетъ, но не слѣдуетъ благоговѣть передъ закономъ, какъ передъ абсолютной истиной; $2\times2=4$ есть вѣчная, непреложная, неизмѣнная, безусловная истина: съ нею-то сравнилъ Чичеринъ всякій законъ, который, какъ ни будь онъ хорошъ, подлежитъ условіямъ времени, мѣста, зависитъ отъ случайныхъ, нерѣдко и самыхъ неразумныхъ причинъ.—Императоръ Павелъ хотѣлъ объявить себя главою церкви и служить обѣдню. Какъ по вашему: слѣдуетъ благоговѣть предъ этимъ закономъ? Вы скажите: да ужъ этотъ законъ касается вѣры и проч. А, такъ вы все же полагаете ему предѣлы. Законъ предписывалъ женѣ доносить на мужа въ политическихъ преступленіяхъ: чтожъ, это такая же истина, какъ $2\times2=4$? Вы скажете: да, но это область нравственности! Опять вы уже ограничиваете дѣйствіе закона.— Но я вовсе и не проповѣдываю гражданамъ неисполненіе закона: это дѣло ихъ собственной совѣсти и жизни. Но юристъ, т. е. ученый, изслѣдующій теорію законовъ и науку права, долженъ насквозь проникнуться тою истиною, которую я проповѣдываю, долженъ знать предѣлы закона, чтобы не писать законовъ для той области, куда ему соваться не слѣдуетъ, долженъ понимать всю условность и ограниченность законодательной формулы, долженъ помнить, что есть законъ нравственный и правда, которая выше всякаго скрѣпленнаго и подписаннаго человѣческаго закона, долженъ думать, наконецъ, не о томъ, чтобы карать неисполненіе закона, а о томъ, почему такой законъ не исполняется.—Законы наши уголовные несовершенны, но знаете-ли, что бы вышло, еслибъ принять въ душу вашу и Чичеринскую бездушную теорію. Передъ вами преступникъ, обвиняемый, напр., въ томъ, что проѣхалъ по чужой подорожной. По нашимъ законамъ — за это Сибирь, или въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, это сплошь да рядомъ дѣлается, это дѣлалъ и я, поспѣшая куда-то за сто

верстъ, и не имѣвъ времени взять подорожной. Положимъ, этого дѣлать не слѣдуетъ, но видите-ли—я могъ быть и былъ потомъ хорошимъ чиновникомъ и вообще полезнымъ слугою отечества. Хорошо-ли бы сдѣлалъ судья, если-бы, на основаніи закона, не принимающаго у насъ въ Россіи въ разсчетъ никакихъ circonstances atténuantes, или принимающій въ весьма слабой степени,—онъ сослалъ бы меня въ Сибирь. Чичеринское и ваше сердце, благоговѣющія передъ буквою закона, радовались бы тому, что законъ такъ ловко и несомнѣнно подошелъ къ преступленію и что законъ исполняется.—А я, я, который былъ и оберъ-секретаремъ, и предсѣдательствующимъ въ уголовной палатѣ, я счелъ бы себя виновнымъ, еслибы исполнилъ такой гнусный законъ. Въ Англіи и во Франціи есть судъ присяжныхъ, вносящій въ дѣло суда элементъ нравственный; въ Россіи же уголовный судъ есть мертвый механическій процессъ, хотя предметъ суда: человѣкъ, жизнь и страсти человѣка. Эхъ, Антонина Димитріевна, куда это вы пришли, защищая Чичерина! Я, кажется, вамъ говорилъ, что хотѣлъ писать фантастическую піэсу: «Честная губернія», гдѣ люди à la Чичеринъ вздумали исполнять и примѣнять весь Сводъ Россійской Имперіи, и какъ все народонаселеніе бѣжитъ оттуда, какъ все глохнетъ и блекнетъ, и трава вянетъ, и цвѣты сохнутъ! Развѣ вы не знаете, что Англія сильна non par ses lois, mais malgré ses lois. Вотъ эту то силу бытовую, которая дѣлаетъ Англію сильною, я и защищаю противъ Чичерина.—Не хорошо, Антонина Димитріевна, право не хорошо. Вы взглянули на дѣло по Петербургски. На Чичерина напалъ я потому, что его вступительная лекція есть отголосокъ того ученія, котораго онъ главный здѣсь представитель, и съ которымъ всегда ратовали славянофилы. Его ученіе вяжется съ поклоненіемъ французской централизаціи и механическому государственному порядку, съ ненавистью къ Англіи, или вѣрнѣе сказать—къ тому, что въ ней есть живаго и плодотворнаго. Отсюда—ненависть къ Русской общинѣ, къ древней Руси, къ славянофильству къ началу бытовому, и т. д. Понимаете-ли? Все такъ, говорите вы, но не слѣдуетъ нападать на него, потому что онъ стоитъ за порядокъ. Да и III Отдѣленіе и тайная полиція стоятъ за порядокъ; такъ неужели поэтому и не возставать противъ нихъ? Развѣ вы не видите, что III Отдѣленіе и есть родоначальникъ вся-

каго безпорядка, что это есть безнравственное явленіе, есть зло, которое порождаетъ только зло, и есть само величайшій нравственный безпорядокъ. Наконецъ: то, что я говорю о государствѣ, о законѣ, о легальности, о регламентаціи, то тысячу разъ говорили и говорятъ въ своихъ отчасти изданныхъ, отчасти неизданныхъ статьяхъ Хомяковъ и мой братъ. Помните ли вы статью Хомякова о юридическихъ вопросахъ? Когда выйдутъ въ свѣтъ сочиненія брата и Хомякова, вы найдете тамъ почти тѣ же выраженія, какія и у меня.

Вы или кто-то другой обвиняете меня въ томъ, что этой статьей я хотѣлъ снискать благосклонность Петербургской журналистики. Чьей? Чернышевскаго что-ли, котораго въ этомъ же № хлещу статьей Лавровскаго и въ этой же статьѣ подчую на каждомъ шагу словомъ: духовное, отъ котораго ему такъ же тошно, какъ чорту отъ креста. Костомарова? Но Костомарову достается отъ меня въ каждомъ №. Молодаго поколѣнія? Но развѣ я отрекся хоть отъ одного слова, ему мною сказаннаго? Эта статья есть продолженіе моей статьи въ 3 №. Тамъ я обратилъ слово къ студентамъ, а здѣсь обратилъ слово къ профессорамъ, которыхъ считаю болѣе виновными, чѣмъ студентовъ. Неужели вы думаете, что бездушная Чичеринская гражданственность, которой вы объявляете себя поклонницей можетъ благотворно подѣйствовать на молодыя головы и сердца? Нѣтъ, она-то и возбуждаетъ реакцію, и реакцію всегда опасную по своимъ крайностямъ.—Моя газета нападаетъ на матеріализмъ, но она же, при первомъ удобномъ случаѣ, нападетъ и на Св. Синодъ съ графомъ Т., съ княземъ У., съ Аскоченскими, Барковыми и т. д.—Они хуже, они болѣе принесли зла, чѣмъ матеріалисты; матеріализмъ есть совершенно законное противодѣйствіе холопству и оффиціальности, внесенной въ область вѣры, и т. д. . . . . Нѣтъ, я ничьей благосклонности и сочувствія не заискивалъ, и думать о томъ кому либо, меня знающему—стыдно; но признаюсь вамъ, меня напротивъ того тяготятъ благосклонность и сочувствіе лицъ, которымъ не слѣдуетъ мнѣ сочувствовать. Если-бы Тимашевъ выразилъ мнѣ свое сочувствіе, оставаясь Тимашевымъ, я могъ бы приписать это только недоразумѣнію и постарался бы вывести его изъ этого недоразумѣнія, хотя бы это было для меня и невыгодно. Если Чичеринъ, и жандармы, и весь Петербургскій генералитетъ вы-

разили мнѣ сочувствіе за статью въ 3 № —это было только потому, что не могъ же я въ одной статьѣ выразить полноты моего взгляда. Очень радъ, что отдѣлался отъ ихъ сочувствія,—буду идти своей дорогой и отдѣлаюсь и отъ сочувствія (котораго, впрочемъ, нѣтъ нигдѣ) петербургской журналистики.

Поймите и помните, Графиня, что если славянофильство имѣло и имѣетъ такую нравственную силу, это потому, что оно неуклонно шло своей дорогой, не дѣлая уступокъ ни обществу, ни правительству—не увлекаясь ни вашими дружескими зазывами, ни требованіями публики.

Я думаю, напротивъ того, что въ словѣ моемъ теперь слышна воздержанность и зрѣлость, добытыя не легко, какъ сами вы знаете.

Что касается до литературнаго достоинства, то вы можете сказать только, что вамъ статья не нравится, не по вкусу, вы можете быть правы, но на счетъ правильности и плавности языка я считаю себя судьей не менѣе компетентнымъ, чѣмъ вы.—Пѣсня Толстаго прекрасна въ художественномъ отношеніи и можетъ казаться балаганною только важнымъ генераламъ, утопившимъ въ своей генеральской важности все живое въ себѣ. Кромѣ того — есть старинная народная пѣсня той же формы.

Довольно, добрая, милая и любезная Графиня. Ваше участіе, ваше опасеніе за газету заставило васъ многое преувеличить себѣ самой неумышленно, а отчасти и умышленно, для вящшаго предостереженія. Благодарю васъ искренно за это, но счелъ нужнымъ однако-же поставить васъ и на мою точку зрѣнія.—

Какъ-то сойдетъ моя статья о Польшѣ? Согласитесь, что она написана съ дипломатическою ловкостью. Она не производитъ раздражительнаго дѣйствія, и, сколько я замѣчаю по другимъ, читающіе какъ-то невольно, незамѣтно для себя, соглашаются. Неужели и она будетъ причиною для васъ тревогъ, замираній сердца и нездоровья?

Прощайте, не сердитесь, будьте здоровы, цѣлую ручку вашу, и посылаю карточку на основаніи той милой французской записки, которую вы мнѣ сообщили. Авторъ этой записки вѣрно не раздѣляетъ вашего негодованія, если способенъ такъ живо негодовать на свое положеніе. Прошу васъ передать ему мое

самое искреннее дружеское участіе и крѣпкое заочное пожатіе его маленькой ручки моею широчайшею рукою.

Прошу васъ засвидѣтельствовать вашему батюшкѣ мое глубочайшее уваженіе и прискорбіе, что статья моя ему не понравилась.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

18.

2-го/3-го Ноября 1861 г. Москва.

Благодарю васъ, добрая Графиня, за предостереженіе. Этого не доставало бы только, чтобъ Русскій журналъ погибъ за то, что отстаивалъ Россію противъ явныхъ враговъ. Впрочемъ, едва ли бы это было не въ порядкѣ вещей. — Я уже давно вамъ не писалъ, но рѣшительно некогда. Страшно работаю, Графиня. Помощниковъ у меня нѣтъ. И не заведу, пока не буду обезпеченъ подпиской, а этого еще нѣтъ: настоящій читатель, провинціальный, еще не тронулся. Его еще не пробрало.—№ 4 опять въ $2^1/_2$ листа. Онъ преимущественно посвященъ крестьянскому вопросу, и потому прошу васъ не поскучать и прочесть всѣ статьи областнаго отдѣла и всѣ мои примѣчанія, и написать мнѣ: хорошо ли такъ, живо ли, интересно ли? Вотъ чему я радъ: публика стала читать славянскій отдѣлъ, и очень имъ интересуется! Я ужъ началъ получать и деньги на славянскій капиталъ.

Я писалъ Кожанчикову. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что доставляетъ немедленно, не позже 12 часовъ по полудни въ воскресенье экземпляръ газеты и сдаетъ его въ канцелярію Графа Димитрія Николаевича. Распорядитесь, чтобъ канцелярія тотчасъ же къ вамъ его доставляла; или сносила сверху.

На меня ополчается цѣлая туча разныхъ ругательствъ и клеветъ. Все это шипѣніе злобы, которое меня не смущаетъ. Мы, славянофилы, птицы обстрѣленныя въ этомъ отношеніи. Я получилъ огромное письмо отъ Костомарова, и довольно дерзкое. Онъ сердится на статью Ламанскаго, называетъ ее доносомъ, сердится на мое слово къ Полякамъ, говоря, что я бью лежачихъ, и т. п. Я отвѣчалъ умѣренно и воздержно, и имѣю извѣстіе, что письмо мое имѣло успѣхъ, и Хохлы признаютъ себя побѣжденными. Это между нами. Получилъ письмо

нынче отъ графини Саліасъ, à cheval sur les grands mots et les grands sentiments, по поводу статьи моей о студентахъ. Долженъ былъ отвѣчать ей и, кажется, очень удачно,—нисколько не горячась, но постоянно давая ей чувствовать, что щажу ее, какъ женщину. Это также между нами.

Московскіе студенты приняли статью мою хорошо. Многіе изъ нихъ, незнакомые, были у меня съ выраженіемъ сочувствія. Многіе очень рады этой опорѣ противъ матеріализма, для себя самихъ. Вліяніе Поляковъ на нихъ значительно поколеблено, и за это то Поляки сердятся. Но боюсь, что пылкіе либералы, въ родѣ сумасбродной Саліасъ, собьютъ опять многихъ съ толку.

Прощайте, вашу ручку. Мое почтеніе вашему батюшкѣ и поклонъ всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Маменька и сестра вамъ очень кланяются.

19.

7/8 Ноября 1861 г. Москва.

Вы такъ избаловали меня, добрѣйшая Графиня, что дѣлается какъ то скучно, когда долго нѣтъ отъ васъ писемъ. Но не думайте, чтобъ я на этомъ настаивалъ: Вы такъ заняты, и притомъ, волей—неволей столько должны платить дани всякой внѣшней суетѣ, принимать и отдавать визиты, распоряжаться домомъ, и т. д., что просто удивительно, какъ вы еще поспѣваете отвѣчать на письма и исполнять чужія просьбы. Отъ этого вѣроятно у васъ такой отвратительно-неразборчивый почеркъ. Но и это ничего, разберемъ—только пишите.—Читали-ли вы выходку противъ 2 № «Дня» въ «Русскомъ Словѣ»? Если прочли, то конечно подумали, что отвѣчать на нее я не стану. И дѣйствительно на нее отвѣчать невозможно. Но это явленіе любопытное само по себѣ. Оно показываетъ мѣру злобы и зависти, возбуждаемой всякимъ честнымъ успѣхомъ и честной силой! Съ другой стороны оно служитъ доказательствомъ, какъ трудно, почти невозможно честному перу дѣйствовать при цензурныхъ стѣсненіяхъ. Можетъ быть, мнѣ и дѣйствительно слѣдовало умѣрить свой порывъ, помня слова Хомякова въ его статьѣ

объ общественномъ воспитаніи: «честное перо молчитъ, чтобы не быть смѣшаннымъ съ толпою клеветниковъ и угодниковъ» и проч.

Въ 5 № моя передовая статья будетъ отчасти направлена на первую лекцію Чичерина, имѣвшую большой успѣхъ въ обществѣ и въ которой воздается поклоненіе государственности, власти, формальному закону, и проч., —и вообще на нашихъ профессоровъ, обвиняющихъ Тучкова въ слабости, въ томъ, что онъ не далъ имъ тотчасъ полицейской команды, какъ они о томъ просили и проч. Право, точно свѣтъ на выворотъ!— Впрочемъ если статья нѣсколько слаба, то будьте снисходительны: День на День не приходится, и напряженіе иногда ослабѣваетъ.

Вотъ моя просьба къ вамъ: нельзя ли вамъ, Графиня, отдать Ѳедору Ивановичу Тютчеву для процензурованія въ Комитетѣ Иностранной Цензуры посланіе «Къ Сербамъ»? Спросите его. Мнѣ кажется, это совершенно можно. Если можно, то какимъ образомъ это дѣлается? Достаточно, если вы дадите одинъ экземпляръ или это должно быть отъ кого нибудь оффиціально представлено, и не одинъ экземпляръ, а нѣсколько?

Прощайте, будьте здоровы. Благодарю васъ впередъ за хлопоты и съ нетерпѣніемъ жду оказіи, съ которой надѣюсь получить ваше письмо.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

20.

10 Ноября 1861 года, Москва.

Какъ мнѣ ни больно огорчить васъ, дорогая Антонина Димитріевна, но я вынужденъ отказать вамъ въ напечатаніи письма о Герштенцвейгѣ, и потому возвращаю его. Пошлите его въ «Спб. Вѣдомости», въ «Сѣв. Пчелу», въ «Journal de St.-P.», въ «Русской Инвалидъ». Это—газеты оффиціальныя, онѣ надпишутъ слово: «сообщено» и помѣстятъ. Я же никакихъ communiqué не принимаю, особенно же съ обязательствомъ не измѣнять ни слова, и съ невозможностью сдѣлать оговорки, замѣчанія и возраженія.

Еслибъ въ этой статьѣ разсказывалось о подробностяхъ смерти Герштенцвейга, и разсказывалось съ сочувствіемъ,— это бы ничего, но тутъ говорится о Государѣ, о цѣлости цар-

ства, о чести знамени, и проч. Вы знаете во 1-хъ, что никакихъ подобныхъ офиціальныхъ выраженій бумага, на которой печатается моя газета, не терпитъ. Во 2-хъ, я думаю на счетъ Царства Польскаго, что мы неправы, что мы безчестимъ Русское знамя, удерживая Польшу (чистую Польшу, настоящую) насильно за собою, что намъ должно выдти изъ Польши и стать на границѣ нашихъ русскихъ областей (въ томъ числѣ и часть Литвы), и если Поляки сунутся къ намъ, поколотить ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Черезъ три года поляки будутъ просить сами присоединенія. Нельзя въ одно и тоже время сочувствовать движенію Русиновъ противъ Австрійцевъ въ Галиціи, доставшейся ей такъ же законно или лучше сказать беззаконно, какъ Царство Польское намъ, и въ тоже время признавать неправильными стремленія Поляковъ высвободиться изъ подъ нашей зависимости.

Я не люблю Поляковъ и выругалъ ихъ за ихъ притязанія на Кіевъ. Но не могу бранить ихъ за ихъ притязанія на Варшаву, Познань и Краковъ. Я впрочемъ готовлю объ этомъ статью. Если мнѣ ея не пропустятъ, то я ни слова больше не скажу о Полякахъ въ моей газетѣ.

Вы негодуете на молчаніе русскихъ журналовъ о Герштенцвейгѣ, и пр. Да развяжите имъ уста, тогда и требуйте выраженія чувствъ патріотическихъ. Тогда мигомъ бы отскочила отъ Русскаго общества нѣжность къ Польшѣ! А теперь пожинайте плоды запретительной цензурной системы. Вы, милая Графиня, безъ сомнѣнія оцѣните мои побужденія по достоинству и отдадите справедливость моей твердости. Говорю: твердости, потому что истинно нужна мнѣ твердость, чтобы въ чемъ либо отказать вамъ. Не сердитесь же, не бранитесь же, не хмурьтесь, не дуйтесь, не плачьте, и дайте поцѣловать вашу ручку.

Ив. Аксаковъ.

Пожалуйста не сердитесь. Не сердитесь?

21.

10 Ноября 1861 г. Москва.

Только два слова. Получилъ нынче ваше письмо съ оказіей, добрѣйшая Графиня. Прежде всего, ради Бога, не рискуйте, ради газеты нашей, вашимъ, слѣдовательно и нашимъ здо-

ровьемъ, не утруждайте себя сверхъ силы, не катайтесь въ морозы въ Царское Село. Мнѣ просто становится невыразимо совѣстно, видя изъ писемъ, какія хлопоты задаетъ вамъ мое предпріятіе. За всѣ ваши совѣты я вамъ очень благодаренъ, говорю это искренно. Но вы пишите мнѣ: будьте осторожны... Пожалѣйте однако-же меня: излишняя осторожность моя, излишнее умалчиваніе дѣлаетъ то, что появилась замѣтка въ «Русскомъ Словѣ». Разумѣется—противъ такихъ мерзавцевъ не убережешься. Но, ругая меня за мнѣнія, никто еще до сихъ поръ печатно не смѣлъ отказывать мнѣ въ уваженіи.

Цензура вычеркнетъ двѣ, три строчки, и выйдетъ недоразумѣніе. Я все это прочелъ цензорамъ и доказалъ имъ ясно, какъ 2×2=4, что у меня ничего вычеркивать не слѣдуетъ. Но страхъ слѣпъ и глупъ и беретъ верхъ надъ убѣжденіями ума!

Аннѣ Ѳедоровнѣ я высылаю газету въ Зимній Дворецъ. Доходятъ ли экземпляры до нея? Посылаю вамъ мою карточку, чтобъ вы, взглянувши, сообразили—можно-ли этого господина просить пѣть, какъ говоритъ въ письмѣ своемъ Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, не своимъ голосомъ. Вотъ Гильфердингъ бранитъ мнѣ мою передовую статью въ 4 № и говоритъ, что все это можно бы сказать гораздо смирнѣе, тише, вотъ такъ и вотъ эдакъ, однимъ словомъ: его голосомъ.

Впрочемъ, любезная Графиня, если только цензура пропуститъ мнѣ передовую статью № 6, вы услышите такой смиренный тонъ (но безъ фистулы), что и не повѣрите, чтобъ это я говорилъ. Авось либо пропустятъ? Два часа ночи. Прощайте, цѣлую ручку вашу, глубокій поклонъ вашему батюшкѣ.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Вѣрьте, Графиня, что хотя я и шучу, но отношусь къ дѣлу вполнѣ серьезно. Радости, прежней молодой радости, и бодрости у меня уже нѣтъ! На стѣнѣ висятъ три портрета, которые помогаютъ мнѣ напрягать волю и исполнять долгъ, дѣлаютъ меня способнымъ къ жизни, но за то и отнимаютъ всякое легкое ясное чувство. Никогда, никогда не чувствовалъ я такъ своего одиночества, какъ теперь, — а въ душѣ — точно ляписомъ ее прижгли.

22.

14 Ноября 1861 г. Москва.

Дорогая Графиня. Я получилъ всѣ ваши письма и посылку. Не знаю, какъ и благодарить васъ. Особенно за послѣднее ваше письмо-посылку. Боюсь, что оно-то васъ и утомило и усилило нездоровье. Сдѣлайте милость, берегите себя. Не знаю, право, какое и придумать средство противъ возможности аневризма? Вы въ этотъ день примите съ утра настоящихъ не иносказательныхъ лавровишневыхъ капель, а потомъ мой «День» принесетъ вамъ пріемъ лавровишневыхъ капель аллегорическихъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ васъ успокоивать и укрѣплять въ упованіи на мое благоразуміе. Противъ злобы нѣтъ гарантіи. Скажешь: «дверь скрыпитъ»—увидятъ намекъ,—«мы думаемъ»—увидятъ въ этомъ мы заговоръ!—Я получалъ и получаю письма самаго разнообразнаго свойства: иной пишетъ—что́ вы трусите, объявите честнѣе ваши убѣжденія, идите заодно съ г. Аскоченскимъ,—другой обвиняетъ меня въ лести передъ правительствомъ за то, что я назвалъ эрой 19 Февраля 1861 г.; третій пишетъ ругательныя письма за статью о студентахъ, и проч. и проч. Я вспоминаю любимую поговорку Погодина: на всякое чиханье не наздравствуешься!—Если Чернышевскому разрѣшили читать публичныя лекціи, какъ о томъ объявлено въ русскихъ газетахъ, неужели будетъ воспрещено всякое ему противодѣйствіе? Впрочемъ, о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить—и сами цензора не знаютъ. Вотъ напр. здѣсь сильное впечатлѣніе производятъ стихи Толстаго въ 5 №, но увѣряю васъ—ни я, ни Толстой не имѣли въ виду никакого намека, а цензора даже ни на минуточку не усомнились и подписали. Не знаю, какъ у васъ. Что касается, Польскаго вопроса, то будьте покойны. Какъ бы вы ни были не согласны со мною, но я увѣренъ будете примирены со мною и тономъ, и цѣлымъ новымъ, если не ученіемъ, такъ взглядомъ, выражаемымъ моею статьей. Мнѣ кажется—можетъ быть я и ошибаюсь,—она написана такъ, что и несогласные съ этимъ мнѣніемъ люди не будутъ имѣть духа поднять руку на меня за эту статью. Я ничего не писалъ искуснѣе, по крайней мѣрѣ искуснѣе писать не умѣю. Во время ли вы теперь получаете «День»? Увѣдомьте пожалуйста. Мнѣ очень хочется, чтобъ вы его получали какъ можно раньше. На мою скромность можете положиться,

хотя я увѣренъ, что вы уже многимъ сказали по секрету то, что сообщили и мнѣ по секрету. Предсѣдателя выберемъ на этой недѣлѣ. Некогда было мнѣ заняться этимъ. Что касается до карточки, то пришлю вамъ, для помѣщенія оной, моего «Бродягу». Отчего бы вамъ не прислать мнѣ своей!—Я вытребовалъ себѣ карточку отъ Кохановской. Замѣчательное лицо, умное, оживленное, мыслящее. Скажите, что дѣлается съ Евгеніей Сергѣевной? Хотя бы она голосъ подала о моей газетѣ! Поклонитесь ей, а также и Аннѣ Ѳедоровнѣ.

Изданіе газеты оживило нѣсколько жизнь маменьки и сестеръ. Онѣ, разумѣется, принимаютъ въ ней живое участіе: множество газетъ, журналовъ и писемъ развлекаютъ ихъ—слава Богу! Вы хорошо сдѣлали, что прислали имъ газету для перевода.

Прощайте. Ради Бога будьте здоровы. Я не на шутку боюсь за васъ излишняго волненія, причиняемаго «Днемъ».— Сдѣлайте милость, Графиня, вытребуйте поскорѣе отъ Делянова статью брата, о добрѣ и злѣ, посланную въ Главное Управленіе Цензуры еще 14 октября! Неужели еще не разсмотрѣли! Если разсмотрѣли и не одобрили, то вы ужъ и не говорите мнѣ о Деляновѣ. Если одобрили, такъ пусть онъ перешлетъ мнѣ ее немедленно частнымъ образомъ, а бумага пусть идетъ «установленнымъ порядкомъ».

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Передайте Графу мое глубочайшее уваженіе.

23.

24/25 Ноября 1861 г.

На письмо ваше, любезная Графиня, писанное въ опроверженіе моего опроверженія, могу отвѣчать только стихами князя Ив. Мих. Долгорукаго:

Все такъ, а мнѣ луна милѣй!

Этотъ споръ мущины съ женщиной, оканчивающійся слѣдующими словами мущины къ самому себѣ:

Впередъ не спорь, и будь умнѣе,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова!

Слѣдовательно объ этомъ больше ни слова.

Вотъ вамъ 7 №,—семь дней—это цѣлая недѣля! Въ этомъ № напечатана статья Дим. Оед. Самарина,—а моя передовая есть вступленіе къ ней, и постановка вопроса о значеніи въ Русской жизни вообще и въ Русскомъ крестьянскомъ вопросѣ въ особенности—начала бытоваго народнаго,—и начала юридическаго, не народнаго, и о столкновеніи между ними. Мнѣ очень важно, чтобъ это воззрѣніе проникло въ сознаніе общественное и правительственное. Статья Самарина въ высшей степени благонамѣренна и выгодна для помѣщиковъ. Она только подводитъ раціональное основаніе подъ слова, сказанныя Государемъ въ манифестѣ, слова въ которыхъ сдѣлана (совершенно не легальная съ вашей и Чичеринской точки зрѣнія) уступка бытовымъ воззрѣніямъ народа. Она не противорѣчитъ Положенію, ибо признаетъ тѣ же размѣры поземельнаго надѣла и вознагражденія,—но только измѣняетъ принципъ и указываетъ на вѣрнѣйшее достиженіе цѣли. У васъ закричатъ, что все это не практично. Нужды нѣтъ: самая идея такого свойства, что она залѣзетъ, какъ заноза въ голову, и помѣшаетъ, я надѣюсь, совершиться предполагаемому выкупу казенными крестьянами земель, имъ принадлежащихъ.

Но цензора мои страшно трусятъ: они сократили статью Самарина на половину; они увѣряютъ, что имъ запрещено пропускать такія статьи безъ одобренія Буткова. Послать къ Буткову—на это согласиться я не могъ, и потому настоялъ на пропускъ.—Постарайтесь, чтобъ ничего не вышло. Узнайте, прошу васъ, какъ относится Бутковъ къ этой статьѣ, и употребите всѣ усилія, чтобъ цензорамъ не было не только непріятности, но и предостереженія. А то съ ними и не сладишь. Если-бы вы знали, какъ и теперь мнѣ тяжело: иногда по семи часовъ сряду приходится ихъ уговаривать, убѣждать, склонять, ломать, и т. д. Измучаешься такъ, что если такая возня продолжится долго, то физическія силы мои не выдержатъ! Да скоро ли она уничтожится, эта цензура!

Впрочемъ ничего не разгадаешь. Статья о Польшѣ въ цензурномъ отношеніи самая противозаконная вещь, а между тѣмъ у васъ она прошла незамѣченною. А нужно, чтобъ ее замѣтили и прочли, не публика, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, и приняли бы ее въ душу.

Изъ Кіева пишетъ мнѣ Юзефовичъ, что статья моя (обращеніе къ Полякамъ) была перепечатана тамъ въ газетѣ «Кіевскій Телеграфъ», котораго въ одинъ день, сверхъ подписныхъ, разошлось болѣе 250 экземпляровъ этого нумера. Русскіе обрадовались этому секурсу. Губернскій предводитель дворянства даже жаловался за это на «Кіевскій Телеграфъ» генералъ губернатору, но тотъ и самъ очень доволенъ. Многіе Поляки отказались получать теперь «Кіевскій Телеграфъ».

Въ письмѣ вашемъ есть одинъ, очень нехорошій, но чисто женскій пріемъ: видя, что слова не убѣждаютъ,—сказать что нибудь колкое и обидное, чтобъ разсердить и заставить быть внимательнѣе. Это—желаніе приписать мнѣ сознательный умыселъ въ упоминаніи нѣкоторыхъ именъ по почтѣ. Такое подозрѣніе было-бы просто скверно, еслибъ, повторяю, это не было-бы женской манерой, отчаяннымъ женскимъ средствомъ, не только не сквернымъ, но даже милымъ. Долженъ я вамъ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ живу на свѣтѣ, никогда не соображался съ тѣмъ, читаютъ ли или не читаютъ меня на почтѣ. Увѣренъ я, что не читаютъ ни моихъ, ни вашихъ. Въ противномъ случаѣ не доходили-бы по почтѣ сотни экземпляровъ «Великорусса» и т. п. Но не станемте ссориться. Прощайте, будьте здоровы и продолжайте встрѣчать «День» съ тѣмъ же сочувствіемъ, какъ и прежде. Жму ручку вашу.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

24.

30 Ноября—1 Декабря 1861 г. Ночь. Москва.

Вы опять огорчаете извѣстіемъ о вашей болѣзни, добрѣйшая и любезнѣйшая Графиня. Очень жалѣю, что я такъ занятъ, а мнѣ бы хотѣлось навѣстить васъ и провести у васъ вечера два или три. Что это за странная у васъ болѣзнь—какими-то припадками? И принимаете ли вы какія серьезныя мѣры?

Ну, Графиня, я чуть чуть было на этой недѣлѣ не поразилъ васъ извѣстіемъ, что я прекращаю газету. Цензура, покинутая Гиляровымъ, взбунтовалась и вздумала мстить мнѣ за свою собственную прежнюю слабость (т. е. слабость все-же съ ея же точки зрѣнія, а не съ моей). Между тѣмъ вѣдь ей не было до сихъ поръ никакого замѣчанія! Цензура особенно разсердилась

за мою настойчивость, оказанную при № 7, когда мнѣ торжественно возвратили въ Присутствіи непропущенную статью, и когда я не взялъ ее и, положивъ имъ снова на столъ, вышелъ изъ Присутствія, мимоходомъ больно ущипнувъ Гилярова. Этотъ маневръ тогда удался, но на этой недѣлѣ, особенно же безъ Гилярова (который взялъ отпускъ и теперь у васъ въ Петербургѣ), цензура захотѣла эмансипироваться. Вообразите мое положеніе: во вторникъ Цензурный Комитетъ зачеркиваетъ всю мою передовую статью и еще двѣ статьи! Если бы я былъ на общемъ положеніи и имѣлъ дѣло съ однимъ цензоромъ, то еще можно было бы успѣвать безъ особенныхъ усилій, но какъ моя газета пропускается вся Цензурнымъ Комитетомъ, который изволитъ собираться только по вторникамъ, средамъ и субботамъ, то мнѣ возиться съ цензурой страшно трудно. Никакія убѣжденія не помогли: цензора просто удила закусили. Это было во вторникъ, часу въ 5-мъ. Мнѣ особенно тяжело съ передовыми статьями. Такъ какъ это не фабричное издѣліе, а требуетъ особеннаго напряженія, то, хотя бы и нужно, я никакъ не могу заготовить ихъ двѣ разомъ. Дѣлать нечего, но еслибъ и въ среду они повторили со мною ту же штуку, то нумеръ мой не могъ бы выйти, ибо до субботы нѣтъ другого Комитета, а № въ субботу долженъ уже раздаваться подписчикамъ.—Пришлось засѣсть на ночь.

Писалъ и переписывалъ до пяти часовъ ночи и приготовилъ статью, которую они мнѣ въ среду и пропустили. Я замѣтилъ, что Щербинину стало совѣстно и ему хотѣлось загладить свою вчерашнюю суровость.

Эта статья и печатается теперь въ № 8. Въ ней заключается историческій очеркъ дворянскаго сословія въ Россіи. Мнѣ кажется, что она не дурна; прошу васъ и Графа Димитрія Николаевича помнить, что это общій очеркъ, главныя черты. Я не думаю, чтобы дворянство могло обидѣться. Цензура пропустила безъ затрудненія. Тутъ нѣтъ ни одного моего слова раздражающаго: одни факты. Вы для себя замѣтьте мое выраженіе въ концѣ о в ѣ р н о с т и и с т о р и ч е с к и м ъ н а ч а л а м ъ: я отклоняю дворянство отъ нелѣпыхъ иноземно-конституціонныхъ идей, и предложу имъ съ своей стороны въ слѣдующій разъ мѣры, не нарушающія начала историческаго. Превосходна въ этомъ № статья В. А. Елагина о Литвѣ и Польшѣ.

Прочтите ее непремѣнно. Прочтите также письмо изъ Воронежа. Графъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть графъ Девіеръ, а сановникъ — графъ Панинъ. Это я узналъ частнымъ образомъ. Этотъ Девіеръ человѣкъ ужасный, потомокъ тѣхъ Девіеровъ, которые въ XVIII вѣкѣ производили въ Курской и Воронежской губ. то, что Куролесовъ въ Оренбургской.—Цензура ничего не вымарала, безъ моего настоянія.

Но моя великая просьба къ вамъ, Графиня, заключается въ слѣдующемъ: прочтите прилагаемую мою передовую статью, ту, противъ которой взбунтовалась цензура во вторникъ и ее отвергла. Мнѣ такая статья была необходима, чтобы разомъ отвѣчать на всѣ мерзости, которыя пишутъ противъ меня въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ журналахъ. Мнѣ кажется—этотъ отвѣтъ былъ вполнѣ достойный и единственно возможный. Мнѣ всѣ они твердятъ, что возражать на мои статьи нельзя..... Я хочу, чтобъ было можно. Съ другой стороны необходимо оправдаться и противъ тѣхъ, которые обвиняютъ — зачѣмъ я не нападаю напр., на «Сѣверную Пчелу» —за выходки противъ Іисуса Христа.

Прочтите, Графиня,—и еслибъ можно было ее какими нибудь путями пропустить (но, разумѣется, не чрезъ Главное Управленіе Цензуры), вы бы оказали мнѣ истинную услугу! Эта статья—честный и нравственный поступокъ. Къ тому же она написана осторожно. Выраженія: свобода слова — нигдѣ нѣтъ, а все—«откровенное слово, откровенность слова». Мнѣ необходимо напечатать эту статью. Во всякомъ случаѣ, если только здоровье ваше вамъ позволяетъ, напишите мнѣ тотчасъ — будьте такъ добры—ваше объ ней мнѣніе.

Чрезвычайно хотѣлось бы знать подробности о Веленольскомъ.... Да также объ Австріи въ Герцеговинѣ..... Что моя статья о Польшѣ, неужели такъ вгунѣ была и написана и напечатана и никого не убѣдила? Вы — мнѣ вашего сужденія, вашей критики тогда не сообщили.

Прощайте, будьте же здоровы. Наши всѣ вамъ усердно кланяются.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

P. S. На статьѣ (на 1 листѣ) отмѣтки кроваваго цензорскаго карандаша. Вы на нихъ не обращайте вниманія и все читайте. Статью мнѣ во всякомъ случаѣ потомъ возвратите.

25.

Суббота вечеръ 9 Декабря 1861 г. Москва.

Сегодня утромъ, часовъ въ 11, вдругъ является ко мнѣ въ попыхахъ цензоръ отъ Щербинина съ извѣстіемъ о полученной телеграмѣ и съ требованіемъ остановить раздачу нумеровъ газеты. Надо вамъ сказать, что нумеръ у меня всегда выходитъ въ пятницу, въ 9 часовъ вечера: въ это время у меня всегда бываетъ человѣкъ до 20 знакомыхъ, которые тутъ же и получаютъ свои экземпляры; съ вечера же выдается газета разсыльнымъ для разноски по городу, а ранехонько утромъ въ субботу сдается на почту и книгопродавцамъ. По требованію Щербинина я пріостановилъ дальнѣйшую раздачу нумеровъ, но значительная часть уже была роздана, и остановить отправку въ Петербургъ я не могъ, однакоже съ тѣмъ же поѣздомъ жел. дороги успѣлъ предупредить Кожанчикова и отправилъ къ вамъ, добрая Антонина Дмитріевна, пакетъ. Тѣмъ не менѣе пакетовъ 20, которые посылаются въ Петербургъ помимо Кожанчикова, отправились по назначенію.—Дѣло вотъ въ чемъ. Нынче въ субботу утромъ получилъ Щербининъ телеграму отъ Графа Путятина, посланную вчера вечеромъ, такого содержанія: «Если въ завтрашнемъ № будетъ продолженіе статьи о дворянствѣ и земствѣ, то статью не пропускать, а прислать предварительно въ Петербургъ въ Главное Управленіе». Очевидно, что министръ, по незнакомству съ издательскимъ дѣломъ, воображалъ, что депеша придетъ во время, чтобы одну статью вынуть, и замѣнить ее другой, а газету выпустить какъ будто ни въ чемъ не бывало,—и было бы все шито и крыто! Я думаю, что если-бы онъ зналъ, что для этого надо остановить раздачу и произвести такой шумъ и скандалъ въ городѣ, какой произошелъ теперь,—то онъ отступилъ бы отъ этой мѣры. А мѣра вышла престранная. половина экземпляровъ роздана, половина нѣтъ!

Отъ чего это! Какая причина такого распоряженія? Отъ кого оно исходитъ? Отъ собственныхъ ли соображеній Графа Путятина? По требованію ли Министра Внутреннихъ Дѣлъ? Выраженіе: прислать въ Главное Управленіе цензуры заставляетъ предполагать первое. Между тѣмъ, будучи здѣсь, онъ призывалъ Каткова и выражалъ свои убѣжденія о необходимости расширить свободу печатнаго слова. Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ нѣтъ

ни одного слова, которое бы давало возможность ожидать какой либо бури. Да и цензора пропустили статью въ 8 и 9 №№ безъ всякихъ съ моей стороны настояний, кое что повычеркнувъ, противъ чего я не сталъ и спорить. Можетъ быть смутило тамъ у васъ въ Петербургѣ обѣщанное продолженіе: воображали себѣ Богъ знаетъ что, и — ошиблись въ разсчетѣ. Я предлагаю дворянамъ въ настоящую минуту самую практическую мѣру, то самое, что я провожу на дворянскихъ съѣздахъ передъ выборами и что отчасти уже принято. Я напротивъ воздерживаю дворянъ отъ всякаго рѣшенія общихъ вопросовъ, убѣжденный, что при неясности самихъ началъ они нагородятъ чушь, изъ которой Правительству нечѣмъ будетъ и воспользоваться, или которую, пожалуй, (что еще хуже), Правительство уважитъ и выйдетъ что нибудь уродливое, непримѣнимое на дѣлѣ.— Здѣсь всѣ убѣждены, что противъ моей статьи вооружился Валуевъ, про котораго говорятъ, что «онъ аристократъ».

Удивительно! Статья моя не произвела здѣсь въ дворянахъ ни малѣйшаго раздраженія: напротивъ всѣ приняли ее очень серьезно и задумались надъ нею. Эти самыя мысли я высказалъ на съѣздѣ уѣздныхъ предводителей и представителей отъ уѣздовъ и значительная часть выразила свое согласіе. Я убѣжденъ, что задержка №—временная, и что завтра или послѣ завтра получится телеграмма—не останавливать выдачи, и потому продолжаю готовить 10 №, отложивъ покуда въ сторону вопросъ о дворянствѣ, о которомъ имѣю еще двѣ статьи (не мои).

Вашъ Ив. Аксаковъ.

26.

Воскресенье, ночь на понедѣльникъ 10/11 Дек. 1861 г.

Получилъ я нынче ваше письмо, посланное вчера утромъ, добрѣйшая Графиня. Изъ него видно, что вы еще не знаете о мѣрахъ, принятыхъ Путятинымъ. Надѣюсь получить отъ васъ завтра если не письмо, то телеграмму, хотя, впрочемъ, вы не любите, кажется, прибѣгать къ телеграфу.

Мнѣ очень нужно поскорѣе разрѣшить недоумѣніе: оно парализуетъ дѣятельность. — Очень мнѣ больно читать описаніе вашей «возни» съ салонною публикою, но признаюсь, это все равно, что камни катить вверхъ на гору: противъ ея глупости

нѣтъ гарантіи! Стихотвореніе: «Гуманисту» писано въ 1845 г. Кому же могло придти въ голову, что подъ гуманистомъ будутъ разумѣть Государя! Только въ голову Петербургской знати. Не говорю о томъ, что всякій намекъ на личность чью бы то ни было, а тѣмъ болѣе Государя, мнѣ противенъ и никогда бы не нашелъ мѣста въ моей газетѣ, но такая изобрѣтательность въ предположеніяхъ—превышаетъ даже и изобрѣтательность цензорской трусливости! Вотъ вы меня все браните, и никогда не похвалите не то, что за ту или другую статью, а за то мужество, ту энергію, ту настойчивость, которыя необходимы, чтобы издавать газету при такихъ обстоятельствахъ, сдѣлать ее не пошлою, доставить ей значеніе, и проч.; слѣдовало-бы сто разъ бросить дѣло! Одно то, что приходится по пяти часовъ слушать пошлости цензоровъ и говорить пошлости въ защиту своихъ статей, такія пошлости, что самъ внутренно краснѣешь (умныхъ доводовъ они не понимаютъ) одного этого достаточно, чтобы разболѣться душою. Нѣтъ, видно съ этою пошлостью добромъ не кончишь!—Если-бы вы знали, что за составъ у насъ цензуры: одинъ другого гаже и пошлѣе. Безъ Гилярова они хуже тупоголовыхъ барановъ, а тутъ на бѣду и Щербининъ занемогъ! И Русская литература, произведенія ума, таланта, вдохновеній и усиленныхъ трудовъ, въ рукахъ невѣждъ и пошляковъ, невообразимыхъ трусовъ -наемниковъ! Что можетъ быть развратнѣе этого! Да этого одного достаточно, чтобъ разрушилось царство! Нѣтъ грѣха страшнѣе, какъ посягательство на свободу мысли и совѣсти человѣческой. Онъ вызываетъ ужасныя наказанія.

Я вамъ говорю: силы мои не выдержатъ,—не только физическія (я ихъ не щажу, это правда, но можетъ быть, онѣ еще и выдержатъ), но силы нравственныя. Видѣть каждый день лысину Прибиля и лысину Росковшенко, двухъ идіотовъ, которыхъ «добрякъ» Щербининъ посадилъ въ Комитетъ—это нравственная пытка. Мало рѣзкой правды говорится Зимнему Дворцу. Государь огорчается зломъ, но никто изъ васъ не рѣшается указать источникъ зла.

Стихи Тютчева я помѣщу въ 10 №. Я не хотѣлъ печатать подрядъ: хорошенькаго по немножку. Впрочемъ, всѣ напечатанные до сихъ поръ въ «Днѣ» его стихи дороги только по имени автора, а не сами по себѣ: это не настоящіе Тютчевскіе

стихи, съ оригинальностью мысли и оборотовъ, съ поразительностью картинъ и т. д. Всѣ мои планы, всю мою программу разстроило безумное это распоряженіе на счетъ газеты. Мнѣ надо было непремѣнно руководить дворянъ и постоянно въ каждомъ № имъ пѣть одно и тоже. Но если надо соображаться съ силами мозговыми вашей Петербургской аристократіи, такъ надо отказаться отъ всякой умственной дѣятельности или же . . . . . .

Ну вообразите, что мы въ 1612 г., что въ Москвѣ враги иноземцы, ругаются надъ Русскою святыней и Русской землей, колобродятъ, грабятъ и гнетутъ Русскую землю. Что наконецъ сдѣлали Русскіе?

Сдѣлайте милость, Графиня, употребите все ваше вліяніе, чтобъ скорѣе разрѣшили мнѣ выдачу 9 № и чтобъ такихъ нелѣпыхъ распоряженій впередъ не было.

Что ваше здоровье?

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Если увидите Гилярова, то скажите ему, что ему надо скорѣе бѣжать изъ Петербурга. Коли обтерпится онъ тамъ,—онъ пропалъ!

27.

Со вторника на среду, съ 12 на 13 Декабря.

Благодарю васъ, милая Графиня, за скорый отвѣтъ и за ваши дружескія хлопоты. Сдѣлайте милость, не пугайте вашимъ аневризмомъ. Надѣюсь, что это все шутки. Во всякомъ случаѣ посудите сами, виноватъ ли я? Могу ли я быть осторожнѣе цензоровъ? Это вещь недосягаемая. Нынче пришла депеша, разрѣшающая выдачу газеты и секретная бумага, безъ выговора и замѣчанія, о томъ, что нѣкоторыя выраженія показались обидными для дворянъ и дали поводъ думать, что я хочу всѣхъ дворянъ отдать въ рекруты, т. е. подвергнуть ихъ рекрутской повинности.

Графиня! А что же моя статеечка? Та передовая статейка, которую не пропустила цензура и которую я вамъ послалъ. Какъ бы хорошо было ее напечатать, во всѣхъ отношеніяхъ. Что съ ней дѣлается? Вѣдь эта статья сама благонамѣренность!

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

28.

14/15 Декабря 1861 г. Москва.

Трубите, кричите, твердите, разглашайте, говорите утромъ и вечеромъ и середь дня, всякому встрѣчному и поперечному— о настоятельной необходимости немедленнаго уничтоженія цензуры, этого корня всему злу, этой покровительницы лжи, этой преграды и помѣхи честному слову! Ну какая тутъ цензура, когда въ каждомъ кадетскомъ корпусѣ можно имѣть литографированнаго Бюхнера за 10 коп., когда я знаю женскіе пансіоны, гдѣ всякая дѣвица его только и читаетъ...... Ложь вотъ къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ, и ей дѣйствовать легко и свободно, и даже она была бы огорчена, если-бъ пришлось дѣйствовать иначе, ибо она потеряла бы прелесть запрещеннаго плода. А честный человѣкъ къ этимъ средствамъ не прибѣгаетъ и идетъ себѣ дуракомъ по прямой дорогѣ и попадается въ руки цензоровъ, приставленныхъ собственно для того, чтобы ловить воровъ и мошенниковъ! Теперь безъ Гилярова Цензурный Комитетъ дошелъ до пафоса трусости. Засѣданіе Цензурнаго Комитета въ Москвѣ — это оргія трусости, безсмыслицы и тупоумія! Такъ дѣло продолжаться не можетъ. «День» не въ состояніи пробиваться сквозь эту ночь. Послѣ последней исторіи цензора стали еще глупѣе: это настоящее самое снисходительное выраженіе. Пусть весь Петербургъ заговоритъ о глупости Московской Цензуры, авось либо это сколько нибудь устыдитъ Министерство.

10 №, кажется, очень скроменъ. Передовая статья разсердитъ только развѣ профессора юридическаго факультета. По крайней мѣрѣ статей шесть я долженъ былъ мѣнять одну на другую въ этомъ №, все не пропускали Все живое и интересное—прочь. Вы видите Графа Д. Андр. Толстого. Попросите его, чтобы онъ обуздалъ неистовство Московской Цензуры, чтобы назначили скорѣе кого нибудь на мѣсто Гилярова.

Что моя статья о цензурѣ, Графиня? Сдѣлайте милость, увѣдомьте. Мнѣ иногда приходитъ въ голову, что вы отдадите эту статью въ Главное Управленіе Цензуры..... Боже васъ сохрани! Съ этимъ вертепомъ я не хочу и знаться. А мнѣ бы очень нужно вѣдать судьбу этой статейки.

Да что-же посланіе «Къ Сербамъ»?

Простите мою докучливость, Графиня. Я думаю я вамъ сильно надоѣлъ, и особенно не кстати съ моей стороны если вы по прежнему хвораете. Въ такомъ случаѣ прочтите въ моемъ письмѣ, какъ междустрочной смыслъ, только одно искреннѣйшее желаніе вамъ здоровья.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

29.

21 Декабря 1861 г.

Добрѣйшая Графиня. На нынѣшней недѣли не было отъ васъ отзыва о 10 №, а я такъ къ этому привыкъ, что это меня безпокоитъ, т. е. безпокоитъ за ваше здоровье.—Благодарю васъ за всѣ ваши энергическія хлопоты, о которыхъ мнѣ разсказывалъ Гиляровъ. Право—увѣренность въ такомъ горячемъ дружескомъ содѣйствіи большое утѣшеніе въ жизни. А вѣдь черства и сурова она!—Въ 11 № статья толкуетъ о цензѣ. До васъ въ Петербургѣ и не доходятъ тѣ дворянскіе толки, клики и крики, вопли и ревы, какіе происходятъ на выборахъ (напр. теперь въ Тулѣ) и какіе имѣютъ произойти отчасти и у насъ въ Москвѣ. Я знаю заготовленное чуть ли не всѣми уѣздами постановленіе Дворянства въ отвѣтъ на предложенные Валуевымъ пять вопросовъ,—чепуха страшная; тутъ есть всего, чего хочешь, того просишь: и либеральничанье, и un sentiment de dépit за уничтоженіе крѣпостнаго права, и созданіе новаго сословія на основаніи поземельнаго ценза съ баллотировкой достойнаго вступить въ званіе дворянское изъ другихъ сословій и пр. и проч.—Всѣ статьи 8, 9, 10 и 11 №№ направлены противъ нихъ, потому что я боюсь, чтобы Министръ Внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ дворянами, не сочинилъ намъ un beau matin аристократію. Обратите вниманіе въ 11 № на Славянскій Отдѣлъ.

Вмѣстѣ съ 11 №, я надѣюсь, вы получите I-ый томъ Хомякова и I-ый томъ брата.

Ив. Д. Бѣляевъ посылаетъ вамъ разсказы изъ Русской исторіи. Они очень живы и хороши. Рекомендую ихъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, которой прошу усердно поклониться. Крѣпко жму ея ручку.

Вы говорите: писать о томъ и о томъ. Да кому? Меня не хватаетъ. Еслибъ вы знали, какъ я занятъ. У меня нѣтъ до сихъ поръ помощника.

Поздравляю васъ съ наступающими праздниками. Дай Богъ вамъ здоровья тѣлеснаго и душевной бодрости, или лучше бодраго покоя. Цѣлую ручку вашу. Передайте мое глубочайшее почтеніе вашему батюшкѣ. Хотѣлъ было поклониться Евгеніи Сергѣевнѣ, но не знаю, гдѣ она. Что за странность, что она ни однимъ словомъ, т. е. письмомъ не привѣтствовала моего «Дня»!

Маменька и сестра вамъ очень кланяются и поздравляютъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Три часа ночи.

30.

26 Декабря 1861 г.

Получилъ нынче ваше письмо, добрѣйшая Графиня, съ приложеніемъ записки отъ Г(оловнина). Приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ крайне меня смущаетъ, но я думаю, что поѣду. Болѣе 2-хъ дней въ Петербургѣ мнѣ нельзя будетъ оставаться. Завтра у меня Цензурное Присутствіе и такъ какъ первые три дня типографія не работаетъ, то № не можетъ выйти въ Субботу, а выйдетъ 1 Января. Затѣмъ 13 № выйдетъ 6 Января. Я постараюсь на 13 и 14 № приготовить статьи на этой же недѣлѣ, такъ чтобы могъ выѣхать 6 Января. Раньше этого нельзя. Посудите сами. Если мнѣ выѣхать въ Четвергъ, 27-го, то № мой готовъ не будетъ къ 1 Января и самъ я встрѣчу Новый годъ въ дорогѣ. Если мнѣ выѣхать 1-го или 2-го, то точно также будетъ задержка. Давать же цензуровать статьи въ Петербургѣ рѣшительно не кому: это легко говорится. Самъ Министръ цензуровать не станетъ. Да и хлопотливо и не надежно.

Получилъ вчера также письмецо отъ васъ съ приложеніемъ отзыва о Кохановской. Скажите, чей это отзывъ? Мнѣ очень хочется знать. Праздники и необходимые визиты немножко поразстроили правильный ходъ моихъ занятій и ослабили напряженіе. Такъ что крайне трудно было мнѣ написать передовую статью на новый годъ (на 12 №). Однакожъ написалъ, но чувствую самъ, что несовсѣмъ складно, самъ недоволенъ. Ну, да нельзя же мнѣ не извинить иногда неровности въ этой моей египетской работѣ — писать передовыя статьи къ каждому №.

Прощайте. Цѣлую ручку вашу.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

31.

27-го Декабря 61 года. Москва.

Получилъ нынче ваше письмо съ Митьковымъ, неутомимо добрая Графиня. Отвѣчать некогда. Укажите нѣмецкія газеты, ругающіяся. Я получаю только «Ost-Deutsche Post». Но тѣмъ не менѣе подниму перчатку. Я очень радъ что вы со мною согласны на счетъ статьи въ 11 №.

12 № Вы получите только 2-го Января. Получили-ли вы сочиненія брата и Хомякова?

Если не очень затруднительно, то очень бы одолжили, приславши мнѣ статью, которая у васъ. Мнѣ теперь, по случаю поѣздки въ Петербургъ, придется почти четыре статьи писать на одной недѣлѣ. Всего труднѣе передовыя статьи: тутъ выходишь на аванъ-сцену и невольно теряешь легкость и простоту движенія. Поэтому готовая статья была бы мнѣ великимъ подспорьемъ.

Нынче у меня была страшнѣйшая борьба съ цензорами.

Я на всякій случай, безъ серьезнаго намѣренія печатать, давалъ имъ цензуровать прилагаемые стихи брата: не знаю, извѣстны ли они вамъ. Разумѣется, не пропустили. Посылаю ихъ вамъ. Впрочемъ не съ тѣмъ чтобы вы хлопотали о дозволеніи ихъ напечатать. Еще не пришло время. Еще не вполнѣ достойны этихъ стиховъ.

Прощайте.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

32.

Ночь на Новый 1862 г. Москва.

Поздравляю васъ и вашего многоуважаемаго батюшку съ Новымъ годомъ, дорогая Графиня. Дай Богъ встрѣчать вамъ эту урочную межу времени еще много и много лѣтъ, — и дай Богъ, чтобъ этотъ Новый годъ не легъ на васъ, на насъ всѣхъ, на всю Россію, новымъ неудобоносимымъ бременемъ!

Лично за себя и за свое семейство я молю Бога, чтобъ далъ онъ намъ хоть въ этомъ году не видѣть мертваго лица близкаго человѣка. 1859, 1860 и 1861 врѣзали въ мою память неизгладимыми чертами образы смерти трехъ дорогихъ мнѣ лицъ: я былъ очевидцемъ трехъ смертей! При смерти Хомякова я не былъ, но впечатлѣніе, произведенное извѣстіемъ о его

смерти, было отъ того не легче.—Мнѣ, и въ особенности моимъ бѣднымъ сестрамъ и маменькѣ—нуженъ, крайне нуженъ отдыхъ, или хоть отсрочка новыхъ неизбѣжныхъ ударовъ! Авось либо Богъ помилуетъ.

У насъ не встрѣчали Новаго года. Всѣ поспѣшили разойтись до 12 часовъ, избѣгая грустныхъ воспоминаній о бывалыхъ встрѣчахъ.—Я ушелъ къ себѣ и встрѣтилъ полночь за работой. Теперь почти два часа, и мнѣ захотѣлось поздравить васъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить, что 12 № вышелъ нынче вечеромъ, завтра (1 Января) раздается публикѣ и что вы его получите 2-го Января.

Тутъ вы найдете и мою статью на Новый годъ (передовую). Въ ней нѣтъ ничего особеннаго, она не дурна, но могла бы быть въ тысячу разъ лучше. Есть у меня задуманная статья о тысячелѣтіи Россіи, но она требуетъ нѣкотораго досуга, а у меня его рѣшительно нѣтъ. Праздники только прибавляютъ работы разными помѣхами. 13 № долженъ выйти по прежнему въ Пятницу вечеромъ, а между тѣмъ печатанье его можетъ начаться только со Вторника (завтра типографія гуляетъ). Для того, чтобъ выѣхать 6-го, т. е. въ Субботу, я долженъ приготовить весь № заранѣе и передовую статью. Но едва ли я успѣю это сдѣлать! Мнѣ вѣдь мало написать, надобно знать—пропуститъ ли цензура! Вѣдь, если не пропуститъ, такъ кто же меня замѣнитъ въ мое отсутствіе. Вотъ почему я такъ желалъ, чтобъ вы мнѣ возвратили пропущенную передовую статью, которая у васъ. Мнѣ она очень нужна, именно поэтому.

Такое состояніе редактора, какъ мое, просто безнравственное: не успѣваешь не только читать, но даже мыслить.

И такъ—едва ли мнѣ удастся пріѣхать 7-го числа въ Петербургъ, хотя я буду всячески стараться.

Дайте пожать и поцѣловать вашу ручку. Развивать вамъ всѣ мои мысли о дворянствѣ нѣтъ времени. Главное—оно недѣлимость теперь, а какъ и чѣмъ оно замѣнится—трудно формулировать. Это выработается само собою—свободнымъ обсужденіемъ въ Комитетахъ при свободѣ слова, разумѣется во всякомъ случаѣ не въ формѣ дворянской конституціи.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Мнѣ пришло въ голову написать письмецо Аннѣ Ѳедоровнѣ. Посылаю его вамъ для передачи.

33.

14/15 Января 1862. Москва.

Что это значитъ, дорогая Графиня? Отъ васъ письма объяснительнаго нѣтъ, а между тѣмъ совершилось то, чего не было отъ начала газеты! Да и вообще ни разу при графѣ Путятинѣ цензура не получала ни замѣчанія за «День», ни такой острастки, какую задалъ имъ А. В. Головнинъ! Положеніе мое вышло преглупое. Я просто въ дуракахъ! И зачѣмъ я васъ послушался и пріѣхалъ въ Петербургъ? Вотъ вамъ и «соразумленіе», вотъ и «содѣйствіе» обѣщанное Головнинымъ и котораго я вовсе не просилъ! Такъ меня обмануть, такъ рано снять маску—не выгодно для новаго министра. Это такое fiasco, которое страшно компрометируетъ его въ общественномъ мнѣніи и ставитъ литературу во враждебное къ нему отношеніе. Ему надо «содѣйствіе всѣхъ честныхъ людей, умныхъ, просвѣщенныхъ» и проч. Онъ самъ просилъ меня прислать ему записку о томъ-то и о томъ-то.... Не будетъ ему никакого содѣйствія, потому что нѣтъ въ немъ вѣры и нѣтъ ему сочувствія.

Впрочемъ, я не стану торопиться обвиненіемъ. Можетъ быть, произошло что нибудь ужасное со времени моего отъѣзда, что побудило Головнина поступить именно такъ? Но вы бы тогда это знали и написали ко мнѣ. Бумаги Головнина подписаны 11 и 12 Января: вы бы непремѣнно меня предупредили.

Вотъ какая нынче бумага получена Щербининымъ:

«Въ 13 № журнала «День» помѣщены статьи о дворянствѣ и о земскихъ соборахъ, которыя, по смыслу Цензурнаго Устава, не должны бы быть пропущены и изъ которыхъ, даже при возможномъ снисхожденіи, слѣдовало бы исключить многія мѣста. Почему я прошу Ваше Превосходительство обратить вниманіе Гг. Цензоровъ на это непростительное опущеніе и потрудиться меня увѣдомить: какимъ образомъ объяснить оное и чѣмъ оно можетъ быть оправдано»?

C'est un coup de foudre для нашихъ цензоровъ. Можете себѣ представить ихъ страхъ и ужасъ, особенно послѣ тѣхъ успокоительныхъ извѣстій, которыя я имъ принесъ. Путятинъ дѣйствовалъ иначе: онъ обыкновенно писалъ частное письмо къ Щербинину въ подобныхъ случаяхъ; а лаконизмъ и рѣзкость этого предписанія и оскорбили и испугали Щербинина и весь его причтъ. Теперь мое положеніе хуже, чѣмъ въ началѣ, и я

рѣшительно не знаю, о чемъ и писать мою передовую статью для 15 №.

Этого мало. Вмѣстѣ съ бумагой о «Днѣ» получено циркулярное предписаніе по цензурному вѣдомству о томъ, что Цензура совсѣмъ ослабла, что журналы и газеты слишкомъ много себѣ позволяютъ, и что Цензорамъ слѣдуетъ быть строже и строже и не допускать ни малѣйшихъ уклоненій, и проч. и проч. Словомъ — бумага изъ временъ Николая Павловича. Что это такое? Реакція? И представителемъ этой реакціи—новый министръ? Вы и представить себѣ не можете, какое впечатлѣніе произвели эти бумаги на Цензоровъ и на публику. Завтра вся Москва будетъ знать объ этомъ... Неужели Головнинъ не понимаетъ, что проявлять власть (un gouvernement fort! вотъ вѣдь соблазнъ!) въ дѣлѣ литературы, въ области мысли и слова не приходится.—Зачѣмъ я, глупецъ, ѣздилъ въ Петербургъ и понадѣялся? Наказанъ я за то, что, по слабости человѣческой, повѣрилъ было въ возможность исправленія со стороны Петербургскаго правительства, что отступилъ отъ принципа полнѣйшаго отрицанія всего, что исходитъ оттуда, за то, что, измѣнивъ своимъ преданіямъ, смирилъ свою гордость и посѣтилъ такія мѣста, гдѣ быть мнѣ не приходится. А вы хотите, чтобъ я указывалъ все на свѣтлую, положительную сторону дѣла!

Сдѣлайте милость, разъясните мнѣ все это. Я хотѣлъ было писать къ Александру Васильевичу, но воздержался до полученія отъ васъ объясненія. Скажите ему, если его увидите, что я, послѣ такого его дѣйствія, причинившаго крайній вредъ моей газетѣ, считаю свои отношенія къ нему измѣнившимися, а слѣдовательно и къ.... и просьбъ послѣдняго (разрѣшеніе трехъ историческихъ задачъ) исполнять не признаю себя обязаннымъ.

Что же послѣ этого значитъ объявленіе въ «Сѣверной Почтѣ» à la Moniteur? Тамъ вѣдь это имѣетъ смыслъ потому, что тамъ нѣтъ цензуры, а у насъ Moniteur самъ по себѣ и цензура сама по себѣ!.... Мнѣ хотѣлось воспользоваться этимъ указаніемъ; мнѣ хотѣлось отвѣчать на глупыя нападки и еще глупѣйшія доктрины Чичерина, оказывающіяся столь сходными съ мнѣніемъ «Сѣверной Почты»!... Какой ограниченный человѣкъ этотъ Чичеринъ! Подавай ему непремѣнно и tiers état и noblesse de robe и noblesse d'épée! Это напоминаетъ требованіе юристовъ, собравшихся у Князя Сербскаго Михаила: чтобы за-

вести непремѣнно въ Сербіи die Stände! Ему, впрочемъ, хорошо отвѣчалъ Катковъ въ «Современной Лѣтописи».

Графиня! Не можете ли какъ нибудь успокоить Цензоровъ? Истинно вамъ говорю, что теперь мое положеніе такъ худо здѣсь, какъ никогда не бывало. Особенно скверно оно будетъ, какъ Щербининъ уѣдетъ: онъ беретъ отпускъ и завтра или послѣ завтра вѣрно уже отправится въ Петербургъ. Онъ очень оскорбленъ грубыми формами «предписаній» къ нему Головнина.

Скажите—что это Головнинъ? Мистификація ли это была съ его стороны? Какъ же спрашивать васъ (у меня хранится эта записка)—чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ мнѣ, и въ тоже время такъ страшно вредить! Сейчасъ ушелъ отъ меня Гиляровъ: онъ совсѣмъ уничтоженъ.

Вашу ручку. Вашъ Ив. Аксаковъ.

31.

15/16 Января 1862 г. Москва.

Писалъ я вамъ вчера, а нынче получилъ и ваше письмо, любезнѣйшая Графиня. Мнѣ очень жаль, что «День» такъ постоянно задаетъ вамъ хлопоты! Но вѣдь статья эта была уже вамъ извѣстна, когда я былъ въ Петербургѣ. Мнѣ только странно, что вы всякій разъ, при подобныхъ оказіяхъ, защищая меня, становитесь однакожъ на сторону обвинителей, какъ будто ихъ обвиненія въ самомъ дѣлѣ разумны и справедливы! Ихъ обвиненія только доказываютъ непонятливость, не больше. Сущность воззрѣнія брата моего (и Хомякова) состоитъ въ томъ, что руской народъ не политическій, никогда не бунтовалъ за свои политическія права,—а народъ соціальный, имѣющій задачею внутреннюю жизнь, жизнь земскую. Его идеалъ—не государственное совершенство, а созданіе христіанскаго общества. Слѣдовательно, его идеалъ выше идеала западныхъ народовъ, которые вѣруютъ въ государство, во внѣшнюю форму, ищутъ только внѣшняго благоустройства, ищутъ истины и воплощенія истины въ государствѣ, и потому безпрестанно мѣняютъ формы государственныя, забывая, что зло не въ формѣ, а въ самомъ принципѣ. Рускій народъ, напротивъ, равнодушенъ къ формѣ, потому что знаетъ, что дѣло не въ ней, а въ принципѣ, и такъ какъ послѣдній неизбѣженъ въ бытіи земномъ

человѣческаго общества, то онъ старается какъ можно болѣе уберечь отъ него свою внутреннюю жизнь, уберечь не внѣшними средствами, а тѣмъ, что знаетъ ему цѣну и не придастъ ему особенной важности. Ваше воззрѣніе на государство—языческое. Вспомните, что говоритъ Богъ Израильтянамъ въ Библіи, когда они неудовольствовавшись союзомъ съ Богомъ, началомъ внутренней правды, захотѣли правды внѣшней и попросили себѣ Царя.—Русская свобода есть свобода внутренняя, духовная: Западъ же, гоняясь за свободою внѣшней, государственной (политической) погруженъ въ духовное рабство. Разумѣется—къ внутренней свободѣ я отношу свободу мнѣнія, свободу слова, совѣсти.

. . . .

Начало государства есть начало принужденія неволи; начало закона (по Апостолу)—грѣхъ. Начало христіанства есть освобожденіе отъ закона, внутренняя свобода: «идѣ же духъ Господень, ту свобода!» Западъ ищетъ спасенія въ законѣ, и вы съ нимъ, и съ Чичеринымъ. А русскій идеалъ выше, хотя, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ труднѣе, и непрактиченъ! Знаете ли вы (безъ сомнѣнія знаете), что народы протестантскіе благоправнѣе и зажиточнѣе народовъ католическихъ и православныхъ: я не отдѣляю въ своемъ представленіи Протестанства отъ тучныхъ пастбищъ и жирныхъ коровъ: ихъ идеалъ достижимѣе, земнѣе. Слѣдуетъ ли изъ этого, что надо намъ отбросить православіе и принять протестанство.?

Статьи о Земскихъ Соборахъ имѣютъ цѣлію удержать народъ и общество отъ честолюбивыхъ мечтаній политическихъ, которыя непремѣнно зарождаются, если вы укажите на государство, какъ на цѣль, полнѣйшее воплощеніе истины. Народъ захочетъ тогда принять участіе въ государствѣ. Братъ же объясняетъ, что участіе его должно быть чисто духовное и нравственное, что истина не въ государствѣ, а внѣ его, что его задача—Царствіе Божіе. . . На Западѣ «душа убываетъ», замѣняясь усовершенствованіемъ государственныхъ формъ, полицейскимъ благоустройствомъ; совѣсть замѣняется закономъ, внутренніе побужденія—регламентомъ,—даже благотворительность превращается въ механическое дѣло. На Западѣ вся забота—о государственныхъ формахъ. Для насъ же забота та, чтобы государство давало какъ можно болѣе простора внутренней жизни и само бы понимало свою ограниченность, недостаточность.

А вы съ Чичеринымъ ставите на первый планъ законъ и принципъ государственный, слѣдовательно убиваете духъ въ человѣкѣ. Вы говорите о непрактичности идеала, о Мормонахъ и проч. Я вамъ повторяю: протестантскій идеалъ практичнѣе православнаго. Коли дѣло пошло на практичность, такъ мы придемъ къ узаконенію общественнаго разврата, что и сдѣлали всѣ государства, кромѣ Англіи.—Я просто удивляюсь вамъ, именно вамъ, Графиня, что вы не хотите понять этихъ нравственныхъ, христіанскихъ истинъ: вотъ что значитъ жить въ самомъ средоточіи государственности. Развѣ вы не знаете, что этотъ взглядъ на государство, прежде всего объясненный Хомяковымъ, опредѣлившимъ государство, какъ внѣшнюю правду, одинъ изъ коренныхъ догматовъ Славянофильства. А вы становитесь на сторону Чичерина! Эхъ! эхъ! эхъ!

Но долженъ вамъ сознаться, что цензурныя стѣсненія способны меня выводить изъ себя и заставить смотрѣть на Правительственныя лица, какъ на орду татарскую! Что можетъ быть гаже цензуры! И что за дѣло Царю, что вотъ такъ то думалъ Константинъ Аксаковъ и такъ то думаетъ Надворный Совѣтникъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ! Государство что-ли отъ этого развалится? Хрупкое же оно! Нечего тогда за него и стоять!—Передайте Головнину, что онъ долженъ поскорѣе загладить свои ошибки.

Пришлите мнѣ, прошу васъ, карту Стремоухова объ эпархіяхъ: я забылъ ее у васъ. Прощайте, не сердитесь.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Увѣдомьте меня непремѣнно, что сталось съ письмомъ Кохановской и возвратите мнѣ письмо.

35.

19/20 Января 1862.

Любезнѣйшая Графиня! Я не успѣлъ вчера написать къ вамъ, чтобы предувѣдомить, по обычаю, о 15 №. Передовая статья 15 № маленькая: цензура откусила кончикъ. Дѣло идетъ о «Сѣверной Почтѣ»: я подличаю предъ Валуевымъ и Правительствомъ—и стараюсь уловить ихъ въ собственныя сѣти.— Вы до сихъ поръ не сообщили мнѣ никакихъ подробностей объ исторіи, по случаю 13 № Дня? Что заставило Головнина такъ

компрометтировать себя, дать такія строгія предписанія цензурѣ, отъ которыхъ она отвыкла при Ковалевскомъ и Путятинѣ? Меня просто имѣютъ всѣ право назвать лгуномъ. Головнинъ поспѣшилъ дать démenti всему, что я разсказывалъ по возвращеніи изъ Петербурга.

И чего испугались? Дворянство вовсе не раздражено. Недавно я участвовалъ въ дворянскомъ обѣдѣ, бываю на выборахъ, и нигдѣ не видалъ никакого раздраженія противъ себя. Вѣдь просто смѣшно, что и «Сѣверная Почта» и Князь Суворовъ стараются загладить впечатлѣніе 13 № Дня! Статья Грабовскаго напечатана, первая половина. Гиляровъ долженъ былъ въ этомъ № помѣстить свою статью — въ отвѣтъ на статью Чистовича, но—по обыкновенію не сдержалъ обѣщанія, и откладываетъ до 16 №. Хорошій человѣкъ, но жаль костей нѣтъ: какіе-то хрящи вмѣсто костей!

Если цензуру вы не облегчите, не ждите отъ меня никакой свѣтлой стороны. «День» нахмурится.

Жму вашу ручку. Ив. Аксаковъ.

Скажите, прошу васъ, что это окончательный отвѣтъ Грота, или нѣтъ? Было-ли ходатайство со стороны нѣкоторыхъ двухъ дамъ? Нельзя ли узнать, по крайней мѣрѣ, кто назначенъ будетъ въ управляющіе акцизнымъ округомъ въ Воронежской и Курской губерніяхъ. Мнѣ очень-бы хотѣлось сдѣлать угодное Кохановской.

Сейчасъ получилъ я ваше письмо съ порученіемъ Головнина.

Прежде всего мнѣ очень больно, что вы никакъ не хотите признать истину нашего воззрѣнія на государство и продолжаете держаться воззрѣнія языческаго.—Я имѣлъ бы право сердиться на васъ: какъ вы можете называть статью о Земскихъ Соборахъ покойнаго брата, человѣка истинно святаго «прекрасною выходкою сдѣланною въ пользу Некрасова, Чернышевскаго и другихъ»!!! Не стыдно ли вамъ! Неужели вы думаете, что я чувствителенъ къ нападкамъ Благосвѣтлова и К°? Я не отвѣчалъ имъ ни единымъ словомъ въ моей газетѣ. Неужели вы не понимаете, что если моя газета имѣетъ значеніе и приноситъ пользу, такъ именно потому, что она такова, какъ она есть: пишу и говорю искренно, своимъ голосомъ, а не

чужимъ. Издавай я газету по вашему или по Головнинскому рецепту, она не приносила бы пользы,—что вѣдь признается и Головнинымъ.—Кажется для Головнина все живое кажется молодечествомъ; Петербургу надо, чтобъ умъ и душа человѣка имѣли-бы всѣ пріемы и степенность дѣйствительнаго статскаго совѣтника: тогда онъ узнаетъ что-то родное; этимъ чиномъ онъ измѣряетъ зрѣлость! Вы не хотите понять, что

. . . . . Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ,
Дано лишь истину добыть!

Впрочемъ—это старая исторія!

Поблагодарите Головнина. Я ожидалъ отъ него другаго способа дѣйствія, другихъ пріемовъ: запрещая или стѣсняя журналъ, спасаютъ не литературу, а только свое мѣсто! Напротивъ того—губятъ принципъ! Онъ долженъ былъ отстаивать принципъ свободы мнѣнія, во что бы ни стало, предлагая, въ противномъ случаѣ, выйти въ отставку: тогда бы онъ внесъ новое начало въ административную сферу!... А такимъ путемъ ничего добраго не добудешь.—Я желаю остаться на томъ положеніи, на какомъ нахожусь до сихъ поръ: т. е. подъ строгимъ надзоромъ цензуры, а опеки Головнина не желаю: она, имѣя съ одной стороны видъ какого то исключительнаго вниманія и даже покровительства,—съ другой—будетъ для меня хуже и строже Московской Цензуры.

Помните ли вы записку о состояніи Россіи брата, которую Императрица посылала Государю въ Крымъ. Государь былъ ею очень доволенъ!

Въ этой запискѣ все тоже, что васъ такъ смущаетъ въ статьѣ о Земскихъ Соборахъ и въ моей статьѣ о законахъ! Какъ согласить такое ваше противорѣчіе!

Разумѣется, я постараюсь до времени помолчать о важныхъ вопросахъ, чтобы дать пройти бурѣ. Mais si on peut conjurer l'orage, il est impossible de conjurer la bêtise humaine.

36.

25/26 Января 1862. Москва.

Отзыва отъ васъ на 15 № нѣтъ, значитъ все благополучно. Но этого мало. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ почувствовали всю

нелѣпость мысли: заводить Moniteur и Constitutionnel, при нашей цензурѣ. Видно, не довольно ясно выразился.

Въ 16 № передовая статья говоритъ о безплодности всѣхъ улучшеній и всякаго прогресса—безъ возстановленія цѣльности организма и живой связи съ народомъ,—безъ возникновенія общественной силы и ея производительности. А эта сила можетъ возникнуть только при свободѣ слова.

Но все это, по милости цензуры, несовсѣмъ ясно. Долженъ вамъ сознаться, что эта послѣдняя исторія крайне меня раздражила, и нарушила нѣсколько тонъ, на который я уже было наладился.

Въ этомъ же № прекрасна статья: замѣчанія на Чистовича. Кто вамъ сказалъ, что это статья Гилярова? (я читалъ ваше письмо къ нему). Это статья нѣкоего г. Р. С. Т. Она очень хороша, но слишкомъ тонка, не поймутъ. Прочтите ее, прошу васъ, до конца: тутъ упоминается объ одной книгѣ, которую мнѣ прислалъ одинъ изъ подписчиковъ. Внушите кому слѣдуетъ, что эта книга должна быть оффиціально опровергнута.

Тутъ же чрезвычайно интересно и важно письмо изъ Кіева: вотъ и отвѣтъ Грабовскому, другаго лучше не надо! Очень замѣчательная вещь. Вотъ все собственно.

Нынче было засѣданіе Славянскаго Общества. Выбрали Евграфа Петровича Ковалевскаго.

Я къ вамъ съ просьбою—отъ Безсонова. Онъ, бѣдный человѣкъ, издаетъ, какъ вы знаете, драгоцѣннѣйшіе памятники: духовные стихи («Калѣки перехожіе»). У васъ они есть. Онъ желалъ помощи нѣкоторой (рублей 500) отъ Академіи Наукъ, но Академія отвѣчала, что такое дѣло ей чужое. Разумѣется, Графъ Димитрій Николаевичъ и не знаетъ о такомъ рѣшеніи. Теперь онъ обратился съ письмомъ къ Головнину: въ случаѣ отказа, онъ броситъ изданіе. Сдѣлайте милость, скажите Головнину, что Безсоновъ (чего онъ вѣрно не знаетъ) человѣкъ весьма извѣстный и съ авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, и пріятель Самарина, Черкасскаго, и пр. Только. Я надѣюсь, что Головнинъ, которому надо возстановить свою репутацію, послѣ слишкомъ усердныхъ распоряженій по цензурѣ, воспользуется этимъ случаемъ.

Какъ же теперь быть съ братомъ Кохановской? Нельзя ли вамъ возвратить мнѣ письмо.

Въ отвѣтъ на ваши тексты, совѣтую вамъ перечесть то, что Ап. Павелъ пишетъ о законѣ; идеалъ брата вовсе былъ не личный идеалъ, по своему вкусу и мѣркѣ сочиненный. Онъ есть общій, Христіанскій, и потому кто противъ этого взгляда — тотъ язычникъ. Вы съ Чичериным сотворили себѣ кумира — государство и законъ, забывъ 1-ю заповѣдь.

Прощайте, любезнѣйшая Графиня. Жму вашу ручку. Уже 5-ый часъ. Хорошо, что печатаете бюджетъ, но зачѣмъ же предписаніе въ цензуру, чтобъ допускать въ печать только похвалы и одобренія, а порицанія присылать въ Министерство Финансовъ!!!

Вашъ Ив. Аксаковъ.

37.

31 Января/1 Февраля 1862 г. 5 часъ ночи.

Дорогая Графиня. Пользуюсь отъѣздомъ Евгеніи Сергѣевны, что бы написать вамъ à coeur ouvert, хотя, впрочемъ я и почтой мало стѣсняюсь. Это просто невыносимо — такъ издавать невозможно. Положеніе моихъ дѣлъ вдесятеро ухудшилось при Александрѣ Васильевичѣ Головнинѣ. Вы можете сказать, что я самъ виноватъ; что не было другаго средства спасти газету, какъ отдавъ ее въ тиски цензурные, и проч. Я также виноватъ въ 13 №, какъ и въ 1-мъ и во 2-мъ: не измѣнилъ своего тона и воззрѣнія ни на волосъ. Но какъ бы то ни было, выходитъ, что и при Головнинѣ господствуетъ та же рутина, тѣ же пріемы для общей ожидаемой пользы (которой, можетъ быть, и не суждено явиться) тѣснитъ и давитъ честное направленіе, къ великому утѣшенію направленія противоположнаго.

Я получилъ отъ васъ, чрезъ Евгенію Сергѣевну и черезъ Самарина — цѣлый баулъ совѣтовъ, внушеній и предостереженій. Хорошо вамъ такъ говорить. Вы не въ положеніи журналиста, стоящаго предъ лицомъ публики, журналиста, которому завязываютъ ротъ, когда публика ждетъ отъ него слова и когда прочіе журналисты говорятъ свободно. Вы постоянно забываете, что если моя газета имѣетъ успѣхъ, то именно потому, что она такая, какая она есть, а не такая, какою бы хотѣлось вамъ, Головнину и другимъ, чтобъ она была. Нынче получилъ я отъ васъ письмо Моренгейма. Переслать его ко мнѣ со сто-

роны Головнина — просто насмѣшка! Моренгеймъ восторгается передовыми статьями, а Головнинъ сдѣлалъ все, что только можно, чтобъ передовыхъ статей не было. Моренгеймъ хвалитъ мою прямоту и искренность: Головнинъ заставляетъ меня прибѣгать къ двусмысленнымъ рѣчамъ и всякимъ хитростямъ.

Да, именно Головнинъ. Онъ умѣлъ такъ распорядиться, что всѣ здѣсь убѣждены въ его непремѣнномъ намѣреніи убить мою газету. И онъ убьетъ ее! Можно было принять мѣры, чтобъ парализировать временную грозу, но принять серьезное намѣреніе заставить меня писать такъ, а не эдакъ,—это болѣе, чѣмъ смѣшно. Тонъ его предписаній цензурѣ таковъ, какого не было года уже четыре! Всѣ внушенія начальническія, которыя онъ дѣлаетъ Щербинину, застращиваютъ этого несчастнаго старика, и онъ пишетъ изъ Петербурга письма къ цензорамъ такія, что изданіе дѣлается невозможнымъ. (Вы и сами не понимаете, что когда вы просите Щербинина беречь меня, это отражается въ его умѣ иначе: тѣснить меня, а тѣснить меня—значитъ—губить меня, т. е. мою газету) Распоряженіе же Головнина, чтобъ посылать къ нему статьи, непропущенныя, въ высшей степени непрактично: во 1-хъ—написанная, непропущенная и посланная къ нему передовая статья никакъ не можетъ поспѣть въ тотъ №, для котораго назначалась, и во всякомъ случаѣ теряетъ свою своевременность; во 2-хъ, — цензора очень рады сваливать съ себя отвѣтственность на Министра; въ 3-хъ, разрѣшеніе данное Министромъ, лицомъ, принадлежащимъ къ высшему правительству, имѣетъ другой смыслъ, чѣмъ цензорское, и потому труднѣе дается. Въ 4-хъ—посланныя въ Петербургъ къ Головнину статьи (отъ другихъ журналовъ) почти всѣ запрещены Главнымъ Управленіемъ Цензуры, и безъ всякаго разумнаго основанія: примѣръ неубѣдительный.

Вы видите, я пишу вамъ спокойно: я такъ усталъ отъ этихъ дней, и такъ много сердился утромъ, что даже не въ силахъ и передать вамъ всего моего внутренняго состоянія,—благодаря молодому министерству, либеральнымъ и благонамѣреннымъ людямъ, выражающимъ сочувствіе газетѣ и ея направленію, и друзьямъ, такъ неразумно твердящимъ объ осторожности и дающимъ невозможные совѣты.

Благодаря всему этому, а Головнину въ особенности, г. Моренгеймъ будетъ лишенъ удовольствія читать передовыя статьи

въ 17 №. Этотъ № выходитъ безъ передовой статьи,—въ первый разъ! Написалъ я передовую статью въ свое время. Прочелъ Гилярову: онъ говоритъ — можно, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій. Во вторникъ, въ цензурномъ комитетѣ, прочіе цензора уперлись, какъ волы, и не пропустили ни одной буквы! Основаній разумныхъ къ запрещенію не было, кромѣ подлаго страха, внушеннаго грозными циркулярами Головнина и письмами Щербинина къ Прибилю, самому тупоумнѣйшему изъ людей и круглому невѣждѣ, по шурину председателя, котораго онъ посадилъ въ цензора, родства ради.

Часовъ пять жевали. жевали они мою статью и послѣ долгихъ утомительныхъ споровъ, часовъ почти въ 5 я воротился домой. Вечеромъ — дѣлать нечего — засѣлъ писать новую передовую статью о бюджетѣ, принявъ въ соображеніе, что порицанія не дозволены: писалъ опять ночью, утромъ повезъ въ Цензурный Комитетъ,— но опять и эту статью не пропустили, благодаря циркуляру Головнина о бюджетѣ. Онъ говорилъ Самарину, что запретилъ только печатать прямыя порицанія и ругательства, но видно онъ самъ не знаетъ toute la portée своихъ предписаній! Я послалъ копію съ этого циркуляра Самарину, чтобъ онъ сличилъ бумагу съ тѣмъ, что онъ слышалъ о бумагѣ отъ самаго Головнина. Она написана такъ, что запрещаетъ всякой вопросъ, всякое недоумѣніе по поводу бюджета: гдѣ же свобода критики,—чѣмъ онъ хвалился Самарину. Но мою статью— даже и подъ циркуляръ нельзя было подвести. Тѣмъ не менѣе послѣ 3 часоваго спора (только слышать, что цензора говорятъ— производитъ истинную тошноту),—цензора стали на своемъ и не пропустили. Вообразите мое положеніе! Писать новую передовую статью уже поздно, завтра Цензурнаго Комитета нѣтъ, да и могутъ опять не пропустить, благодаря Головнину и вашимъ внушеніямъ Щербинину. Да и я не фабрика, чтобъ доставлять статьи во всякое время, особенно—измучившись и разстроившись въ комитетѣ. Я написалъ только три строки, вмѣсто передовой статьи, о которыхъ цензора еще часа два спорили, и наконецъ подписали: эти строки о томъ, что для этого № были мною заготовлены двѣ статьи, которыя обѣ не могутъ быть напечатаны.

Разумѣется такого рода объявленіе отъ редакціи надѣлаетъ много скандалу, и Головнинъ можетъ этимъ воспользоваться, чтобы

показать свое усердіе Князю Долгорукову — и успѣхъ своихъ циркуляровъ. Но если Головнинъ вздумаетъ сердиться и за это на цензоровъ, то мнѣ уже ничего не остается, какъ прекратить изданіе! Чтожъ это будетъ — не только мѣшаютъ писать, не только тупоумно запрещаютъ статьи, но и нельзя будетъ дать почувствовать публикѣ, что отсутствіе передовыхъ статей происходитъ не по небрежности издателя!

Ну можно-ли при такой борьбѣ съ цензурой издавать что нибудь? Вмѣсто того, чтобы расточать мнѣ совѣты, лучше было бы, еслибъ вы вездѣ, гдѣ можете, проводили принципъ свободы частныхъ мнѣній, свободы слова. Какъ тутъ писать статьи? Мнѣ бы нужно писать отвѣтъ Грабовскому, заняться нѣкоторыми вопросами спеціальнѣе, и пр. и пр. Нужно было-бы спокойствія духа, но съ Головнинскими распоряженіями это невозможно.

Первая статья, непропущенная цензурою, послана будетъ завтра къ Министру. Если онъ не пропуститъ ее, такъ конечно больше уже я посылать къ нему не буду: онъ какъ Министръ, весьма склонный деспотствовать во имя свободы и будущихъ благъ, конечно не пропуститъ ни одного мнѣнія, съ его мнѣніями несогласнаго, или приходящагося ему не по вкусу. А долженъ я вамъ признаться, что безъ передовыхъ статей изданіе газеты потеряетъ для меня (да и для публики) свою цѣну.

Я пишу вамъ собственно для того, чтобы вы, если возможно, предупредили гнѣвъ Головнина на цензоровъ за то, что пропущеніемъ къ печати моего объявленія отъ редакціи въ 17 №— они обличаютъ его дѣйствія въ отношеніи къ цензурѣ. Постарайтесь ему разъяснить, что въ этомъ онъ самъ виноватъ, и ему остается только разрѣшить посылаемую ему передовую статью для 18 №. съ выговоромъ Цензорамъ, зачѣмъ ее не пропустили.

Другую статью о финансахъ, или о бюджетѣ мнѣ бы хотѣлось послать къ Головнину чрезъ Самарина. Если же этого нельзя будетъ, такъ она пойдетъ завтра же или послѣ завтра.

Ну о чемъ же можно толковать, о какихъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ, покуда существуетъ такой порядокъ вещей! Хотите доблестей гражданскихъ отъ людей, а трактуете ихъ какъ мальчишекъ! —Хотите положительнаго, а не отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности! Совѣтуете спокойствіе, кладя человѣка на горячіе уголья!

Ив. Аксаковъ.

38.

5/6 Февр. 1862.

Хотя мнѣ собственно писать не о чемъ, добрая, милая Графиня, но нельзя не оставить безъ отвѣта послѣднія два письма и не поблагодарить васъ за участіе, неослабляемое даже болѣзнью. Я зналъ заранѣе, что статью мнѣ не пропустятъ: Министру въ тысячу разъ труднѣе быть цензоромъ, чѣмъ самому цензору: его разрѣшеніе печатать является какъ бы одобреніемъ, какъ бы выраженіемъ правительственной мысли: тогда какъ пропускъ цензора еще не означаетъ солидарности пропускаемой статьи съ правительствомъ.—Я сдѣлалъ только пробу, и впередъ приму за правило ничего къ Головнину не посылать на цензуру, а стараться проводить здѣсь.—Посмотримъ, что-то онъ скажетъ о другой статьѣ—о бюджетѣ: это будетъ служить коментаріемъ его циркуляру. Вообще, кажется, понять г. Головнина не трудно.—Но ваше письмо еще ничего не говоритъ о 17 №. Надѣюсь, что заявленіе о непропускѣ двухъ статей передовыхъ—не подастъ повода г. Головнину къ раздраженію! Это бы значило—рѣзать человѣка и запрещать ему кричать отъ боли!—Пока будетъ существовать «День», онъ будетъ посвященъ преимущественно Русскимъ нашимъ внутреннимъ вопросамъ, предъ которыми Славянскіе имѣютъ интересъ уже второстепенный, и почетнаго мѣста—premier Moscou—я не уступлю послѣднимъ. Разумѣется, я постараюсь избѣгать подводныхъ камней, сколько это возможно логическому соображенію. Но такъ какъ дѣйствія вашего Петербурга свободны отъ всякихъ законовъ логики, то это довольно трудно.

Я получилъ отъ Кохановской родъ маленькой повѣсти, которая появится въ 20 №. Очень хорошая вещь.—Что вы скажете о проэктѣ ксендза Іезуита?—Статья Дим. Рычкова—принадлежитъ Юрію Самарину.

Что это за странная штука Университетъ въ Николаевѣ? Въ степи, въ матросскомъ городѣ? Да и зданія—совершенной пустякъ; на приспособленіе ихъ къ Университету потребуется тысячъ 300, по крайней мѣрѣ. Вотъ ужъ никогда въ голову не могло придти строить Университетъ въ Николаевѣ!

Надѣюсь, что нездоровье Графа Димитрія Николаевича скоро

пройдетъ; прошу васъ передать ему мое глубочайшее уваженіе и искреннее желаніе, чтобы онъ скорѣе оправился.

Такъ неужели посланіе «Къ Сербамъ»[1]) запрещено?

Прощайте, жму вашу ручку. Ив. Аксаковъ.

Головнинъ рѣшительно не понялъ моей статьи! Жаль что что вы не прочли ее сами. Можно было вычеркнуть два—три выраженія, но зачѣмъ же запрещать всю! Все это отвратительно.

39.

9 Февраля 1862.

Дорогая Графиня. Позвольте мнѣ возобновить прерванный порядокъ и извѣстить васъ по прежнему о предстоящей передовой статьѣ. Впрочемъ—какая ужъ это передовая статья! Все начало, гдѣ вся мысль главная заключалась, откусили! Остались только разсказы о городахъ и городскомъ управленіи. Вы всетаки статью прочтите; она не лишена, мнѣ кажется, занимательности, и будетъ я думаю очень интересна для купцовъ. Цензура было совсѣмъ не хотѣла пропускать, ничего. Оно покойнѣе. Щербининъ возвратился и объявилъ Цензорамъ почти офиціально то, что ему сказалъ Министръ: черкайте и марайте (не только у меня, но вообще) безъ зазрѣнія: непріятности могутъ быть только за то, что пропущено, и никогда за то, что не пропущено!—Какъ вамъ это нравится?

Ну какже вы хотите, добрѣйшая Графиня, чтобы можно было тутъ сохранять спокойствіе, умѣренность, проводить положительныя начала, освободиться отъ отрицательнаго элемента.

---

[1]) Это посланіе къ Сербамъ, о которомъ упоминается нѣсколько разъ въ письмахъ И. С. Аксакова, вошедшихъ въ составъ настоящаго I-го тома его переписки (см. письмо къ М. Ө. Раевскому № 12 стр. 35)—было напечатано въ 1860 г. въ Лейпцигѣ, у Франца Вагнера, по русски и по сербски, en regard. Заглавіе этой брошюры въ сто страницъ (изъ нихъ 51 стр. русскаго текста) слѣдующее: «Къ Сербамъ посланіе изъ Москвы (Aux Serbes, êpitre de Moscou)» (и по сербски: «Србљима посланіе изъ Москве»). Посланіе это сочинено А. С. Хомяковымъ, помѣчено «Въ Москвѣ, въ 1860 году» и подписано одинадцатью лицами, имена которыхъ приводимъ по сербски, въ порядкѣ подписанія: Алекса Хомяковъ, Михаилъ Погодинъ, Александеръ Кошелевъ, Іованъ Бѣляевъ, Никола Елагинъ, Георгіе Самаринъ, Петаръ Бэзсоновъ, Константинъ Аксаковъ, Петаръ Бартеневъ Теодоръ Чижовъ и Іованъ Аксаковъ.

Русскій текстъ посланія «Къ Сербамъ» былъ сполна перепечатанъ въ IX-ой тетради «Русскаго Архива», но подписи не приведены.

Развѣ я чурбанъ, чтобъ всѣ подобныя вещи не производили въ душѣ своего рода нравственное окисленіе? — Несчастное правительство! Къ чему, къ чему оно тащитъ, гонитъ Россію?

Вы мнѣ что-то давно не писали. Что дѣлается у васъ, какъ здоровье Графа? — Великимъ Постомъ напишу двѣ-три статьи о Славянахъ, о Черногоріи, о Сербіи. — Что скажете про проэктъ ксендза?

Нынѣшній 18 № довольно сухъ. Знаете ли вы, что статьи Димитрія Рычкова помѣщенныя въ 17 и 18 №№ Дня — Юрія Самарина. Вотъ каковъ крестьянскій вопросъ: «и братъ возстанетъ на брата!» Не хорошо тутъ только то, что одному брату не позволено отвѣчать, т. е. Димитрію Самарину, по милости господина Буткова.

Жму вашу ручку. Дай Богъ, чтобъ у васъ было все хорошо.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

40.

Четвергъ вечеромъ 15 Февраля 1862

Милая, добрая Графиня. Я читалъ ваше письмо къ Самарину, и мнѣ чрезвычайно больно, что вся эта исторія съ «Днемъ» причинила вамъ столько тревоги и огорченія. Благодарю васъ за участіе; не получая отъ васъ никакого отзыва о № 18, безпокоюсь на счетъ здоровья вашего батюшки. А можетъ быть, ему и лучше, но вамъ было некогда. Неужели же и статья 18 № могла породить непріятности? Она была пропущена безъ всякой борьбы, кромѣ того, что откусили начало.

Статья о бюджетѣ также запрещена, а я ее давалъ предварительно на просмотръ Самарину, сердившемуся на цензоровъ, за то, что не либерально толкуютъ циркуляръ Министра на счетъ статей о бюджетѣ. — Скажите, какими же соображеніями руководствоваться! Изъ Петербурга жалобы на цензуру со всѣхъ сторонъ.

Первая передовая статья запрещена, какъ сказано въ бумагѣ, «по извѣщенію Начальника надъ III-мъ Отдѣленіемъ». Какимъ образомъ примѣшался тутъ Начальникъ III-го Отдѣленія? — Не объяснено.

Будьте увѣрены, что мнѣ самому надоѣла и опротивѣла эта борьба съ цензурой, и что я всячески стараюсь успокоить

свое раздраженіе,—хотя будущность Россіи представляется мнѣ въ самыхъ черныхъ краскахъ. Правительство играетъ въ крупную игру и напрасно усиливаетъ массу раздраженія.

Я думаю, нынѣшній № вы получите раньше обыкновеннаго, по случаю масляницы. Передовая статья—объ Евреяхъ—должна вамъ понравиться, Графиня,—а Цензора ее такъ укутали ватой палліативныхъ фразъ, что кажется, не къ чему будетъ придраться. Статья, конечно, много потеряла. Я долженъ вамъ признаться, что не выношу ваты: она раздражаетъ мнѣ кожу страннымъ образомъ: это истинно такъ.

Тѣмъ не менѣе когда я писалъ статью, я думалъ объ васъ, Графиня, и хотѣлъ сдѣлать вамъ удовольствіе, поэтому жду отъ васъ похвальнаго листа за доброе поведеніе.

Публику, можетъ быть, непріятно поразитъ или просто удивитъ — мой споръ съ Кошелевымъ, и такое раздѣленіе въ лагерѣ. Но во 1-хъ споръ о вопросѣ не первостепенномъ; во 2-хъ — онъ непремѣнно хотѣлъ напечатать мнѣ возраженіе, а мнѣ нельзя же было не отвѣчать. Это нисколько не нарушаетъ нашихъ хорошихъ отношеній.

Обратите вниманіе на статью о Чехахъ въ имѣніи Князя Кочубея. Надѣюсь, что скандалъ, который она, можетъ быть, произведетъ, безопасенъ. Но вѣдь это дѣло скверное, и объ немъ трубятъ за границей.

Въ этотъ № назначена была еще одна статья моя, въ Областной Отдѣлъ, но цензура послала ее къ Головнину. Я получилъ изъ Бѣлоруссіи, изъ одной и той же мѣстности, почти въ одинъ и тотъ же день, и отъ одного числа, два письма, оба подписанные: Бѣлоруссъ,—но одинъ Русскій, другой Полякъ и Католикъ. Одинъ бранитъ Поляковъ, другой Русскихъ. Признавая этотъ фактъ разноголосицы въ высшей степени интереснымъ, я помѣстилъ оба письма подъ названіемъ: Два голоса изъ Бѣлоруссіи, и написалъ отвѣтъ Польскому письму. Цензора нашли письмо Поляка слишкомъ рѣзкимъ, и отправили всю эту статью къ Министру на запрещеніе! Потому что Головнинъ до сихъ поръ умѣлъ только запрещать. Скажите Стремоухову, что я постоянно получаю самыя печальныя извѣстія о Болгарскихъ переселенцахъ, вышедшихъ не изъ Молдавіи, а изъ Турціи. Правительство дѣлаетъ для нихъ много, но мѣстное начальство воруетъ и тѣснитъ. Губернаторъ крымскій посылалъ противъ нихъ войска—для укрощенія ропота.

Я поручилъ доставить мнѣ самыя достовѣрныя данныя, и получивъ напечатаю громогласную статью. Надо оправдать Россію отъ гнусностей ея чиновнаго люда. Нѣтъ силъ больше терпѣть.

Получилъ я письмецо отъ Анны Ѳеодоровны. Если успѣю, то буду отвѣчать ей по этой же почтѣ. — Маменька и сестра Вѣра вамъ очень, очень кланяются.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Вотъ и письмо къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Я не знаю ея адреса, т. е. знаю, но не знаю, можно ли туда адресовать. Потрудитесь ей переслать.

41.

18 Февраля 1862 г. Москва.

Нынче прощенный день, и потому по Русскому обычаю, прошу у васъ прощенія, дорогая Графиня, во всѣхъ своихъ винахъ предъ вами. Вы, вѣрно, будете говѣть на первой недѣлѣ. Дай Богъ вамъ исполнить это по желанію вашего сердца. Благодарю васъ за послѣднее ваше письмо. Видно, нѣкоторыя выраженія моей статьи задѣли самыя чувствительныя струны ваши, что вы, не смотря на недостатокъ времени, написали мнѣ письмо въ три листочка. Но мнѣ кажется, на сей разъ вы не совсѣмъ правы. Дѣло въ томъ, что я нисколько не убѣжденъ, чтобъ мощи младенца въ Успенскомъ Соборѣ были мощи Царевича Димитрія, а не подложныя, какъ думала бо̀льшая часть современниковъ. Историческая критика не только не рѣшила вопроса о томъ, что Борисъ былъ убійца, но даже сомнѣвается, точно ли убитъ былъ Димитрій или же самъ закололся. (Напр. статья моего брата о VIII т. Соловьева) Въ сочиненіи, напечатанномъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г. особымъ приложеніемъ (Русское Государство, рукопись XVII вѣка, найденная Безсоновымъ), положительно дѣлается упрекъ Василію Шуйскому за то, что онъ для политическихъ видовъ употреблялъ чувство вѣры, какъ средство и сочинилъ Св. Царевича. Замѣчательно, что эти мощи не прекратили появленіе новыхъ самозванцевъ, и не приводятся, какъ аргументъ въ грамотахъ— послѣ времени Василія Шуйскаго. Съ теченіемъ времени все это забылось, и осталось одно, навязанное Царскимъ указомъ

церкви преданіе. Церковь долго проклинала Бориса, какъ убійцу, — но это не есть всенародное убѣжденіе. — Затѣмъ, я нарочно, какъ и въ статьѣ объ Евреяхъ, опираюэь не на чувство религіозное, вообще не на чувство, не къ нему взываю, а опираюсь на начало справедливости, общее всѣмъ, взываю къ логикѣ и здравому смыслу: это убѣдительнѣе для тѣхъ, которые не поддаются увлеченіямъ религіознаго чувства. И въ тоже время, я, кажется, достаточно доказываю свои христіанскія убѣжденія. А если бы я въ этомъ случаѣ руководствовался вашими совѣтами, я бы никого не убѣдилъ въ справедливости своего требованія — относительно городовъ и относительно Евреевъ. Затѣмъ прощайте и простите. Мнѣ же васъ прощать не въ чемъ. Маменька и сестра вамъ очень кланяются, а я прошу васъ засвидѣтельствовать вашему батюшкѣ мое глубочайшее уваженіе.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

42.

Пятница 23 Февраля 1862 г. 3 часа ночи.

Добрѣйшая Графиня. Пишу вамъ только для того, чтобъ поздравить васъ съ пріобщеніемъ Св. Таинъ.

Въ будущемъ 20 № нѣтъ передовой статьи—не пропустили. Была она объ «обязанностяхъ» дворянскихъ, и самая цензурная, по мнѣнію Гилярова, но Щербининъ былъ не въ духѣ и уперся. Я не позволилъ отсылать ее въ Петербургъ, чтобъ имѣть возможность переписать ее, исправить и вновь подать. Вообразите, что трехъ передовыхъ статей запрещенныхъ—у меня нѣтъ копій: онѣ удержаны въ Петербургѣ, въ черновыхъ подлинникахъ.

Впрочемъ, въ этомъ № идетъ интересная статья: два голоса изъ Бѣлоруссіи, съ моимъ отвѣтомъ. Напечатать «разрѣшено Государемъ съ выпускомъ нѣкоторыхъ строкъ и выраженій». Впрочемъ, цензурована очень либерально. Неужели Самимъ? Еслибъ Гиляровъ это процензуровалъ, я бы побоялся, чтобъ цензоръ не лишился мѣста. Прощайте, цѣлую вашу ручку.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

43.

1/2 Марта 1862 г.

Дорогая графиня. Был ныне у меня Болгарин Петковичъ, съ вашимъ письмомъ. Болгарину, который, вмѣсто короткой Турецкой расправы, попалъ на длинную и долгую расправу Русскую, я помогу, какъ съумѣю, но письмо ваше доказываетъ, что вы не читаете «День», или не прочли 20 №, гдѣ протоколъ Славянскаго Комитета! Тамъ вы бы прочли и объ избраніи Ковалевскаго, которому, сверхъ того, послано официальное письмо и отчетъ. Кстати, посылаю вамъ отчетъ и протоколъ. Да сообщите адресъ Евграфа Петровича Ковалевскаго, и Егора Петровича.

Получилъ еще письмецо отъ васъ и очень радъ, что статья моя: «Отвѣтъ Бѣлоруссу» вамъ понравилась.

Въ 21 № передовая статья есть начало статей объ обществѣ. Первая половинка бьетъ прямо не только на нашихъ либераловъ въ родѣ Чичерина, но и повыше — даже подлинныя выраженія Валуева, (о мажорномъ тонѣ), сказанныя имъ одному литератору. Вторая половина статьи, гдѣ я обвиненіе съ этихъ господъ перевожу на насъ самихъ, на общество, должна вамъ понравиться.

Затѣмъ прошу васъ обратить вниманіе на «Палатскій споръ» и мое примѣчаніе, на статейку въ Областномъ отдѣлѣ: «Два рѣшенія» и мое примѣчаніе,—на превосходную статью Гильфердинга, на письмо Поляка въ Славянскомъ Отдѣлѣ.

Правда ли, что у васъ въ Петербургѣ иначе не говорятъ, какъ le grand Чичеринъ? Я нахожу его весьма вреднымъ для общественнаго порядка, потому что отстаивая существующій порядокъ, онъ отстаиваетъ безпорядокъ и является чѣмъ то въ родѣ адвоката, avocat des causes perdues.

Прощайте, вашу ручку. Ив. Аксаковъ.

44.

9/10 Марта 1862 г.

Дорогая Графиня. Отъ васъ что то не было письма на этой недѣлѣ. Видно — нечего было и сообщать, къ тому же Петербургъ вѣрно занятъ исторіей съ Павловымъ. Очень нужно

было Павлова ссылать! Какая ошибка снова, со стороны правительства. Михайловъ, Павловъ пожалованы правительствомъ въ герои, какъ иныхъ оно жалуетъ въ генералы. Но удивительный городъ Петербургъ. Носитель Петровской идеи, онъ есть передовой человѣкъ лжи — правительственной и общественной, и въ этомъ отношеніи за нимъ Москвѣ не угнаться. Онъ можетъ и революцію произвести и объявить декретомъ, что нѣтъ Бога, а потомъ допустить его въ извѣстныхъ границахъ,—все къ изумленію остальной Россіи. И нѣтъ никакой причины, чтобы этого не было, потому что груза у него нѣтъ никакого и корней въ народной почвѣ никакихъ! Какая жизнь кипитъ тамъ у васъ — просто чудо! Настоящій Европейскій городъ! А между тѣмъ это жизнь сама по себѣ и для себя, а жизнь Россіи сама по себѣ.

Но что всего забавнѣе, это то, что Правительство само устроило резонансъ для своихъ произвольныхъ дѣйствій, само хлопочетъ о возбужденіи негодованія! Милое правительство! Прежде бывало—Богъ знаетъ когда дойдетъ вѣсть, что такого то взяли, сослали, и дойдетъ вѣсть сомнительная, тихохонько себѣ... А теперь у насъ есть Moniteur, поспѣшающій тотчасъ торжественно объявить, что правительство поступило вотъ такъ то противозаконно, вотъ такъ-то деспотически! Мало того—чтобъ походить на Европу, Moniteur тотчасъ даетъ знать объ этомъ по телеграфу, такъ что мы имѣемъ удовольствіе сутками раньше узнавать въ Москвѣ, изъ телеграммъ, помѣщаемыхъ въ газетахъ, что вотъ-де въ «Сѣверной Почтѣ» напечатано о такомъ то нелѣпомъ распоряженіи правительственномъ. Телеграмма имѣетъ возбудительное свойство, и благодаря ей и Moniteur' у всякая подобная мѣра правительственная имѣетъ великолѣпный резонансъ! Вотъ значитъ аллюры либеральныя при прежнемъ произволѣ! Ходила бы баба себѣ въ сарафанѣ—ну и ничего, а какъ надѣнетъ Парижское платье, да кринолинъ, ну и видно — какова у ней талія, и смѣшно!

Въ этомъ № (22) моя передовая статья такого рода, что большинству публики покажется скучною и непонятною. Анна Ѳеодоровна назоветъ меня нѣмцемъ, вашъ батюшка, вѣроятно, задремлетъ, если вы станете ее читать ему послѣ обѣда, но вы все таки прочтите. Эта статья ведетъ за собою цѣлый рядъ статей, по моему мнѣнію, довольно важныхъ, развивающихъ цѣлое

новое ученіе объ обществѣ; къ какой степени онѣ мнѣ удались—это другой вопросъ. И такъ вы все же прочтите и напишите мнѣ ваше мнѣніе. Съ Петроньевичемъ нянчился. Онъ не интересенъ. Были у меня Чехи. Одинъ изъ нихъ очень уменъ и очень мнѣ нравится. Прощайте, жму вашу ручку.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

45.

15/16 Марта 1862.

Ну вотъ и дождались мы чего-то по цензурной части, дорогая Антонина Димитріевна, но это «чего-то» далеко не удовлетворительно. Впрочемъ, хорошо то, что Буткова цензура дѣлается необязательною, что частныя министерскія цензуры уничтожаются, и что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отнынѣ не солидарно съ политическими мнѣніями газетъ и журналовъ, Только подозрительны эти оговорки: «въ сомнительныхъ случаяхъ»: это лазейка, въ которую можетъ вернуться старый порядокъ.—Теперь вся сила въ томъ, какъ организуетъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ свое наблюденіе за литературой Вѣроятно Валуевъ захочетъ, á la Persigny, устроить Bureau и при немъ своего La Gueronnière,—и это будетъ худо. Бюро, особенно на первыхъ порахъ, станетъ непремѣнно напоминать о своемъ существованіи и заявлять усердіе.

Впрочемъ, все таки хорошо, что рогъ старому врагу человѣческаго общества, цензурѣ, надломанъ, авось и совсѣмъ сломится.

Отвѣтъ Князя Кочубея я перепечатываю, съ своимъ примѣчаніемъ. Отвѣтъ совершенно неудовлетворительный. Такой отвѣтъ Кочубей могъ бы написать на другой день выхода моей статьи, а не черезъ три недѣли! Но видно, собранныя имъ свѣденія (вѣдь онъ выписывалъ управляющаго) таковы, что лучше отозваться незнаніемъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ формальнымъ слѣдствіемъ изгладить всѣ слѣды истины. Дѣло въ томъ, что Кочубей заключилъ контрактъ съ Левинсономъ, а Левинсонъ отъ себя отдѣльные контракты съ Чехами. Левинсонъ мошенникъ, и дѣйствуя именемъ Кочубея, надулъ Чеховъ, не далъ имъ денегъ на дорогу, и проч. и проч. Чѣмъ же виноваты чехи, что они повѣрили уполномоченному Кочубея. Кочубею слѣдо-

вало бы, удовлетворивъ Чеховъ, взыскивать свои убытки потомъ съ Левинсона, а не возмѣщать ихъ на чехахъ и взыскивать съ нихъ деньги, которыя Левинсонъ совсѣмъ не платилъ! Нѣтъ, c'est louche. Я отвѣчаю чрезвычайно учтиво и не вхожу въ большія подробности, но, кажется, отвѣчаю ловко.—Напрасно вы, Графиня, такъ легко смутились нападеніями на меня за эту статью. Князь Кочубей имѣетъ скверную репутацію; его исторія съ Зальцманомъ извѣстна всѣмъ; я жилъ въ Полтавѣ и тоже кое-что знаю про его управленіе, а о братѣ его князѣ Михаилѣ, хотѣвшемъ украсть у крестьянъ землю, купленную ими на ихъ деньги, Самарское дворянство сдѣлало постановленіе, въ силу котораго Государь заставилъ Кочубея отдать землю. Вотъ они каковы. Этого достаточно, чтобъ повѣрить обвиненію. Еслибъ оно касалось человѣка не знатнаго, я бы можетъ быть не рѣшился напечатать. Но Кочубей . . . . Другое мое побужденіе было то, что дѣло это огласилось за границей и служитъ въ Чехіи, и безъ того ругающей насъ въ Чешскихъ журналахъ, поводомъ къ пущему посрамленію Россіи. Теперь по крайней мѣрѣ, чехи увидятъ, что это случай частный, и что у насъ есть какъ будто и правосудіе! Мы-то знаемъ, что его нѣтъ вовсе, но пусть они думаютъ!

А ужъ вамъ показалось, что Кочубей и правъ! Если вы меня можете обвинять въ томъ, что главнымъ моимъ побужденіемъ къ нападенію было то, что онъ Князь,—такъ я скажу, что главнымъ поводомъ къ защитѣ Кочубея служитъ и вамъ то, что онъ Князь. Какъ можно обезславить Князя! Еслибъ это былъ Сидоровъ, 14 класса чиновникъ, такъ куда бы ни шло!— Въ васъ, конечно, подобный мотивъ не живетъ, но вы увлекаетесь настроеніемъ Петербургскаго общества.

Читаете ли вы мой «День»? Что-то мнѣ сдается, что нѣтъ. Прочтите-ка непремѣнно письма о Чехіи —и изъ Рагузы. Въ Черногоріи издается газета: «Орлиный кришъ», т. е. утесъ! Напишу непремѣнно статью о Черногоріи.

Забавно, что вчера я получилъ статью (по крестьянскому вопросу) отъ В. В. Кочубея, роднаго брата жены Князя Льва. Я ихъ рядышкомъ и поставилъ. Статья В. Кочубея не дурна. И такъ одинъ Кочубей является моимъ сотрудникомъ, другой— моимъ противникомъ. Это презабавно и разобьетъ родственную коалицію! Они вѣрно побранятся за это. Къ тому же статья

Кочубея противъ мѣры, предложенной Валуевымъ, а Валуевъ защитникъ Льва Кочубея.

Прощайте, будьте здоровы. Какъ здоровье вашего батюшки? Маменька и сестра вамъ очень кланяются.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Передовая статья 23 № покажется вамъ скучною, въ ней нѣтъ ничего пикантнаго. Я все развиваю свою теорію объ обществѣ. Это цѣлый traité sur la société.

46.

29/30 Марта 1862 г.

Я такъ давно не имѣю о васъ извѣстій, дорогая Графиня, что это меня очень безпокоитъ—относительно вашего батюшки. Я и самъ по этому случаю не хотѣлъ безпокоить васъ своими письмами. Теперь же прошу васъ только поручить кому нибудь увѣдомить меня о вашемъ отцѣ и васъ самихъ. Попросите о томъ Евгенію Сергѣевну.—Такъ какъ теперь вамъ не до меня, то я и не стану вамъ писать о своей газетѣ. Впрочемъ, ничего особеннаго нѣтъ. Дай Богъ Графу выздоровѣть, а вамъ поскорѣе утѣшиться, ободриться и самой не хворать. Жду тѣмъ или другимъ путемъ отъ васъ или объ васъ извѣстій.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

47.

7 (?) Апрѣля 1862.

Дорогая Графиня! Нынче утромъ послалъ къ вамъ письмо, а послѣ обѣда получилъ отъ васъ письмецо. Слава Богу, что слухи о болѣзни Графа оказались преувеличенными. 25 № Дня выходитъ безъ передовой статьи. Тутъ ужъ я рѣшительно не виноватъ. Я весь отдался развитію моей мысли объ обществѣ: въ моей головѣ сложился цѣлый серьезный трактатъ объ этомъ вопросѣ, и не обращая вниманія на публику, для которой эти статьи должны казаться скучными, оставался строго вѣренъ своей задачѣ. И вдругъ Щербининъ заупрямился, нашелъ статью революціонною! Я тотчасъ же тутъ написалъ протестъ, и статья, вмѣстѣ съ протестомъ въ Четвергъ отправилась къ Головнину,

къ которому сверхъ того я написалъ письмо. Надѣюсь, что Головнинъ возвратитъ мнѣ статью въ Воскресенье.—Въ 25 № обратите вниманіе на статью о Талмудѣ. Очень замѣчательно, но замѣчательнѣе всего, что прислано изъ Бугульмы, и кто этотъ Александровъ — неизвѣстно [1])! Чудныя дѣла въ Россіи! Вотъ куда ученость, умъ, направленіе Славянофильское vont se nicher! Прочтите также мое примѣчаніе къ письму изъ города Бѣлаго, и замѣтку въ Смѣси объ Александрѣ Замойскомъ. Это важное пріобрѣтеніе въ журналистикѣ: постепенно расширяя ея предѣлы, мы будемъ дѣлать запросы Правительству. На статейку мою въ 24 № о цензурѣ «Сѣверная Почта» отвѣчала въ 69 №: отбивается руками и ногами отъ офиціальности, какъ будто отъ чего-то постыднаго и позорнаго. Я этимъ воспользуюсь. Прочтите, сдѣлайте милость.

Маменька показывала мнѣ полученныя ею отъ васъ «мечты» и вполнѣ имъ сочувствуя, предлагала напечатать— хоть что нибудь. Но такой злой насмѣшки надъ архіереемъ, какъ ваша, я не могу себѣ дозволить.

Прощайте, 26 № выпущу въ Среду на Страстной, и потомъ до Вторника Ѳоминой. 26 №№—это вѣдь полгода.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

На второй половинѣ Страстной буду говѣть и заранѣе прошу прощенія.

47.

9 Апрѣля 1862 г. Москва.

Любезнѣйшая Графиня. Это письмо придетъ къ Пятницѣ, какъ разъ къ вашей Пятницѣ, какъ разъ къ вашей исповѣди. вы вѣроятно съ утра уже плачете о своихъ грѣхахъ, большею частью вымышленныхъ, а о настоящихъ-то и забываете. Позвольте вамъ напомнить. Грѣхъ вашъ состоитъ во 1-хъ въ томъ, что вы не понимаете нашего ученія и моихъ статей о внутренней правдѣ, и не понимаете не потому, чтобъ были неспособны понять: тогда бы грѣха не было; во 2-хъ въ томъ,

---

[1]) Позднѣе оказалось, что Александровъ—былъ никто иной какъ двоюродный братъ И. С. Аксакова. Александръ Николаевичъ Аксаковъ, извѣстный нынѣ какъ орячій сторонникъ изслѣдованія медіумическихъ явленій, признаваемыхъ имъ за реальныя.

что вы не достаточно оцѣнили важность содержанія моихъ статей въ 22, 23 и особенно въ 24 №, и не интересуетесь продолженіемъ; въ 3-хъ—что вы не только хладнокровно повторяете нелѣпость толкованія даннаго моей передовой статьѣ, задержанной въ Петербургѣ, mais que vous avez l'air d'y croire—вотъ что дурно. Статья ультраконсервативная. Въ 4-хъ—что вы не довольно сердитесь на стѣсненіе моей литературной дѣятельности.

Въ одно время съ этимъ письмомъ получите вы и 26 № Дня. 26 нумеръ — эта мое Преполовеніе! Ровно половина годичной пропорціи нумеровъ.

Передовой статьи нѣтъ: я ждалъ возвращенія посланной въ Петербургъ—вѣдь я прерванъ былъ на полусловѣ. Самыя интересныя статьи—это объ изгнаніи Русскихъ подданныхъ изъ Турціи съ моимъ примѣчаніемъ, мой отвѣтъ «Сѣверной Почтѣ» и по поводу Александра Замойскаго. Не лишена интереса статья Юзефовича, а также и Юркевича (Педагогическія затрудненія).

Что это за циркуляръ Турецкаго правительства? Знаете ли, что это почти преграждаетъ болгарамъ воспитаніе въ Россіи. Воспитавшись въ Москвѣ, они могутъ учительствовать въ Болгаріи только какъ русскіе подданные, въ противномъ случаѣ подвергнутся участи Милодиновыхъ. Еслибъ Константинъ Милодиновъ принялъ Русское подданство, его бы не отравили въ тюрьмѣ. Вотъ до какого позора мы дожили! Обратите вниманіе кого слѣдуетъ на эту статью.

Желаю вамъ и вашему батюшкѣ встрѣтить мирно и радостно Свѣтлый Праздникъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

48.

10 Апрѣля 1862. г. Москва.

Христосъ Воскресе, любезнѣйшая Графиня. Поздравляю васъ и Вашего батюшку со Свѣтлымъ Праздникомъ. Какъ то вы его встрѣтили? Надѣюсь получить отъ васъ скоро добрыя вѣсти о здоровьѣ Графа и вашемъ. Первые дни Святой Недѣли вы вѣроятно отдали суетѣ, какъ и слѣдуетъ, а на второй половинѣ недѣли вѣрно вспомните и насъ, вашихъ друзей. Скажите, правда ли, что пишутъ въ le Nord о томъ, будто Графъ ѣдетъ за границу, что на его мѣсто покуда Великій Князь Констан-

тинъ Николаевичъ, и что къ 26 Августа Государственный Совѣтъ перерядится въ Верховную Земскую Думу? Такой маскарадъ кажется весьма возможенъ, въ наше время и въ Петербургѣ. Вѣроятно учредится и чинъ: оберъ-гофъ-бояринъ.

Я получилъ офиціальное увѣдомленіе отъ Головнина, что «статья моя будетъ представлена Государю, и потому отвѣтъ послѣдуетъ не скоро». Можно заранѣе предвидѣть отвѣтъ, судя по тому толкованію, которое даетъ Головнинъ моей статьѣ, и которое вы мнѣ сообщили въ послѣднемъ вашемъ письмѣ. Признаюсь—утруждать Государя цензорованіемъ статей и сваливать на него съ себя отвѣтственность—по моему мнѣнію—просто безнравственно! Какой же Государь цензоръ? Каково же ему читать статью безъ начала и конца, не зная ея связи, съ другими статьями и съ цѣлымъ порядкомъ идей, ему совершенно чуждыхъ? Просто безобразно и безнравственно! И это въ то время, когда съ такой помпой возвѣщаютъ о преобразованіи цензуры!—Очень я сердитъ на Щербинина: онъ виновникъ всего этого, и настоялъ на отсылку статьи въ Петербургъ, вопреки мнѣнію другихъ цензоровъ. Мы рѣшительно не понимали, зачѣмъ и почему, но видно—у Щербинина есть дальновидность глупости, недоступная неглупому смертному. Какъ рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ, такъ и дуракъ дурака далеко видитъ, чуетъ и понимаетъ. У нихъ своя логика, не наша, которую намъ никогда не понять.

Я долженъ на Ѳоминой недѣлѣ выпустить два нумера, а потому долженъ на этой (Святой) недѣлѣ написать двѣ передовыхъ статьи. Не знаю, какъ и быть. Переходить къ другой матеріи, не окончивъ трактата объ обществѣ, такъ заинтересовавшаго большинство моихъ читателей,—странно, да и не хотѣлось бы, а продолжать, когда нарушенъ такъ глупо и нагло логическій ходъ изложенія, когда вырвана середина, очень неудобно.

Ну что же вы ни слова мнѣ не скажете объ изгнаніи изъ Турціи Русскихъ подданныхъ?

Прощайте покуда. Хочу писать Аннѣ Ѳеодоровнѣ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

49.

Понедѣльникъ, 16 Апрѣля, 1862 г.

Во истину воскресе, дорогая Графиня. Что это какія грустныя извѣстія вы о себѣ даете! Очень жаль васъ, тѣмъ болѣе жаль, что вы никогда и не жалуетесь. Авось либо съ наступленіемъ тепла и батюшки вашего здоровье поправится, и летучій вашъ ревматизмъ улетитъ. Не какъ вы добры, что написали мнѣ письмо, не смотря на больную руку! Благодарю васъ.—Передайте, прошу, прилагаемое письмо Аннѣ Ѳеодоровнѣ.

Я всею душою благодаренъ моему новому цензору. Онъ оказываетъ замѣчательныя цензорскія способности, что даже возбудило завистъ Московскихъ цензоровъ. Но говоря серьезно—онъ поступилъ очень добросовѣстно: оставилъ много мыслей, которымъ сочувствовать никакъ не можетъ, и смягчилъ только выраженія. Къ сожалѣнію, онъ вычеркнулъ нѣсколько фразъ, которыя уже были напечатаны въ одномъ изъ предшествовавшихъ нумеровъ и приведены мною оттуда. Вычеркнулъ также одно мѣсто, взятое изъ статьи, напечатанной въ «Русской Бесѣдѣ» въ 1856 году. Наконецъ въ одномъ мѣстѣ оставлена голова фразы, существительное, а глаголъ зачеркнутъ! Выходила безсмыслица! Я долженъ былъ приставить новый хвостъ,—и этотъ ничтожный хвостикъ задалъ много работы Щербинину. Прибавить что-нибудь, послѣ верховной цензуры—вѣдь это дерзость! Такъ оставить—еще хуже: всѣ будутъ знать, откуда и отчего безсмыслица! Мяли, мяли этотъ хвостъ и приставили къ львиной головѣ хвостъ овечій. Вообще статья очень потеряла.

Но я все же искренно благодаренъ моему цензору за то, что пропустилъ, и пропустилъ, съ его точки зрѣнія, много: это даетъ мнѣ возможность продолжать мои статьи.—А вѣдь Головнинъ уже всѣмъ объявлялъ, что статья пропущена не будетъ! Щербининъ ужасно сердится: «это съ его стороны (т. е. со стороны Цензора) непослѣдовательно: мнѣ сдѣлалъ выговоръ за статью 13 №, а самъ пропускаетъ. Это я ему скажу, когда увижу!»

Теперь для меня вопросъ: какъ поступятъ они съ продолженіемъ: неужели опять будутъ посылать? Этотъ вопросъ рѣшится послѣ завтра, въ Среду (Цензурный Комитетъ) для передовой статьи 28 №. Есть много основаній предполагать, что

пошлють: «Ну такъ пусть цензуруетъ, благо охота есть! Мы ужъ съ толку сбились совсѣмъ!»

У меня для 27 № были назначены стихи, довольно невинные, Константина Сергѣевича. Они рѣшили послать въ Петербургъ, но я не согласился и взялъ ихъ назадъ. Ради стиховъ не стоило утруждать вниманіе Петербургскаго Цензора.

27 № выходитъ, какъ объявлено было, 17 Апрѣля, т. е. завтра, а 28 №—21 Апрѣля. Вы его получите въ одно время съ письмомъ. № не дуренъ. Статья отъ Редакціи, по поводу писемъ, получаемыхъ въ Редакціи «Дня» изъ Польши и Западной Россіи,—писана Елагинымъ.

Что же вы намѣрены дѣлать съ собою нынѣшнимъ лѣтомъ? Какъ и гдѣ располагаете провести его?

Прощайте, цѣлую ручку вашу.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

50.

19/20 Апр. 1862 г. Москва. Четвергъ/Пятница.

Я очень радъ, добрая Графиня, что вашему батюшкѣ лучше, но очень жалѣю, что вы уѣзжаете за границу,—жалѣю эгоистически; мнѣ не будетъ доставать васъ въ Петербургѣ, некому будетъ меня еженедѣльно бранить, некому будетъ мнѣ еженедѣльно рапортовать: и то и другое было мнѣ очень пріятно. Когда же вы ѣдете? Знаете у меня есть также замыселъ: взять у публики отпускъ на два самыхъ жаркихъ мѣсяца. У меня годъ начался 15 Октября и кончается 15 Октября. Это во многихъ отношеніяхъ очень неудобно. Во 1-хъ—публика все сбивается, воображаетъ, что это два года изданія—1861 и 1862; подписчики присылаютъ деньги за два года, которыя имъ приходится отсылать, и проч.; во 2-хъ—подписчики должны подписываться на мою газету спеціально, особо, а не разомъ вмѣстѣ съ подпискою на прочіе журналы, какъ они привыкли дѣлать. И проч. и проч.—Продолжить изданіе до 1 Января, т. е. подарить подписчикамъ еще 2½ мѣсяца, я не имѣю возможности. Если бы у меня было подписчиковъ за 5000, я бы это сдѣлалъ, но у меня съ небольшимъ 3000; это покрываетъ расходы, но не на столько даетъ выгоды, что бы можно было подарить 12 нумеровъ даромъ.—Я и хотѣлъ бы предложить под-

писчикамъ такую сдѣлку: съ 15 Іюня по 15 Августа не выпускать нумеровъ: въ это жаркое время всѣ разъѣзжаются, занимаются хозяйствомъ, никто ничего не читаетъ. Вѣдь у насъ съ прекращеніемъ зимняго сезона, и сезона Итальянской оперы, кончается и сезонъ общественныхъ интересовъ! Взамѣнъ этихъ мѣсяцевъ—я бы продолжилъ изданіе съ 15 Октября по 1 Января, подаривъ лишнихъ 2 недѣли или 2 нумера Какъ вы объ этомъ думаете? А самъ бы я отдохнулъ, устроился бы на продолженіе изданія лучше, чѣмъ до сихъ поръ, перемѣнилъ бы квартиру (что необходимо), а можетъ быть, съѣздилъ бы въ имѣніе....

Въ 26 № было публиковано мною, что на Святой недѣлѣ № не будетъ, а на Ѳоминой будетъ два. Я такъ и сдѣлалъ. 27 № у васъ. Тутъ очень хорошъ отвѣтъ Редакціи по поводу писемъ изъ Польши, писанный Елагинымъ.—28 № выйдетъ въ эту же Субботу, но вообразите—примѣръ благосклонности Петербургскаго Цензора производитъ на здѣшнихъ цензоровъ совершенно обратное дѣйствіе! Мнѣ не пропустили пяти статей для этого №, и всѣ отправлены въ Петербургъ. Не пропустили передовой статьи: продолженіе исторіи Земства отъ Іоанна до Петра,—на томъ основаніи, что уже не деликатно и дерзко цензуровать здѣсь продолженіе, когда начало подвергалось Цензурѣ тамъ, въ верху! А мнѣ кажется, не деликатно утруждать вниманіе Государя по напрасну! Затѣмъ не пропустили двухъ писемъ изъ Литвы, Польскихъ, не смотря на мои къ нимъ примѣчанія, писемъ — совершенно невинныхъ. Наконецъ, не пропустили моего примѣчанія къ статьѣ, помѣщенной въ этомъ 28 №, статьѣ въ высшей степени интересной, о дворянинѣ Кравковѣ, судимомъ и заточенномъ при Екатеринѣ II за старообрядчество. Прошу васъ непремѣнно прочесть эту статью. Не знаю, пошлетъ ли Щербининъ это примѣчаніе въ Петербургъ. Я объявилъ, что если Цензура здѣсь не пропуститъ, то я беру его назадъ.—но Щербининъ такъ возмутился моей этой замѣткой, что рѣшилъ не отдавать мнѣ ее, а представить въ Петербургъ, не для цензуры, а при особомъ письмѣ, какъ образецъ направленія и убѣжденій редактора, словомъ, въ видѣ доноса. Дѣйствительно, замѣтка написана горячо и съ употребленіемъ нѣкоторыхъ выраженій, помѣщенныхъ мною для того, что бы цензура, вычеркнувъ ихъ и успокоивъ этимъ свою совѣсть, про-

пустила мнѣ остальное. Я велѣлъ сказать Щербинину, что если онъ хочетъ посылать, то пусть подождетъ, когда выйдетъ №, потому что эта замѣтка можетъ быть понятна только по прочтеніи статьи о Кравковѣ. Кажется, онъ и отложилъ отсылку статьи до Субботы, а можетъ быть и совсѣмъ отложитъ.—Что касается до 5 піэсы, то тутъ вышло что-то странное. Еще на Свѣтлой недѣлѣ, назначивъ для 27 №, одно изъ стихотвореній моего брата, писанное въ 1847 году къ покойному же Н. Д. Свербееву, я послалъ его (безъ подписи автора) къ Гилярову, который, не рѣшившись его пропустить подъ одной своей отвѣтственностью, отослалъ его на просмотръ къ Щербинину. Щербининъ рѣшилъ — послать въ Петербургъ. Это у нихъ сдѣлалось теперь просто привычкой! Когда я узналъ объ этомъ, я тотчасъ же написалъ чтобъ стиховъ не посылали, что я не хочу безпокоить вниманіе Государя такими, сравнительно, пустяками, потому что оно мнѣ нужно для серьезныхъ статей. Но на Святой недѣлѣ не было засѣданій Цензурнаго Комитета, Гиляровъ не успѣлъ увѣдомить объ этомъ Щербинина и тотъ отправилъ къ Головнину стихи. Въ понедѣльникъ же на этой недѣлѣ, слѣдовательно, дня черезъ три, пришла отъ Головнина бумага къ Щербинину что стихи не могутъ быть дозволены къ печати: мнѣ было досадно, что ихъ посылали въ Петербургъ (мало ли что я могу давать на просмотръ цензору), но я радъ былъ, что Головнинъ не пропустилъ ихъ собственною властью, т. е. не понесъ ихъ къ Государю.—Нынче же (въ Четвергъ вечеромъ), часа два тому назадъ, привозитъ мнѣ Гиляровъ встревоженную записку къ нему Щербинину въ которой онъ увѣдомляетъ, что получилъ сейчасъ отъ Головнина бумагу: Головнинъ пишетъ, что Государь Императоръ желаетъ знать имя автора стиховъ, начинающихся такъ-то (именно этихъ самыхъ). Я тотчасъ же далъ отвѣтъ.—Это что-то очень странно. Какая нужда была Головнину, запретивши стихи и давши знать объ этомъ, носить ихъ къ Государю? Ему не было надобности разрѣшать свое недоумѣніе, потому что онъ уже порѣшилъ его, запретивши стихи. Съ чѣмъ же онъ шелъ? Съ доносомъ, съ желаніемъ вооружить противъ меня Государя? Я надѣюсь, что отвѣтъ, что стихотвореніе писано въ 1847 г.—его успокоитъ.

Въ нынѣшнемъ № обращаю особенное ваше вниманіе на Областной отдѣлъ. Онъ весь очень хорошъ.

Въ Славянскомъ отдѣлѣ, нынѣшній разъ, я не успѣлъ помѣстить свѣдѣній о Черногоріи и Герцеговинѣ, но въ будущемъ № будетъ вѣроятно моя статья объ этомъ предметѣ. Но вы напрасно обвиняете насъ въ равнодушіи къ Славянскому дѣлу.—Вѣдь у насъ идетъ своя борьба, не хуже Герцеговинской. Я самъ Вукаловичъ! у меня своя Порта, свой Омеръ-Паша въ лицѣ Цензурнаго Комитета или Головнина, я самъ уже 5-ый годъ въ качествѣ Редактора «Бесѣды», «Паруса», «Дня», ратую за свободу и независимость слова отъ угнетенія иноплеменныхъ — т. е. Петербурга. Вниманіе Русскаго общества естественно устремляется на самые чувствительные, т. е. внутренніе вопросы. А вы въ отношеніи меня разыгрываете роль Россіи или Русскихъ консуловъ относительно Вукаловича и Черногоріи: сочувствіе искреннее есть, и есть въ то же время постоянное желаніе: примирить—Герцеговинца съ Туркомъ; вы также все заводите переговоры и совѣтуете не раздражать Порту! Предоставляю вамъ самой, добрая Графиня, продолжать сравненіе....

Я хочу, впрочемъ, сдѣлать воззваніе къ Русской публикѣ и устроить явный комитетъ, въ родѣ Комитета въ Генуѣ для Гарибальди, — въ пользу Герцеговинскаго дѣла и Вукаловича. Мы частные люди. Это дѣлаетъ общество, а не правительство.

Прощайте. Будьте здоровы. Прошу васъ засвидѣтельствовать Графу мое глубочайшее уваженіе.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.



ПИСЬМО
КЪ
Н. И. КОСТОМАРОВУ [1].

---

30 Октября 1861 г. Москва.

М. Г. Николай Ивановичъ!

Я получилъ ваше письмо. Я не сталъ бы отвѣчать на него, еслибъ оно не было подписано вами. Оно написано въ такомъ тонѣ, съ употребленіемъ такихъ выраженій, которыя дѣлаютъ споръ невозможнымъ. Я бы могъ легко на дерзости отвѣчать еще сильнѣйшими дерзостями — браниться дѣло не головоломное — но это было бы недостойно дѣла, которому мы оба служимъ. Охотно извиняя ваши выраженія раздраженіемъ племеннаго самолюбія, и полагая, что вы сами не желаете дѣлать споръ невозможнымъ, не уклоняетесь отъ спора, я отвѣчаю вамъ sine ira et studio.

Вы говорите, что моя газета задираетъ двѣ родственныя народности, южно-русскую и польскую, и нападаетъ на лежачаго, беззащитнаго. Въ 1-хъ, это фактически несправедливо. О Полякахъ не было и рѣчи, покуда они не вздумали задирать насъ, Русскихъ. Они наводнили иностранную литературу клеветами на Россію и искаженіями исторической истины, они громко предъявляютъ притязанія на древнія Русскія области, они приводятъ въ дѣйствіе свои замыслы. Газета моя, отвѣчая

---

[1] Письмо это, а равно отвѣтъ на него Н. И. Костомарова, любезно предоставлены для настоящаго изданія заслуженнымъ профессоромъ И. В. Помяловскимъ.

имъ, поступила совершенно также, какъ и вы въ статьѣ: «Niema Rusi». Во 2-хъ, на малорусскую народность никто не нападалъ, а если напали такъ не на народъ и не на народность, а на тенденціи нѣкоторыхъ «патріотовъ», касающіяся вопроса объ языкѣ. Вообще между мной и вами та существенная разница, что я стою на сторонѣ исторіи и народа, а вы противъ исторіи и противъ народа. Какъ противорѣчащее народу, ваше ученіе можетъ быть названо аристократическимъ. Такъ напр. вы хотите игнорировать вопросъ вѣры, столь важный для народа южнорусскаго и полагающій несокрушимую преграду между имъ и Католиками-Поляками; вы, или авторъ статьи «Современника» (это все равно, потому что вы говорите, что готовы подписаться подъ нею) утверждаете, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права «угашаются послѣднія искры» вражды между Малороссами и Поляками (это вы пишите даже въ вашемъ письмѣ), забывая о борьбѣ вѣроисповѣданій — двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ. Народъ этого не забываетъ, — и я также. Вы идете на перекоръ не только народнымъ тенденціямъ вашей Малороссіи, но и тенденціямъ 3-хъ милліоннаго народа въ Галиціи. Страданія, влеченія, ожиданія всего этого народа не трогаютъ сердца шляхтича и «патріотовъ» Малорусской Петербургской колоніи!

Относительно Малороссіи и Галиціи вотъ мое profession de foi.

Малороссіи я не только вполнѣ сочувствую, но люблю ее всею душою, любовью вполнѣ свободною и такъ сказать объективною, не только физіологическою. Съ этою любовью я остаюсь вполнѣ Русскимъ, и Великороссомъ, не жалуя себя въ Малороссы, какъ мой пріятель Жемчужниковъ. Я не постигаю полноты Русскаго развитія—безъ Малороссіи. Слѣдовательно—послѣднее соединеніе съ Малороссіею, во всѣхъ отношеніяхъ, есть по моему мнѣнію такая же историческая необходимость для Россіи, какъ головы и сердца въ организмѣ, или придумайте другое сравненіе. Это соединеніе есть и будетъ, и безъ нашихъ хлопотъ, но вотъ мое убѣжденіе, которое проводить и высказывать, хотя бы и не въ полемической формѣ, вы не можете поставить въ вину человѣку убѣжденному. Что касается до народа Малорусскаго, то, при всей нелюбви къ Москалю и кацапу, народъ своимъ историческимъ смысломъ остается и останется всегда вѣрнымъ однажды данному имъ

изволенію: для него, хотя бы и несознательно, такъ же, какъ и для Великоросса. дорого единство земли Русской; для него Царь Православный имѣетъ то же значеніе, что для Рязанца или Владимірца. Я жилъ въ Малороссіи, и хорошо это знаю.—Казаки, превратившіеся такъ охотно въ высокоблагородныхъ, и принявшіе отъ Русскаго правительства подачку — крѣпостное право, стали въ глазахъ Малорусса-крестьянина на одну степень со всѣми Московскими панами. Точно такъ же какъ Великорусскій народъ видитъ въ Русскомъ Царѣ демократическое нивелирующее начало, точно такъ же и Малороссъ видитъ въ немъ свой оплотъ противъ пановъ и другихъ налегающихъ на него сословій. Во сколько ошибаются оба, это другой вопросъ, но и вѣрятъ и видятъ и ошибаются они одинаково.—Что касается до языка, то я не вѣрю въ возможность образованія Малорусскаго общаго литературнаго языка, — кромѣ чисто-народныхъ художественныхъ произведеній, — не вижу къ этому никакой возможности, не желаю и не могу желать никакихъ искусственныхъ попытокъ нарушить цѣльность общерусскаго развитія, отклонить Малороссійскихъ художниковъ отъ писанія на Русскомъ языкѣ. Слава Богу, что Гоголь жилъ и дѣйствовалъ раньше, чѣмъ возникли эти требованія: у насъ не было бы «Мертвыхъ Душъ»; вы бы или Кулишъ наложилъ бы на него путы племеннаго эгоизма и съузилъ бы его горизонтъ кругозоромъ одного племени! И какая, признаться сказать, звучитъ во всемъ этомъ фальшивая нота. Вотъ и теперь два Малоросса Максимовичъ и Кулишъ спорятъ между собою о Малороссѣ Гоголѣ, писавшемъ по Русски, и о Великороссіянкѣ (Маркѣ Вовчкѣ), пишущей по Малорусски!! Чувствуете ли вы, какъ все это противорѣчитъ жизни и исторіи! Но разумѣется, никто изъ насъ никогда не хотѣлъ и не думалъ мѣшать вамъ. Пишите, сколько угодно, переводите Шекспира и Шиллера на Малорусское нарѣчіе, одѣвайте героевъ Гомера и Греческихъ боговъ въ Малороссійскій кожухъ и очипокъ,—вольному воля! Но не можетъ же Русская литература пройти молчаніемъ такое явленіе.

О томъ, что мы враги всякой репрессивной мѣры, всякаго стѣсненія свободы, всякаго безпрепятственнаго самообличенія лжи—говорить нечего. Только сознающіе всю несостоятельность и слабость своихъ основаній, могутъ насъ обвинять въ этомъ,

хватаясь за это, какъ за единственное свое оружіе или способъ для менѣе постыдной ретирады.

Въ Галиціи я былъ. Нужно имѣть каменное или Польское, но не Малорусское сердце, чтобъ не сочувствовать стремленіямъ народа, который, страданіями своими, выработался до потребности ограничить свое племенное самолюбіе, потопить узкій племенной эгоизмъ въ эгоизмѣ всерусскаго народа, созданнаго изъ разныхъ Русскихъ племенъ Исторіею. А вы его подчуете племенными «особностями»! Вполнѣ, разумѣется, сочувствуя этому стремленію Галицкаго народа, могу ли я быть равнодушенъ къ статьѣ «Современника», идущей наперекоръ тенденціямъ, которыя я признаю за истинныя, смущающей бѣдный народъ, да еще выдающей себя за голосъ Россіи. Будь эта статья подписана Полякомъ, появись она въ Польскомъ журналѣ, появись даже въ «Основѣ», значеніе ея было бы другое. Но допустить, чтобы голосъ Польской самозванно, изподтишка прикидывался Русскимъ и морочилъ опаснымъ мороченьемъ цѣлый народъ, намъ сочувственный, допустить это было бы величайшею низостью для всякаго истиннаго Русскаго!

Что касается до Польши, то мое мнѣніе и желаніе было и есть, чтобъ Правительство вывело всѣ войска и всѣ Русскія начальства изъ Царства Польскаго, предоставивъ Полякамъ вѣдаться самимъ съ собою. Я не думаю, чтобъ уроки исторіи послужили имъ въ пользу, но этотъ урокъ былъ бы самый убѣдительный. Впрочемъ, разумѣется, кромѣ Царства Польскаго — я бы не далъ имъ ни пяди Русской земли. Для этого надо было бы опредѣлить границы. Мнѣ хотѣлось давно поднять этотъ вопросъ въ литературѣ и совершить такимъ образомъ въ литературѣ полюбовное съ Поляками размежеваніе. Еще бы лучше спросить вашихъ Малороссовъ (народъ) — хотятъ ли они быть подъ Ляхами? Не угодно ли произвести suffrage universel въ Галиціи?

Я не вызываю международную вражду, а напротивъ предостерегаю отъ нея. Требованіе Кіева и пр. я считаю безумнымъ, слѣдовательно—всѣ требующіе Кіева, заслуживаютъ названіе безумныхъ. Вы попрекаете мнѣ, что я съ этимъ словомъ обратился ко всей націи, т. е. вы хотите сказать, что не всѣ Поляки раздѣляютъ это безумное требованіе. Очень радъ это слышать отъ васъ, но въ такомъ случаѣ только без-

умствующіе и обидятся этимъ названіемъ, а прочіе хорошо поймутъ, что къ нимъ оно не относится.—Вы не хотѣли замѣтить, что я браню Поляковъ за то, что они портятъ сами свое правое дѣло неумѣренными притязаніями.

И такъ вотъ мои убѣжденія, которыя я высказывалъ изустно, буду высказывать и печатно. Упрекать меня въ угодливости власти могутъ только Поляки, которые большею частью прибѣгаютъ ко всякой лжи, клеветѣ и прочимъ подлостямъ, какъ къ обыкновенному своему оружію. Когда Герценъ въ 1858 году, кажется, печаталъ въ «Колоколѣ» свои письма къ Полякамъ и отстаивалъ противъ нихъ Кіевъ и другія Русскія области, то мнѣ самому Поляки говорили, что онъ подкупленъ Русскимъ правительствомъ и находится въ тайной перепискѣ съ Императрицею! Если же и ваши Малороссы прибѣгаютъ къ такой же уловкѣ относительно меня, то значитъ—они сильно ополячились!

Такія пошлости меня не остановятъ, точно такъ какъ и вамъ всѣ эти соображенія не помѣшали написать статью «Niema Rusi». Вѣдь нельзя же было отвѣчать Полякамъ на вашу статью въ Россіи печатно? Зачѣмъ же вы били лежачихъ? Вы скажете:—вы возражали. Да и я возражалъ. Вы скажете: Поляки могли отвѣчать за границей. Пусть и мнѣ отвѣчаютъ. Я бы ничего такъ не желалъ, какъ чтобъ позволили Полякамъ безнаказанно возражать мнѣ въ Россіи. Подъ статьей Кояловича я даже прошу объ этомъ, и предложилъ даже печатать анонимныя возраженія, но цензура это слово вычеркнула.

Какъ скоро статья «Національная безтактность» была напечатана по русски, въ Россіи, въ русскомъ журналѣ, то стало быть — споръ открытъ, и возражать на нее можно. Если же авторъ статьи, печатая, разсчитывалъ на то, что возражать будетъ неловко, что возражателю можно будетъ зажать ротъ обвиненіемъ въ неблагородствѣ,— я не знаю, благороднымъ ли назовете вы этотъ поступокъ? Авторъ швыряетъ изъ за угла въ насъ камень, и сердится, когда мы вскрикиваемъ отъ боли и крикомъ обличаемъ его продѣлку! Вѣроятно, онъ хотѣлъ бы, чтобъ мы ему кланялись и улыбались и позволили себя бить безнаказанно. Все это напоминаетъ мнѣ обвиненіе, дѣланное Европою Россіи въ неблагородствѣ за то, что она сожгла Турецкій флотъ въ Синопѣ, и требованіе, чтобы Россія вела только

оборонительную войну, а не смѣла защищаться, предупреждая нападеніе, и т. п.

Вы не находите противорѣчія между статьею вашею въ «Основѣ» и статьею «Современника». Да если одну можно было «бить», по вашему выраженію, другою, такъ какже нѣтъ тутъ противорѣчія? Своею «готовностью» подписать статью Современника» вы ставите меня въ совершенное недоумѣніе. Подъ статьею «Niema Rusi» я готовъ подписать свое кацапское имя, но конечно не подпишу его подъ «Національной безтактностью».

Недавно одинъ изъ моихъ пріятелей матеріалистовъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что статья Самарина неблагородна, что Бюхнеръ защищаться не можетъ!—Цѣлые журналы на всѣхъ страницахъ съ 1-го до послѣдняго нумера проповѣдуютъ матеріализмъ, и проповѣдуютъ съ успѣхомъ, а возражать имъ, безъ обвиненія лицъ—неблагородно!... Это въ родѣ обвиненія за Синопское сраженіе!

Вы угрожаете мнѣ тѣмъ, что Правительство будетъ гладить по головкѣ за статьи противъ Поляковъ... Я не веду оппозицію Правительству по западному: quand même. И если Правительство скажетъ: я признаю Христа, не стану говорить, что вѣрю въ чорта. Вы же въ «Основѣ» поете гимнъ Манифесту 19-го февраля, и такой гимнъ, до пафоса котораго мнѣ доходить не случалось. Это было очень пріятно Правительству, повѣрьте: не стоять ли вамъ, ради этого, ужъ за «гонимое и тѣснимое» крѣпостное право? Если статьи противъ Поляковъ не противны Правительству, то за то, къ сожалѣнію, другія статьи пришлись ему противъ шерсти. Говорю къ сожалѣнію, потому что опасаюсь усиленія цензурныхъ строгостей.

Перечитывая ваше письмо, нахожу еще слѣдующія мѣста, требующія отвѣта: 1) вы говорите, что не противились бы и тому, чтобъ Галичане писали на чистомъ Великорусскомъ языкѣ. Авторъ статьи «Современника» положительно этому противится.

2) Вы рисуете картину ужасовъ Волыни, Подоліи и проч., донесенія о которыхъ я буду получать, сидя въ комфортабельной комнатѣ и пр. Именно для того, чтобъ этого не было, нужно, чтобъ Поляки послушались добраго совѣта, перестали считать Волынь и Подолію Польскими землями, распространять свои Польскіе буквари, и т. п. Мы возбуждаемъ вражду! И вы мо-

жете, по совѣсти, сказать это? Мы хотимъ отстранить то, что возбуждаетъ вражду, и только даемъ отпоръ нападеніямъ!

3) Вы считаете неприкосновенность границъ Россіи дѣломъ правительства—«тутъ наша хата съ краю». Можетъ быть ваша, но не моя. Какія страшныя слова вы высказали! Такъ вамъ все равно, если Поляки или Австрійцы, или Турки отнимутъ у Россіи Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Москву, и поставятъ свою границу на Волгѣ? И вы послѣ того станете утверждать, что ваше сердце бьется однимъ чувствомъ съ народомъ! Нѣтъ, вы ему чужды совершенно—съ своею аристократическою привилегіею патріотизма и историческаго пониманія!

Довольно.—Эти два листа, мною исписанные, служатъ лучшимъ доказательствомъ моего уваженія къ вамъ. Если вы кому нибудь читали ваше письмо ко мнѣ, прошу васъ прочесть имъ же и мой отвѣтъ. Надѣюсь также, что вы оцѣните мою воздержность отъ тѣхъ неприличныхъ выраженій и неумѣстныхъ фразъ негодованія, которыми испещрено ваше письмо. Моя филокацапская газета охотно помѣститъ на своихъ столбцахъ всякое печатное, разумѣется, прилично написанное возраженіе ваше противъ нашихъ Москальскихъ теорій.

Вашъ глубокоуважающій и душевно преданный

Ив. Аксаковъ.

Приводимъ и отвѣтъ Н. И. Костомарова на это письмо. Отъ какого числа этотъ отвѣтъ и откуда онъ писанъ—на оригиналѣ письма Н. И. Костомарова помѣтокъ не имѣется:

М. Г. Иванъ Сергѣевичъ, прежде всего я почитаю обязанностью просить у васъ извиненія, мало того—прощенія въ моихъ выраженіяхъ, которыя вы находите дерзкими. Я имѣлъ дѣло не съ личностью вашею, а со школою и съ ученіемъ. Во всякомъ случаѣ, буду воздержнѣе.

Вы находите, что стремленіе писать по малорусски и создавать особую литературу противно—исторіи и жизни. Да, противно исторіи. Но какой? Исторіи войнъ, трактатовъ, министерскихъ распоряженій, кабинетскихъ соображеній, насильственнымъ размежевкамъ краевъ, составленію данныхъ и купчихъ на милліоны человѣческихъ душъ, живущихъ и гряду-

щихъ въ земной жизни. Но оно не противно исторіи народной мысли, народныхъ чувствованій и побужденій, слѣдовательно не противно и жизни. Коль скоро существуетъ народъ съ собственною физіономіею, съ своеобразными пріемами, съ собственнымъ нарѣчіемъ, то не противно жизни и его своеобразное свободное развитіе. Вы не видите возможности. Я признаюсь не вижу впереди ни условій неизбѣжной возможности, ни безусловной невозможности. Все зависитъ отъ послѣдующей исторіи. Будьте логичны и вѣрны себѣ. Откройте намъ принципъ вашъ и дѣйствуйте съ нами сообразно съ нимъ. Либо станьте на точку государственной принудительности и дѣйствуйте за одно съ III Отдѣленіемъ, либо уважайте право южно-русскаго народа и не приказывайте ему молчать на своемъ языкѣ и говорить на вашемъ. Позвольте ему самому рѣшать свою судьбу, а не закидывайте ему на шею помочей, чтобы вести его; судите южно-русскую литературу по ея плодамъ, а не отдавайте подъ судъ ея существованія и не осуждайте ее на смерть за то единственно, что она имѣла несчастіе родиться вблизи отъ васъ. «Современникъ» гораздо васъ послѣдовательнѣе и справедливѣе.

Вы пишите, что готовы предоставить Польшѣ вѣдаться самой себѣ, и въ тоже время говорите: Впрочемъ разумѣется кромѣ Царства Польскаго я бы не далъ имъ ни пяди русской земли. Хорошо. Но вѣдь эта русская земля населена русскимъ народомъ. Ну, если бы этотъ русскій народъ оказалъ симпатію къ Польшѣ и пожелалъ бы съ нею соединиться? Какъ же по вашему? Надобно было бы его усмирять штыками, картечами, плетьми и насильно заставить благоденствовать созерцаніемъ цѣльности, которую вы лелѣете! Въ такомъ случаѣ проповѣдуемая вами свобода противорѣчитъ вашимъ дѣламъ. Она невозможна. Вы говорите: будьте свободны, но думайте и поступайте, чувствуйте и желайте такъ, какъ мы хотимъ и вамъ приказываемъ. Ваша свобода ни чѣмъ есть лучше свободы исходящей отъ королей и министровъ. Точно какъ въ стихотвореніи Niema Russi ляхъ возглашающій свободу и равенство предъ Европой говоритъ Русину: bądź Polakiem chamie; jesli nie—dam poczuć swe ramie вы—говорите южноруссамъ: будь москалемъ хохолъ! А между тѣмъ рисуетесь дешевымъ свободолюбіемъ.

Ну, что изъ того будетъ, что вы подымете въ литературѣ вопросъ о полюбовномъ размежеваніи съ Польшею? Вы ужъ размежеваны съ нею тремя раздѣлами и трактатомъ 1815 г., народнаго размежеванія вамъ не произвести. Вы будете писать: это вамъ, поляки, это намъ. А можно ли будетъ кому нибудь закричать: постойте, господа, мы ни къ вамъ, ни къ нимъ не хотимъ; мы желаемъ жить сами по себѣ. Вѣдь цензура не пропуститъ такого заявленія; мало этого, еще въ крѣпость за это посадятъ. Такъ какъ же можете вы рѣшить дѣло полюбовнаго размежеванія въ лите-

ратурѣ? Не будетъ ли это Андрусовскій договоръ, воскресшій въ XIX в. на столбцахъ «Дня?» Вы, конечно, скажете, что разсчитываете на извѣстную вамъ симпатію южнорусскаго народа; вы пишите, что знаете его; да, вы знаете край, его внѣшность; это доказываетъ ваше превосходное сочиненіе о ярмаркахъ. Но едва ли вы знаете глубину народной души. Вы не подозрѣваете, что на днѣ ея у каждаго почти думающаго не глупаго южноросса спитъ Выговскій, Дорошенко, Мазепа—и проснется когда наступитъ случай. Душа истаго южнорусса совсѣмъ не такая распашная, какъ великорусская. Это высказывается постоянно и въ обыденной жизни. Не вѣрьте южноруссу, ибо онъ вамъ не вѣритъ, сколько вы ни открываете ему вашу душу. Не расчитывайте на народъ въ той степени въ какой вы подмѣтили его. Онъ выскажется только тогда, какъ, оглядѣвшись вокругъ, увидитъ и убѣдится, что его спрашиваютъ не затѣмъ, чтобъ надѣть на шею веревку, если онъ отвѣтитъ не въ вашъ тонъ. Вы говорите о suffrage universel. Показала себя эта новомодная выдумка въ Ниццѣ и Савойѣ.

Что-же, спросите вы: неужели же южнорусскій народъ пойдетъ къ ляхамъ? Не знаю: быть можетъ пойдетъ къ ляхамъ, быть можетъ пристанетъ къ вамъ, быть можетъ ни къ вамъ, ни къ нимъ не пристанетъ, а захочетъ самъ собою жить. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, среди которыхъ вы его спросите.

Вы находите, что Россіи слѣдуетъ вывести войска изъ Польши и предоставить ее самой себѣ. Что же изъ этого выйдетъ? Развѣ вы этимъ удовлетворите Польшу? Поляки не хотятъ такой Польши, какою вы ихъ жалуете. Поляки хотятъ Польши въ границахъ Сигизмунда III или по крайней мѣрѣ Яна Собѣйскаго. Едва только русскія войска выйдутъ изъ Польши, какъ поляки ворвутся въ край, составлявшій нѣкогда Великое Княжество Литовское. Все католическое и польское пристанетъ къ нимъ; примутъ ихъ сторону и толпы православныхъ (бывшіе уніаты сейчасъ покинутъ православіе, въ этомъ увѣряютъ самые пламенныя ревнители православія, но знающіе хорошо бѣлорусскій край). Другіе православные воспротивятся; подымется безтолковая междоусобная война. Русскіе должны будутъ водворять порядокъ, пойдутъ снова на Варшаву, возьмутъ ее и опять начнутъ держать Польшу въ ежовыхъ рукавицахъ. Какой же результатъ выйдетъ изо всего? Напрасное кровопролитіе—и больше ничего.

Вы хотите совмѣстить несовмѣстимое, служить Богу и мамонѣ. Хотите государственной цѣльности и проповѣдуете свободу. Государство имѣющее само въ себѣ цѣль и свободу — это масло и вода. Либо поддерживайте государство и тогда сознайте необходимость цензуры, III-го Отдѣленія, Петропавловской крѣпости и совершеннаго порабощенія индивидуальной мысли

и убѣжденія волѣ правительства; либо рискуйте государствомъ, будьте готовы на его разложеніе — если хотите свободы.

Россійское государство невозможно безъ самодержавія, а самодержавіе невозможно при свободѣ мысли и слова. Вмѣстѣ съ Хомяковымъ вы желаете свободы мнѣнія и сомнѣнія. Но прежде чѣмъ эта свобода дана — вы уже ополчаетесь на тѣхъ, которые не въ силахъ возражать вамъ. Вотъ вы приводите споръ съ поклонниками Фейербаха и Бюхнера, и указываете на «Современникъ», который проводитъ ихъ ученіе. Но иное дѣло проводить, иное дѣло открыто спорить. Вы съ вашимъ христіанскимъ православнымъ воззрѣніемъ имѣете изъясняться прямо, смѣло, вразумительно. А Чернышевскій долженъ будетъ предъ вами лавировать, увертываться... Для васъ доступно всякое оружіе, для него — нѣтъ! Если же вы начнете развертывать всѣ папильотки, въ которыя завито то, что подается имъ почтеннѣйшей публикѣ, то результатъ выйдетъ тотъ, что Чернышевскаго посадятъ въ крѣпость, либо сошлютъ въ Вятку, какъ проповѣдника безбожія, соціализма, революціи, а вамъ дадутъ орденъ за разоблаченіе зловреднаго ученія.

Я высказалъ одобреніе — если бы «Русское Слово» писало по великорусски, тогда какъ «Національная безтактность» этого не говоритъ. Дѣло въ томъ, что я не признаю закономъ, чтобъ человѣкъ непремѣнно писалъ на такомъ то, а не на другомъ языкѣ. Напиши онъ о Малороссіи хоть на Италіанскомъ... Что же? Это дѣло его вкуса; нравится ему италіанскій языкъ — пусть себѣ и пишетъ на немъ съ Богомъ. Пусть бы и Галичане писали по великорусски, если имъ это нравится, но Галичане не пишутъ и не думаютъ писать по великорусски: иначе для чего они перевели мою статью, писанную по великорусски, на свой тарабарскій? Конечно ихъ добрая воля создавать себѣ и тарабарскій языкъ, но наша добрая воля заложить себѣ уши отъ его мелодическихъ звуковъ. Я вовсе не признаю закономъ, чтобъ малороссы не писали по великорусски, напротивъ, если они не захотятъ взять въ руки малороссійскихъ книгъ — я не поставлю имъ этого въ вину. Значитъ жизнь того требуетъ. Не виноваты тѣ, которые по убѣжденію хотятъ развитія малорусскего языка, не виноваты тѣ, которые не хотятъ читать того, что пишется на этомъ языкѣ. Но пока — малороссійская письменность ростетъ и кругъ читателей увеличивается. Слѣдовательно есть потребность и несправедливо вооружаться противъ права на свободное существованіе малорусской литературы. Говоря, что ея появленіе противно исторіи и жизни, вы сами себѣ противорѣчите, изъявивъ опасеніе, что Гоголь, если бы живъ былъ теперь, склонился бы на убѣжденія Кулиша и компаніи и сталъ бы писать по южно-русски и вы бы не увидали «Мертвыхъ Душъ». Стало быть вы признаете въ мысли созданія южно-русской

литературы великую силу, когда предполагаете, что такой талантъ какъ Гоголь, могъ отдаться этой мысли! Я самъ думаю, что еслибы Гоголь былъ живъ теперь, то вѣрно свои повѣсти, напечатанныя въ «Вечерахъ», написалъ бы по южно-русски и конечно упрочивъ себя напередъ лучшимъ запасомъ знанія народности. Но это ничуть не помѣшало бы ему писать «Мертвыя души», которыя и не могутъ быть написаны по южно-русски.

Мнѣ кажется, что вы несправедливы къ студентамъ. Вы соглашаетесь со «Свѣточемъ», что они не уважаютъ науки. Нѣтъ, они уважаютъ науку, уважаютъ ее даже и тѣ, которые въ ней слабы по недостатку способностей или прилежанія. Разумѣется въ семьѣ не безъ урода, но о всей массѣ такъ отзываться несправедливо. Аудиторіи наши постоянно были наполнены — чему приписать это какъ не уваженію къ наукѣ и участію въ ней? Вѣдь лекціи скучно слушать; для забавы не пойдутъ — особенно двадцать, сорокъ разъ. Весной мнѣ пришлось экзаменовать окончившихъ курсъ въ Историко-Филологическомъ факультетѣ: изъ сорока двухъ я одному только сдѣлалъ снисхожденіе, потому что онъ былъ недавно боленъ тифомъ. Прочіе получили полные балы по достоинству. Волненія ихъ не безъ цѣли, у нихъ была цѣль, также показывающая уваженіе къ наукѣ. Ихъ возмутило преграждение пути бѣднымъ къ образованію. Конечно, становясь на государственно-полицейскую точку, я не скажу, чтобы правительство, по своимъ видамъ дѣйствуя, было неправо, заключивши ихъ въ крѣпость — (хотя по моему крайнему разумѣнію, не для чего было ихъ бить прикладами по головамъ, когда можно было безъ этого погнать въ крѣпость, куда они сами хотѣли); но suum cuique... нельзя же не отдать должнаго одобренія этимъ благороднымъ юношамъ, которые въ этомъ дѣлѣ держали себя чрезвычайно прилично, съ уваженіемъ къ общественному порядку, и пошли въ тюрьму бодро, сознательно, благородно. Если бы они и заблуждались, то побужденія ихъ были честны. Вы находите, что такія явленія—плодъ подражажанія Западу и что русскому человѣку противно все условное, формальное, какъ то обѣды со спичами, условныя торжественныя позы, изученные пріемы затверженныя фразы и т. п. Помилуйте! Да не держался ли весь обиходъ старыхъ великорусскихъ царей на такихъ условныхъ пріемахъ, не состоялъ ли весь изъ обрядностей? Обѣды со спичами! А помните ли какъ поступали когда угощали посланниковъ? Помните ли спичи съ царскими титулами, заздравные возгласы, помните ли торжественныя тронныя встрѣчи, дѣтей боярскихъ, гостей и всякаго народа толпы, нарочно одѣтыя въ цвѣтное платье, помните ли ребяческіе споры съ чужеземными послами о томъ, кому первому ступить, кому первому заговорить? Помните ли, что изъ за описокъ въ титулѣ воевали съ поляками? Нако-

нецъ вся русская домашняя жизнь заткана въ условные пріемы и сѣтью обрядовъ опутана. Свадьба, похороны, именины—вездѣ обрядъ, вездѣ условныя позы, изученые пріемы, затверженныя фразы и проч. и проч. Странно, вы приписуете Западу то что существовало издавна у насъ какъ наша особенность. Я никакъ не поклонникъ обезьянничества Западу: оно мнѣ приторно и гнусно; но для чего же взваливать на Западъ то, что само собой и безъ Запада необходимо является какъ общечеловѣческое качество? Я рѣшительно не понимаю высшаго требованія внутренней свободы и не знаю когда русскій человѣкъ заявлялъ его. Чего нѣтъ внѣ, того и внутри нѣтъ: иначе внутреннее высказалось бы внѣшнимъ. Не думаю, чтобъ русскій человѣкъ чуждался лжи и неправды, а напротивъ и въ исторіи и въ настоящей жизни только и вижу, что ложь и неправду и вполнѣ раздѣляю геніальное изрѣченіе Хворостинина: «русская земля оретъ все рожью, а живетъ все ложью». Да вы сами противорѣчите сказанному въ 3 № тѣмъ, что такъ превосходно высказали въ прежнихъ.

Глубоко уважающій васъ и безпредѣльно преданный

Н. Костомаровъ.

ПИСЬМА

къ

Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ.

1.

24 Іюля 1862 г. Москва.

Не знаю, застанетъ ли васъ, любезнѣйшій Никита Петровичъ, это письмо въ Петербургѣ, но на всякій случай считаю не лишнимъ сообщить вамъ, что Юрій Ѳеодоровичъ Самаринъ въ концѣ Іюля или въ самомъ началѣ Августа будетъ въ Москвѣ и Петербургѣ, вызываемый министромъ. Если вы еще нѣсколько дней останетесь въ Петербургѣ, повидайтесь съ Сохапской, Надеждой Степановной. Ея адресъ у П. А. Плетнева, въ Университетѣ. За симъ обнимаю васъ. Будьте бодры и крѣпки.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

2.

27 Февраля 1863 г. Москва.

Дѣйствительно, я досадовалъ на васъ сильно, зачѣмъ вы уѣхали, не простившись. Ну да это дѣло прошлое, объ этомъ не стоитъ и говорить... Я все же радъ, что вы сидите въ этой Коммиссіи. Ѳеоктистовъ не подастъ, я думаю, голоса въ пользу стѣснительныхъ мѣръ, а Оболенскаго, я надѣюсь, вамъ удастся переубѣдить. Къ тому же теперь вы имѣете порученіе, что избавитъ васъ отъ нареканій—будто вы пользуетесь синекурой.

Что вы приходите въ уныніе,—это не новость, вы къ унынію склонны, да къ тому же живете въ Петербургѣ, гдѣ каждый день до тошноты пресыщаетесь лицезрѣніемъ Петербургскаго люда и слышаньемъ Петербургскихъ умныхъ рѣчей. Но и я начинаю приходить въ уныніе! Энергія моя слабѣетъ, руки опускаются, и, кажется, бѣжалъ бы вонъ изъ Россіи, этой неизлечимо-больной. Чтобы вы тамъ ни говорили, а свобода слова если и не есть панацея отъ болѣзней, то по крайней мѣрѣ есть воздухъ, которымъ дышешь. Стѣсненіе слова есть лишеніе легкихъ воздуха. Нельзя ни подвигаться, ни дѣйствовать, ни мыслить, если вы чувствуете стѣсненіе въ груди, а это именно ощущеніе душитъ и давитъ современнаго образованнаго человѣка въ Россіи. Дайте мнѣ сначала почувствовать себя свободнымъ, а тамъ ужъ я подумаю и придумаю, какъ избавиться отъ прочихъ золъ.

Никогда цензура не доходила до такого безумія, какъ теперь, при Валуевѣ. Она получила характеръ чисто инквизиціонный. Онъ прислалъ, между прочимъ, въ Цензурный Комитетъ двѣ бумаги: одну о томъ, что при цензурованіи статей слѣдуетъ обращать вниманіе не только на статью, но и на направленіе журнала или газеты, гдѣ предполагается ее помѣстить,—такъ что иному редактору можно отказать въ помѣщеніи статьи, дозволяемой другому редактору. Другую же бумагу о томъ, чтобы «День» цензуровать какъ можно строже, потому что редакторъ, очевидно, руководствуется воззрѣніями, противными всѣмъ цензурнымъ постановленіямъ.

Не знаете ли вы какого нибудь фортеля укротить это неистовство цензуры? На прошедшей недѣлѣ мнѣ запретили пять статей, такъ что ихъ приходится заготовлять и набирать вдвойнѣ и втройнѣ.

Я и самъ прихожу къ мысли о Думѣ, не только для разрѣшенія Польскаго вопроса, но и для разрѣшенія всяческихъ вопросовъ. Это единственное средство, которое намъ остается. У меня сложилась цѣлая статья объ этомъ предметѣ, но я не писалъ ее, потому что ее не пропустятъ.

Эхъ какъ скверно! Какъ тошно кругомъ! Будьте здоровы. Что вы сдѣлали съ брошюрами Хомякова? Гдѣ онѣ? Надо бы и надо бы это дѣло двигать, Никита Петровичъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

3.

6 Октября 1869 г. Москва.

Я сейчас только узналъ о предисловіи ко 2-му изданію «Раскольниковъ» Ливанова,— предисловіи, въ которомъ этотъ господинъ смѣлъ отозваться обо мнѣ или моей газетѣ неприличнымъ образомъ. Признаюсь вамъ, я не могъ придти въ себя отъ изумленія. Вы объявили печатно, что считаете себя наслѣдникомъ «Москвы», вы считаетесь моимъ пріятелемъ, да мы и считались пріятелями,— и вы, тѣмъ не менѣе, продолжаете печатать публикаціи объ этой гнусной книгѣ,— мало того: вы себя публично заклеймили полнѣйшею солидарностью съ г. Ливановымъ, который хозяйничаетъ и гадитъ въ вашей газетѣ, по волѣ, какъ ему вздумается. Я не одаренъ такою нравственною небрезгливостью, какъ вы. Вы вольны избирать себѣ сотрудниковъ, но я не могу допустить, чтобъ меня считали солидарнымъ съ ними, а это предположить всякій имѣетъ право, помня, что ваша газета «наслѣдница» Москвы, что вы были сотрудникомъ и «Русской Бесѣды» и «Дня» и «Москвы». Что нибудь одно, Никита Петровичъ. Я въ правѣ требовать отъ васъ къ себѣ уваженія; держать при себѣ Ливанова — значитъ оказывать неуваженіе ко мнѣ и вынуждать меня порвать, къ моему сожалѣнію, всѣ связывавшія меня съ вами узы.

Я еще весной слышалъ отъ Ивана Матвѣевича (это была одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему онъ васъ оставилъ), что вы сдали въ контору (и эта бумага ходила по рукамъ) записку Ливанова, въ которой онъ, негодуя на васъ за прекращеніе публикаціи о его книгѣ, называетъ меня «приказчикомъ Солдатенкова». Я не захотѣлъ обратить тогда на это вниманіе и ни слова не говорилъ вамъ о томъ. Я объяснилъ себѣ это обстоятельство тѣмъ, что вы, въ хлопотахъ, позабыли о содержаніи письма Ливанова: да наконецъ, говоря откровенно, я и не очень взыскателенъ къ вамъ относительно требованій деликатности, приличія и нравственнаго такта. Но какъ скоро это дѣлается публично, я не въ правѣ долѣе терпѣть.

О предисловіи я узналъ только нынче, но собирался писать къ вамъ нѣсколько дней тому назадъ, по поводу помѣщенія писемъ изъ Сибири къ Плотицыну. Это меня и всѣхъ моихъ зна-

комыхъ возмутило въ высшей степени. Глумленіе надъ человѣкомъ уже осужденнымъ, глумленіе надъ печальной чертой задушевной искренности, дышащей въ письмахъ — все это бездушно, грубо... Однимъ словомъ никто вамъ не повредилъ такъ какъ Ливановъ, да и вы имъ нанесли нравственный вредъ обществу, распространивъ въ немъ вкусъ къ полицейскому сыскничеству — вредъ, превышающій пользу отъ сокрушенія скопческой силы.

Ив. Аксаковъ.

4.

Пятница, 18 Февраля 1872 года.

Прочелъ я вашу отповѣдь Главному Управленію. Мнѣ нравится это ваше московское чудачество, это упорное вѣрованіе въ здравый смыслъ, это убѣжденіе, чуждое сомнѣнія, рефлексіи, почти наивное — въ своемъ правѣ объяснять и растолковывать истину правительству. Но тамъ въ Петербургѣ, какой нибудь Тимашевъ точно также простодушно убѣжденъ въ противномъ; мѣрка для здраваго смысла тамъ иная; и въ Петербургѣ я думаю, если не вскипятъ на васъ гнѣвомъ и злобой, то потому только, что соблаговолятъ объяснить себѣ вашъ поступокъ патологически, или же такою наивностью, которая даже обезоруживаетъ. Записка очень хороша сама по себѣ, а какъ поступокъ она дѣлаетъ честь вашему нравственному существу, свидѣтельствуя о присутствіи въ васъ святаго элемента младенчества.

Это вы думаете убѣдить Лонгинова, Петрова, Тимашева, Шидловскаго! Господи!

Вашъ Ив. Аксаковъ.

5.

3 Февраля 1874 г. с. Турова.

Ваше письмо сильно заинтересовало меня, любезнѣйшій Никита Петровичъ. Очень жалѣю, что въ бытность мою въ Москвѣ, я не затащилъ васъ и вашего сына, 20-го Января, на чтеніе въ Общество Любителей Россійской Словесности, именно на мое чтеніе о поэзіи Тютчева. Я излагалъ тутъ цѣлый трактатъ о судьбѣ Русской поэзіи или Русскаго стихотворчества, и гадалъ о его будущемъ, — но всѣ эти трактаты, конечно, могутъ быть ра-

зомъ опровергнуты появленіемъ новаго, могучаго и оригинальнаго таланта. Объ этомъ распространяться было бы слишкомъ долго. Я думаю, что поэзія въ стихотворной формѣ (замѣтьте притомъ: чужой и заемной) у насъ—моментъ отжитой. Поэзія Пушкинскаго періода—носитъ на себѣ историческій признакъ,—именно признакъ исторической необходимости,—искренности, не только личной, авторской, но и исторической. Она запечатлѣна свѣжестью формы, на самой формѣ слышна побѣда надъ матеріаломъ искусства (словомъ),—чувствуется радость художническаго обладанія.—Она была «священнодѣйствіемъ»; отношеніе къ искусству походило на вѣру въ искусство. Во всѣхъ искусствахъ были такіе моменты, и они не повторяются.—Въ техническомъ отношеніи живопись, напримѣръ, ушла безмѣрно далеко послѣ Рафаэля,—но триста лѣтъ послѣ Рафаэля представляютъ только рядъ безплодныхъ усилій усвоить себѣ его манеру, приблизиться къ нему.—Тоже и въ Русской поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ искусства въ словѣ, выражающагося въ данной стихотворной формѣ. Никакимъ анализомъ не опредѣлите и не уловите вы прелесть стиховъ Пушкина, Тютчева и проч.,—независимо отъ содержанія. Можно указать сотни тысячъ стиховъ, несравненно блестящѣе, искуснѣе въ техническомъ отношеніи, но преимущество прелести, свѣжести, искренности всегда останется за ними. Эта историческая печать свѣжести не сотрется. Въ поэзіи нашего времени недостаетъ искренности, а главное нѣтъ raison d'être; стихи новѣйшіе какъ то не нужны. Конечно русская поэзія нѣсколько въ иныхъ условіяхъ: не всѣ струны народной души прозвучали,—самое просвѣщеніе, давнее бытіе нашей литературной поэзіи, не есть продуктъ народнаго духа; наконецъ форма стихотворная, съ ея рифмами и пр. чужая. Очень можетъ быть, для нашей поэзіи настанетъ періодъ возрожденія, новый періодъ искренности,—въ новой, болѣе оригинальной, болѣе народной формѣ.—Циклъ поэтовъ Германіи замкнулся Гейне,—поэтомъ уже отрицательнаго направленія.—У насъ также на рубежѣ историческаго періода поэзіи стоитъ Лермонтовъ.—Отъ отрицательнаго до тенденціознаго направленія (гдѣ поэзія обращается въ средство, отодвигается на задній планъ)—одинъ только шагъ. У насъ онъ былъ пройденъ. Конечно, Майковъ,

Фетъ, Полонскій люди съ талантомъ, — но они лишены внутренней силы, — имъ уже не дано властительно надъ умами.

Стихотворная форма, въ наше время, — это проститутка,

. . . .

я знаю мальчиковъ лѣтъ 12-ти, отлично владѣющихъ стихомъ, но въ этомъ стихѣ нѣтъ оригинальности, — это все только отзвуки.

Но, какъ я вамъ говорю, всѣ мои разсужденія легко могутъ быть опрокинуты разомъ — появленіемъ какого нибудь Алеши Гилярова или кого другого. Нужна особенная осторожность, какъ и вы пишите, въ обращеніи съ его дарованіемъ. Его дарованіе несомнѣнно, но надобно, чтобъ изъ этого дарованія не вышло пустоцвѣта. Стихомъ и языкомъ онъ владѣетъ мастерски, хозяиномъ, но это только внѣшняя сторона дарованія, на которой остановиться нельзя. Выйдетъ ли изъ него замѣчательный поэтъ-художникъ, я еще не берусь сказать. Все будетъ зависѣть отъ того содержанія, которое онъ привнесетъ въ послушную ему вещественную форму, отъ тѣхъ запросовъ, которые въ немъ самомъ выработаются.

Прежде всего, мнѣ кажется, вовсе не нужно поощрять его къ писанію оригинальныхъ стиховъ, т. е. къ сочиненію стиховъ. Коли сами напишутся—другое дѣло, по внутренней потребности; а въ эти годы сформировать изъ себя виртуоза съ дешевою властью надъ вдохновеніемъ—было бы гибельно для таланта.

Образуется преждевременная зрѣлость; отцвѣтетъ — не дозрѣвъ. Печатать оригинальныхъ стихотвореній вовсе не нужно. Это значило бы придавать имъ особенную важность, — а въ томъ все и дѣло, чтобъ онъ не относился съ важностью къ своему 17 лѣтнему поэтическому авторству. Вы прислали мнѣ только одно оригинальное стихотвереніе: оно очень мило и граціозно,— но одно мнѣ не нравится: оно не молодо; въ немъ не слыхать 17 лѣтняго юноши. Ахъ, еслибъ можно было поддержать его немножко, чтобъ онъ не исписался преждевременно, еслибъ можно было ему годика на два заговѣться!... Другая статья — переводы. Вы хорошо сдѣлали, что налегли на нихъ. Конечно, жаль, что Гейне онъ предпочитаетъ прочимъ германскимъ поэтамъ; авось этотъ дурной вкусъ пройдетъ съ годами. Переводить Гейне также вредно: слишкомъ легко. Изо

всѣхъ присланныхъ вами переводовъ мнѣ больше всего нравится переводъ изъ Катулла. Это прелесть, отъ него вѣетъ оригинальностью подлинника,—да и самый размѣръ—античный. Анакреона я въ подлинникѣ не читалъ, но неужели размѣръ перевода ужъ вовсе не античный, схожъ съ размѣромъ подлинника? Настойте на переводѣ Гомерова Ахиллесова щита, непремѣнно. Во всякомъ случаѣ предъявляйте ему строгія художническія требованія, — чего вы, мой дорогой, кажется мнѣ не дѣлаете. Вотъ вамъ обращикъ подобныхъ требованій. Напримѣръ вы привели мнѣ переводъ изъ Гете. Я бы сказалъ на вашемъ мѣстѣ молодому человѣку, даже нѣсколько утрируя, слѣдующее: «Переводъ не хорошъ, не вѣренъ. Эти восемь стиховъ у Гете образцовое художественное произведеніе по простотѣ и точности выраженій». Во первыхъ: «Тишина паритъ надъ моремъ» — не хорошо. У Гете: тишина царитъ въ водахъ: образъ реальнѣе и проще.—Далѣе:

Вѣтры стихнули опять.

Вы сейчасъ чувствуете, что это опять прибавка переводчика, и дурная прибавка: развѣ вѣтры уже стихали прежде? развѣ о томъ говорилось? Развѣ это переводъ стиха: Ohne Regung ruht das Meer? «Вѣтры стихнули», а черезъ два стиха:

Нѣтъ ни вѣтра, ни дыханья.

Два раза повторяется слово вѣтръ, два раза одинъ и тотъ же штрихъ картины. Въ подлинникѣ конечно этого нѣтъ. Далѣе

И морякъ глядитъ печально
На синѣющую гладь.

Морякъ—не то что Schiffer, а вы чувствуете, что здѣсь озабоченно глядитъ (bekümmert) именно корабельщикъ, котораго интересъ въ томъ, чтобъ корабль не останавливался.

Синѣющая гладь: эпитетъ, котораго нѣтъ въ подлинникѣ, и который здѣсь вовсе не нуженъ. Дѣло могло быть и ночью, и при туманѣ. Это лишнее. Далѣе:

Нѣтъ ни вѣтра, ни дыханья.

Объ этомъ стихѣ уже сказано.

Todesstille fürchterlich!

Слабо переведено стихомъ: «гробовая тишина» надо было бы передать самое fürchterlich.

Море спитъ. Въ прозрачной дали
Не колышится вода.

Въ прозрачной дали—никуда не годится. Не говоря о томъ, что это выраженіе само по себѣ обратилось уже въ общее мѣсто,—оно вовсе не передаетъ мысли подлинника. Не въ томъ дѣло, что даль прозрачна, совсѣмъ не въ томъ, а въ томъ, что это ungeheure Weite, необъятный просторъ, на которомъ не колышется волна. Требуйте, ради Бога, отъ вашего юноши именно точности всѣхъ качественныхъ опредѣленій, строгой мѣткости эпитетовъ,—чѣмъ отличается Пушкинъ и Тютчевъ.—Есть переводъ этого же стихотворенія, если не ошибаюсь у Лермонтова, но и его нельзя назвать хорошимъ. Всего лучше переводъ моего брата, Константина Сергѣевича, напечатанный въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1839-го года, кажется. Вотъ онъ, почти буквально вѣренъ:

Тишина легла на вóды,	Tiefe Stille herrscht im Wasser,
Безъ движенья море спитъ,	Ohne Regung ruht das Meer.
И съ досадой корабельщикъ	Und bekümmert sieht der Schiffer
На поверхность водъ глядитъ.	Glatte Fläche rings umher.
Вѣтръ не вѣетъ благодатный,	Keine Luft von keiner Seite,
Тишина какъ смерть страшна,	Todesstille fürchterlich!
На пространствѣ необъятномъ	In der ungeheuern Weite
Не подымется волна.	Reget keine Welle sich.

Сличите-ка этотъ переводъ съ подлинникомъ.

Вы хотѣли издать книгу подъ названіемъ Учебный Досугъ. Издать можно, но во первыхъ: не съ этимъ заглавіемъ. Это заглавіе какъ бы говоритъ: я еще учусь, подивитесь-ка, какъ я молодъ, а ужъ какъ много знаю, и проч. и проч., будьте ко мнѣ снисходительны, и т. д. Если учится, такъ погоди пускаться въ авторство. Нѣтъ ничего вреднѣе авторства для юноши, вы это понимаете очень хорошо. Во вторыхъ: печатать можно только переводы, но не оригинальныя стихотворенія: пусть погодитъ, позрѣетъ немножко.

Я пишу для васъ, надѣясь, что вы моего письма не покажете сыну. Увѣренъ также, что ваше родительское самолюбіе не оскорбится моими замѣчаніями. Повторяю: талантъ изъ ряду вонъ, но нужно его уберечь, нужно сохранить въ немъ свѣ-

жесть и оригинальность, нужно развить въ юношѣ требованія художнической строгости. Желательно было бы выкурить изъ него вкусъ къ Гейне и къ эротической поэзіи. Откликнитесь. «Современныя Извѣстія» получаю теперь акуратно. До свиданія. Какъ буду въ Москвѣ повидаюсь съ вами непремѣнно.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

6.

Кунцово, N 9, 28 Мая, 1875.

Любезнѣйшій Никита Петровичъ.

Григорій Васильевичъ Есиповъ прислалъ мнѣ свое изданьице, которое, какъ я слышалъ, онъ намѣренъ препроводить и къ вамъ. Меня просили предупредить васъ объ этомъ, не для того, конечно, чтобъ заручиться благосклоннымъ пріемомъ, но для того, чтобъ остановить на книжечкѣ ваше вниманіе, чтобъ не затерялась она въ массѣ редакторскаго матеріала.

Книжка дѣйствительно очень полезна и только удивляешься, какъ же это никому въ голову не пришло до сихъ поръ составить такую простую вещь. Это азбука русской скорописи XVII вѣка, самой трудной для чтенія. Приведены въ образцахъ всѣ возможные виды начертанія каждой буквы, встрѣчающіяся въ рукописяхъ,—затѣмъ образцики fac-simile, очень хорошо литографированные, самихъ рукописей. Можно такимъ образомъ, часа въ два времени выучиться читать или разбирать скоропись XVII вѣка. Въ XVI и XV вѣкахъ и раньше рукописи доступнѣе, ибо большею частью писаны полууставомъ. Вотъ и вся штука—очень немудреная, но очень хорошая. О ней дѣйствительно стоитъ замолвить словечко и способствовать ея распространенію,—чего конечно Есиповъ и желаетъ. До свиданія.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

7.

Вторникъ 12 часовъ ночи. 14 Ноября 1875 г.

Никита Петровичъ. Погодинъ очень плохъ, отнялась рука правая и правая нога, языкъ коснѣетъ, но голова свѣжа и самъ онъ бодръ. Онъ призывалъ меня сегодня вечеромъ, и когда рѣчь

зашла о приглашеніи Захарьина (съ именемъ котораго неразрывно понятіе о деньгахъ), то Погодинъ сталъ истерически смѣяться что деньги-то онъ отдалъ вамъ, вы взяли ихъ на двѣ недѣли, а срокъ прошелъ. Потомъ, спустя полчаса, онъ уже серьезно и мнѣ одному сказалъ: «напишите какъ нибудь Гилярову о деньгахъ»,—что я симъ и исполняю. Да, я думаю теперь благовременно ихъ ему отдать,—хоть я и не теряю надежды, если не на выздоровленіе, то на улучшеніе его здоровья. Варвинскій впрочемъ не то думаетъ. Что думаетъ Захарьинъ, о томъ узнаю завтра утромъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

8.

Москва, 2 Января. 1876 г.

Любезнѣйшій Никита Петровичъ.

Вообразите — эти мерзавцы Погодины - сыновья потащили Софью Ивановну къ суду. Она получила повѣстку отъ Мироваго Судьи явиться 7 Января къ отвѣту по дѣлу о Дневникѣ вслѣдствіе жалобы Дмитрія и Ивана Погодиныхъ. Разумѣется—она явится не сама. Я хотѣлъ было самъ за нее явиться, но по совѣту М. П. Лопатина пригласилъ Ф. Н. Плевако, такъ какъ противная сторона постарается угобзить дѣло всевозможными крючками. Плевако берется очень охотно. Но я бы желалъ, чтобъ вы съ своей стороны ему написали и подкрѣпили мое ходатайство. Адресъ Плевако въ домѣ Пороховщикова на Тверской, а разбирательство будетъ на квартирѣ покойнаго кн. Одоевскаго, въ домѣ Волконскаго на Смоленскомъ бульварѣ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующую выдержку изъ письма И. С. Аксакова къ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Тютчевой, поясняющую вышеприведенное письмо И. С. Аксакова къ Н. П. Гилярову:

Москва, 27 Декабря 1875 г.

. . . .

Странный провелъ я Сочельникъ. Въ 11 часовъ утра отправился я на Дѣвичье Поле и возвратился только въ 5. Я былъ вызванъ Софьей Ивановной Погодиной, и въ продолженіи 5 часовъ сряду присутствовалъ при сценахъ самаго возмутительнаго свойства. Наслѣдники сыновья выгнали ее изъ дому, т. е. выгнали самыми наглыми оскорбленіями, послѣ которыхъ она не хотѣла и не могла оставаться, и затѣмъ не выпускали изъ дому, боясь, и громко высказывая свои опасенія, чтобъ она чего нибудь не украла, не увезла изъ вещей. Дѣло въ томъ, что Погодинъ не оставилъ никакого письменнаго завѣщанія: все собирался, но откладывалъ; впрочемъ волю свою онъ высказалъ многимъ изъ насъ, что всѣ его рукописи и книги остаются его женѣ, такъ какъ оба его сына враждебны всякой наукѣ и литературѣ. Эти сыновья ненавидѣли свою мачиху всегда, и когда отца не стало, полный просторъ своей ненависти и своей злой, грубой природѣ. Едва умеръ Погодинъ, какъ оба сына предъявили свои юридическія права на все имущество отца и на господство въ въ дому, который, къ тому же, былъ собственностью первой жены Погодина, ихъ матери. Корысть обуяла ихъ, и ко всѣмъ книгамъ и рукописямъ они отнеслись съ этой исключительно точки зрѣнія. Ненависть усилилась еще больше, когда на вопросъ: отказывается ли она отъ своей законной вдовьей доли въ имѣніи мужа, Софья Ивановна отвѣчала, что нѣтъ, потому что этою частью (всего-то 8 тыс. р.) хочетъ обезпечить участь двухъ любимыхъ малолѣтнихъ внуковъ Михаила Петровича, которыхъ послѣдній удалилъ отъ ихъ пьянаго отца (т. е. старшаго сына Погодина, Дмитрія) заграницу, гдѣ ихъ и воспитываютъ, Эта мѣра очень разумная, потому что отецъ безъ сомнѣнія все промотаетъ, но отецъ за то и злится, что ему не даютъ всего въ руки. Вотъ они стали на юридическую точку, а съ этой точки зрѣнія всякая вещь, принадлежавшая покойному, его сапоги и носки, все поступаетъ къ наслѣдникамъ, все потребовано къ формальной описи, и Софья Ивановна обратилась въ отвѣтчицу предъ судебною властью. Въ кабинетѣ, гдѣ 40 лѣтъ работалъ покойный, помѣстились Судебный Приставъ, дѣлавшій опись, и оба сына, ликующіе, что стали хозяевами, съ своимъ адвокатомъ, — и прицѣнивающіеся за что сколько можно выру-

чить. Каждый день врывались они въ комнаты Софьи Ивановны и осыпали ее самою площадною, непристойною бранью, называя ее комедіанткой и воровкой, отнимая у нея всякую дорогую, по воспоминанію, вещь, принадлежавшую ея мужу и которую ей хотѣлось бы удержать. Такъ, кресло, на которомъ 40 лѣтъ сидѣлъ Михаилъ Петровичъ, старое, изношенное кресло — она перенесла къ себѣ и хотѣла беречь, какъ святыню... Отняли съ ругательствомъ и хохотомъ. Когда я пріѣхалъ къ ней, я засталъ ее въ ужасномъ положеніи, подъ впечатлѣніемъ только что вынесенныхъ оскорбленій; она просила меня оградить ее отъ новыхъ обидъ и дать ей возможность забрать хоть свои необходимыя вещи и уѣхать. Заручившись содѣйствіемъ Судебнаго Пристава, втайнѣ возмущеннаго поступками наслѣдниковъ, я находился при Софьѣ Ивановнѣ во все время укладки ея вещей, и тѣмъ, конечно, оградилъ ее отъ прямыхъ оскорбленій. Но какія сцены тутъ происходили. Представь себѣ женщину, изнуренную долгимъ уходомъ за больнымъ, потрясенную сценами смерти и похоронъ, удрученную искреннимъ горемъ по мужѣ, и при всемъ томъ оскорбленную до глубины души мучимую грубыми обидами и возмутительными клеветами. Представь себѣ хозяйку и госпожу дома, которая, проживъ 15 лѣтъ въ домѣ, должна, въ этомъ-то состояніи, въ нѣсколько часовъ времени, собраться, уложиться и разстаться съ дорогимъ, милымъ ей жилищемъ. И, во время этой суетной укладки, еще разбирать — какія вещи и вещицы мужнины, какія женины. Но желаніе поскорѣе уйти отъ обидъ и оскорбленій и отдать наслѣдникамъ все, на что они предъявляютъ требованія по закону, придаетъ несчастной силы. Укладываютъ, сваливаютъ въ попыхахъ, какъ попало.

Вдругъ является оффиціальный посланный отъ лицъ, производящихъ опись: «пожалуйте бѣлье покойнаго». Собирается все тряпье ему принадлежавшее; жена, укладывая, находитъ въ своемъ женскомъ бѣльѣ, кое-какія рубашки съ мѣткой мужа, спѣшитъ ихъ выбрать и отдать.— Опять требованіе: «пожалуйте платье»... Отдаютъ все по счету, но есть сюртукъ, въ который покойный одѣвался за недѣлю до кончины, который ей хотѣлось бы сохранить, она беретъ его, и тутъ воспоминаніе охватываетъ ее вдругъ съ неудержимой силой и разражается истерическимъ припадкомъ. А тамъ навалили гору платья — въ кабинетѣ, и сыновья съ на-

пиросами въ зубахъ, толкуютъ о томъ, что все это они сбудутъ старьевщику... Уносятъ сюртукъ: продолжаютъ укладку: опять формальное требованіе о серебрѣ. Бѣдная женщина отрывается и идетъ сдавать серебро счетомъ, объясняя, что одной ложки не достаетъ потому-то, и на что имѣются такіе-то свидѣтели... Судебный Приставъ извиняется, но что же ему дѣлать? наслѣдники формально дѣлаютъ заявленія и онъ обязанъ включить все въ опись... Укладка смѣняется истерикою; истерика укладкой. Вдругъ бѣдная женщина въ недоумѣніи: на ея письменномъ столѣ — вотъ этотъ карандашъ мужа, а эти ручки отъ перьевъ ея,— про чернильницу она навѣрное — не знаетъ, сама ли она купила, или у него взяла... и все это грошовое. Я разрѣшаю недоумѣніе тѣмъ что снимаю все разомъ со стола и укладываю въ ея сундуки, и вещицы, и халатъ, въ которомъ онъ умеръ. Опять являются: «наслѣдники заявляютъ о самоварахъ: какіе ваши, какіе Михаила Петровича». Взяли было самый маленькій; приходится отдать,— отыскали такой, котораго, къ счастію, покупка Софьею Ивановною не сомнѣнна... При быстрой разборкѣ вещей, попадаются такія, которыя не попадались на глаза лѣтъ 15 и обдаютъ внезапно цѣлымъ потокомъ воспоминаній живыхъ и жгучихъ, и обезсиливаютъ укладывающія руки. Но мѣшкать нельзя, близится вечеръ,— самое завѣтное изъ этой вещественной жизненной обстановки, что можно было и допущено взять, кое-какъ уложено, или свалено въ узлы. Я тороплю, боясь снова какой нибудь легальной придирки, но къ счастью — сыновья ушли обѣдать, поручивъ надзоръ адвокату, который все таки ихъ человѣчнѣе и совѣстится предо мною,— возъ отправляютъ,— наконецъ она сама начинаетъ прощаться съ комнатами, съ любимыми мѣстечками своими и мужа, падая на колѣни и кланяясь въ землю, при чемъ вся прислуга громко рыдаетъ,— я усаживаю ее въ свои сани, еще разъ нагружаю ихъ вещами и такимъ образомъ переселилась она въ Дѣвичій Монастырь, гдѣ наняла нѣсколько крошечныхъ комнатъ около могилы мужа! Я на праздникахъ посѣтилъ ее тамъ. Она несказанно счастлива, что вырвалась изъ этого ада, и не видитъ оскорбителей!... Теперь мы хлопочемъ о пенсіи, вмѣстѣ съ Николаемъ Мещерскимъ.

Такъ вотъ каковъ былъ канунъ праздника для бѣдной Погодиной и для меня!... Мнѣ совѣстно, что я такъ распространился объ этомъ въ письмѣ къ тебѣ, и тебя — ни въ какихъ

отношеніяхъ къ дѣлу непричастную — возмутилъ описаніемъ такихъ отвратительныхъ дѣйствій человѣческой злобы, вооруженной формальнымъ закономъ.

9.

8 Авг. 1876 г.

Любезнѣйшій Никита Петровичъ.

Посылаю вамъ письмо Пашкова. Хорошо было бы, еслибъ вы его напечатали въ извлеченіи, озаглавивъ такимъ образомъ: «Намъ сообщаютъ слѣдующее извлеченіе изъ одного письма, полученнаго здѣсь въ Москвѣ изъ Бѣлграда отъ русскаго, лица довольно компетентнаго» или что нибудь въ такомъ родѣ, не называя прямо меня.

Затѣмъ хорошо бы вамъ намекнуть о дѣятельности Славянскаго Комитета, объяснивъ, что она очень важна и полезна, хотя но понятнымъ причинамъ, Славянскій Комитетъ не находитъ удобнымъ разглашать о ней, и репортерамъ газетнымъ не худо бы поступать въ этомъ отношеніи съ большимъ тактомъ. (Такъ, «Голосъ» напечаталъ, что мы недавно отправили такую то партію, даемъ офицерамъ столько-то, юнкерамъ столько-то! Вѣдь такая гласность можетъ помѣшать самому Правительству игнорировать яко бы нашу дѣятельность).

И такъ, намекнувъ на все это, прибавьте, что Комитетъ заслуживаетъ полной довѣренности, пригласите сосредоточивать всѣ пожертвованія въ Комитетъ, не раскидываясь по мелочамъ въ разныя стороны.

Вы бы этимъ оказали большую услугу.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

10.

7 Мая 1879 г.

Любезнѣйшій Никита Петровичъ.

У васъ была напечатана передовая статья—родъ рекламы въ пользу газеты «Востокъ»,—хотя вамъ трудно было не предвидѣть направленія этой газеты, такъ какъ никто лучше васъ не знаетъ автора.

Я прочелъ 1-й № отъ первой строки до послѣдней и возмущенъ «Востокомъ» до глубины души. Еслибы раздавалось громкое, вѣское слово въ противоположномъ направленіи, такъ безталант-

ный лепетъ Дурново и К° ничего бы не значилъ. Но такого слова не раздается,—газеты заняты другимъ (напримѣръ совсѣмъ ненужною желѣзной дорогой), напротивъ ваша газета даже рекомендовала «Востокъ» вниманію публики.

Съ вами толковать много не нужно. Прочтите только 1-ый №, и вамъ все станетъ ясно. Развѣ возможно освобожденный Русскою кровью Болгарскій народъ называть неправославнымъ? А тутъ не только болгаре мимоходомъ называются неправославными, но это даже доказывается! Каково же будетъ Русскому народу узнать, что онъ принесъ столько жизней, столько жертвъ за неправославныхъ! И еще смѣетъ эта газета объявлять, что ея задача примиреніе всѣхъ въ Православномъ единствѣ! Ея задача—раздувать вражду,—поддерживать фанаріотскія притязанія.

Неправославіе Болгаръ заключается въ нарушеніи буквы дисциплинарныхъ положеній церковныхъ,—той церкви, для которой сказано, что буква мертвитъ. Вина грековъ заключается въ нарушеніи духа заповѣди Христовой. Чуждый церкви элементъ племенной внесенъ греками, стремившимися огречить болгаръ, притѣснявшими ихъ народность. Болгаре только защищались и ограждали себя. Наконецъ кому же не ясно, что возсоединеніе Восточной Румеліи фактъ почти совершившійся, почти признанный: это вопросъ времени, двухъ-трехъ лѣтъ; только теперь неудобно совершить его вполнѣ. Требовать примѣненія буквы каноническаго устава есть явное лицемѣріе.

Однимъ словомъ: если бы Англіи понадобилось самое дѣйствительное средство для того, чтобъ раздуть вражду между славянскими племенами,—никто лучше Н. Н. Дурново не послужилъ бы такой цѣли.

Да и не вы ли сами, меньше года тому назадъ, изложили мнѣ въ письмѣ цѣлый обвинительный актъ противъ сего господина?

Прихлопните его вашей статьей, съ Т. И. Филипповымъ вкупѣ. Послѣднему я буду писать отъ себя. Знаете-ли вы, что Филипповъ запечатываетъ свои письма печатью съ надписью: «цѣлуетъ васъ Тертій любовью и пр.», изъ посланія Ап. Павла. Я самъ видѣлъ эту печать на письмѣ къ Кошелеву!

Я уже переѣхалъ на дачу въ Старбеево, около Химокъ, но бываю 4 раза въ недѣлю въ Москвѣ.

Истинная мерзость эта газета «Востокъ».

Вашъ Ив. Аксаковъ.

11.

6 Декабря 1881 года.

Любезнѣйшій Никита Петровичъ,

Выраженіе, употребляемое вами въ статьѣ («начальство»), мнѣ показалось истинно опаснымъ: оно въ статьѣ является самымъ понятнымъ, образнымъ, чтобъ не сказать (очень ужъ стали употреблять во зло это слово) конкретнымъ. Тѣмъ болѣе опаснымъ, что поползновеніе къ начальствованію, вмѣстѣ съ дешевою критикою, фрондерствомъ — характеристическія черты нашего полуобразованнаго общества. Я самъ нѣкоторое время былъ гласнымъ въ Думѣ и подмѣчалъ эти черты во всѣхъ этихъ Кузнецовыхъ, Шестеркиныхъ и т. д. Всему этому можно сыскать историческое извиненіе, на все это можно смотрѣть какъ на переходную ступень, а на самую Думу какъ на учрежденіе воспитательное... Но въ вашей газетѣ отношеніе къ думѣ—вообще иное, не въ этой только статьѣ. Вы вашей газетой постоянно поддерживали—дурной характеръ оппозиціи, начиная съ фельетонныхъ насмѣшекъ надъ Сережей и его женой. Я вовсе не думаю защищать Управу, хотя и непредполагаю, чтобъ ее можно было обвинить въ какомъ либо злоумышленномъ дѣйствіи, но никакой Голова, никакая Управа въ мірѣ не можетъ выносить такого съ собою обращенія, какому она подвергалась въ теченіи стольких лѣтъ. Это была систематическая травля. Надо было предвидѣть исходъ, — и единогласное постановленіе о благодарности г. Головѣ дѣлаетъ истинно смѣшнымъ всѣхъ тѣхъ, которые домогались преданія суду и занимались травлей. Вы же и въ этой статьѣ нападаете на Третьякова, зачѣмъ не благодарилъ Думу за содѣйствіе, зачѣмъ не отдѣлилъ себя отъ товарищей по Управѣ!

Нѣтъ, дорогой Никита Петровичъ, какъ ни больно мнѣ было заявить о своемъ разногласіи съ вами (только впрочемъ по этому вопросу и по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ,— да вы и сами — помните — въ вопросѣ о правительственной газетѣ—довольно рѣзко на меня напали),—но право нужно было отстранить дѣйствіе этого несчастнаго слова «начальство». Всѣ наши дальнѣйшія разсужденія о дисциплинѣ не могутъ ослабить дѣйствія этой конкретной формулы, а оно положительно

вредно. Къ тому же, еще до вашей статьи я собирался именно сказать то же самое, что сказалъ, и даже ужъ написалъ вступленіе. Прочелъ вашу статью: какъ разъ это несчастное слово! А зло въ самой формѣ учрежденія.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

12.

Марта 21 1884 года.

Неужели до того дошло, любезнѣйшій Никита Петровичъ? Само собой разумѣется, что «Русь» не останется безмолвна по этому поводу, но не въ томъ еще дѣло. Какъ то вы распутаетесь? Личное ваше положеніе меня озабочиваетъ, т. е. матеріальное. Ваша репутація, ваше имя только выиграютъ, какъ скоро появятся ваши писанія въ болѣе серьезной формѣ, какъ скоро вы перестанете себя размѣнивать на мелкую монету и явитесь тѣмъ, что вы есть — крупной, цѣнной, вѣской монетой. Жаль конечно газеты, гдѣ 18 лѣтъ сряду раздавалось всегда умное, оригинальное и всегда искреннее, честное слово, всегда независимое,— газеты одного знамени съ моими изданіями,— но никогда не могъ я заглушить въ себѣ чувства досады, что бисеръ этотъ сыплется даромъ понапрасну и теряется въ этой болѣе или менѣе неприглядной обстановкѣ... А всетаки прекращеніе «Современныхъ Извѣстій»—въ извѣстномъ смыслѣ наше общее пораженіе и является скверным симптомомъ современнаго состоянія русскаго общества. Я вѣдь и самъ еле дышу: у меня расходится не болѣе 2300 экз.: это крайній минимумъ, за чертою котораго убытокъ уже для меня невозможенъ.

Все таки жаль, что у васъ съ Васильевымъ не сошлось дѣло. Все же, думаю, было бы выгоднѣе для васъ. До свиданія. Повторяю: нравственно ваше имя только отъ того выиграетъ,— нужно только, чтобъ облегченъ былъ гнетъ матеріальный.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

13.

Да, это совершенно вѣрно, я думалъ не объ основаніи совершенно новаго органа, но о превращеніи «Руси» въ ежедневную газету. Объ этомъ меня часто просили мои подписчики,— многіе

вообще. Понятное дѣло, что для ежедневнаго изданія нужды иныя средства, чѣмъ для еженедѣльнаго или двухнедѣльнаго,— и эти средства заимствуются подъ условіемъ, чтобъ въ газетѣ былъ постоянный экономическій отдѣлъ, что вообще желательно и вполнѣ прилично. Такая газета безъ сомнѣнія не могла бы назваться органомъ купечества, ихнимъ изданіемъ — и сохранила бы полную независимость. Въ то же время она бы упраздняла для купцовъ необходимость въ особой купеческой газетѣ, потому что всѣ истинно законные и разумные интересы русской торговли и промышленности имѣли бы несомнѣнно въ «Руси» искреннюю, горячую защиту. На долю же «купеческой газеты», еслибъ таковая, независимо отъ «Руси» основалась, досталось бы защита лишь самыхъ узкихъ и эгоистическихъ интересовъ; но такъ какъ я отягощаюсь издательствомъ даже теперешней «Руси», то я и предлагалъ вамъ взять все бремя на себя, предоставляя вамъ, пожалуй, и большую часть выгодъ, если таковыя будутъ; за собой же оставлялъ право veto и вообще охраненія своего имени и т. п., помѣщенія статей, когда вздумаю и т. д. Но вы правы, во 1-хъ, что теперь уже поздно; во 2-хъ, хотя это еще на двое — что такая комбинація многимъ капиталистамъ будетъ пожалуй, не по нутру, такъ они не будутъ чувствовать себя хозяевами, да и редакторъ — не нанятой, а такой, съ которымъ нужно соблюдать всякія церемоніи вѣжливости. Тимофѣй Саввичъ Морозовъ, напримѣръ, ничего бы другаго и не желалъ, какъ моей ежедневной газеты которая бы къ своей общей программѣ присоединила и экономическую. Но вѣдь онъ стоитъ въ купечествѣ почти особнякомъ, въ ссорѣ съ Найденовымъ, не участвуетъ въ Биржевомъ Комитетѣ и т. д.

О Васильевѣ я вамъ говорилъ въ томъ лишь смыслѣ, что о немъ разбивается купечество на двѣ партіи. По какой бы то ни было причинѣ — онъ имъ жалокъ: «сманили прикащика отъ хозяина, а мѣсто ему не дали:» вотъ выраженіе, которое я самъ слышалъ отъ Петра Ивановича Санина. Какъ редакторъ экономическаго отдѣла онъ несомнѣнно удовлетворилъ бы купцовъ.

Вы уже не удовлетворите—потому, что вѣчно прозираете въ будущее за цѣлый вѣкъ, а иногда и за нѣсколько,— потому что мысль ваша слишкомъ оригинальна и въ тоже время радикальна. Вамъ подъ стать написать: «Новыя начала политической экономіи» — цѣлый трактатъ и его оцѣнятъ прежде всего гер-

манскіе ученые. Этого достоинства Катковъ не имѣетъ, а потому именно онъ и сильнѣе васъ, его слово болѣе вѣско, ближе къ дѣлу какъ оно есть — что современникамъ, вообще практикамъ, а нашимъ купцамъ пуще всего — на потребу. Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложенія всѣмъ понятно. Какъ газетный публицистъ онъ несомнѣнно стоитъ выше и меня и васъ. Онъ не мучается никакими вопросами, не выражаетъ ни сомнѣній, ни недоумѣній, слово его не замысловато, не мудреное, но властное. Ваша же газета, напр., это — «альбомъ моихъ ощущеній, впечатлѣній и мыслей». Вы говорите о «личныхъ отношеніяхъ Каткова». Но откуда же взялись эти личныя отношенія у сына кастелянши, хотя бы и дворянскаго происхожденія? Онъ самъ себѣ создалъ ихъ. Захотѣлъ и создалъ. Вы же — надѣлаете тысячу неловкостей, то обругаете лучшаго человѣка въ Москвѣ Щербатова, то Сергѣя Третьякова — очень милаго, хотя и ничтожнаго человѣка, и обругаете самымъ неприличнымъ образомъ,— и т. д. Я тоже съ своей стороны «человѣкъ не политическій», какъ выразилось однажды «Новое Время». Нужно бы раза три въ годъ съѣздить въ Петербургъ, я уже три года въ немъ не былъ. У Государя не только аудіенціи не просилъ, но даже съ воцаренія его ни разу ему не представился, хотя мнѣ по моимъ связямъ это было бы болѣе чѣмъ легко. Но я считаю всякое личное сближеніе съ верховною властью опаснымъ для своей независимости; да и въ пользу для дѣла отъ того не вѣрю. Мнѣ все это и скучно и противно!

При такихъ нашихъ съ вами свойствахъ я сомнѣваюсь въ колоссальномъ успѣхѣ газеты, какой вамъ мерещится. Вѣдь какія мерещились вамъ выгоды отъ бумажной фабрики при новоизобрѣтенной вами плотинѣ!.. Да и затѣвать совершенно новый органъ, новую газету — это уже не по нашимъ лѣтамъ, по крайней мѣрѣ не по моимъ; обольщаться надеждою на ея успѣхъ, послѣ опыта всей жизни, я уже не въ состояніи. Во мнѣ поэтъ и лирикъ всегда мѣшалъ и вѣчно будетъ мѣшать практику и организатору, въ васъ — отвлеченный мыслитель и діалектикъ.

И такъ оставимъ этотъ прожектъ въ сторонѣ. Тѣмъ болѣе, что и собирать, отыскивать людей теперь уже не время. Надо сначала ихъ собрать, имѣть подъ руками, а потомъ уже начинать дѣло; иначе выставивъ впередъ свое имя — я вдругъ очу-

тюсь одинъ, со всѣмъ бременемъ личной нравственной отвѣтственности — какъ это уже столько разъ со мною бывало. Къ тому же я не имѣю ключа къ современной дѣйствительности. Начались большіе, долгіе будни,— по всей вѣроятности исторически необходимыя; совершается какой-то внутренній процессъ котораго уловить я еще не могу и который едва ли не требуетъ людей новыхъ, и совсѣмъ иного слова,— не людей воинствующихъ, пламенныхъ борцовъ, проповѣдниковъ, памфлетистовъ, будителей и т. д., а простыхъ рабочихъ,—и слова совсѣмъ трезваго, довлѣющаго дневи, практическаго. Такъ кажется, по крайней мѣрѣ. Нужно бы кажется, замолчать (мнѣ) и присмотрѣться.

Вотъ что. Пожалуйте завтра четвергъ обѣдать къ 5 часамъ въ Славянскій Базаръ, въ особенную комнату вмѣстѣ съ отцами Наумовичемъ, Площанскимъ, сыномъ Добрянскимъ и еще однимъ Галичаниномъ. Я угощаю. Непремѣнно пожалуйте.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

14.

7 Сентября 1884 года.

Само собой разумѣется, что я беру статью, и съ благодарностью. О рукописи съ резолюціей Платона я слышалъ отъ васъ лѣтъ 30 тому назадъ. Все ищу себѣ квартиры и рыскаю или рыщу по Москвѣ, а мнѣ бы хотѣлось васъ видѣть и посовѣтоваться.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

15.

1884 г. Октябрь. Москва.

Прелестно—и поучительно, какъ взглядъ народный, чуждый доктрины. И какъ любопытно это соприкосновеніе школы и газеты съ живымъ ключомъ и народной мысли, и народной рѣчи, и вообще народнаго творчества. Не оживитъ ли и не переиначитъ ли оно нашу книжную литературную рѣчь?

Оттиски статьи вашей будутъ. «Урѣзаннаго документа» велѣлъ доставить вамъ десять №№ Руси. Они урѣзываются легко... Вы знаете что оттиски проходятъ сквозь цензуру, а этого туда пускать нельзя было.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

16.

26 Ноября 1884 года.

Любезнѣйшій Никита Петровичъ.

Ваша статейка—это алансонскіе тончайшіе кружева, и какъ вы хотите, что бы я этой многоцѣнной тончайшей кружевной работѣ мысли, къ которой не знаю человѣка способнѣе васъ (и которая совершенно непригодна для темъ практическихъ) не далъ мѣста? Но какъ быть? Статью Данилевскаго я предполагаю окончить печатаньемъ въ 23 №, не дробя ее на двѣ, даромъ, что въ ней 150 вершковъ. Ваша постановка вопроса совсѣмъ оригинальная, въ которой Н. Я. Данилевскій и близко не подходитъ; онъ просто доказываетъ внутреннюю непослѣдовательность самой нигилистической доктрины изъ нея самой; такъ что вашу статейку когда ни помѣсти, она не утратитъ ни значенія, ни достоинства. Пожалуй, можно сдѣлать и такъ: статью Данилевскаго помѣстить не всю (она имъ самимъ размѣчена на 3 раза—въ случаѣ необходимости), и помѣстить и вашу; но не обидно ли будетъ Данилевскому, что ему возражаютъ не давъ ему докончить. Самое лучшее пустить вашу въ 24 №. Но вотъ что. Статья ваша возбудитъ множество недоумѣній, пожалуй и нареканій. Скажутъ, что вы и Бога и Христа отвели въ разрядъ субъективныхъ «предразсудковъ», и т. п. Необходимо вамъ сдѣлать какую нибудь оговорку—для области вѣры, поставить ее въ перспективѣ или надъ всей этой мукомольной работой человѣческаго духа. Иначе статья ваша совсѣмъ неполна. Возбуждая вопросъ она описываетъ состояніе мысли и духа,—но не даетъ отвѣта, а многихъ совсѣмъ смутитъ или приведетъ въ отчаяніе, осуждая будто бы на роковую безсознательность, непроизвольность темныхъ представленій: съ этимъ мириться нельзя,—да и не слѣдуетъ, а нуженъ свѣтъ вѣры, конечно неупрятываемый ни въ какую логическую доктрину. Я знаю, что этого касаться—значило бы писать цѣлый трактатъ, но вы можете въ двухъ-трехъ строкахъ указать на это въ заключеніи. Редакторъ долженъ вѣдь всегда становиться въ положеніе читателя.

А статьи не возвращаю, потому что возвращать вамъ опасно. Можетъ быть нынѣшнею ночью и васъ клопы укусили, и вы,

перечитывая, захотите марать, передѣлывать, однимъ словомъ капризъ найдетъ! Извольте-ка написать мнѣ дополнительныя строки и прислать.

И какъ это васъ хватаетъ — при теперешнихъ вашихъ обстоятельствахъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

17.

Я только вчера пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ провелъ цѣлую недѣлю, и корректуры вашей статьи еще не видѣлъ, почему и намѣревался непремѣнно заѣхать къ вамъ сегодня изъ Банка. Я именно хотѣлъ вамъ сказать, что въ той формѣ, въ какой изложена ваша первая статья или письмо, помѣстить ее неудобно, не присоединивъ нѣкотораго дополненія, нѣкоторой оговорки, указывающей на продолженіе статьи въ слѣдующемъ № и на восполненіе самой мысли изложенной въ первомъ письмѣ односторонне; нельзя же заканчивать установкою горизонтовъ скептика, за которыми ничего ужъ болѣе будто и нѣтъ. Всего лучше помѣстить и второе письмо вмѣстѣ, что можетъ быть и возможно. Къ двумъ часамъ буду въ Банкѣ и въ 4-мъ у васъ. А можетъ быть вы и сами заѣдете въ Банкъ.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

18.

Я не могу, любезный Никита Петровичъ, остановить печатанье статьи Данилевскаго. Такъ было между нами условлено. А если его напечатать, то удобно ли одновременно печатать и вашу на ту же тему, тутъ же? Впечатлѣніе у читателя совершенно собьется: Односторонность у Данилевскаго и недоумѣніе по поводу вашихъ «предразсудковъ». Все перепутается. Я не желаю мѣшать цѣлостности впечатлѣнія, производимаго статьею Данилевскаго,—ваши же письма—это опять другая категорія, другой строй мыслей, другая сторона дѣла. Я сдѣлалъ примѣчаніе къ статьѣ Данилевскаго въ концѣ, въ томъ смыслѣ, что «остается желать» чтобъ почтенный авторъ также тщательно расскрылъ и въ средѣ русскихъ жизненныхъ явленій причины

«содѣйствовавшія успѣху нигилизма,—побудившія свое родимое «зло лѣчить лѣкарствомъ отъ чужой болѣзни или рядить въ «чужую болѣзнь. Ложь подражаній была сильна и въ русской «общественной и государственной жизни, и хотя по выраженію «автора она была большею частью безсознательная, но тѣмъ не «менѣе вносила фальшь и кривду въ умы и сбивала съ толку «усилія сознанія».

Вотъ къ этому и прицѣпитесь. И хорошо бы еслибъ къ первому письму прибавили нѣсколько строкъ о второмъ имѣющемъ быть письмѣ. А если вы напишите хоть десять писемъ, тѣмъ лучше. И въ самомъ дѣлѣ, отчего бы вамъ не писать въ «Русь» статей, неудобныя для «Современныхъ Извѣстій? О гонорарѣ и говорить нечего, назначьте сами, — это само собой разумѣется.

19.

1884 г. Ноябрь (?).

Посылаю вамъ два экземпляра 19 №, любезнѣйшій Никита Петровичъ, съ «урѣзаннымъ документомъ»,— черезъ нѣсколько времени доставлю и еще нѣсколько. Больше не сохранилось.— Оттиски послѣдней статьи готовы.— Статья ваша весьма обращаетъ на себя вниманіе,— хотя въ газетахъ еще о ней и не говорятъ. Прочелъ ее и Штромъ, одинъ изъ членовъ Правленія Взаимнаго Кредита, который завѣдываетъ учетомъ векселей, и выразился слѣдующимъ образомъ: «не возьму въ толкъ: по статьѣ выходитъ одно изъ двухъ — или будь нигилистомъ, или будь идіотомъ, т. е. блуди въ предразсудкахъ». Этотъ отзывъ примите къ свѣдѣнію; вотъ почему я, какъ редакторъ, имѣющій всегда въ виду читателей и то, какъ отражается въ ихъ умѣ печатное слово, находилъ, да и нахожу вашу статью требующею дополненія. Въ настоящую минуту требуются обществомъ положительные идеалы, положительныя начала, по нихъ оно толкуетъ; очень хорошо знаю, что задача вашей статьи была иная,— но такъ какъ «нигилизмъ» въ жизни есть отрицаніе, то необходимо, указывая несостоятельность существующей системы нападеніямъ на эту отрицательную силу,— дать какую нибудь опору покрѣпче предразсудковъ; въ вашей статьѣ—по замѣчанію тоже одного изъ читателей — «истины высшія воспринимаемыя безъ

достаточно логическаго основанія» низведены «на одинъ уровень съ чешущеюся переносицею». До свиданія.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Вы, разумѣется, давно расквитались со мной,—я считаю васъ вполнѣ расквитавшимся «Урѣзаннымъ Документомъ». Дѣло идетъ только о послѣдней статьѣ.

20.

1885 г. (Май ?).

Статья ваша очень хороша, но нужно бы что нибудь забористѣе, побольше бы задѣть самолюбіе московское городское.— Долженъ непремѣнно устроиться какой нибудь Комитетъ для празднованія. Ну хоть бы по инициативѣ Общества Пѣнія.

Этотъ Комитетъ долженъ тотчасъ объявить въ газетахъ: «приглашаются де бывшіе члены Славянскаго Общества на совѣщаніе туда-то». Какъ соберутся, такъ и предложить: «подать прошеніе о возстановленіи Славянскаго Общества г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ»—съ присоединеніемъ пожалуй титула: «Кирилло Меѳодіевскаго». Тѣмъ лучше, что моего участія и имени не будетъ. Въ члены Комитета выберите Л. Майкова. Онъ меня не особенно долюбливаетъ и тѣмъ охотнѣе будетъ дѣйствовать, что меня тутъ не будетъ и вся честь—ему. Да и Долгоруковъ меньше будетъ артачиться: Майковъ ему свой. А возстановленіе Общества будетъ имѣть значеніе бомбы въ чужихъ краяхъ.

Вотъ теперь Берлинъ задалъ своему здѣсь консулу трудную задачу: проникнуть въ настоящій смыслъ пріостановки «Руси». Не вѣрится, чтобъ за моею болѣзнью остановилось.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

21.

21 Мая. (1885 ?).

Прочелъ обѣ присланныя вами вещи и отъ души благодарю. Понятное дѣло, что Урусова «слово» не можетъ появиться въ печати, и особенно теперь, но сколько силы и таланта въ выраженіяхъ, въ складѣ рѣчи,—ядрености—особенно въ сравненіи съ нашею выхолощенною книжкою рѣчью. И когда по-

думаешь, что весь процессъ культурный совершившійся въ Россіи такъ сказать сверху внизъ (обратно органическому процессу) есть процессъ охолащиванія.

Жалко становится бѣднаго Льва Толстаго, попавшагося въ логическіе тиски, но какъ бы хорошо было, еслибъ можно было совершить надъ нимъ эту операцію публично. А то вѣдь онъ продолжаетъ дѣйствовать около себя и сбиваетъ съ толку. Вы употребили самый вѣрный пріемъ: не пускаясь, по поводу его колобродствъ въ глубь существа дѣла, съ самаго начала отличить незаконность его притязаній и занятой имъ позиціи. и сшибить съ него павлиныя перья—смирить гордость. А вѣдь онъ, если прочелъ ваше письмо, долженъ бы по меньшей мѣрѣ сконфузиться и покраснѣть. Если оно вамъ не нужно, я себѣ его оставлю пока.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

22.

14 Января 1886 г.

Любезнѣйшій Никита Петровичъ.

Сейчасъ Ѳедоръ Александровичъ передалъ мнѣ вашъ отзывъ о моей книгѣ, т. е. о біографіи Тютчева. Мнѣ это было очень пріятно, и мнѣ хочется вамъ это сказать. Тѣмъ болѣе пріятно. что эта работа моя прошла почти не замѣченною. Кромѣ горячихъ похвалъ Юрія Самарина, читавшаго почти всю книгу еще въ рукописи, Дмитрія Самарина, да нѣкоторыхъ священниковъ,—никакихъ отзывовъ я о ней не слыхалъ, не считая фельетонныхъ похвальныхъ отзывовъ объ эстетической части сочиненія, да успѣха, который имѣло мое чтеніе въ Обществѣ—тоже исключительно о поэтическомъ достоинствѣ стиховъ Тютчева. Но собственно о политической или психологической сторонѣ никто ни слова. Вѣрно и не прочли а самому заговаривать не хотѣлось.

II-й т. сочиненій Константина Сергѣевича, надписанный. лежитъ у меня уже съ мѣсяцъ, если не болѣе, и лежалъ на конторкѣ, когда вы у меня обѣдали, я забылъ его вамъ отдать. Посылаю вамъ его теперь. До свиданія. Видите—какъ полезно было вамъ пріѣхать освѣжиться въ Москву: послѣ того появился рядъ статей, обратившихъ на себя общее вниманіе. Изъ

нихъ особенно замѣчательна—о школѣ и церкви,—да и о жидовствѣ и американизмѣ хороша.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

«Біографія Ѳедора Ивановича Тютчева» написанная И. С. Аксаковымъ была отпечатана впервые въ 1874 г., но тогда ей не пришлось выйти въ свѣтъ—сочиненіе это было конфисковано цензурой. Вторично «Біографія» эта была напечатана въ 1885 г. и вышла въ свѣтъ съ помѣткой «Москва 1886 г.». Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь изъ собранія писемъ И. С. Аксакова къ Даріи Ѳедоровнѣ Тютчевой письмо отъ 28 Іюля 1874 г., въ которомъ сообщается о неудачѣ постигшей первое изданіе «Біографіи Ѳедора Ивановича Тютчева»:

1874 г. Іюля 28, Воскресенье.

Спасибо вамъ, милый другъ, за ваше доброе письмо, за ваши старанія меня утѣшить и ободрить. Хотя я никакъ уже не ожидалъ, что Біографія подвергнется запрещенію, потому что она вся написана въ такомъ серьезномъ и спокойномъ тонѣ, въ такомъ антиреволюціонномъ, даже въ такомъ христіанскомъ направленіи, однако это запрещеніе не оказало, и не оказываетъ на меня ни малѣйшаго нравственнаго дѣйствія, къ удивленію самой Анны. Это не газетная статья, не рѣчь съ трибуны обращенная къ публикѣ, рѣчь, гдѣ ораторъ естественно дорожитъ каждымъ ораторскимъ пріемомъ и раздражается, когда его перебиваютъ, мѣшаютъ у него слово! Это былъ, напротивъ, цѣлый трудъ, доставившій мнѣ самому много часовъ наслажденія. Главное дѣло для меня было его совершить и воплотить въ печатныя буквы: цѣль достигнута,—четыре полныхъ экземпляра спаслись отъ конфискаціи, изъ нихъ два у меня и два у издателя Русскаго Архива. Это вообще странное свойство авторовъ, если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ, и въ томъ числѣ у меня. Мнѣ дорога вещь пока я ее пишу, полонъ ею, живу ею. Разъ, какъ процессъ созданія кончился, написанное перестало быть постояннымъ спутникомъ и собесѣдникомъ автора,—дальнѣйшая его участь, т. е. участь написаннаго уже мало интересуетъ меня. Очень можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ сказывается и нѣчто другое,—т. е. дѣйствіе лѣтъ и привычка къ подобнаго рода безобразнымъ гоненіямъ на мысль, талантъ и знаніе въ Россіи. И странно было бы не пріобрѣсть этой привычки русскому! Мы не Англичане! Кстати. У насъ теперь,

и именно въ Петербургѣ, въ той средѣ, въ которой вы живете, въ особенной модѣ Англія. О дружбѣ съ ней, о вящшемъ скрѣпленіи взаимныхъ узъ, горячо желаемомъ Русскимъ Кабинетомъ, возвѣщается предъ лицомъ всей Европы, именно въ напечатанномъ на дняхъ рескриптѣ графу Шувалову. Нельзя, конечно, такому желанію не сочувствовать, хотя нельзя не пожалѣть, что Англія съ своей стороны не считаетъ нужнымъ провозглашать такую profession de foi относительно Россіи,—но для достиженія такой крѣпкой, сердечной взаимной дружбы нужно бы умѣть внушать уваженіе. А подобное обращеніе съ духомъ въ Россіи врядъ ли можетъ внушать Англіи уваженіе; она дорожитъ дружбою и шаха Персидскаго, и Якубъ-бека,—но только пока они ей нужны и тяготясь такою вынужденною, на уваженіи неоснованною дружбою...

Обращаюсь опять къ біографіи. Она, я думаю, имѣла бы то, что называется un succès d'estime, но не больше: всеобщаго полнаго успѣха и популярности она не могла бы ожидать, подобно тому какъ и стихи Ѳедора Ивановича лишены популярности. Она слишкомъ серьезна и требуетъ отъ читателей извѣстной степени умственнаго развитія, привычки мыслить. Своимъ направленіемъ антиреволюціоннымъ она противорѣчитъ направленію большей части органовъ нашей журналистики и воспитаннымъ на этой журналистикѣ массамъ нашей публики. Вотъ почему, собственно говоря, нѣтъ большей бѣды въ томъ, что біографія запрещена: небольшой кругъ людей, для котораго она предназначена, всетаки ее прочтетъ. Если запрещеніе не будетъ снято, я напечатаю ее за границей.

Но снять запрещеніе нужно бы для чести самой Россіи. Стыдно предъ самимъ собой, стыдно предъ иностранцами, стыдно быть русскимъ, принадлежать къ странѣ, гдѣ такъ царитъ и ублажается глупость. Запрещеніе вызвано по преимуществу тою половиною, которую вы, моя душа, не читали, въ которой излагается политическое міросозерцаніе Ѳедора Ивановича, именно содержаніе всѣхъ трехъ его статей, напечатанныхъ за границей и рукописи, отысканной послѣ его кончины: все это иллюстрированное и комментированное его стихами, его частными письмами и моими истолкованіями. Политическій образъ мыслей вашего отца вамъ извѣстенъ, болѣе или менѣе. Онъ въ самой ранней молодости протестовалъ противъ революціонной Запад-

ной доктрины, видя въ ней духъ антихристіанскій. Кажется слѣдовало бы правительству радоваться, что нашелся великій умъ, вполнѣ независимый, который беретъ на себя защиту авторитета власти и христіанскихъ принциповъ, на которыхъ зиждется современное общество. Вы знаете также, что я въ этомъ отношеніи раздѣляю, въ главныхъ основаніяхъ убѣжденія вашего отца,—и мои истолкованія направлены къ тому, чтобы еще сильнѣе вразумить читателей въ правдѣ словъ Θедора Ивановича: это двойная проповѣдь. Цензурный Комитетъ, впрочемъ, не находитъ ничего предосудительнаго въ текстѣ Θедора Ивановича (который цензурою большей частью не понятъ, потому что многія мѣста остались непереведенными съ французскаго); онъ находитъ предосудительнымъ собственно мой текстъ, и не ту или другую фразу, а все, en bloc, все «направленіе!» Мнѣ не приходится даже пожертвовать какимъ либо выраженіемъ, которое можно было бы исключить, перепечатавъ страницу.—Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ:

Хотя «Русскій Архивъ» издается безъ предварительной цензуры, для чего вноситъ залогъ въ нѣсколько тысячъ р., но послѣдними новѣйшими дополнительными правилами, это уничтоженіе предварительной цензуры сдѣлалось только мнимымъ. Типографія не можетъ выпустить ни одной книжки, ни одного № журнала, не получивъ отъ цензора право на выпускъ; цензору дается извѣстный срокъ на прочтеніе, но онъ не имѣетъ право задержать №, pour en référer à l'autorité. Здѣшній цензурный Комитетъ составленъ изъ людей или совершенно идіотовъ, или людей очень низкой нравственной пробы. Предсѣдателемъ его нѣкто Росковшенко. Я вамъ пришлю его карточку. Нѣтъ такой скорбной минуты въ жизни, когда бы, взглянувъ на эту фигуру, вы бы могли воздержаться отъ хохота: je Vous en défie. Она усмиряетъ и припадки горя и взрывъ гнѣва. Для Комитета достаточно было одного моего имени, чтобы заподозрить всю книжку, и онъ представилъ о своемъ недоумѣніи въ Петербургъ. Нельзя не пожалѣть, что Лонгиновъ случился въ отпуску, а исправляющій его должность нѣкто Варадиновъ, вспомоществуемый, вѣроятно ***, сейчасъ призналъ біографію подлежащею запрещенію и телеграфировалъ Долгорукову о конфискаціи въ типографіи всѣхъ экземпляровъ. Къ счастію я заблаговременно, по мѣрѣ отпечатанія, бралъ себѣ по два экземпляра

каждаго листа.—Бартеневъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать о снятіи запрещенія. Не знаю, удастся ли ему. Есть русская пословица: «дуракъ броситъ камень, десять умныхъ его не вытащутъ».—Велять, положимъ, кому нибудь разсмотрѣть, но этотъ кто-нибудь будетъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы сохранить prestige власти, т. е. оправдать дѣйствіе начальства, и т. д. Наконецъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть. Еще Ришелье сказалъ, кажется, что двухъ строкъ человѣка достаточно, чтобъ найти въ нихъ поводъ для повѣшенія.

Я непремѣнно пришлю вамъ прочесть экземпляръ, съ тѣмъ, чтобы вы мнѣ его сберегли и изъ рукъ не выпускали.

Какъ я вамъ благодаренъ за присылку книги Lufthardt'а. Я началъ было его читать, но имъ овладѣла Анна; оно и кстати покуда. Какъ прочту, такъ напишу вамъ о немъ свое мнѣніе. У него есть ссылка на его же сочиненіе: Der freie Wille. Читали ли вы его? Это должно быть интересно.

Вотъ какъ я расписался! Пишу вамъ это письмо изъ Турова, гдѣ провелъ больше недѣли и откуда завтра выѣзжаю въ Москву. Прощайте, дорогая, милая Дарья, еще разъ благодарю за ваше письмо и обнимаю васъ отъ всего сердца.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

P. S. Бартеневъ, по просьбѣ Побѣдоносцева, еще прежде запрещенія, послалъ ему одинъ экземпляръ въ Зальцбургъ. Мы писали Побѣдоносцеву на дняхъ, чтобъ онъ переслалъ его потомъ въ Мюнхенъ, вашей belle-mère. Но изъ полученнаго отъ нея письма видно, что она уѣхала въ Швейцарію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПРЕКРАЩЕНІИ ГАЗЕТЫ „ПАРУСЪ“.

Письмо къ М. Ѳ. Раевскому отъ 6 апрѣля 1859 г. № 9 начинается такъ: «Драгоцѣнный Михаилъ Ѳедоровичъ! Это печатное объявленіе болѣе или менѣе объяснитъ вамъ мое молчаніе». Объявленіе о которомъ идетъ рѣчь—это объявленіе о прекращеніи газеты «Парусъ». Воспроизводимъ его здѣсь цѣликомъ:

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ, изданіе газеты **Парусъ** прекращено. Редакція только потому не объявила до сихъ поръ о прекращеніи изданія, что надѣялась передать свою дѣятельность и свои обязательства къ подписчикамъ—редакціи другой, новой газеты; но и это предпріятіе оказалось неисполнимымъ.—О чемъ редакція **Паруса** и имѣетъ честь объявить всѣмъ своимъ Русскимъ и заграничнымъ Славянскимъ подписчикамъ, сотрудникамъ и доброжелателямъ.

Всѣ гг. подписчики получатъ назадъ свои деньги.

Подписавшіеся у книгопродавцевъ и въ Газетныхъ Экспедиціяхъ имѣютъ получать деньги отъ тѣхъ лицъ и мѣстъ, которымъ внесли оныя при подпискѣ — при чемъ благоволятъ возвратить и оба №№ **Паруса**; если же пожелаютъ удержать эти №№ у себя, то за каждый вычитается по 50 коп. сер.

Гг. иногороднымъ, подписавшимся въ редакціи, деньги будутъ высланы по почтѣ, съ таковымъ же вычетомъ;—или же и вовсе безъ вычета, въ случаѣ возвращенія ими обоихъ нумеровъ **Паруса**.

Иванъ Аксаковъ.

Москва. Печатать Позволяется 9 Марта, 1859 года.
Цензоръ А. Драшусовъ.

Москва. Въ типографіи А. Семена.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ „ДНЕВНИКА" ПИСЕМЪ И ЗАМѢТОКЪ ВѢРЫ СЕРГѢЕВНЫ И ЛЮБОВЬ СЕРГѢЕВНЫ АКСАКОВЫХЪ.

Приводимъ здѣсь тѣ выдержки изъ рукописныхъ воспоминаній сестеръ Ивана Сергѣевича Аксакова, о которыхъ говорится на стр. 40 настоящаго IV-го тома. Выдержки эти пополняютъ перерывъ въ перепискѣ И. С. Аксакова съ М. Ѳ. Раевскимъ, относящійся къ скорбнымъ днямъ пребыванія семьи Аксаковыхъ на островѣ Занте и переѣзда ихъ съ этого острова обратно въ Россію.

Въ «Заграничныхъ письмахъ» (изъ второго путешествія по Славянскимъ землямъ) помѣщенныхъ въ III-мъ томѣ Писемъ И. С. Аксакова уже сообщается о пріѣздѣ и первомъ времени пребыванія заграницей, осенью 1860 года, больнаго брата его Константина Сергѣевича. Иванъ Сергѣевичъ, находившійся въ чужихъ краяхъ уже съ января 1860 года, выѣхалъ на встрѣчу брату въ Штеттинъ (стр. 478 и слѣд. тома III-го). Оба брата отправились черезъ Берлинъ въ Гейдельбергъ, гдѣ совѣщались съ докторомъ Поссельтомъ. Константинъ Сергѣевичъ разсчитывалъ предпринять виноградное леченіе — но на бѣду лѣто и осень 1860 года были холодныя и созрѣваніе винограда вездѣ запоздало. Пришлось выжидать 2 — 3 недѣли пока поспѣетъ виноградъ и потому наши путешественники отправились въ Вѣну, гдѣ рѣшили провести нѣсколько времени. Въ Вѣнѣ они совѣщались съ тогдашнимъ свѣтиломъ вѣнскаго медицинскаго міра, съ профессоромъ Шкодой. Подобно Поссельту—и Шкода отозвался съ большимъ уваженіемъ о московскомъ врачѣ, пользовавшемъ Константина Сергѣевича, знаменитомъ Варвинскомъ, мнѣніе котораго о болѣзни Константина Сергѣевича оба они раздѣляли.

Рѣшено было ѣхать въ Швейцарію, въ Веве, лечиться виноградомъ подъ наблюденіемъ женевскаго врача Кюршо́ (Curchod). Но поѣздка эта оказались неудачной. Холодная осень продолжалась и мѣшала не только леченію но и созрѣванію винограда; въ концѣ концовъ Аксаковы очутились снова въ Вѣнѣ,

такъ какъ леченіе виноградомъ въ Веве пришлось безусловно прекратить. Прибытіе ихъ въ Вѣну — совпало съ полученіемъ тамъ М. Ѳ. Раевскимъ телеграммы на имя Ивана Сергѣевича, извѣщавшей о кончинѣ А. С. Хомякова. Извѣстіе это пришлось на первыхъ порахъ скрыть отъ Константина Сергѣевича, чтобы не ухудшить состоянія его здоровья.

Тяготясь разлукой съ сыномъ, здоровье котораго ухудшалось съ каждымъ днемъ, Ольга Семеновна Аксакова рѣшила отправиться сама заграницу. Ее сопровождали двѣ старшія дочери— Вѣра и Любовь Сергѣевны. Изъ Москвы, прямо съ дачи Кокорева въ Сокольникахъ, Ольга Семеновна выѣхала 27-го октября 1860 года чрезъ Петербургъ. Какъ разъ въ это же время Константинъ Сергѣевичъ собирался было вернуться съ братомъ въ Россію—и только телеграмма полученная ими изъ Петербурга отъ Ольги Семеновны побудила ихъ остаться заграницей и ждать пріѣзда матери и сестеръ.

Желѣзная дорога доходила тогда только до Динабурга—да и до Динабурга поѣздъ шелъ отъ Петербурга цѣлые сутки! Выѣхавъ изъ Петербурга 1-го ноября вечеромъ, наши путешественницы ѣхали до Прусской границы цѣлую недѣлю, правда съ ночевками. На Прусской границѣ сѣли снова въ вагоны желѣзной дороги. Но и въ Пруссіи поѣзда ходили тогда съ изрядной медленностью и на переѣздъ отъ границы до Бреславля, черезъ Крейцъ и Познань потребовалось почти полтора сутокъ. Въ Бреславлѣ ихъ встрѣтилъ на вокзалѣ Иванъ Сергѣевичъ—а Константинъ Сергѣевичъ больной, въ лихорадкѣ, дожидался въ гостинницѣ. Вотъ что записано въ «Дневникѣ» Вѣры Сергѣевны объ этой встрѣчѣ:

«Взошли на лѣстницу, Иванъ пошелъ впередъ, предупредить — слы-«шился голосъ, шаги—Константинъ выходитъ. Боже мой, въ какомъ видѣ: «худой, сгорбленный, изможденный! Какое было свиданіе! Онъ заплакалъ, «обнимая и цѣлуя маменьку и сказалъ: «вотъ все, чего я желалъ! Я боялся «что вы не пріѣдете; если я уже самъ не могъ ѣхать въ Россію, то чтобъ «вы были здѣсь». Что перечувствовали мы, увидавъ его такимъ! Кажется «уже тутъ всякая надежда замерла въ сердцѣ. Конечно при немъ мы прину-«ждали себя, боялись даже выразить сильно радость свиданія—но какая «радость: отчаяніе было въ душѣ. Онъ закашливался, задыхался: лихора-«дочное состояніе было замѣтно. Тутъ только онъ намъ разсказалъ, какъ «онъ простудился еще въ Швейцаріи, какъ они неосторожно оттуда поѣхали

«въ дилижансѣ, какъ онъ въ Вѣнѣ услыхавъ о Хомяковѣ, почувствовалъ «точно ледъ въ сердцѣ и съ тѣхъ поръ усилилась лихорадка. Что было «и говорить! Одно лицо его было ужасно!»

Изъ Бреславля всѣ поѣхали въ Вѣну, гдѣ снова обратились за совѣтомъ къ Шкодѣ—лучшему тогда грудному доктору въ Вѣнѣ. Шкода, нашелъ на этотъ разъ что болѣзнь быстро развивается, говорилъ Ольгѣ Семеновнѣ «oui, il est très malade, très malade» — и назначилъ провести больному зиму не въ Корфу, какъ сначала думали, а на островѣ Занте — гдѣ «прекрасный климатъ и всѣ удобства»!... Совѣтъ былъ данъ въ такой положительной формѣ, что ему почти безпрекословно покорились. Одинъ Константинъ Сергѣевичъ нѣсколько возражалъ:—точно предчувствуя всѣ бѣды зимняго пребыванія въ тепломъ климатѣ, онъ говорилъ что лучше бы ѣхать туда, гдѣ есть печи устроенныя, напримѣръ въ Голландію. Ему болѣе всего хотѣлось воротиться въ Россію—но такъ какъ мать и сестры нарочно пріѣхали изъ Россіи заграницу, чтобы провести съ нимъ зиму въ теплыхъ краяхъ, то о возвращеніи въ Россію никто серьезно и недумалъ. Смутно высказывалась мысль, что лучше бы провести зиму хотя бы сѣвернѣе, но тамъ гдѣ больше удобства. Но всѣ такъ были подавлены плохимъ состояніемъ здоровья Константина Сергѣевича, что никто не бралъ на себя почина въ самостоятельномъ рѣшеніи этого вопроса и въ концѣ концовъ всѣ рады были тому, что Шкода далъ столь положительный совѣтъ относительно острова Занте. И совѣту этому послѣдовали, хотя тутъ же въ Вѣнѣ были получены отъ другого доктора самыя неблагопріятныя свѣдѣнія объ островѣ Занте — о неимѣніи тамъ никакихъ удобствъ, объ отсутствіи докторовъ, аптекъ и т. п.—что впослѣдствіи и оправдалось. Пренебрегли совѣтомъ ѣхать зимовать въ Каиръ. Послѣ 4-хъ дневнаго пребыванія въ Вѣнѣ, гдѣ къ путешественникамъ съ особеннымъ, чисто родственнымъ участіемъ отнесся М. Ѳ. Раевскій, отслуживши въ помѣщеніи, которое занимали Аксаковы, напутственный молебенъ съ особой молитвой объ исцѣленіи больного, продолжали путь дальше—до Тріэста.

О пріѣздѣ въ Тріестъ и сборахъ въ дальнѣйшій путь сообщается въ письмахъ Ивана Сергѣевича Аксакова къ М. Ѳ. Раевскому (см. въ настоящемъ IV томѣ, стр. 33—36, №№ 18 и 19).

Въ дневникѣ В. С. Аксаковой говорится о пребываніи въ Тріэстѣ слѣдующее:

«Въ комнатахъ (отеля въ Тріестѣ) было довольно сыро, а на дворѣ удушливо тепло, дулъ sirocco; Константинъ усталъ, но чувствовалъ себя порядочно; только черезъ нѣсколько часовъ почувствовалъ холодъ, ознобъ, колотье въ груди, возобновилась лихорадка: слѣдствіе ли это было дороги, ходъ ли болѣзни или слѣдствіе волненія (онъ получилъ письмо Безсонова и очень возмутился имъ). Кажется потомъ ему стало какъ будто лучше, онъ обѣдалъ сидя возлѣ маменьки. Къ нимъ приходилъ Опучичъ къ чаю, потомъ мы легли спать. Только ночью, часа въ два, слышу кто то стонетъ, не вдругъ поняла, что это стонъ изъ сосѣдней комнаты, что это Константинъ. Я встала, подошла къ двери и убѣдившись, что онъ не спитъ—вошла. Онъ точно не спалъ и сказалъ мнѣ, что у него была сильная лихорадка, а теперь онъ весь въ поту лежитъ, совсѣмъ мокрый и потъ остываетъ, но никакъ не хочетъ онъ разбудить Ивана. Я взялась найти ему рубашку, нашла ее и пошла согрѣвать; но каминъ уже былъ холоденъ, я стала согрѣвать на свѣчкѣ, и въ это время у меня пришла мысль: «какъ бы не сжечь»—это дурной знакъ— и какъ нарочно, точно въ одномъ мѣстѣ сожгла. На душѣ было такъ мрачно, такъ терзалось сердце! Я принесла ему рубашку и ушла; онъ перемѣнилъ самъ и когда я опять вошла, онъ сказалъ что ему теперь такъ хорошо, такъ пріятно, такъ благодарилъ меня»!

Три съ половиной дня провели наши наши путешественники въ Тріестѣ въ ожиданіи отхода парохода и въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Пришлось между прочимъ взять съ собой и прислугу-кухарку:

«Сперва приходила одна кухарка, но грубая, и не понравилась ни намъ ни Константину; она восхваляла свое умѣнье ходить за больными, сказала очень безцеремонно и грубо, что ходила за однимъ больнымъ и что онъ умеръ при ней: способъ выраженія и бетчувственное отношеніе оскорбило насъ, а особенно Константина и кажется смутило его какъ предсказаніе. Онъ ни зачто не хотѣлъ, чтобы мы ее взяли, мы и сами не хотѣли; тогда вскорѣ явилась дѣвушка Пепита, отъ Опучича и мы тотчасъ же условились.

Посѣщеніе русскихъ знакомыхъ, оказавшихся въ Тріестѣ, очень утомляли Константина Сергѣевича.

«Онъ былъ очень слабъ и худъ, видъ его вызывалъ тоску на душѣ—и какъ жалѣли мы, что не были въ это время въ Москвѣ, у себя дома, гдѣ могли бы окружить его удобствомъ, спокойствіемъ и имѣть наблюденіе доктора Варвинскаго, который ему уже помогъ. Я въ отчаяніи написала письмо

въ Вѣну, къ князю Гагарину, прося его спросить Шкоду не пить ли молоко, не ставить ли мушки и пр. Отвѣтъ пришелъ уже поздно,—но и тогда была уже безполезна всякая помощь. Видимо быстро шла болѣзнь и всякій шагъ ее ускорялъ».

На энергичной, полной жизни и здоровья личности Ивана Сергѣевича тягость положенія Константина С. отражалась не такъ явно какъ на сестрахъ и матери его, которыя не могли находить невольнаго забвенія въ интересѣ политическихъ событій и настроеній. Разница въ этомъ отношеніи между Иваномъ Сергѣевичемъ и его спутницами ярко видна изъ сопоставленія вышеуказанныхъ писемъ его съ нижеслѣдующими выписками изъ дневника Вѣры Сергѣевны, относящимися къ плаванію отъ Тріеста до Занте и къ печальнымъ днямъ пребыванія на островѣ Занте:

«Погода стояла прекрасная, необыкновенно тихая, теплая. Лунныя, великолѣпныя ночи; не слышно было движенія парохода. Константинъ и мы всѣ долго сидѣли на палубѣ; онъ однако раньше сошелъ въ каюту, былъ вообще доволенъ; за общимъ чаемъ опять всѣ сошлись въ общую залу и за общій столъ. Константина тревожило присутствіе чужихъ и онъ все боялся, чтобъ не было чего нибудь неприличнаго.

На другой день рано утромъ, Константинъ уже былъ на палубѣ; чай или кофе, потомъ завтракъ, а потомъ обѣдъ—соединяли всѣхъ вмѣстѣ и все это сильно тревожило Константина, но мало-по-малу мы знакомились со всѣми и оказалось, что все порядочные люди; тутъ былъ одинъ докторъ, я говорила съ нимъ и Константинъ охотно его слушалъ.

21 Ноября приплыли мы къ Корфу; тутъ мы должны были пересѣсть на другой пароходъ, день былъ жаркій, солнцо жгло. Намъ не вдругъ еще позволили сойти съ парохода—надобно было дожидаться посѣщеніе англійскаго чиновника «sanita». Въ это время только что былъ снятъ карантинъ по случаю оспы въ Тріестѣ и еще за два дня до нашего пріѣзда, безъ карантина еще никого не пускали сойти на берегъ. Карантинъ же находился далеко отъ города, въ очень дурномъ помѣщеніи, такъ, что дня за три передъ нами были здѣсь Оголинскіе (которыхъ Шкода тоже послалъ сюда)—и такъ какъ надобно было просидѣть въ карантинѣ съ недѣлю и болѣе, они рѣшились лучше не сходя съ парохода отправиться прямо въ Александрію или Кипръ. Въ это время, слушая этотъ разсказъ, мы считали за особенное счастье, что пріѣхали нѣсколькими днями позже и что безпрепятственно могли ѣхать на Занте,—а потомъ жалѣли, что съ нами не случилось того же, что съ Оголинскими, которые вынуждены были ѣхать въ Кипръ, гдѣ этой Оголинской стало лучше; но вѣроятно, что это было слишкомъ поздно.

Подъ жаркимъ солнцемъ стояли мы и сидѣли на палубѣ, въ ожиданіи англійскаго чиновника. Наконецъ лодка приблизилась, экипажъ сталъ въ рядъ, а насъ поставили съ другой стороны. Явился уже пожилой, грубый, съ непріятной физіономіей человѣкъ, а съ нимъ еще кто то, сталъ обходить медленно ряды, заглядывая каждому безцеремонно въ лице; дошелъ до насъ, подошелъ ближе къ Константину и самымъ грубымъ тономъ сталъ его распрашивать. Константина же и прежде возмутилъ одинъ видъ его, но тутъ онъ такъ взволновался, краска бросилась въ лице, онъ отвѣчалъ едва; другіе стали объяснять чиновнику, что Константинъ болѣнъ грудной болѣзнью вовсе не заразительной—но онъ не отставалъ и продолжалъ разспросы съ такимъ безчувственнымъ, грубымъ видомъ, что нельзя было оставаться равнодушнымъ; не знаю уже какъ удалось прервать невыносимый осмотръ этого отвратительнаго англичанина. Мы такъ боялись за Константина—и, конечно, это волненіе не прошло ему даромъ. Наконецъ англичанинъ уѣхалъ. Можно было прямо пересѣсть на другой пароходъ, который тутъ же ждалъ насъ—но мы хотѣли сойдти на берегъ и приложиться къ мощамъ Св. Спиридонія, всѣми чтимаго.

Константинъ также рѣшился ѣхать съ нами и мы переѣхали на берегъ въ лодкахъ; тутъ на пристани наняли коляску, въ которую сѣли маменька, Константинъ и Иванъ, а мы съ Любинькой и дѣвушкой пошли впередъ пѣшкомъ, и по разспросамъ нашли соборъ; въ одно время пріѣхали и они. Мы вмѣстѣ вошли въ соборъ, потомъ маменька спросила гдѣ стоятъ мощи: позвали священника и отслужили краткій молебенъ. Мы молились горячо, я все время проплакала не подымаясь,—но Господу неугодны были молитвы! Греки съ любопытствомъ и сочувствіемъ смотрѣли на насъ.

Воротились на пристань; маменька съ Константиномъ рѣшились ѣхать прямо на новый пароходъ,—а мы съ Иваномъ остались на островѣ, ему нужно было побывать у консула. Когда и мы въ свою очередь добрались до новаго парохода —то нашли тамъ въ дамской каютѣ Константина лежавшаго на диванѣ. Меня поразила краснота лица его, особенно лобъ и носъ были покрыты какъ краснымъ шелкомъ, точно coup de soleil. Такъ и думали сперва, что это вліяніе южнаго солнца—но это было другое. Конечно, волненіе много способствовало и возбудило тѣмъ жаръ и приливъ крови. Смутило насъ. Мы было получили маленькую надежду, что море можетъ благотворно вліять на его силы».

22 Ноября. Кажется именно въ этотъ день, сидя на палубѣ по утру возлѣ Константина, я замѣтила на полу мокроту съ кровью: въ первую минуту я хотѣла было его спросить, но остановилась, боясь его потревожить,—но сердце у меня дрогнуло; черезъ нѣсколько времени онъ самъ обратилъ на это вниманіе и сказалъ: «съ кровью». Не помню, что я ему на это возражала, кажется старалась ослабить это впечатлѣніе, но на душѣ было не то и вѣроятно это его и смутило. Это въ первый разъ я замѣтила кровь—можетъ быть

жаркій день наканунѣ, утомленіе и душевное волненіе при обращеніи англичанина были причиной или просто ходъ роковой болѣзни, быстро подвигающейся.

День обыкновенно проводили мы на палубѣ, смотря на встрѣчающіяся берега и острова, рѣдко въ разговорахъ съ капитаномъ или пассажирами. Около 5-ти час. дня мы приблизились къ Кефалоніи и стали на якорѣ. Во время обѣда пріѣхалъ одинъ англичанинъ Lytton, и такъ добродушно пригласилъ насъ сойти на берегъ и осмотрѣть его городъ, что мы съ Иваномъ не могли отказать ему и согласились. Lytton водилъ насъ по городу и привелъ къ себѣ въ домъ, гдѣ у него собрались многіе его знакомые. Его мать, гречанка, старушка, была особенно рада видѣть русскихъ.

Поздно ночью пароходъ снялся съ якоря: пассажиры проснулись вслѣдствіе сильной бури. Мы заснули въ 3-мъ часу—просыпаюсь и чувствую, что корабль качаетъ изъ стороны въ сторону и скрипитъ: иногда намъ казалось, что онъ разломится... Кое-какъ дождавшись свѣта, мы держась за все, взобрались всѣ на палубу—Константинъ давно уже былъ тамъ и намъ разсказалъ, какъ онъ съ 4-хъ часовъ утра уже всталъ и боясь дѣйствія качки, поспѣшилъ на палубу—но былъ сильный вѣтеръ и свѣжо. Капитанъ увидавши это, уговорилъ его войдти къ нему въ каюту, гдѣ качка почти не была ощутительна и было тепло; онъ согласился, но оставался недолго и опять пришелъ на палубу, гдѣ мы его и застали сидящимъ спиной къ ходу корабля. Вѣтеръ былъ сильный и шелъ дождь; вода покрайней мѣрѣ заплескивала на пароходъ. Мы уговаривали Константина сойти внизъ, но онъ не соглашался, старались его окутать—онъ и этимъ тяготился, говорилъ напротивъ, что этотъ вѣтеръ его освѣжаетъ. Я держала сзади его зонтикъ—но вѣтеръ ломалъ зонтикъ. Ноги у него не были довольно прикрыты, я хотѣла было сойти внизъ, чтобъ принести что-нибудь чтобъ прикрыть ему ноги,—но тошнота и дурнота меня одолѣли и я не рѣшилась сойдти, такъ проплыли мы часовъ до 6-ти. Кажется въ 9 часовъ мы увидѣли островъ: «Занте!» сказали намъ,—но на этотъ разъ одно преобладало, одно желаніе поскорѣе сойдти на берегъ, чтобы избавиться отъ качки. Никакихъ впечатлѣній мы не въ состояніи были воспринять сознательно, подъ вліяніемъ этой качки. Но все же мы замѣтили, что передъ нами зеленый островъ, съ горами покрытыми оливковыми деревьями; поровнялись съ городомъ, расположеннымъ на самомъ берегу моря, вдоль бухты образующей полукругъ. Городъ въ восточномъ стилѣ; масса домовъ и домиковъ съ черепичными крышами; виднѣлось множество небольшихъ церквей съ продолговатыми куполами; намъ указали слѣва церковь Св. Діонисія.

Наконецъ пароходъ остановился; мы отдохнули. Иванъ тотчасъ же отправился на берегъ. Насъ поразилъ какой то странный зеленый цвѣтъ моря, который огибалъ на нѣкоторое разстояніе бухту, яркоотличавшійся отъ синяго цвѣта Адріатическаго моря. Вскорѣ вернулся Иванъ съ молодымъ гре-

комъ Доминичини, племянникомъ консула, приславшаго его для сопровожденія насъ. Молодой человѣкъ понималъ по русски не много и хорошо говорилъ по французски, мы познакомились и разговорились; помню онъ говорилъ объ особенностяхъ греческаго языка, который мы предполагали изучать.

Наконецъ мы простились съ нашимъ капитаномъ, и сошли съ корабля. Доминичини сѣлъ съ нами въ лодку и сталъ говорить объ особенностяхъ климата острова Занте: «у насъ здѣсь никогда не топятъ—nous ne faisons jamais de feu и всѣмъ, кто пріѣзжаетъ, должно совѣтовать сообразоваться съ нравами жителей, согласными съ особенностями климата. «Иначе нашъ климатъ, прекрасный для привычныхъ, очень опасенъ для тѣхъ, которые еще не акклиматизировались: «L'air est très fin chez nous et les anglaises périssent en grand nombre ici». Сильно смутили и поразили насъ эти слова и предостереженіе! Каково намъ было слышать это, когда мы везли больного грудью искать исцѣленіе въ этомъ воздухѣ. И Константина смутили очень эти слова и онъ потомъ говорилъ намъ объ этомъ.

Съ грустнымъ и мрачнымъ опасеніемъ подъѣхали мы къ берегу: насъ ожидала здѣсь четвероместная крытая коляска. Мы поѣхали по улицамъ, которыя дѣлались все уже и уже, такъ что коляска едва могла проѣхать. Наконецъ подъѣхали мы къ дому, оказавшемуся единственной гостинницей въ городѣ—locanda—хуже всякаго нашего постоялаго двора. Крутая лѣстница съ поворотами вела прямо въ корридоръ—а корридоръ упирался въ маленькую комнату, куда насъ и ввели. Тутъ стояли кровать, упиравшійся почти въ окно диванъ, на который и легъ сейчасъ же усталый, разстроенный, изнеможенный Константинъ.

Сердце сжалось у насъ при видѣ этого помѣщенія. Комната рядомъ уже была занята турецкимъ генераломъ ѣхавшимъ вмѣстѣ съ нами на пароходѣ. Намъ отведены были двѣ комнаты изъ корридора. Напротивъ двѣ комнатки были также заняты турецкой прислугой. Что было дѣлать? Куда заѣхали мы? Для чего привезли такого больного, на всѣ эти неудобства, въ такой климатъ, который такъ убійственно дѣйствуетъ на такія болѣзни! Помолились, ложась, и плакали о немъ!

23 Ноября. Не смотря на всѣ наши усилія не падать духомъ и поддерживать въ себѣ надежду—мрачно, тяжело, грустно было на сердцѣ при всей этой обстановкѣ. Вдали, отдѣленные моремъ кругомъ, въ неизвѣстной землѣ, лишенные всякихъ удобствъ необходимыхъ не только въ болѣзни! При видѣ такого больного, мы старались отгонять сознаніе неминучей бѣды, боясь ослабить послѣднія силы для необходимой дѣятельности.

Стали по возможности устраиваться—но ничего нельзя было сдѣлать—ни комнаты перемѣнить, ни избавиться отъ сосѣдства турокъ. Въ этотъ же день мы успѣли съѣздить на гору, осмотрѣть какую то дачу, виллу но она оказалась негодной для жилья. Подали намъ обѣдать на кругломъ столѣ стоявшемъ передъ диваномъ, на которомъ лежалъ Константинъ: онъ сѣлъ,

чтобы что нибудь скушать. Послѣ обѣда онъ заснулъ и у него сдѣлался жаръ. Тутъ вскорѣ пришли Доминичини съ отцемъ и вмѣстѣ съ ними Мелиссино. Мы ввели ихъ въ свою комнату: маменька, Иванъ и я принимали, Любинька сидѣла въ комнатѣ Константина. Я часто ходила къ Константину взглянуть что съ нимъ—онъ лежалъ на диванѣ въ жару и спалъ. Гости наши были казалось очень радушны, рады видѣть русскихъ—особенно Мелиссино, который явился прямо съ охоты въ охотничьихъ сапогахъ—такъ ему захотѣлось увидѣть пріѣзжихъ русскихъ. Мелиссино веселый, добрый и увѣрялъ, что все на островѣ прекрасно, что климатъ самый здоровый и что это ошибочно о немъ говорятъ противное, что извѣстно много случаевъ, когда здѣсь выздоравливали отъ чахотки молодые мужчины и женщины—онъ назвалъ при этомъ нѣкоторыхъ и остальные гости подтвердили это. Такой отзывъ нѣсколько уничтожилъ непріятное впечатлѣніе произведенное словами Доминичини о пагубности климата Занте для слабогрудыхъ; покрайней мѣрѣ мы старались сами себя ободрить имъ и поспѣшили сообщить это Константину, когда онъ проснулся. Казалось и ему какъ будто пріятно было это услыхать. Затѣмъ пили чай, толковали о дачахъ; греки обѣщали намъ все устроить.

24 Ноября. Съ утра явились Доминичини отецъ и сынъ. Константинъ былъ какъ будто нѣсколько бодрѣе, принялъ ихъ, познакомился съ отцемъ Доминичини и они чрезвычайно другъ другу понравились: много говорили и съ жаромъ, такъ что, пришлось ихъ останавливать и мы поспѣшили увести Доминичини. Не помню ѣздили ли мы въ этотъ день осматривать дачи—но толки о нихъ и поиски шли не прерываясь. Неудобство помѣщенія нашего было ужасно: крикъ и шумъ отъ турокъ, запахъ кухни и сквозняки; крикъ, шумъ и вонь на узенькихъ улицахъ. Кажется въ этотъ день я ходила къ обѣдни въ одну ближайшую церковь и скорбнымъ наболѣвшимъ сердцемъ, съ тяжелымъ ужаснымъ предчувствіемъ молилась, хотя и не могла понять.

Доминичини приводилъ двоюроднаго брата своего Маркезини, доктора; я съ нимъ говорила, разсказывала ему о болѣзни Константина. Его замѣчанія внушили мнѣ довѣріе; мы уговорили Константина повидать его: онъ его принялъ привѣтливо, говорилъ, что лекарствъ никакихъ не хочетъ принимать, только хочетъ съ нимъ посовѣтоваться. Маркезини разговаривалъ съ нимъ довольно долго, распрашивалъ, старался убѣдить его научными доводами, уговорилъ его попробовать по крайней мѣрѣ ослиное молоко. Константинъ согласился, но прежде просилъ достать коровье,—что оказалось невозможнымъ. Мы поручили немедленно достать намъ ослицу, если коровы нѣтъ на всемъ островѣ. Для нашего ли успокоенія или потому, что онъ самъ быть можетъ ошибался—Маркезини увѣрялъ насъ, что онъ не находитъ болѣзнь столь опасной и что можно надѣяться на укрѣпленіе силъ. Не знаю повѣрили-ли мы въ душѣ этой утѣшительной надеждѣ, покрайней мѣрѣ старались повѣрить, но на душѣ было ужасно. Опять намъ подали обѣдать у

Константина; хотя къ обѣду онъ чувствовалъ лихорадочное состояніе, но непремѣнно желалъ, чтобы мы вмѣстѣ и при немъ обѣдали, самъ подымался и садился не смотря на свою слабость, ѣлъ кое что, но просилъ чтобъ убрали скорѣе, чтобъ лечь отдохнуть. Мы все приносили и уносили сами, помогая слугамъ гостинницы. Фруктовъ никакихъ уже не было или недовольно хорошіе; груши жестки, виноградъ присланный одной дамой г-жей Бажи—не сочный, зимній; апельсины же во множествѣ покрывавшіе деревья еще не совсѣмъ зрѣлые, а sempredolce—безъ вкуса, такъ что не было даже возможности освѣжиться чѣмъ нибудь. Жалѣли мы, тысячу разъ, жалѣли о томъ, что мы не въ Москвѣ, въ теплой уютной комнатѣ гдѣ не смотря на суровость климата, среди всѣхъ удобствъ замѣняющихъ всѣ красоты и роскошь природы юга, мы могли бы и зимой найти и плоды и пособія для облегченія больного. Противно и возмутительно было намъ видѣть это богатство и роскошь природы, эти чудныя картины, вдыхать съ теплымъ воздухомъ это благовоніе—и сознавать, что все это безсильно успокоить, облегчить и дать силы и жизнь больному. Не было хорошаго хлѣба, коровьяго молока, чего такъ желалъ больной, небыло средствъ для медицинскаго пособія. Я попросила доктора прописать капли Digitalis, которыя принималъ Константинъ еще въ Москвѣ, по предписанію Варвинскаго. Онъ сказалъ, что самъ пойдетъ въ аптеку и принесетъ лекарство—и что же приноситъ: открытый стаканъ, въ половину налитый водой! Я не вдругъ могла понять что это уже разведенное лекарство для пріема—и не рѣшилась дать его. Маркезини говорилъ, что главное находитъ упадокъ силъ, слабость. Шкода въ Вѣнѣ далъ чай изъ горькихъ травъ для употребленія Константину и еще порошки, на случай усиленія лихорадочныхъ явленій—но онъ не принималъ ихъ вовсе, а чай тоже очень рѣдко.

25 Ноября. Подъ окнами Константина была исполнена серенада. Осматривали дачи и рѣшились взять виллу Діаманти (Diamanti); ѣздили съ маменькой смотрѣть и виллу Лаготекки—страшно дорогую да тамъ оказалось и очень сыро, на самомъ берегу моря. Лихорадочное состояніе все продолжалось, а по ночамъ и особенно къ утру, кашель усиливался до того, что не давалъ спать и даже лежать; начала дѣлаться какая-то судорога въ груди, мѣшавшая откашлянуться, такъ что Константину приходилось дѣлать ужасныя усилія и движеніе, чтобы откашлянуть и часто безполезно: онъ доходилъ при этомъ до полнаго изнеможенія, а между тѣмъ невозможно было оставаться такъ, это его душило, мучало. Для облегченія ему клали на ночь кусочекъ хлѣба или даже грушу, потому что онъ замѣчалъ, что съѣвши что нибудь ему нѣсколько легче откашливалось.

Онъ почти весь день постоянно лежалъ; слабость и худоба усиливались, а во время жара опять показывались красныя пятна по лицу. Воздухомъ онъ не могъ пользоваться даже и тогда, когда было ясно на дворѣ, отворять окна было опасно изъ-за сквознаго вѣтра, выходить было некуда,

это было наверху, да и улицы были грязныя и вонючія. Такъ въ маленькой комнатѣ, при всѣхъ этихъ неудобствахъ, долженъ былъ лежать милый Константинъ, въ такомъ болѣзненномъ состояніи.

26 Ноября. Маменька ѣздила съ Любинькой къ обѣдни въ соборъ Зантовскій, гдѣ мощи св. Діонисія. Коровы такъ и не могли достать на островѣ и условились, послѣ безконечныхъ затрудненій, объ ослицѣ. Надобно было заводиться всѣмъ хозяйствомъ. Греки посѣщали насъ съ утра; Константинъ принималъ ихъ иногда, но все послѣобѣденное время онъ проводилъ на диванѣ и креслѣ, въ слабости, послѣ лихорадки. Надобно было собраться на слѣдующее утро переѣзжать.

27 Ноября. Константинъ сталъ собираться съ самаго утра; условились ѣхать сперва къ св. Діонисію и потомъ прямо на дачу. Константинъ былъ очень слабъ. Я помню, какъ меня поразило выраженіе его лица. Наканунѣ или въ этотъ самый день пришелъ одинъ знакомый грекъ съ парохода, котораго онъ не видалъ нѣсколько дней и онъ обрадовался, всталъ, подалъ руку и желалъ улыбнуться, но его лице вмѣсто улыбки выразило какое то такое особенное страданіе, что лишь страшно стало; это была только тѣнь человѣческаго лица.

Константинъ очень спѣшилъ переѣздомъ, такъ хотѣлось ему уѣхать поскорѣе изъ гостинницы. Мы наконецъ собрались часовъ въ 12, сошли вмѣстѣ съ нимъ внизъ и сѣли въ коляску. Погода была не совсѣмъ хорошая, сыро и вѣтренно, но теплый воздухъ. Помню какъ я старалась пледомъ прикрыть съ одной стороны коляску, въ которой Константинъ сидѣлъ противъ меня, для того чтобы ему не дуло, онъ неохотно соглашался на это, говоря, «это все лишнее», но мы ѣхали берегомъ моря и вѣтеръ былъ холодный съ этой стороны. Подъѣхавъ къ собору св. Діонисія, мы вышли отслужили молебенъ у мощей, приложились и поѣхали дальше. Константинъ говорилъ, что онъ невоображалъ, что у него столько силъ, что онъ думалъ что онъ не въ состояніи двинуться, а вотъ теперь онъ и простоялъ службу на ногахъ. Но это было уже только нервное напряженіе.

Мы подымались все выше и выше въ гору, опять спускались на нѣсколько шаговъ и подъѣхали наконецъ къ нашему такъ называемому palazzo Diamanti. Когда то это и былъ можетъ быть палаццо, теперь же это зданіе потемнѣвшее и пожелтѣвшее отъ времени, заросшее травой имѣло видъ чего то печальнаго и опустѣлаго; темныя, совершенно голыя стѣны внутри, бревенчатые, рубчатые потолки, черныя двери, отсутствіе мебели, все это производило унылое впечатлѣніе. Мы прошли прямо на терассу, выходившую на сторону моря и Константинъ тутъ сѣлъ на приготовленный диванъ. Воздухъ былъ чрезвычайно мягкій, густой, парной. Константинъ былъ доволенъ, но почувствовалъ скоро усталость и захотѣлъ войти въ свою комнату. Она была обращена окнами тоже къ морю, но это была и сѣверная сторона. На южной не было удобной комнаты, а здѣсь по крайней

мѣрѣ былъ каминъ, въ сосѣдней комнатѣ тоже. Константинъ сказалъ, что всѣмъ доволенъ, сѣлъ на кресло и задремалъ. Мы было думали сначала, что сонъ этотъ подкрѣпитъ его, но это былъ не сонъ а лихорадочное усыпленіе отъ утомленія и истощенія. Уже поздно близко къ вечеру подали намъ обѣдать въ гостинной, куда и Константинъ захотѣлъ непремѣнно перейти. Здѣсь онъ сѣлъ въ кресло за столъ, вмѣстѣ съ нами, но кресло было неудобное, да и все было не устроено; только въ комнатѣ стоялъ отвратительный кожаный диванъ. Въ этотъ день утромъ, еще въ гостинницѣ, Константинъ выпилъ чашку ослинаго молока, оно было ему не противно; вечеромъ онъ выпилъ опять чашку; ночь провелъ по обыкновенію дурно. Уже съ перваго часа начались приступы кашля и судороги въ груди: онъ вскакивалъ съ постели, ударялъ даже кулакомъ объ столъ, стараясь помочь откашливанію, послѣ этого приходилъ въ изнеможеніе и къ утру засыпалъ нѣсколько лучше.

28-го Ноября поутру онъ выпилъ уже болѣе чашки молока и опять безъ отвращенія, скорѣе съ удовольствіемъ. Мы старались что нибудь ему сготовить — и онъ съѣлъ охотно, но на воздухъ не выходилъ: въ этотъ день — шелъ дождь; да онъ и боялся утомленія, отъ усталости дѣлалась одышка. Онъ выходилъ въ другую комнату, былъ вообще доволенъ, покрайней мѣрѣ выражалъ это — вѣроятно для того чтобы успокоить насъ и особенно маменьку; вечеромъ опять пилъ молоко и ничего особенно дурного не чувствовалъ.

29-го Ноября, во вторникъ утромъ онъ выпилъ уже цѣлый большой стаканъ молока, кажется въ этотъ день выходилъ на воздухъ, но видимо былъ слабѣе; ждалъ писемъ отъ нашихъ. Вечеромъ опять пилъ молоко—и едва-ли не тутъ впервые почувствовалъ, что молоко, какъ онъ сказалъ, какъ будто прошло сквозь всѣ его жилы. Ночь попрежнему провелъ дурно.

30-го Ноября утромъ—появились первые желудочные припадки. И мы и онъ смутились. Онъ потомъ говорилъ: «вотъ это все твое ослиное молоко. Я чувствовалъ себя лучше, а какъ подѣйствовало молоко, такъ все стало другое» — и въ самомъ дѣлѣ, ему видимо и быстро становилось хуже. Мы не знали что дѣлать. Греки къ намъ дня два уже неявлялись. Наконецъ явился въ этотъ день докторъ. Уговорили Константина принимать дегтярную воду; молоко онъ бросилъ пить. Въ душевномъ смятеніи мы не знали что дѣлать, просили Мелиссино позвать лучшаго доктора — а пока стали давать это лекарство; но Константинъ принималъ его неохотно, находя, что оно было приготовлено съ перувіанскимъ бальзамомъ, раздражало и щипало ему грудь. Кажется въ этотъ день онъ уже не выходилъ въ гостинную, но непремѣно желалъ, чтобы мы обѣдали у него въ комнатѣ, несмотря на его слабость — и ѣлъ очень мало; ночь провелъ еще мучительнѣе и мы терзались душой. Константинъ самъ видимо желалъ уѣхать съ Занте и мы часто говорили о томъ, чтобы возратиться съ «Калькуттой» назадъ. Погода

была чрезвычайно перемѣнчива; дождь безпрестанно переставалъ и снова принимался идти.

1-го Декабря, въ четвергъ состояніе Констатина еще ухудшилось, слабость и одышка усилились; мы думали что можетъ быть воздухъ могъ бы укрѣпить, поддержать силы — но погода была такъ дурна, что невозможно было выдти — да ему и не хотѣлось, потому что всякое движеніе слишкомъ его утомляло; въ эти дни принесли намъ еще кое какую мебель и между прочимъ тотъ диванъ, на которомъ и лежалъ потомъ Константинъ.

2-го Декабря, пятница. И ночь и утро Константинъ провелъ такъ дурно, что мы были въ отчаяніи. Наконецъ пріѣхалъ докторъ Маркезини съ еще какимъ-то докторомъ—имени его не помню. Мы нѣсколько его предупредили — но вскорѣ ихъ позвали къ Константину. Несмотря на слабость, онъ сидѣлъ въ креслѣ. Было около 4-хъ часовъ. Онъ сначала хотѣлъ переговорить съ докторомъ — но потомъ поручилъ мнѣ все разсказать ему подробно. Докторъ далъ кое какіе совѣты; разсматривалъ рецепты Шкоды, одобрилъ ихъ; согласился на мушку, которую я предложила, хватаясь за нее какъ за послѣднюю крайность, по воспоминанію, и совѣтовалъ употреблять свѣжее сливочное масло—которое надо было доставать съ острова Корфу! Нѣсколько ободривши насъ онъ уѣхалъ. Все что можно было, мы сдѣлали—поставили мушку, но она натянула не скоро, только къ слѣдующему утру, да и то безъ пользы.

3-го Декабря, суббота. Кажется въ этотъ день въ первый разъ мои слова и опасенія поразили Ивана. Проведенная ночь была не менѣе мучительна какъ и предъидущія — но Константинъ жаловался и вообще покорялся всему и принималъ всѣ неудобства съ дѣтской кротостью: онъ только горько жаловался, когда я ему предлагала лекарство, на то, что я его такъ мучаю — и я неимѣла духа настаивать. Кушанье готовили ему по вкусу, какое только могли, мы сами—но аппетита не было; впрочемъ онъ иногда выпивалъ супу съ арарутомъ или съѣдалъ кусочекъ курицы. Съ каминомъ никакъ мы не могли сладить: дровъ не было, оливковые сучья вспыхивали только не на долго, виноградные корни были сырые, а отъ лавровыхъ сучьевъ получался страшный дымъ — и это было такъ вредно для кашля и груди. Но нетопить было не возможно: въ комнатѣ было холодно, дуло. Мы сами не иначе спали какъ подъ шубами.

Тутъ прерывается дневникъ Вѣры Сергѣевны. Нижеслѣдующія отрывочныя строки писаны сестрою ея Любовь Сергѣевной.

Часу въ первомъ, когда онъ обратно перешелъ на свой диванъ, началось тяжелое дыханіе и забытье. Онъ началъ говорить что то и съ большимъ усиліемъ и съ большими промежутками. Звалъ Вѣру, Ивана — и открывъ

глаза увидѣлъ, что маменька разстроена, — онъ просилъ несмущать его, что ему нужно спокойствіе и просилъ всѣхъ отойти. Потомъ позвалъ Ивана и сказалъ ему между прочимъ — всего нельзя было разобрать: «Уважай маменьку больше всѣхъ людей». — Потомъ сказалъ: «я никакъ этого неожидалъ, это было для меня совершенной неожиданностью, но все равно:» — Потомъ: «я успѣлъ исповѣдываться и причаститься, слава Богу — но я получилъ поддержку на причастіе». — Вѣра сказала на это: «Богъ милостивъ, Константинъ.» Онъ отвѣтилъ: «Богъ милостивъ, но чтобы то ни было, все будетъ милость и воля Божія». — «Я во время причастился; боюсь за Вѣру!» Потомъ слышно было: «Доктора!.. О Россія, Россія!.. Но все равно... Православіе распространится по всѣмъ...» — Потомъ онъ все говорилъ о Надечкѣ и Сонечкѣ, что онѣ амбаркировались въ Одессѣ, что бы соединиться съ нами; потомъ, что онѣ пріѣхали и спрашивалъ отчего онѣ неидутъ, а когда Вѣра сказала что ихъ нѣтъ здѣсь — онъ сказалъ: «я ихъ сейчасъ видѣлъ!» — Потомъ все говорилъ, что мы плывемъ назадъ на пароходѣ и когда увидѣлъ, что этого не было, сказалъ: «зачѣмъ же вы меня обманываете!» «Я вижу сонъ апостоловъ и самъ я посреди ихъ, но мнѣ никогда не сравняться съ ними! — Божественный Алексѣй Степановичъ [1])! — Мы соединены соединены семейною любовью, но любовь дѣтей къ родителямъ — это выше всего». — «Я хотѣлъ бы передать свои мысли о бракѣ — какъ въ бракѣ дѣти даютъ ему полное значеніе — судьба вырвала перо изъ рукъ».

Онъ часто звалъ Ивана и безпрестанно говорилъ: «о Вѣра! Вѣра!» Нѣсколько разъ, когда маменька подходила онъ просилъ отойти, говоря: «Вы знаете, что мнѣ теперь необходимо спокойствіе!» — Потомъ говорилъ: «Уважайте Вѣру во всей строгости!» — Потомъ сказалъ разъ: «Страшно!» Нѣсколько разъ крестился. — Къ Вѣрѣ и Ивану обращался нѣсколько разъ съ ласковыми словами и цѣловалъ Вѣрину руку. Мнѣ сказалъ: «Ты переплыла воду для маменьки!» — Я отвѣчала: «И для тебя, Константинъ!» — онъ возразилъ: «Знаю, но главное для маменьки — и это-то мнѣ пріятно». Потомъ сказалъ по французски: «Je voudrais écrire, mais le sort m'empêche». — Затѣмъ онъ сталъ какъ-то спокойнѣе, поцѣловалъ у маменьки руку и сказалъ: «теперь мнѣ спокойнѣе». Потомъ что говорилъ — трудно было понять, только можно было разобрать три раза повторяемые «аллилуіа!».

Это было съ 6-го на 7-е декабря. Дальнѣйшее повѣствованіе объ этихъ скорбныхъ дняхъ заимствовано изъ «Дневника» Вѣры Сергѣевны:

Утромъ 7-го Декабря все что нужно было уже сдѣлано. Мы сами, маменька и Иванъ дѣлали все. Когда пришелъ священникъ — отецъ Констан-

[1]) Хомяковъ.

тинъ—и еще кто-то, прочли по гречески панихиду или вродѣ обѣдни. Мы не имѣли даже утѣшенія слышать свои молитвы въ эти ужасныя минуты. Мы призвали какого-то дьячка — грека, чтобы читать псалтырь, и сама я и Люба стали попеременно читать псалтырь—мы по славянски. Этотъ дьячекъ читалъ съ усердіемъ, но на «аллилуіа» не поминалъ имени, мы растолковали ему это. Такъ прошелъ этотъ страшный день, такъ же прошла и ночь.

На другой день, 8-го было еще ужаснѣе, если можно; покрайней мѣрѣ возмутительнѣе. Вслѣдствіе притѣсненія со стороны властей — и вообще всѣхъ грековъ и англичанъ—необходимо было согласиться на бальзамированіе, иначе не хотѣли выпустить. Что было дѣлать — мы рѣшились; это было возмутительно больно, во всѣхъ отношеніяхъ. Константинъ никогда нехотѣлъ этого, намъ была эта мысль невыносима, но надобно было всему покориться. Сверхъ всего на цѣлыя сутки насъ удалили отъ него—и около него были только чужіе люди; что они надъ нимъ дѣлали! Въ этомъ отношеніи насъ нѣсколько успокоилъ Маркезини, который завѣрялъ Ивана всѣмъ на свѣтѣ, что онъ самъ будетъ относиться какъ къ святынѣ, какъ къ брату своему.

Мы должны были удалиться съ 7-ми часовъ утра: маменьку и меня повезли жена Сандрини и отецъ Доминичини въ церковь—(бывшій Екатерининскій монастырь), гдѣ была заказана обѣдня. Мы пріѣхали. Нѣсколько дней передъ тѣмъ мы были въ этой церкви — и войти въ нее опять, но уже при такомъ событіи, было тяжело. Мы подошли къ образамъ, стали молиться, но мнѣ сдѣлалось дурно. Начали служить обѣдню—но обряды какъ то не по нашему, многаго не достаетъ. Потомъ повезли насъ не прямо домой, а пришлось сперва зайти къ священнику этой церкви, подали обязательный кофе. Тамъ отецъ Констатинъ сталъ насъ распрашивать о Константинѣ, его жизни, его занятіяхъ и сказалъ, что хочетъ прочесть слово о немъ на другой день, послѣ обѣдни въ соборѣ, заказанной нами. Потомъ должны были заѣхать къ Сандрини въ домъ, выйдти, сидѣть тамъ и говорить— при этомъ страшномъ горѣ на душѣ! Наконецъ мы поѣхали домой... Въ этотъ день насъ не впустили къ нему въ комнату. Какъ это было мучительно тяжело! Мы читали псалтырь въ сосѣдней комнатѣ, въ углу возлѣ его двери, также попеременно съ грекомъ. А между тѣмъ шли толки по поводу разныхъ притѣсненій грековъ. Кажется интригамъ не было конца— и мы ихъ и разобрать не могли. Около насъ и о насъ заботились Доминичини. Такъ прошли этотъ мучительный день и наступившая за нимъ ночь.

9-го Декабря утромъ, въ пятницу, было еще мучительнѣе. Насъ долго не впускали въ его комнату. Это начало меня тревожить: я пошла на террасу, встала на стѣну, которою она была окружена и посмотрѣла въ окно его комнаты: возмутительно было видѣть много людей ходившихъ въ этой комнатѣ и что-то дѣлавшихъ—а онъ лежитъ такъ же спокойно. Меня увидѣлъ Доминичини и пришелъ сказать, что священникъ насъ дожидается.

Мы вошли въ комнату и увидѣли опять Константина: онъ лежалъ все также; такъ былъ хорошъ, такое святое спокойствіе было на его лицѣ— и нельзя было глазъ оторвать и всякое возмущеніе утихало. Мы почти съ радостью глядѣли на него и немогли наглядѣться: мы такъ боялись, чтобъ что нибудь не сдѣлали надъ нимъ, не исказили его черты. Пришелъ отецъ Константинъ и отслужилъ что-то вродѣ панихиды — и тутъ же дѣлались страшныя приготовленія и такъ все неловко и неумѣло брались за все, что намъ самимъ приходилось обо всемъ заботиться, доказывать имъ, что все коротко, все не такъ. Мы сами указывали все. Мнѣ такъ хотѣлось сохранить его прекрасныя черты съ этимъ святымъ выраженіемъ: фотографіи не оказалось на островѣ, я рѣшилась сама нарисовать и нарисовала — имѣла духъ нарисовать тебя, моего друга Константина! И какъ я довольна, что я это сдѣлала! Вскорѣ пришли, положили его въ гробъ! Какъ было ужасно это видѣть, какъ они это дѣлали! Маменьку увели — и мы оставались и также берегли его отъ всякихъ ихъ неловкихъ пріемовъ; послѣ того пришелъ священникъ, отслужилъ что-то вродѣ отпѣванія — только маменька не дала положить земли, въ надеждѣ, что въ Москвѣ русской земли положать. Хотѣли потомъ просто закрыть! До чего возмутительно намъ было все это видѣть — что дѣлается не такъ, какъ у насъ, безъ свѣчей, безъ пѣнія, не въ церкви! Я думала что съума сойду! Взяла панихиду по славянски и прочла ее сама вслухъ у милаго Константина! Послѣ того мы простились и дали закрыть. Не могу вспомнить, что было съ нами! Боже мой, за что такое наказаніе, думали мы и надъ такимъ человѣкомъ! За что мы лишены единственнаго утѣшенія или по крайней мѣрѣ подкрѣпленія въ эти страшныя минуты! Все же наши обряды, невольно отрываютъ душу отъ подавляющаго ее ужаснаго зрѣлища!

Но уже стемнѣло, надо было ѣхать. Вынесли — и мы переступили порогъ этого несчастнаго для насъ жилища оставили навсегда его — и эту комнату, гдѣ совершилось для насъ это роковое, но святое событіе. Поставили гробъ на дроги, на вѣтви лавровъ и кипарисовъ и повезли его на себѣ люди. Я съ маменькой сѣла въ коляску, а Люба съ Иваномъ пошли за гробомъ пѣшкомъ. Мы стали спускаться съ горъ. Яркій мѣсяцъ озарилъ эту картину, обрисовывая ясно дорогу, горы надъ моремъ, деревья и ущелья. Когда мы приближались къ церкви — стали звонить. Все это было какъ бы во снѣ: Боже мой! гдѣ мы, что съ нами, какая природа насъ окружаетъ?! И вотъ на лаврахъ, на кипарисахъ веземъ мы Константина!..

Наконецъ мы спустились къ городу. Я забыла сказать, что въ минуту нашего отъѣзда принесли записку, извѣщавшую что архіерей дожидаетъ насъ въ соборѣ и хочетъ самъ отслужить панихиду и потому мы не могли ѣхать въ Екатерининскую церковь, какъ предполагали прежде. Впереди процессіи шелъ какой то священникъ; въ городѣ насъ встрѣтили и сопровождали толпы народа. Вдругъ какой то англичанинъ солдатъ, на лошади

въѣхалъ въ толпу и ставъ вплотную къ намъ, сопровождалъ насъ, пока мы не остановились у собора. Онъ насъ возмутилъ до глубины души. Въ соборѣ было все готово: архіерей очень торжественно самъ отслужилъ панихиду. Эта почесть церковная и торжественная служба подѣйствовали на насъ примирительно. Вокругъ гроба разбросали вѣтьви лавра и кипариса. Когда архіерей сказалъ «Вѣчная память»—весь народъ повторилъ эти слова три раза. Послѣ этого архіерей подошелъ къ маменькѣ и что-то сказалъ, что намъ перевели. Потомъ мы простились, приложились и должны были уѣхать къ Сандрини, гдѣ и ночевали.

На другой день 10-го декабря, отправились въ соборъ, ожидая, что тамъ будутъ служить заупокойную обѣдню. Насилу поняли другъ друга, что обѣдни при гробѣ не служатъ и должны были удовольствоваться панихидой, послѣ которой священникъ продолжалъ читать псалтырь—а мы остались у гроба читать по славянски. Кто то положилъ цвѣты на гробъ. Въ 2 часа прислали сказать, что пароходъ въ виду и надобно собираться. Мы пошли пѣшкомъ, собрались и опять поѣхали въ соборъ, гдѣ архіерей самъ хотѣлъ отслужить панихиду, но онъ еще не успѣлъ кончить, какъ намъ пришли сказать, что капитанъ парохода (грекъ, который взялъ за провозъ гроба какъ за 4 мѣста I-го класса)—не хочетъ ждать и уйдетъ! Что было дѣлать!—такъ спѣшили, что едва дали архіерею кончить панихиду и оставивъ ему покровъ—поспѣшно понесли гробъ на рукахъ къ пристани. Съ нами пошло множество народа- Гробъ поставили въ одну лодку, мы сѣли въ другую—и тамъ покинули злосчастный Занте. Вотъ какъ мы везли оттуда назадъ въ Россію милаго Константина!

Мы подъѣхали къ пароходу съ одной стороны—а гробъ подвезли съ другой. Вдругъ мы видимъ, что они хотятъ его спустить въ трюмъ! Маменька закричала увидавъ это, сказала что этого не допуститъ, хочетъ чтобы поставили на палубу. Капитанъ и другіе увѣряли, что въ трюмѣ лучше, что здѣсь можетъ залить водой—но маменька настояла—и они привязали гробъ къ рѣшеткѣ палубы, сверху спустили палатку. Мы успокоились и сѣли около гроба на крышку трюма. Вскорѣ мы снялись съ якоря—началась буря и страшная качка. Волны захлестывали на палубу, пароходъ былъ винтовой, черпалъ воду бортами; насъ уговаривали сойти внизъ, но мы не согласились, сидѣли всѣ возлѣ Константина: казалось что внизу будетъ хуже. Самъ капитанъ и матросы едва могли держаться на ногахъ опершись или ухватившись за что нибудь. Я какъ то встала—матросъ хотѣлъ меня поддержать—но мы оба упали: въ это время пароходъ такъ нагнулся, что говорятъ волна могла насъ снести. Но это было для насъ тогда все равно и ни на минуту страхъ или мысль объ опасности не приходили намъ въ голову. Наконецъ уже поздно вечеромъ мы сошли совсѣмъ мокрые отъ морской воды. Пароходъ сталъ на якорь и все успокоилось. Часовъ въ 10 подали обѣдъ—днемъ готовить не могли. Мы кое какъ уснули.

Весь экипажъ и пассажиры уговаривали капитана не сниматься съ якоря, потому что буря была еще сильна; машинистъ говорилъ даже что не ручается за машину—а машина была только одна—но капитанъ грекъ, адріатъ, всетаки приказалъ сняться съ якоря и рано утромъ началось опять тоже и еще худшее мученіе. Мы было вышли на палубу—но скоро маменька и я снова сошли внизъ. Видъ моря былъ ужасенъ. Волны какъ горы со всѣхъ сторонъ неслись на пароходъ, который нырялъ по нимъ и во всѣ стороны его такъ кидало, такъ заливало волнами и брызгами! Любинька съ Иваномъ остались на палубѣ—и часовъ десять къ ряду Любинька лежала держась за веревку. Но мы съ маменькой сошли въ общую залу: я лежала совсѣмъ въ безпамятствѣ а маменька сидѣла на скамеечкахъ принесенныхъ съ палубы. Наконецъ въ 10 час. вечера мы стали на якорь. Мы перебрались въ дамскую каюту—но вода проникла даже туда и подмочила наши вещи. Опять всѣ обѣдали въ 11 часу ночи. По утру буря стихла, но море еще внутри бушевало и качка была сильная.

Около полудня подъѣхали къ Корфу. Было 12-ое декабря—праздникъ Св. Спиридонія—и звонъ церковный доносился съ берега. Въ бухтѣ стояло 8 англійскихъ военныхъ пароходовъ на которыхъ играла музыка—праздновали кажется канунъ Рождества. Долго насъ не пускали на берегъ—столько было хлопотъ получить позволеніе вынести на берегъ гробъ—согласились только съ тѣмъ, чтобы закрыть его всѣми вещами, чтобы нельзя было догадаться — и тому подобное. Къ тому же, по случаю праздника все начальство было въ церкви и долго нельзя было никого добиться. Мы сидѣли всѣ на палубѣ и какъ могли читали или псалтырь или панихиду—а кругомъ шелъ такой шумъ, звонъ и музыка перемѣшивались. Между прочимъ намъ указали русскій пароходъ, стоявшій тоже на якорѣ. Наконецъ Иванъ, хлопотавшій на берегу, воротился съ позволеніемъ, и сперва спустили гробъ въ одну лодку, потомъ сѣли сами въ другую. На берегу гробъ поставили на какія то дроги, обложили вещами и отправили сначала къ какому то чиновнику. Намъ нельзя было слѣдовать за гробомъ, мы должны были уѣхать—причемъ остался Иванъ который и отправился оттуда въ церковь Sanita при таможнѣ, гдѣ и поставили гробъ. Мы поѣхали въ гостинницу—сушить наши шубы, пальто и все платье, которое перемокло все. Въ Корфу гостинница прекрасная не то, что въ Занте: мы думали зачѣмъ мы не остались тутъ, въ удобномъ помѣщеніи, при докторахъ, гдѣ все можно было достать! Потомъ поѣхали мы въ карантинъ, гдѣ въ церкви, построенной на берегу моря, стоялъ предъ Царскими вратами гробъ. Оказалось, что обѣдню тутъ служить нельзя—мы помолились и вернувшись сюда на другой день отслужили панихиду.

Въ памяти у меня это взморье, темныя волны и плескъ ихъ безпрестанный—и на самомъ берегу эта маленькая церковь, дверь изъ которой выходила прямо на море — и въ этой маленькой церкви у Царскихъ вратъ — гробъ Константина.

Вернувшись домой, мы купили чернаго сукна и сами сшили покровъ— дѣвушка наша праздновала въ этотъ день Рождество и не хотѣла намъ помогать.

На другой день, 14-го декабря въ среду, опять ѣздили въ карантинную церковь. Тамъ шли толки, что надо зашить гробъ въ клеенку, въ циновки— такъ чтобы не видно было что это гробъ. Возмутительно тяжело было это— но что же было дѣлать! Послѣ обѣда мы опять поѣхали въ церковь съ Любинькой; и Иванъ съ Доминичини (сопровождавшимъ насъ съ Занте до Корфу) были съ нами. Были позваны люди чтобы зашить—но они брались за это такъ возмутительно грубо, такъ неосторожно, что мы возмущались ежеминутно и наконецъ сами принялись зашивать въ клеенку и потомъ завертывать въ циновки и завязывать веревками. Измученные нравственно и тѣлесно, возмущенные духомъ мы вернулись домой. У насъ сидѣлъ Миссури, вице-консулъ. На слѣдующій день долженъ былъ придти пароходъ съ которымъ мы должны были отплыть.

По утру 15-го Декабря мы ходили опять въ церковь отдали священнику покровъ—такой же какъ на Занте, потомъ вернувшись въ гостинницу собрались въ путь и отправились на пароходъ. Гробъ уже былъ поставленъ на палубу. Мы постоянно, когда могли, сидѣли возлѣ него, читали псалтырь или панихиду, молились и прикладывались украдкой. Маменька просила капитана и матросовъ, чтобы съ уваженіемъ обращались — и всѣ были очень внимательны; большею частью все славяне, хотя и католики, но гораздо человѣчнѣе и безкорыстнѣе грековъ. Здѣсь капитанъ парохода взялъ плату за гробъ только какъ за одно мѣсто. Нѣкоторые матросы далматинцы говорили почти по русски. На пароходѣ были два болгарина, купцы, которые увидавъ у насъ славянскія книжки, панихиды—попросили почитать.

Не помню какъ уже мы проплыли эти два дня и наконецъ подъѣхали къ Тріэсту. Тутъ опять затрудненія со стороны австрійскихъ чиновниковъ — долго насъ не пускали съ парохода и мы сидѣли на палубѣ подъ дождемъ. Наконецъ Ивану удалось уладить все какъ слѣдуетъ и мы могли сѣсть въ лодку и поѣхать.

Это было 16 Декабря въ пятницу. Такъ не давно еще мы отправились изъ Тріэста вмѣстѣ съ милымъ Константиномъ — а теперь везли его въ гробу. Насъ встрѣтилъ Опуичъ съ искреннимъ участіемъ, посадилъ насъ въ карету и повезъ — а Иванъ поѣхалъ съ гробомъ въ церковь Славянскую, гдѣ и поставили его. Мы пріѣхали въ гостинницу мокрыя, прозябшія, должны были все смѣнить, переодѣться — и потомъ поѣхать въ церковь. Тамъ посреди ея стоялъ гробъ, покрытый чернымъ покровомъ. Наконецъ мы въ Славянской церкви, думаемъ мы, прекратятся всѣ мытарства, чрезъ которыя мы постоянно проходили до сихъ поръ въ греческихъ земляхъ — но мы ошиблись.

Была у насъ Анна Петровна Зонтагъ — она была и поражена и огор-

чена нашимъ несчастіемъ. Она и Опунчъ уѣхали — и мы только думали отдохнуть — какъ вдругъ приходитъ отецъ Николай, славянскій священникъ, и говоритъ, что къ сожалѣнію Община, которой принадлежитъ церковь, не соглашается оставить гробъ въ церкви, потому что въ воскресенье соберется народъ и это будетъ всѣмъ непріятно, что надо отвести въ дальнюю кладбищенскую церковь. Возбужденные новымъ притѣсненіемъ, мы не знали что дѣлать. Иванъ, тоже возмущенный, переговорилъ съ отцемъ Николаемъ и поѣхалъ къ старшинамъ Общины и уговорилъ ихъ оставить до завтра утра гробъ въ ихъ церкви, чтобы отслужить завтра, (т. е. въ субботу) заупокойную обѣдню. Они наконецъ согласились. Это богатые купцы, изъ Сербовъ — но враги Опунча и вѣроятно изъ мести къ нему желали насъ притѣснить. Иванъ воротился успокоенный и насъ успокоилъ. Вечеромъ къ намъ пріѣхалъ нашъ вице-консулъ Миссури, оказавшій намъ большое вниманіе. Вдругъ его вызвали и онъ повернулся; Иванъ тоже ушелъ. Насъ это встревожило—но Иванъ вернувшись успокоилъ насъ, сказавъ не помню что то. На другой день утромъ мы стали собираться къ обѣднѣ, Иванъ насъ все задерживалъ, намъ это показалось страннымъ — но наконецъ мы поѣхали. Въ церкви гробъ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Началась заупокойная обѣдня на понятномъ языкѣ и наконецъ тамъ въ первый разъ пропѣли заупокойные стихиры по-славянски; за обѣдней были Опунчъ, Анна Петровна съ дочерью Когда мы воротились домой, намъ сказали, что тотчасъ послѣ обѣдни гробъ должны были перевести въ греческую церковь, Иванъ самъ сопровождалъ его.

На другой день въ воскресенье утромъ, 18 Декабря мы поѣхали въ эту греческую церковь. Она стояла на высокой горѣ и надобно было взбираться туда по высокой лѣстницѣ. Въ церкви стоялъ гробъ. Никого молящихся, кромѣ насъ не было.

Вечеромъ въ этотъ день мы должны были ѣхать въ Вѣну, по желѣзной дорогѣ — и сколько Ивану тутъ пришлось хлопотать, сколько преодолѣвать затрудненій, притѣсненій относительно отдѣльнаго вагона!.. Изъ Тріэста мы телеграфировали въ Петербургъ Дмитрію Оболечскому прося его сообщить о нашемъ горѣ и въ Москву. Наконецъ вече[illegible]мъ въ 8 час. мы тронулись въ путь; гробъ былъ поставленъ въ товар[illegible] [illegible]агонъ, который шелъ съ нашимъ же поѣздомъ. Насъ провожалъ Опунч[illegible] [illegible]утки ѣхали по той же самой дорогѣ, по которой еще недавно ѣхали вмѣстѣ съ дорогимъ Константиномъ, и любовались съ нимъ видами. Теперь же, Боже мой, какой ужасъ былъ въ душѣ, какъ страшно представлялась намъ наша жизнь впереди, безъ него, но у насъ одна была мысль, одна была забота: — довести его до Москвы и тамъ положить его рядомъ съ Отесинькой.

Вечеромъ пріѣхали мы въ Вѣну. Насъ встрѣтилъ отецъ Раевскій — который такъ недавно еще провожалъ насъ изъ Вѣны и благословилъ Константина на дорогу; свиданіе было такъ тяжело. Мы отправились къ Раев-

скимъ — а Иванъ съ отцемъ Раевскимъ остались, чтобы при себѣ вынести изъ вагона гробъ и перевезти его въ церковь. Отецъ Раевскій хотѣлъ послать Ивана впередъ, такъ какъ онъ былъ нездоровъ; это насъ встревожило, я вернулась назадъ на вокзалъ, но Ивана уже не застала, а отецъ Раевскій хлопоталъ одинъ. Между тѣмъ и маменьки съ Любинькой не оказалось у Раевскихъ: наконецъ мы узнали, что они въ церкви, этажемъ ниже. Насъ приняли жена и дочь священника. Все было для насъ готово— но мы не могли лечь и уснуть, покуда не перевезли Константина. Мы опять перетревожились — столько уже было неприятностей и мытарствъ, что мы ожидали новыхъ. Наконецъ въ первомъ часу только возвратился Михаилъ Өедоровичъ: мы слышали, какъ онъ что-то разсказывалъ Ивану— и очень перетревожились; но Иванъ пришелъ и успокоилъ; точно: нѣмцы затруднялись какъ перевезти гробъ и чуть ли не хотѣли употребить машину, но отецъ Раевскій все устроилъ и ночью же перевезли останки Константина и поставили гробъ съ ними въ Посольскую церковь.

На другое утро, 20-го Декабря, мы всѣ пошли въ церковь; отецъ Раевскій отслужилъ панихиду наконецъ въ русской церкви, той самой, гдѣ незадолго передъ тѣмъ мы вмѣстѣ были и гдѣ милый другъ нашъ Константинъ молился вмѣстѣ съ нами; вечеромъ опять служили панихиду — и такъ каждый день. Мы пріѣхали въ понедѣльникъ вечеромъ и предполагали отдохнувши ѣхать дальше дня черезъ два — но отецъ Раевскій уговорилъ насъ остаться до пятницы (23-го), потому что хотѣлъ напечатать въ газетахъ извѣстіе объ этомъ, а въ пятницу предполагалось отслужить общую панихиду или отпѣваніе, для того, чтобы могли славяне собраться. Но прежде нежели напечатали, славяне узнали и прислали депутацію: человѣкъ 20 пришли съ изъявленіемъ желанія присутствовать при панихидѣ и просить позволенія самимъ имъ пропѣть своимъ хоромъ, Станкевичемъ положенные на ноты Сербскіе напѣвы. Глубоко тронутый, пришелъ Раевскій намъ сообщить объ этомъ. Въ четвергъ онъ служилъ заупокойную обѣдню (такъ какъ въ пятницу былъ сочельникъ и нельзя было служить обѣдни). И въ четвергъ во время обѣдни пришли четверо уніатскихъ священниковъ Галичанъ, а въ пятницу собралось человѣкъ болѣе ста славянъ и хоръ Станкевича запѣлъ «Святый Боже». Послѣ панихиды отецъ Раевскій сказалъ прекрасное слово къ славянамъ о Константинѣ. Послѣ всего маменька обратилась къ славянамъ и благодарила ихъ за любовь и честь, отданныя ее сыну.

Вечеромъ въ этотъ день мы уѣхали; Раевскіе провожали насъ.

НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ ОЛЬГИ СЕМЕНОВНЫ АКСАКОВОЙ КЪ М. Ѳ. РАЕВСКОМУ.

Къ припискѣ къ письму И. С. Аксакова къ М. Ѳ. Раевскому отъ 9 Января 1861 г.—первому писанному изъ Москвы послѣ погребенія Константина Сергѣевича, (стр. 40, № 21) говорится: «Маменька сама будетъ писать вамъ». И Ольга Семеновна, движимая чувствомъ признательности за то искреннее участіе, которое ей и ея семьѣ было оказано во время скорбнаго ея пребыванія за границей М. Ѳ. Раевскимъ и его семьей, написала вслѣдъ за И. С. къ М. Ѳ. Раевскому и затѣмъ время отъ времени продолжала съ нимъ и семьей его поддерживать переписку. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ немногочисленныхъ писемъ Ольги Семеновны къ Раевскимъ служащія дополненіемъ къ той Аксаковской хроникѣ въ письмахъ, которую представляетъ переписка Ивана Сергѣевича Аксакова.

1.

Г. Тріестъ, 29 Ноября 1860 г.

Многоуважаемый, добрѣйшій Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Уѣзжая съ вашими молитвами на Занте и садясь на пароходъ «Калькутту» не могу не выразить вамъ и Аннѣ Ѳеодоровнѣ и милой дочери вашей мою сердечную благодарность, до глубины проникшую. Всю дорогу была полна воспоминаніями вашего радушія, вашего родственнаго участія къ сыновьямъ и ко всѣмъ намъ; время было теплое, такъ что Любинька скинула даже мантилью и шляпку; мѣста живописныя, дорога чудная и можно бы наслаждаться, если бы Константинъ мой былъ здоровѣе, а здѣсь у него былъ лихорадочный пароксизмъ. Мы такъ обязаны Христофору Петровичу Опуичу, онъ все намъ

устроилъ и много разъ насъ посѣщалъ. Все же васъ мы благодаримъ за него. Анна Петровна Зонтагъ — и дочь ея были у насъ — съ Анной Петровной мы въ Москвѣ были знакомы. Сейчасъ пріѣхали Кожевниковы, жаль очень, что мы только немного съ ними пробудемъ.

Прощайте, добрѣйшая и почтеннѣйшая семья русская, всѣ мы васъ истинно полюбили и съ благодарностью вспоминаемъ. Обнимаю васъ всѣхъ, Людмилочку цѣлую особенно. Прошу молитвъ вашихъ, да напутствуютъ онѣ насъ вездѣ. Душевно преданная и истинно уважающая васъ

Ольга Аксакова.

Добрѣйшему кн. Алекс. Дмитр. Гагарину скажите мое искреннее отъ души привѣтствіе.

2.

17-е Января 1861 г.

Благодѣтельный и всѣмъ сердцемъ моимъ уважаемый и любимый Михаилъ Ѳедоровичъ.

Давно собиралась вамъ писать, но рука не подинмалась — сколько прошло черезъ мою душу ощущеній, что дивлюсь, какъ человѣкъ жить можетъ: свиданіе на желѣзной дорогѣ передъ Петербургомъ съ сыномъ [1]), потомъ съ родными, друзьями и въ Москвѣ съ дочерьми, изъ которыхъ больной сказали за часъ до моего пріѣзда — и на другой день погребенье и полное отпѣванье, и при 24-хъ градусахъ мороза, при сильномъ вѣтрѣ и метели — проводы моего Константина въ далекій монастырь Симоновъ на вѣчную жизнь и покой, рядомъ съ отцемъ его, столь сильно имъ любимымъ; все это вы, Михаилъ Ѳедоровичъ, преисполненный такихъ нѣжныхъ чувствъ, поймете, какъ сильно должно потрясти материнскую душу; но всѣ эти потрясенія не оставили слѣда на мнѣ, я здорова, здоровѣе моей дочери Вѣры, которая не выдержала и теперь разстроена. Среди всего, что я вынесла — общая любовь друзей и знакомыхъ къ моему Константину умиляетъ меня, но болѣе всего душа моя наполняется самою полною и истинною благодарностью къ вамъ, достойнѣйшій Михаилъ Ѳедоровичъ, вы первый влили отраду въ мое растерзанное сердце и сохранили жизнь мою; со слезами вспоминаю тѣ пять дней, проведенныхъ у васъ въ домѣ и всѣ заботы вашего благословеннаго семейства и этого чистаго, милаго ребенка Людмилу; одинъ Богъ можетъ вознаградить за все, я и выразить никогда не съумѣю и горячо молюсь только за васъ. Я думаю вамъ Иванъ писалъ всѣ подробности и какъ мы опоздали по желѣзной дорогѣ и пріѣхавши наканунѣ Новаго года не могли никакъ

---

[1]) Съ Григоріемъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ.

видѣть вашего сына и въ Новый Годъ самый мы выѣхали, чтобы 3-го числа совершить погребенье. Митрополитъ Филаретъ дозволилъ открыть при отпѣваніи гробъ и я, и всѣ увидѣли не измѣнившагося моего Ангела Константина и простились съ нимъ на вѣки. Вчера исполнилось 40 дней. Университетъ отъ себя пригласилъ на панихиду черезъ газеты въ свою церковь и помянули тамъ еще и Хомякова и Ганку.—Мы своей семьей ходили въ Симоновъ, въ тѣ-же 24 градуса мороза.

Простите добрѣйшій другъ нашъ, вѣрьте, что пребываніе у васъ не смотря на горе останется свѣтлымъ воспоминаніемъ моего несчастнаго путешествія. Пока жива, душою преданная вамъ

Ольга Аксакова.

Скажите отъ меня кн. Гагарину мой душевный поклонъ.

3.

Вотъ стихи, которыя были читаны вчера въ публичномъ засѣданіи Общества любителей русской словесности, при множествѣ слушателей — мнѣ захотѣлось сообщить вамъ, нашъ добрый и уважаемый сердечно другъ Михаилъ Ѳедоровичъ; и вчера же читаны и стихи Хомякова: «Вставайте, оковы распались»—и Константиновы: «Свободное Слово». Съ сильнымъ участіемъ прослушали ихъ, но не произвели они тѣхъ волненій, которыхъ напрасно боялись и въ силу чего прошлаго года не рѣшились прочесть, не смотря на желаніе и просьбу Константина; такъ мнѣ больно это, какое бы наслажденіе было для него услышать ихъ публично! Теперь и съ каѳедры Костомаровъ, профессоръ въ Петербургѣ, сказалъ рѣчь о заслугахъ и значеніи Константина въ исторіи и литературѣ и полторы тысячи было слушателей и всѣ рукоплескали; а сколько злыхъ было нападокъ! Боже мой! неужели надо умереть, чтобы отдали справедливость человѣку, а при жизни ни чѣмъ не былъ утѣшенъ, ни какимъ проявленіемъ! Скорбитъ моя душа о томъ!

Пришлю вамъ рѣчь Лонгинова о Константинѣ. Всѣ журналы теперь заговорили.

Ваше послѣднее письмо очень меня встревожило, вы пишите, что Анна Ѳедоровна нездорова — съ нетерпѣніемъ жду писемъ вашихъ и увѣдомленія. Я пересказать не могу какъ вы близки моему сердцу. Да благословитъ васъ Господь, помолитесь за насъ. Всею душею преданная вамъ

Ольга Аксакова.

4.

Конецъ Марта 1864 г.

Добрѣйшій, душевноуважаемый Михаилъ Өедоровичъ!

Можетъ уже дошла вѣсть до васъ о моемъ новомъ несчастіи: не стало моей доброй, умной дочери Вѣры, не стало моего истиннаго друга и поддержки и наставницы и совѣтницы сына моего Ивана.—Я и пишу къ вамъ добрѣйшій, сочувствующій намъ Михаилъ Өедоровичъ, увѣрена совершенно что вы примете это сердцемъ: она кончила свою земную жизнь 24-го Февраля, почти тою же болѣзнью какъ и Константинъ, и съ такимъ же полнымъ сознаніемъ и съ такою же за мѣсяцъ готовностью къ кончинѣ своей; помолитесь о ней, нашъ любимый Михаилъ Өедоровичъ—вы такъ тепло молились за Константина, я никогда этого не забуду. Во время болѣзни ея, я получила ваше доброе письмо и тутъ то узнали, что мое письмо, написанное и адресованное къ Людмилѣ вашей и отданное для посылки Ивану Сергѣевичу не было отослано и что Иванъ его затерялъ въ бумагахъ своихъ и не сказалъ мнѣ прежде о томъ. Я твердо увѣрена, что прочтя мое письмо добрая Анна Өедоровна и Софья Михайловна и моя милая Людмилочка пожалѣютъ обо мнѣ, старухѣ семидесяти одного года, похоронившей столькихъ лучшихъ, старыхъ дѣтей; Церковь и наша православная, великопостная служба бодро держатъ меня на ногахъ; видно такъ Господь судилъ. Прощайте, добрѣйшій Михаилъ Өедоровичъ, мнѣ сердцемъ хотѣлось сообщить вамъ о нашемъ горѣ великомъ, — помолитесь, она такъ просила всѣхъ молиться о ней. Пошли вамъ Господь всѣмъ здоровье и утѣшеніе въ семьѣ вашей на долгія, долгія лѣта. Всѣ мои помнятъ и любятъ васъ и всю семью вашу и я всегда преданная вамъ.

Ольга Аксакова.

5.

Москва. 8-го Января 1865.

Благодарю васъ, истинно-добрѣйшій и душевно многолюбимый и уважаемый Михаилъ Өедоровичъ, за ваше привѣтствіе, какъ къ нашимъ праздникамъ христіанскимъ, такъ и къ новому гражданскому году. Благодарю васъ отъ сердца; и вы вспомнили и я, въ одно и то-же время, тѣ дни, которые провели мы у васъ, все радушіе ваше и достойнѣйшей Анны Өедоровны, всѣ ея внимательныя попеченія о насъ. И вотъ самаго лучшаго, самаго любящаго члена въ семьѣ — нѣтъ съ нами; нѣтъ моей Вѣры! О! какъ высока была душа ея — могу теперь это сказать; она любила и живо помнила всю семью вашу! Пошли вамъ Господь на долгія лѣта сохранить ваше живое и истинное русское участіе и духъ русскаго, въ совершенномъ здоровьи со всѣми дѣтьми и близкими сердцу. Душа моя иногда переполняется

горестію; сильно чувствую потерю моихъ необыкновенныхъ, въ полномъ смыслѣ нравственныхъ дѣтей моихъ; утѣшаюсь тѣмъ, что имъ тамъ лучше, но думаю, что они и на землѣ были бы полезны — мой Константинъ и Хомяковъ—а я собственно для себя должна благодарить Бога, что окружена такими попеченіями дочерей и сына Ивана; и Гриша, сынъ мой, пріѣзжалъ изъ Уфы, и недѣлю только могъ прожить съ нами. А бѣдный мой Иванъ такъ бьется съ своимъ «Днемъ» безъ помощника, безъ сотрудниковъ совершенно; большая часть уѣхали въ Варшаву. Сердце мое болитъ глядя на его непомѣрные труды къ тому же и средства такъ ограничены, что не возможны большіе расходы—Вѣра моя своимъ умомъ и проницаніемъ много ему помогала совѣтами, а теперь онъ одинъ: Господь помощникъ!

Я много вамъ написала и все о себѣ—не сказала что Россія или лучше русскіе невесело встрѣтили новый годъ. Такое торжество нѣмцамъ и полякамъ и все коварство—на верху счастія и успѣховъ. Помолитесь о Россіи—страшно куда ее поведутъ. Уже повели дорогу на Кременчугъ а не на Кіевъ! Прощайте, пишите намъ, помните и любите насъ какъ и прежде.

Преданная вамъ.

Ольга Аксакова.

6.

Москва, начало Октября, 1865 г.

Душевно уважаемый, добрѣйшій

Михаилъ Өедоровичъ! Давно ничего о васъ не знаю; не знаю также и о семействѣ вашемъ, которое сердечно люблю; но увѣрена, что вы насъ незабываете и расположены по прежнему; вотъ поэтому-то и хочу вамъ сообщить, что ваше постоянное желаніе исполнилось: Иванъ мой женится на знакомой вамъ, полагаю, Аннѣ Өедоровнѣ Тютчевой, которая оставляетъ Дворъ и поселяется съ Иваномъ въ нашей подмосковной Абрамцевѣ. Вы и ваша достойная Анна Өедоровна примите это къ вашему теплому сердцу какъ самый близкій нашъ.

Съ іюня мѣсяца это рѣшеніе было въ секретѣ, но теперь прорвалось и скрывать невозможно. Сватьба ближе не можетъ быть Января—надо «День» докончить; Иванъ усталъ отъ него физически и морально—сотрудниковъ и помощниковъ нѣтъ, все на его одних плечахъ. А я съ моимъ теперь маленькимъ семействомъ, тремя дочерьми, думаю нанять маленькой домикъ поближе къ зятю и дочери [1]), а весной возьму маленькую дачку около Симонова монастыря, поближе къ дорогимъ могиламъ.

---

[1]) Марія Сергѣевна, замужемъ за Томашевскимъ.

Вотъ вамъ, добрѣйшій Михаилъ Өедоровичъ, отчетъ о насъ; я только могу благодарить Бога за счастье Ивана моего. Господь награждаетъ его такою необыкновенною дѣвушкою, молюсь и васъ прошу молиться за ихъ здоровье и благоденствіе.

Обнимаю мою достойнѣйшую Анну Өедоровну, мою умную, любимую Людмилу, Софью Михайловну съ семьей—да скажите гдѣ вашъ сынъ и какъ онъ идетъ? Все желаю знать, а сама вамъ душевно преданная—

Ольга Аксакова.

7.

Москва, 21-го Декабря 1867 г.

Прошло ровно семь лѣтъ моего горькаго пребыванія у васъ, достойнѣйшій и мною любимый Михаилъ Өедоровичъ и Анна Өедоровна, и никогда не забуду вашихъ ласкъ, горячаго участія. Тѣперь мнѣ и вспомнить, и раздѣлить не съ кѣмъ, нѣтъ моихъ друзей, моихъ дорогихъ дочерей, ни Вѣры, ни Любови, которыя всегда съ благодарностью къ вамъ вспоминали это время; Иванъ мой имѣетъ свои горести и заботы; съ сердечной болью смотрѣла я на него это время и благодарила Бога—съ какимъ терпѣніемъ и благодушіемъ онъ переносилъ и страданія и болѣзнь Анны Өедоровны и смерть здороваго, большого мальчика, и прочія непріятности, и несправедливости, и придирки по газетѣ.

Я живу съ моими оставшимися мнѣ дочерьми—съ Надинькой и Соничкой [1]), а Машенька съ своимъ добрымъ мужемъ не такъ близко отъ меня и Иванъ съ новой типографіей живетъ довольно далеко, но видимся каждый день. Лѣтомъ ѣздили въ Самару къ сыну, тамъ пила Надя кумысъ, но ей онъ не сдѣлалъ большой пользы. Здоровьемъ не могутъ похвалиться и эти мои дочери—одна я здоровѣе всѣхъ.

Скажите же мнѣ о себѣ, о Софьѣ Михайловнѣ, о Людмилѣ — я такъ ихъ люблю и не забываю никогда, особенно мою дорогую, мою милую Людмилу, да благословитъ ее Господь во всѣхъ путяхъ жизни ея. Дайте же мнѣ о себѣ вѣсть, прошу васъ, хотя черезъ Ивана. Я живу въ приходѣ Благовѣщенія на Тверской, домъ Иловайскихъ, близь Глазной больницы. Думала васъ видѣть, мой любезнѣйшій Михайло Өедоровичъ, вмѣстѣ съ Славянами, но не случилось. Прощайте, будьте здоровы; съ нашими православными праздниками поздравляемъ всѣхъ васъ и цѣлую по русски. Ваша преданная душею

Ольга Аксакова.

---

[1]) О кончинѣ Любовь Сергѣевны сообщается въ письмѣ И. С. Аксакова М. Ө. Раевскому отъ 8 Марта 1867 г. (№ 54).

Опасенія, высказанныя Ольгой Семеновной Аксаковой въ письмѣ отъ 21 Декабря 1867 г., о плохомъ здоровьи ея дочери Надежды сбылись еще при жизни престарѣлой Ольги Семеновны: Надежда Сергѣевна скончалась въ 1869 г. Вотъ скорбный списокъ, указывающій какъ постепенно таяла сплоченная семья Сергѣя Тимофѣевича Аксакова на глазахъ Ольги Семеновны:

Сергѣй Тимофѣевичъ	†	30	Апрѣля	1859	г.
Константинъ Сергѣевичъ	†	7	Декабря	1860	»
Ольга Сергѣевна	†	31	Іюля	1861	»
Вѣра Сергѣевна	†	24	Февраля	1864	»
Любовь Сергѣевна	†	5	Марта	1867	»
Надежда Сергѣевна	†	12	Сентября	1869	»

Всѣ они похоронены въ Москвѣ, въ оградѣ Симонова монастыря. Рядомъ съ Сергѣемъ Тимофѣевичемъ покоится и прахъ Ольги Семеновны Аксаковой, † 2 Мая 1878 года.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА:

	страницы:
Письма къ М. Ѳ. Раевскому	1— 99
Письма къ А. Ѳ. Тютчевой	101—179
Письма къ графинѣ А. Д. Блудовой	181—256
Письмо къ Н. И. Костомарову	257—263
Отвѣтъ Н. И. Костомарова	263—268
Письма къ Н. П. Гилярову-Платонову	269—297
Выдержка изъ письма къ Ек. Ѳ. Тютчевой	279—281
Письмо къ Д. Ѳ. Тютчевой	294—297

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Объявленіе о прекращеніи газеты «Парусъ»	2
Выдержки изъ «Дневника» Вѣры Сергѣевны и «Замѣтокъ» Любовь Сергѣевны Аксаковыхъ	4—24
Нѣкоторыя письма Ольги Семеновны Аксаковой къ М. Ѳ. Раевскому	25—30

Снимки съ писемъ Ивана Сергѣевича, Константина Сергѣевича, Вѣры Сергѣевны и Ольги Семеновны Аксаковыхъ—внѣ текста.

Михаилъ Федоровичъ. 11 мая праздникъ Кирилла и Меѳодія. Вы знаете, что въ этомъ году исключительно митрополитъ по указу Синода этотъ день празднуется во всей Россіи. Служба Славянскимъ первоучителямъ превосходная. Оказывается день торжественно отправленія въ Успенскомъ Соборѣ. Посѣщали приѣзжіе съ Славянами къ немъ именно къ этому дню. Только прямо съ дороги въ Соборъ. Каково было впечатлѣніе на Славянъ, когда пѣвчіе грянули „Святые Кирилле и Меѳодіе“! Я писалъ Ламанскому, чтобъ не задерживали своихъ въ Петербургѣ. Зоветъ Москва, а не Петербургъ.

Вашъ И. С. Акс.

12 мая.

Снимокъ съ письма Ивана Сергѣевича Аксакова (№ 55 стр. 92 настоящ. изданія).

И так, почтеннейший Михаил
Федорович, я надеюсь, что Вы будете
так добры и известите нас немедлен-
но, какова погода в Ницце, какова
была досель и какова теперь. —

Ваш искренно уважающий
и преданный

Константин
Аксаков

27 Сентября

Nice

Поклонитесь от меня Вашему уважае-
мому Отцу и сообщите мне его почтовый
адрес на всякой случай. (*) Поклонитесь
также нашему посланнику и кн. Гагарину,
(*) также и всем нашим добрым знакомым
Это писано под мою диктовку на всякой случай

удивительно или публично — теперь!
въ съ каѳедры Константиновъ про-
фессоръ (въ четвергъ) сказалъ рѣчь о заслугахъ
и значеніи Константина Сер[геевича] въ
Литтературѣ и полтора часа
было слушателей и всё рукоплескало
а сколько злыхъ было нападокъ!
Боже мой! не умели надо уже
время, что бы отдали справедли-
вость человѣку, а при жизни
ни было не было утѣшенія ни
какихъ проявленіи сочув-
ствія о томъ — привели
вашу рѣчь Любимова
о Константинѣ — Всѣ студ[енты]
теперь заговорили.
Ваше послѣднее письмо очень
меня встревожило, вы пишите
что Анна Ѳедоровна нездо-
рова. Съ нетерпѣніемъ буду
ожидать вашихъ и увѣдомленія
въ переѣздахъ не могу вамъ
въ Лизѣ моему сердцу
... Ѳедоровнѣ вашей
...
Душевно преданная вамъ О. Аксакова

Снимокъ съ конца письма Ольги Семеновны Аксаковой къ М. О. Раевскому (напечатано въ «Приложеніи» къ настоящему изданію, стр. 27).

Какъ скоро устроимся перешлю
вамъ свои. Братъ Иванъ теперь
очень занятъ устройствомъ
домашней квартиры, самъ же
только временно за нашими
занятіями. Нашъ адресъ. На Малой
Никитской домъ Гусева бывшій
Корфъ. — Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ
отъ васъ извѣстій. Не приходили
ли къ вамъ ваши Неаполитанскія
гости, получили ли вы отъ нихъ
извѣстія по крайней мѣрѣ. Дай
Богъ вамъ всѣмъ всякихъ
радостей. Наше счастье
домашнее теперь [illegible]
Намъ же пожелайте безропотно
переносить наши горести и не забы-
вайте насъ въ вашихъ молитвахъ
Всѣмъ сердцемъ преданная
вамъ Вѣра Ак.

Добрѣйшему Кнеру Богдановичу наши искреннѣйшіе поклоны. Мы не забы-
[illegible] Константину

Снимокъ съ отрывка письма Вѣры Сергѣевны Аксаковой къ М. Ѳ. Раевскому.